

767

16888
№ 1

Алепопис
росударства
Российского
том I

10 SEP 2003

2

03 ОКТ 2007

03 АПР 2007

[Handwritten signature]

Музей Восточного
Искусства - Восточный
Музей

27/11 1918.
9/11

3. 802
25 ИЮЛ 1986

[Handwritten signature]

И С Т О Р І Я
Г О С У Д А Р С Т В А
Р О С С І Й С К А Г О .

Т О М Ъ I .

21 501110 107
29 MAR 1978 / 10-84
8 1500 563

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

Изданіе въ книгопродавца Смирдина.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

1830.

167
16888
101

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКАГО

ПЕЧАТАНО

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ
САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ.

925 1/67

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
Гос. Библ. Музей
Библиотека

С. П.
2010

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Съ благоговѣніемъ представляю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ плодъ усердныхъ, двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ. Не хваляся ревностію и постоянствомъ: ободренный ВАМИ, могли я не имѣть ихъ?

Въ 1811 году, въ счастливѣйшія, незабвенныя минушы жизни моея, читалъ ВАМЪ, Государь, нѣкоторыя главы сей Исторіи — объ ужасахъ Батыева нашествія, о подвигъ Героя, Димитрія Донскаго — въ то время, когда густая туча бѣдствій висѣла надъ Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали съ восхищеніемъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно-минувшее съ

наспоящимъ, и не завидовали славнымъ
опасносшамъ Димитрія, ибо предвидѣли
для Себя еще славнѣйшія. Великодушное
предчувствіе исполнилось: пуча грянула
надъ Россією — но мы спасены, просла-
влены; врагъ испребленъ, Европа сво-
бодна, и глава АЛЕКСАНДРОВА сіяетъ
въ лучезарномъ вѣнцѣ безсмертія. Госу-
дарь! если счастье ВАШЕГО добродѣ-
тельнаго сердца равно ВАШЕЙ славы,
то ВЫ счастливые всѣхъ земнородныхъ.

Новая эпоха наступила. Будущее из-
вѣстно единому Богу; но мы, судя по вѣ-
роятносшамъ разума, ожидаемъ мира пвер-
даго, споль вождельнаго для народовъ
и Вѣнецосцевъ, кошорые хошящъ вла-

спвовалъ для пользы людей, для успѣховъ
нравспвенности, добродѣтели, Наукъ,
Искусствъ гражданскихъ, благосостоянія
государспвеннаго и частнаго. Побѣдою
усправивъ прецшствія въ семь испинно
Царскомъ дѣлѣ, даровавъ златую пиши-
ну намъ и Европѣ, чего ВЫ, Государь,
не совершили въ крѣпости мужеспва,
въ печеніе жизни долговременной, объ-
щаемой ВАМЪ и закономъ Природы и
теплою молишвою подданныхъ!

Бодрспвуйше, Монархъ возлюбленный!
Сердцевѣдецъ чшпаетъ мысли, Исторія
предаетъ дѣянія великодушныхъ Царей,
и въ самое опдаленное потомство все-
мешъ любовь къ ихъ священной памяти.

Примите милосиво книгу, служащую
 по моему доказательству. Исторія народа
 принадлежитъ Царю.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!
 ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
 ВЕЛИЧЕСТВА

Декабря 8,
 1815.

вѣроподанный
 Николай Карамзинъ.

Исторія въ инокшоромъ смыслѣ есть священ-
 ная книга народовъ: главная, необходимая; зеркало
 ихъ бышя и дѣшельности; скрижалъ ошкровеній
 и правилъ; завѣщъ предковъ къ пошомству; допол-
 неніе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правишели, Законодатели дѣйшвуютъ по ука-
 заніямъ Исторіи, и смотряишь на ея листы какъ
 мореплаватели на чершежи морей. Мудрость че-
 ловѣческая имѣеть нужду въ опытахъ, а жизни
 крашквременна. Должно знашь, какъ искони мя-
 шежныя сшрашты волновали гражданское обще-
 ство, и какими способами благошворная власть
 ума обуздывала ихъ бурное сшремленіе, чшобы
 учредишь порядокъ, согласишь выгоды людей и да-
 ровашъ имъ возможное на землѣ счастье.

Но и простой гражданинъ долженъ чшпашъ
 Исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ
 видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ
 явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; ушѣшаетъ въ государ-
 ственныхъ бѣдшвіяхъ, свидѣшельствуя, чшо и
 прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣшнія,
 и Государство не разрушалось; она пишаетъ прав-
 ственное чувштво, и праведнымъ судомъ своимъ
 располагаетъ душу къ справедливости, которая
 ушверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вошь польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство средно человеку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любящъ Исторію: старецъ указываетъ юности на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней Героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены Вѣрѣ и Дѣписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностію внималъ сказанія Лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влечетъ къ жизни въ сердце и слово въ уста, изъ шлѣни вновь создал Царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего общественнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимающъ умъ или питающъ чувствительность.

Если всякая Исторія, даже и нескусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Платонъ: шѣмъ болѣе ошечественная. Истинный Космопо-

линь есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалишь, ни осуждаешь его. Мы все граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго шѣсно связана съ ошечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне пльзняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человеческого, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славі и бѣдствіямъ; но имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще слытитъ бѣтсея за Пожарскаго, нежелитъ за Семистокла или Сципіона. Всемирная Исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а Россійская украшаетъ ошечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь првлкательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни мнувшихъ шолѣшій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной Державы: мысль цѣпенетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя ошѣ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земл, раздѣленныя вѣчны-

ми преградами Естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, холодными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли сослѣпить одну Державу съ Москвою? Менѣ ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разнообразныхъ, и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ Россія имѣетъ своихъ Дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, кошорый смѣлостію и мужествомъ спискалъ господство надъ девяшою частію міра, открылъ страны, никому дошолъ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему Географіи, Исторіи и просвѣтилъ Божественною Вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, упошребленныхъ другими ревнишеслами Хрисціанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Фукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру спрасней: ибо Греція и Римъ были народными Державами и просвѣщеніе Россіи; однакожь смѣло можемъ сказать, что нѣшорые случаи, каршныи, характеры нашей Исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы сушь подвиги Свяшослава, гроза Башыева, возстаніе

Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, шоржество народныхъ добродѣтелей во время Междоцаршвія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный вишязь, слѣпецъ Василько; другъ ошечества, благолюбивый Мономахъ; Мшиславы *Храбрыи*, ужасныя въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверскій, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; Герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуюшъ на воображеніе и сердце. Одно государшвованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для Исторіи: по крайшей мѣрѣ не знаю Монарха достойнѣйшаго жить и сіять въ ея свѣтлицѣ. Лучи его славы падаюшъ на колыбель Петра — и между ними двумя Самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ достойный своего счастья и несчастія, спранный лже-Димитрій, и за сонмомъ доблественныхъ Пашрионовъ, Бояръ и гражданъ, наставникъ шрона, Первосвѣщенель Филаретъ съ Державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во шмѣ нашихъ государшвенныхъ бѣдствій, и Царь Алексій, мудрый ошецъ Императора, кошого назвала Великимъ Европа. Или вся Новая Исторія должна безмолвствовать, или Россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего Удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ

не богашь ни мыслями для Прагматика, ни красшами для живописца: но Исторія не романъ, и мѣръ не садъ, гдѣ все должно бытъ прѣпно: она изображаетъ дѣйствительный мѣръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины; но сколько песковъ бесплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожъ путешествованіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчающіяся виды прелестныя.

Не будемъ суевѣры въ нашемъ высокомъ понятіи о Дѣяніяхъ Древности. Если исключимъ изъ безсмертнаго шворенія Оукцидова вымышленныя рѣчи, что останется? голый рассказъ о мѣждоусобіи Греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжущая за честь Аѣнъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегава Дому. Не много разности, если забудемъ, что сіи полу-шутки изъяснялись языкомъ Гомера, или Сократовы Трагедіи и спашунъ Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли предшавляетъ намъ великое, разительное? Съ умленіемъ смопримъ на Агриппину, несущую пепель Германика; съ жалостію на разсѣянныхъ въ лѣсу кости и доспѣхи Легіона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ несповыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзѣніемъ на чудовище шпанскава, пожирающее оспашки Республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ мѣра: но скучныя

шлябы городовъ о правѣ имѣть жреца въ шомѣ или другомъ храмѣ и сухой Некрологъ Римскихъ чиновниковъ занимають много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Тишу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о ошибкахъ и разбояхъ, кошорые едва ли важнѣе Половецкихъ набѣговъ. — Однимъ словомъ, чтеніе всѣхъ Исторій шребуешь нѣкошораго шерпѣнія, болѣе или менѣ награждаемаго удовольствіемъ.

Историкъ Россіи могъ бы конечно, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ Государства, предшавить важныя, достопамятнѣйшія чершы древности въ искусной картинѣ и начашъ обстоятельное повѣствованіе съ Іоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ швореній въ мѣрѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, прѣпныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, шрудныхъ для Авшора, упоминательныхъ для Чашашеля. Но сіи *обозрѣнія*, сіи *картины* не замѣняютъ лѣшописсей, и кто читалъ единшвенно Робертсоново Введеніе въ Ишорію Карла V, шомъ еще не имѣеть основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человекъ, окшнувъ глазами памятники вѣковъ; скажетъ намъ свои прѣмѣчанія: мы должны сами видѣть дѣйствія и дѣйствующихъ: тогда знаемъ Ишорію. Хвасшли

вось Авторскаго краснорѣчія и пѣга Чпшашелсй осудяшь ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали, и своими бѣдствіями изгословили наше величіе: а мы не захошимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней Исторіи; но добрые Россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданина образованному?.. Такъ я мыслялъ, и писалъ объ *Игоряхъ*, о *Всеволодахъ*, какъ *современники*, смотря на нихъ въ шуклое зеркало древней Лѣтописи съ неупомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ; и если, вмѣсто *живыхъ, цѣлыхъ* образовъ, представлялъ единственно *тѣни, въ отрывкахъ*: шо не моя вина: я не могъ дополнять Лѣтописи!

Есть *три* рода Исторіи: *первая* современная, на примѣръ Фукиддова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; *вторая*, какъ Тацита, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; *третья* извлекается только изъ памяниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка (*). Въ *первой*

(*) Только съ *Петра Великаго* начинаются для насъ словесныя преданія: мы слыжали ошъ своихъ опцевъ и дѣдовъ ошъ немъ, о *Екатеринѣ I*, *Петрѣ II*, *Аннѣ*, *Елисаветѣ*, многое, чего нѣтъ въ книгахъ.

и *второй* блискаетъ умъ, воображеніе Дѣписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтшишь, украшаетъ, иногда *творитъ*, не боясь обличенія; скажетъ: *я такъ видѣлъ, такъ слышалъ* — и безмолвная Кришка не мѣшаетъ Чпшашелю наслаждаться прекрасными описаніями. *Третій* родъ есть самый ограниченный для шалаиша: не лзя прибавишь ни одной чершы къ извѣстному; не лзя вопрошаль мершвыхъ; говоримъ, что предали намъ современники; молчимъ, если они умолчали — или справедлвая Кришка заградитъ уста легкомысленному Исторіку, обязанному представлять единственно шо, что сохранилось ошъ вѣковъ въ Лѣтописяхъ, въ Архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять *рѣчи* согласно съ характеромъ людей, съ обшояшельствами: право неоцѣненное для истинныхъ дарований, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги слою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій. Но мы, вопреки мнѣнію Аббаша Мабли, не можемъ нынѣ вишійствовашъ въ Исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствахъ и цѣли ея; здравый вкусъ установилъ неизмѣнныя правила и навсегда ошлучилъ Дѣписаніе ошъ Поэмы, ошъ цвѣтшиковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому бышь вѣрнымъ зеркаломъ минувшаго, вѣрнымъ опзывомъ словъ дѣйствительншо сказанныхъ Героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ Исторію, посвященную не славі Писателя, не удоволь-

ствію Чипашелей и даже не мудрости правоучительной, но только истины, кошорая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ Естественная, такъ и Гражданская Исторія не шерпшъ вымысловъ, изображал, что есть или было, а не что бытъ *могло*. Но Исторія, говорящъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человеческомъ, бываешь примѣсъ лжи; однакожь характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составишь себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскашельнѣе и спроще Кришника; шѣмъ непозволишельнѣе Историку, для выгодъ его дарованія, обманывашъ добросовѣстныхъ Чипашелей, мыслишь и говоришь за Героевъ, кошорые уже давно безмолвствующъ въ могилѣхъ. Чшожъ осмѣаешь ему, приковапному, такъ сказашь, къ сухимъ харшіямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ шворишь изъ даннаго вещества: не произведешъ золота изъ мѣди, но должень очистишь и мѣдъ; должень знашь всего цѣну и свойство; открывашъ великое, гдѣ оно шанся, и малому не давашь правъ великаго. Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы Искусство уже не могло въ немъ ознаменовашъ себя пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ Древніе служатъ намъ образцами. Ничто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ: вошь главное! Знаніе всѣхъ

Правъ на свѣтѣ, ученость Нѣмецкая, оспроуміе Вольшерова, ни самое глубокомысліе Макиавелево въ Историку не замѣняющъ таланта изображающъ дѣйствія. Англичане славящъ Юмомъ, Нѣмцы Юанномъ Мюллеромъ и справедливо (*): оба суть достойные совѣщипки Древнихъ, — не подражали: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даешъ особенныя краски искусному Бытописателю. „Не подражай Тациту, но пиши, какъ писалъ бы онъ „на швоемъ мѣстѣ!“ есть правило Генія. Хошѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ рассказъ нравственныя *апофегмы*, уподобишь Тациту? не знаю; но сіе желаніе блисташъ умомъ, или казашъся глубокомысленнымъ, едва ли не противно истинному вкусу. Историку разсуждаешъ только въ объясненіе дѣлъ, шамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняющъ описаніе. Замѣшимъ, что сіи апофегмы бывающъ для основательныхъ умовъ или полу-истиннами, или весьма обыкновенными истинами, кошорыя не имѣютъ большой цѣны въ Исторіи, гдѣ ищешъ дѣйствій и характеровъ. Искусное повѣствованіе есть *долгъ* Бытописателя, а хорошая отдѣльная мысль *даръ*: Чипашель шребуешъ пер-

---

(*) Говорю единственно о тѣхъ, кошорые писали цѣлую Историю народовъ. Феррерасъ, Даниель, Масковъ, Даливъ, Маллепъ не равняюся съ сими двумя Историками; но усердно хвалъ Мюллера (Историка Швейцарца), знапоки не хвалящъ его Вступленія, кошорое можно назвашь Геологическою Поэмю.

ваго, и благодарить за второе, когда уже требование его исполнено. Не шакъ ли думалъ и благо-разумный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изъясненіи причинъ, но до скупости умѣренный въ размышленіяхъ? Историкъ, коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ Новыхъ, если бы онъ не излишно *гуждался* Англіи, не излишно хвалился безпристрастіемъ, и шѣмъ не охладилъ своего изящнаго шворенія! Въ Фукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго Грека, въ Ливіи всегда Римлянина, и плѣняемся ими, и вѣримъ имъ. Чувство: *мы, наше*, оживляетъ повѣствованіе — и какъ грубое при-спрастіе, слѣдствіе ума слабого или души слабой, несносно въ Историкѣ: шакъ любовь къ опечен-ству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Обращаюсь къ шуду моему. Не дозволяя себѣ никакого изобрѣшенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памяшникахъ; искалъ духа и жизни въ шлѣющихъ харшіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ системе, ясную шройнымъ сблженіемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входило въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленость; не боялся съ важностію говорить о шомъ, что уважалось предками; хощѣлъ, не измѣняя своему вѣку, безъ гордости и насмѣшекъ описывать вѣки душевнаго младенчества,

легковѣрія, баснословія; хощѣлъ представить и характеръ времени и характеръ Лыпописцевъ: ибо одно казалось мнѣ пужнымъ для другаго. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, шѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми; шѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о шакомъ-шо Князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою прав-ственною физиогноміею. Прилжно *истощая* мате-ріалы древнѣйшей Россійской Исторіи, я ободралъ себя мыслию, что въ повѣствованіи о временахъ опдаленныхъ ешь какал-шо неизъяснимая прелесть для нашего воображенія: шамъ источники Поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи великаго пространства, не шренился ли обыкновенно — мимо всего близкаго, яснаго — къ концу горизонша, гдѣ густѣютъ, меркнутъ шѣни и начинаешь непроницаемость?

Чиншашель замѣшивъ, что описываю дѣянія *не врознь*, по годамъ и днямъ, но *совокупаю* ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти. Историкъ не Лыпописецъ: послѣдній шопришлъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній: можешь ошибиться въ распредѣленіи мѣстъ, но долженъ всему указать свое мѣсто.

Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ ушрашаетъ меня самого. Счастливы Древ-ніе: они не вѣдали сего мелочнаго шуда, въ коемъ теряется половина времени, скучаешь умъ, вл-

нѣтъ воображеніе: шягоспная жершва, припоси-
 шая *достовѣрности*, однакожь необходимая! Если
 бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы,
 очищены Крипкою: шо мнѣ оспавалось бы един-
 ственно ссылашся; но когда большая часть ихъ
 въ рукописяхъ, въ шемношѣ; когда едва ли что
 обработано, изьяснено, соглашено — надобно во-
 оружишся перпльнѣмъ. Въ волѣ Чипашеля зага-
 дывашъ въ сію песпирюю смѣсь, кошорая служишъ
 иногда свидѣтельствомъ, иногда объясненіемъ или
 дополненіемъ. Для охощниковъ все бываешъ любо-
 пышно: старое имя, слово; малѣйшая черта дре-
 носши даешъ поводъ къ соображеніямъ. Съ XV вѣ-
 ка уже менѣе выписываю: пспощники размножающъ
 и дѣлающъ яснѣе.

Мужъ ученый и славный, Шлецеръ, сказалъ, что
 наша Исторія имѣешъ пять главныхъ періодовъ;
 что Россія ошъ 862 года до Свяшополка должна
 бышъ названа *раждающеюся* (Nascens), ошъ Яро-
 слава до Моголовъ *раздѣленною* (Divisa), ошъ Ба-
 шья до Иоанна III *угнетенною* (Oppressa), ошъ Ио-
 анна до Петра Великаго *побѣдоносною* (Victrix),
 ошъ Петра до Екашерини II *процвѣтающею*. Сія
 мысль кажешся мнѣ болѣе оспроумною, нежели
 основашельною. 1) Вѣкъ Св. Владимира былъ уже
 вѣкомъ могущества и славы, а не *рожденія*. 2)
 Государство дѣлилось и прежде 1015 года. 3) Если
 по внутреннему сосшоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ
 Россіи надобно означашъ періоды, шо можно ли

сѣшашъ въ одинъ время Великаго Князя Дими-
 трія Александровича и Донскаго, безмолвное раб-
 сшво съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ Самозванцевъ
 ознаменовашъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою.
 Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе Исторія на-
 ша дѣлится на *Древнѣйшую* ошъ Рюрика до Иоан-
 на III, на *Среднюю* ошъ Иоанна до Петра, и *Но-
 вую* ошъ Петра до АЛЕКСАНДРА. Система Удѣ-
 ловъ была характеромъ *первой* эпохи, Единовла-
 стіе *второй*, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ
третьей. Впрочемъ ишъ пуды спавишъ грани-
 шамъ, гдѣ мѣспа служишъ живымъ урочищемъ. Съ
 охотою и ревностію посвятивъ двѣнадцать лѣтъ,
 и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ
 осьми или девяти Томовъ, могу по слабости же-
 лашъ хвалы и бояшся охуденія; но смѣю ска-
 зашъ, что это для меня не главное. Одно славо-
 любіе не могло бы данъ мнѣ швердосши постоян-
 ной, долговременной, необходимой въ шакомъ дѣлѣ,
 если бы не находилъ я истиннаго удовольствія
 въ самомъ шрудѣ и не имѣлъ надежды бышъ по-
 лезнымъ, шо ешъ, сдѣлашъ Россійскую Исторію
 извѣстнѣе для многихъ, даже и для спрогихъ моихъ
 судей.

Благодаря всѣмъ, и живымъ и мершвымъ, коихъ
 умъ, знанія, шаланшы, искусство, служили мнѣ
 руководствомъ, поручаю себя синсходительности
 добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного же-
 лаемъ: любимъ ошечество; желаемъ ему благоден-

ствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнился никогда швердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣшетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ пѣшь ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

Декабря 7, 1815.

Предпринимая новое изданіе Исторіи Государства Россійскаго, мы имѣли главною цѣлію сдѣлать сіе безсмертное произведеніе доступнымъ для всѣхъ классовъ Чиноплателей, и самыхъ небогатыхъ, особенно же для обучающагося юношества, которое въ семь сочиненій Карамзина ищепъ наставленій въ отечественной Исторіи и въ отечественномъ языкѣ. Цѣна оному назначается весьма умѣренная: почти въ четверо дешевле противъ прежнихъ изданій. Чтобы доставить сію выгоду Публикѣ и согласить ее съ пользами и правами наслѣдниковъ Автора, надлежало по возможности уменьшить и издержки печатанія: мы старались достигнуть сего чрезъ перемѣну формата, шрифта, качества бумажки, всего же болѣе чрезъ сокращеніе Примѣчаній. Въ двухъ первыхъ изданіяхъ они наполняютъ около половины каждаго Тома, и безъ сомнѣнія всѣ любопытны, можетъ быть и необходимы для подробнаго, критическаго изученія нашей Исторіи. Но есть Чиноплатели—и сей классъ едва ли не самый многочисленный—которые, посвятивъ себя занятіямъ инаго рода, не могутъ слѣдовать за Авторомъ въ его ученыхъ изысканіяхъ, а желаютъ лишь пользоваться плодами его откры-

пій и наблюдений. Мы ихъ имѣли въ виду при выборѣ Примѣчаній къ Исторіи Государства Россійскаго въ семь новомъ изданіи, и оставили только важнѣйшія, шѣ въ коихъ находили достойныя особеннаго вниманія Географическія и Хронологическія свѣдѣнія, или характеристическія подробности происшествій не описанныя въ текстѣ, или наконецъ опрыжки древнихъ рукописей, могущіе служить образцами Русскаго слога разныхъ вѣковъ. Мы оставили также и указанія и ссылки Автора на матеріалы его Исторіи, утверждающія достоверность ея; но исключили многія пространныя выписки изъ лѣтописей, путешествій бывшихъ въ Россіи иностранцевъ и другихъ, болѣе или менѣе, но вообще извѣстныхъ и не рѣдкихъ книгъ, равнымъ образомъ и критическія изслѣдованія и разсужденія, въ томъ числѣ сличеніе Ташицева и новѣйшихъ Лѣтописцевъ съ древнѣйшими, разсмотрѣніе, опроверженіе его ложныхъ мнѣній и догадокъ, и большую часть такъ называемыхъ Историческихъ Сказокъ. Считаемъ долгомъ прибавить, что въ семь трудѣ нашемъ мы, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, руководствовались примѣромъ Французскаго перевода Исторіи Государства Россійскаго, коего первые Тома были разсматриваемы самимъ Авторомъ.

РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ДО XVII ВѢКА.

Сии источники суть:

1) *Лѣтописи*. Несторъ, инокъ Монастыря Кіевопечерскаго, прозванный *отцемъ* Россійской Исторіи, жилъ въ XI вѣкѣ (*): одаренный умомъ любопытнымъ, слушалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки; видѣлъ памятники, могилы Князей; бесѣдовалъ съ Вельможами, спарцами Кіевскими, путешественниками, жителями иныхъ областей Россійскихъ; читалъ Византійскія Хроники, за-

---

(*) См. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 187. Въ разныхъ спискахъ Нестора (*Пушкинскомъ*, *Кенигсбергскомъ*) находятся слова: „къ нему жъ (Ееодосію) и азъ придохъ худый, и пріялъ мя, лѣшь ми сушу *селитцати* отъ рожденья моего.“ Игумень Ееодосій скончался въ 1074 году: и такъ Лѣтописецъ нашъ родился около 1050 года. — Въ заглавіи *Хлѣбниковскаго* списка (см. ниже) поставлено имя Нестора: въ другихъ Авторъ назвалъ просто Черпорицемъ Ееодосіева монастыря Печерскаго. Житіе Нестора въ печашномъ Патерикѣ есть новѣйшее сочиненіе: его пѣнь въ древнемъ рукописномъ (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 187).

нски церковныя (*), и сдѣлался *первымъ* Лѣтописцемъ нашего опечеснпа (**). *Вторый*, именемъ Василій, жилъ также въ концѣ XI столѣтія: употребленный Владимірскимъ Княземъ Давидомъ въ переговорахъ съ

несчастнымъ Василькомъ, описалъ намъ великодушіе послѣдняго и другія современныя дѣянія юго-западной

(*) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 168 и примѣч. 64. Вѣроятно, что по запискамъ церковнымъ Неспоръ означалъ дни преславленія нѣкопрыхъ древнихъ Князей.

(**) Мы должны упомянуть о *лимохъ древнѣйшемъ* Лѣтописцѣ Іоакимѣ, первомъ Новгородскомъ Епископѣ, прѣхавшемъ въ Россію съ Царсною Анною, супругою Св. Владиміра. Тапищевъ рассказываетъ слѣдующее:

„Архимандритъ Мельхиседекъ доставилъ ему, какъ любителю древностей, три пещради полученныя имъ отъ Монаха Веніамина и выписанныя изъ старой книги, съ которою Веніаминъ самъ ѣхалъ къ Тапищеву, но умеръ дорогою. Въ пещрадахъ написано, что Неспоръ худо зналъ происшествія Новгородскія, гораздо лучше извѣстныя Іоакиму; что Славенъ, внукъ Іафсоовъ, по сказанію сего Епископа, основалъ городъ Славянскъ въ Россіи; что послѣ господствовалъ тамъ Князь Вапдавъ, коего родственниками были Князья Гардорикъ и Гуингаръ, завоевали многіхъ странъ; что сыновья Вапдаловы назывались Изборъ, Столпосвятъ и Владиміръ, женатый на Адвиндѣ; что отъ Владиміра произошелъ Буривой, отецъ Гостомысла, который изгналъ Варяговъ изъ Россіи и построилъ Выборгъ; что Рюрикъ ему внукъ, Ольга Прекраса также родственница; что Святославъ мучилъ Христіанъ; что Св. Владиміръ крестился не въ Херсонѣ, а въ Болгаріи; что его сыновья, Борисъ и Глебъ, родились отъ Царевны Анны, не *Греческой* (изъясняетъ Тапищевъ), а *Болгарской*“ и проч. См. его *Рос. Исторіи* Т. I, стр. 29—51.

Сю *шутку* многіе приняли за пещиру и начали съ важ-

ностію говорить о *Лѣтописцѣ* Іоакимѣ. Но слова Тапищева: *Веніаминъ Монахъ токло для закрытія вымысленъ* (стр. 42), доказываютъ, что здѣсь дѣло идетъ о *вымыслахъ*. Басня о Князѣ *Словенѣ*, *Изборѣ*, и проч. давно извѣстна (см. нашей *Исторіи* Т. I примѣч. 69 и 83). Другія мнимыя Іоакимовы сказанія явно принадлежатъ къ той же Камегоріи. Слогъ ихъ есть новый. Іоакимъ въ X вѣкѣ могъ ли написать: *Святославъ имѣлъ три сына, или же тако области раздѣли—Ярополкъ, извѣстляся о селѣ, печаленъ бысть—побѣдиша не силою, ни храбростію, но предательствомъ*—мы же (Іоакимъ въ Новгородѣ) *ходихомъ по торжищемъ и улицамъ, и угажомъ; но гиблюцимъ въ нечестіи слово Крестное являя безуміемъ и обманомъ*, и проч. Всего рѣшительнѣе слѣдующее замѣчаніе: доказано ли, что Анна, супруга Владимірова, была Греческая Царевна, родная сестра Императоровъ Василія и Константина? Безъ сомнѣнія: не только Неспоръ, не только современные Нѣмецкіе, Арабскіе, но и Византійскіе Лѣтописцы единогласно по утверждаютъ. Какъ же Іоакимъ, прѣхавшій съ Анною въ Россію, могъ считать ее Княжною Болгарскою? Видимъ причину сего вымысла: не знавъ, что Кедринъ и Зонара именуютъ Владиміра зятемъ своихъ Императоровъ; не знавъ ни Дипмара, ни Эль-Макиа, Тапищевъ сомнѣвался въ истинѣ Неспорова повѣствованія и хотѣлъ исправить мнимую его ошибку, говоря: *сіе ко изъясненію древности и Несторова телнаго сказанія много служитъ, доколь полнѣйшая тѣхъ временъ Исторія сыскаться можетъ* (см. Тапищ. *Рос. Исторіи* Т. I, стр. 51). Повпоряю, что отъ не мыслить обманывать: это зашѣйливая, хопя и неудачная догадка.

Россіи (*). Всѣ иныя Лѣтописцы остались для насъ *безыменными*; можно только угадывать, гдѣ и когда они жили: напримѣръ, одинъ въ Новгородѣ, Іерей посвященный Епископомъ Нифонномъ въ 1144 году; другой въ Владиміръ на Клязьмѣ при Всеволодѣ Великомъ; третій въ Кіевѣ, современникъ Рюрика II; четвертый въ Волынѣ около 1290 года; пятый тогда же во Псковѣ (**). Къ сожалѣнію, они не сказывали всего, что бываетъ любопытно для потомства, но, къ счастью, не вымышляли, и достовернѣйшіе изъ Лѣтописцевъ иноземныхъ согласны съ ними. — Сія почти непрерывная цѣпь Хроникъ идетъ до государствованія Алексія Михайловича (**). Нѣкоторыя донинѣ

(*) См. Т. II, примѣч. 166.

(**) Подробный *Псковскій Лѣтописецъ*, донинѣ незапамятый, начинается около 1503 года; а древнѣйшія въ немъ извѣстія взяты изъ Нестора и Новгородской лѣтописи. У меня были четыре списка сей важной Хроникѣ: одинъ Архивскій Н. Н. Башлыца-Каменскаго, другой Архивскій А. О. Малиновскаго, третій Синодальный, четвертый Графа О. А. Толскаго. Первый изъ библіотеки Стольника Василія Никифоровича Собакина, коего отецъ въ 1648 году былъ Воеводою Псковскимъ; писанъ Дьячкомъ Андреемъ Козюю, и доходитъ до 1650 года. Другіе при гораздо старѣе сего времени, и заключающъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя извѣстія.

(***) Два перерыва замѣтили мы: въ княженіе Василія Димитріевича и въ царствованіе Іоанна IV Грознаго: чему, какъ надобно думать, виною была смерть двухъ Московскихъ современныхъ Лѣтописцевъ.

еще не изданы или напечатаны весьма несправно (*). Я искалъ древнѣйшихъ списковъ: самые лучшіе Нестора и продолжателей его суть харашейные, *Пушкинскій* и *Троицкій*, XIV и XV вѣка (**). Достойны также замѣчанія *Ипатьевскій*, *Хлѣбниковскій*, *Кенигсбергскій*, *Ростовскій*, *Воскресенскій*, *Львовскій*, *Архивскій* (**).

(*) Напримѣръ, Несторъ по Кенигсбергскому списку. Исправленіе всѣхъ напечатана Новгородская Лѣтопись въ Москвѣ съ харашейнаго Синодального списка, а въ Пестербургѣ съ бумажнаго стараго въ *Продолженіи Древней Рос. Вислѣоки*. Второй списокъ идетъ далѣе; въ немъ писанъ себѣ *Полъ Иванъ*, безъ сомнѣнія не Авдуръ, а перепищикъ: ибо тутъ же въ харашейномъ Синодальномъ и пѣмнѣ же словами говоритъ о себѣ *Пономаръ Тимосей*. — *Особенныя* сказанія сей лѣтописи начинаются со времени Ярослава Великаго; предъидущее взято изъ Нестора. — Новгородскія извѣстія простираются въ крайнюю лѣтописи, отданной въ Архивъ Иностр. Коллегіи А. О. Малиновскимъ, до самаго 1570 года.

(**) Первый поднесенъ ИМПЕРАТОРУ Графомъ А. И. Мушкетеромъ-Пушкинымъ; второй найденъ мною въ библіотекѣ Троицкой Лавры, отданъ послѣ *Обществу Исторіи и Древностей*, и сгорѣлъ въ пожарѣ Французовъ.

(***) Въ 1809 году, осматривая древнія рукописи покойнаго Петра Кирилловича Хлѣбникова, нашелъ я два сокровища въ одной книгѣ: *Лѣтопись Кіевскую*, извѣстную единственно Татищеву, и *Волынскую*, прежде никому неизвѣстную. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ досталъ я и другой списокъ ихъ: принадлежавъ некогда Ипатьевскому монастырю, онъ скрывался въ библіотекѣ С. Пестербургской Академіи Наукъ между *Деяками*. Хлѣбниковскій списокъ долженъ быть XV или XVI, Ипатьев-

Въ каждомъ изъ нихъ есть нѣчто особенное и дѣйствительно историческое, внесенное, какъ надобно думать, современниками, или по ихъ запискамъ. *Никоновскій* болѣе всѣхъ искаженъ вставками безсмысленныхъ переписчиковъ, но въ XIV вѣкѣ сообщаетъ вѣроятныя дополнителныя извѣстія о Тверскомъ Княженіи; далѣе уже сходствуетъ съ другими, уступающая имъ однакожь въ исправности, — *напримѣръ, Архивскому.*

скій XIV вѣка; оба начинаются Неспоромъ. — Списокъ *Кенигсбергскій*, завоеванный Россіянами въ 1760 году, не старше XVI вѣка. — *Ростовскій*, зарученный Св. Димитріемъ, содержитъ въ себѣ любопытныя прибавленія, писаныя въ XVII вѣкѣ, идущія до времени Петра Великаго, и хранятся въ Архивѣ Иностран. Коллегіи. — Такъ называемый *Воскресенскій* (напечатанный) есть Софійскій Новгородскій списокъ Неспора и Продолжателей его; въ немъ не мало важныхъ древнихъ прибавленій: о Старейшихъ Господомъ, о Варягахъ Кіевскихъ, о характерѣ первыхъ Князей. — *Львовскій*, изданный въ С. Петербургѣ 1792 г. въ V Томѣхъ подъ именемъ *Летописца Русскаго*, замѣчательнъ нѣкоторыми особенными извѣстіями о государствованіи Иоанна III. — *Архивскій* (въ библіотекѣ Архива Иностран. Коллегіи) называлъ я списокъ XVII вѣка, подобный *Никоновскому*, весьма исправный, отъ времени Василія Димитріевича до 1560 года. — Многие и нынѣ думаютъ, что Патриархъ Никонъ составлялъ *Никоновскую* летопись: она только принадлежала ему, отдавая имъ въ библіотеку Воскресенскаго монастыря и написана его рукою: вопль для чего назвали ее симъ именемъ. — Я говорю здѣсь о главныхъ, лучшихъ, по крайней мѣрѣ извѣстнѣйшихъ спискахъ: ихъ находилось, можетъ быть,

II) *Степенная Книга* (*), сочиненная въ царствованіе Иоанна Грознаго по мысли и наставленію Митрополита Макарія. Она есть выборъ изъ летописей съ нѣкоторыми прибавленіями, болѣе или менѣе достоверными, и названа симъ именемъ для того, что въ ней означены *степени* или поколѣнія Государей.

III) Такъ называемые *Хронографы*, или Всеобщая Исторія по Византійскимъ летописямъ, со внесеніемъ

около тысячи въ Россіи, сверхъ многихъ сокращеній, писанныхъ обыкновенно въ четверть листа. Екатерина Великая, спрасивъ любя нашу Исторію, первая указала печатать летописи. Издержали не мало денегъ, но не сдѣлали нужнѣйшаго: исправнаго ученаго *своди* летописей. Какая нужда печатать одно въ двадцати книгахъ? Не благоразуміе ли взяли за основаніе лучшей, древнѣйшей списокъ, и только означить важныя омыбны, прибавленія другихъ? Въ десяти большихъ томахъ мы помѣстили бы всѣ летописи отъ XI до XVII вѣка, со включеніемъ и Новгородской, Псковской, Кіевской, Волынской. Имѣемъ еще *Летописца Архангельскаго, Двинскаго, Нижегородскаго, Соловецкаго, Устюжскаго, Вятскаго*; послѣдніе два еще не изданы; каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ матеріалы для Историка.

(*) Тапищевъ сказалъ несправедливо, что Митрополиты Киприанъ и Макарій сочинили ее: Авторъ именно говорилъ (въ печатн. стр. 76, что Макарій велѣлъ ему описать житіе Св. Владиміра, и проч. Киприановыхъ сочиненій пять два: житіе Петра Митрополита и слово прощальное (см. стр. 558). — Многія *новѣйшія* сокращенія летописей также расположены по *степенямъ Государей* до самаго Царя Алексія.

и нашей, весьма краткой. Они любопытны съ XVII вѣка: шуть уже много подробныхъ *современныхъ* извѣстій, которыхъ нѣтъ въ лѣтописяхъ (*).

IV) *Житія Святыхъ*, въ Паперикъ, въ Прологахъ, въ Минеяхъ, въ особенныхъ рукописяхъ. Многія изъ сихъ Биографій сочинены въ новѣйшія времена; нѣкоторыя однакожь, напримѣръ Св. Владимира, Бориса и Гльба, Θεодосіа, находятся въ харашейныхъ Прологахъ; а Паперикъ сочиненъ въ XIII вѣкѣ (**).

V) *Особенныя дѣянія*: напримѣръ, сказаніе о Довмонѣ Псковскомъ, Александрѣ Невскомъ; современныя записки Курбскаго и Палыцына; извѣстія о Псковской осады въ 1581 году, о Митрополитѣ Филиппѣ, и проч.

VI) *Разряды*, или распределение Воеводъ и полковъ: начинаются со времени Иоанна III. Сія рукописныя книги не рѣдки.

VII) *Родословная Книга*: есть печатная; исправнѣйшая и полнѣйшая, писанная въ 1660 году, хранится въ Синодальной библіотекѣ.

VIII) *Письменные Каталоги Митрополитовъ и Епископовъ*. — Сія два источника не весьма достоверны; надобно ихъ свѣрять съ лѣтописями.

(*) Донынѣ еще не издаю ни одного Хронографа; они разныхъ сочинителей, и тѣмъ любопытнѣе.

(**) Симономъ и Поликарпомъ (см. сей Исторіи Т. III, примѣч. 137). Списки Прологовъ имѣемъ XIV и XIII вѣка. Минея писана въ XVI, а исправлена въ XVII. Митрополитъ Макарій собиралъ для нее житія Россійскихъ Святыхъ, сокращенныя послѣ Св. Димитріемъ Ростовскимъ. Макаріева Минея хранится въ Синодальной библіотекѣ.

IX) *Посланія Святителей* къ Князьямъ, Духовенству и мірянамъ; важнѣйшее изъ оныхъ есть Посланіе къ Шемякѣ; но и въ другихъ находятся много достопамятнаго (*).

X) *Древнія монеты, медали, надписи (**), сказки, пльси, пословицы*: источникъ скудный, однакожь не совсѣмъ безполезный.

XI) *Грамоты*. Древнѣйшая изъ подлинныхъ писана около 1125 года (**). Архивскія Новгородскія грамоты и *Душевные записи* Князей начинаются съ XIII вѣка; сей источникъ уже богатъ, но еще гораздо богатѣйшій есть

XII) Собраніе такъ называемыхъ *Статейныхъ Списковъ*, или Посольскихъ дѣлъ, и грамотъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи съ XV вѣка, когда и происшествія и способы для ихъ описанія даютъ Читателю право требовать уже болѣе удовлетворительности отъ Историка. — Къ сей нашей собственности при-
совокупляются

(*) Любопытны посланія древнихъ Митрополитовъ, Иоанна и Никифора, Епископа Нифонна, и многихъ Святителей XIII, XIV и XV вѣка, найденныя мною въ Папираршей или Синодальной библіотекѣ.

(**) Къ сожалѣнію, на древнихъ гробахъ нѣтъ надписей, или онѣ вырзаны уже въ новѣйшія времена; за то въ харашейныхъ Евангеліяхъ, Апостолахъ и другихъ церковныхъ книгахъ встрѣчаются подлины историческія; напримѣръ: „писано при шакомъ-то Князѣ, и въ плькихъ-то обсто-
тельстввахъ Государства.“

(***) См. сей Исторіи Т. II, примѣч. 225, и Т. IV, примѣч. 193.

XIII) *Иностранцыя современныя летописи*: Византійскія, Скандинавскія, Нѣмецкія, Венгерскія, Польскія, вмѣстѣ съ извѣстіями путешественниковъ.

XIV) *Государственныя бумаги иностранныхъ Архивовъ*: всего болѣе пользовался я выписками изъ Кеннигсбергскаго (*).

Вопъ матеріалы Исторіи и предметъ Исторической Криптики!

(*) См. сей Исторіи Т. III, примѣч. 94, и Т. IV, примѣч.

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ I.

ГЛАВА I.

О НАРОДАХЪ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХЪ ВЪ РОССИИ. О СЛАВЯНАХЪ
ВООБЩЕ.

Древнія свѣдѣнія Грековъ о Россіи. Путешествіе Аргонавтовъ. Тавры и Киммеріане. Гиперборей. Поселенцы Греческіе. Ольвія, Пашпикаея, Фанагорія, Тапансъ, Херсонъ. Скины и другіе народы. Темный слухъ о земляхъ полуночныхъ. Описаніе Скиоин. Рѣки извѣстныя Грекамъ. Нравы Скивовъ: ихъ паденіе. Мипридапъ, Гепсы, Сармапы, Алане, Гоптоы, Венеды, Гушы, Ашты, Угры и Болгары. Славяне: ихъ подвиги. Авары, Турки, Огоры. Разселеніе Славянъ. Паденіе Аваровъ. Болгарія. Дальтйшая судьба народовъ Славянскихъ.

Сія великая часть Европы и Азіи, Древняя именуемая нынѣ Россією, въ умѣренныхъ ея климапахъ была искони обитаема, но дикими, во глубину невѣжества погруженными народами, копорые не ознаменовали бышійя своего никакими собственными историческими памятниками. Только въ повѣствованіяхъ Грековъ и Римлянъ сохранились извѣстія о нашемъ древнемъ

ошечествѣ. Первые весьма рано открыли путь чрезъ Гелеспонтъ и Воспоръ Эракійскій въ Черное море, если въринъ славному путешествуію Аргонавтовъ въ Колхиду, воспѣтому будто бы самимъ Орфеемъ, участникомъ онаго, въковъ за XII дн Рождества Христова¹. Въ семь любовитномъ стихотвореніи, основанномъ по крайней мѣрѣ на древнемъ преданіи, названы Кавказъ (славный баснословными муками несчастнаго Прометея), рѣка Фазисъ (нынѣ Ріонъ), Меописское или Азовское море, Воспоръ, народъ Каспійскій, Тавры и Киммеріане, обитатели южной Россіи. Пѣвецъ Одиссеи также именуемъ послѣднихъ. «Есть народъ Киммерійскій (говоритъ онъ) и городъ Киммеріонъ, покрытый облаками и шумомъ: ибо солнце не озаряетъ сей печальной страны, гдѣ безпреспашио царствуетъ глубокая ночь².» Сподь ложное понятіе еще имѣли современники Гомеровы о странахъ юго-восточной Европы; но басня о *мракахъ Киммерійскихъ* обратилась въ пословицу въковъ, и *Черное море*, какъ въроятно, получило отъ него свое названіе³. Цѣлущее воображеніе Грековъ, любя пріятныя мечпы, изобрѣло Гипербореевъ, людей совершенно добро-

Путешествіе Аргонавтовъ.

Тавры и Киммеріане.

Гипербореи.

дѣтельныхъ, живущихъ далѣе на Сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго, за горами Рифейскими, въ счастливомъ спокойствіи, въ странахъ мирныхъ и веселыхъ, гдѣ бури и спраси неизвѣстны; гдѣ смертные питаются сокомъ цвѣтовъ и рососою, блаженствуютъ нѣсколько въковъ, и насыщаясь жизнію, бросающа въ волны морскія⁴.

Наконецъ сіе пріятное баснословіе уступило мѣсто дѣйствительнымъ историческимъ познаніямъ. Въковъ за пять или болѣе до Рождества Христова Греки завели селенія на берегахъ Черноморскихъ. Ольвія, въ 40 верстахъ отъ устья Днѣпровскаго, построена выходцами Милетскими еще въ славныя времена Мидійской Имперіи, называлась *счастливою* отъ своего богатства, и существовала до паденія Рима; въ благословенный вѣкъ Траяновъ образованные граждане ся любили чинать Платона, и зная наизустъ Иліаду, пѣли въ битвахъ стихи Гомеровы. Пантикапей и Фанагорія были столицами знаменитаго Царства Воспорскаго, основаннаго Азіатскими Греками въ окрестностяхъ Киммерійскаго Пролива. Городъ Танаисъ, гдѣ нынѣ Азовъ, принадлежалъ къ сему Царству; но Херсонъ Тавриче-

Поселенцы Грецкіе.

Ольвія.

Пантикапей и Фанагорія.

Танаисъ, Херсонъ.

скій (коего начало неизвѣстно) хранилъ вольность свою до временъ Миспридаповыхъ⁵. Сии пришельцы, имѣя торговлю и льстную связь съ своими единосемцами, сообщили имъ вѣрныя географическія свѣдѣнія о Россіи южной, и Геродотъ, писавшій за 445 лѣтъ до Рождества Христова, передалъ намъ оныя въ своемъ любопытномъ пвореніи.

Киммеріане, древнѣйшіе обитатели нынѣшнихъ Губерній Херсонской и Екатеринославской — вѣроятно, единоплеменные съ Германскими Цимбрами⁶ — за 100 лѣтъ до временъ Кировыхъ были изгнаны изъ своего отечества Скивами или Сколопами, которые жили прежде въ восточныхъ окрестностяхъ моря Каспійскаго, но вытѣсненные опшуда Масагетами, перешли за Волгу, разорили послѣ великую часть южной Азіи, и наконецъ утвердились между Испромъ и Танаисомъ (Дунаемъ и Дономъ), гдѣ сильный Царь Персидскій, Дарій, напрасно хотѣлъ опметить имъ за опустошеніе Мидіи, и гдѣ, гоняясь за ними въ степяхъ обширныхъ, едва не погибло все его многочисленное войско⁷. Скивы, называвсь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно Киргизамъ или Калмыкамъ; болѣе

всего любили свободу; не знали никакихъ искусствъ, кромѣ одного: «вездѣ наспи-гашь непріятелей, и вездѣ опъ нихъ «скрыватьсь!»;» однакожь перпѣли Греческихъ поселенцевъ въ спранѣ своей, заимствовали опъ нихъ первыя начала гражданскаго образованія, и Царь Скиоскій построилъ себѣ въ Ольвіи огромный домъ, украшенный рѣзными изображеніями сфинксовъ и грифовъ. — Каллипиды, смѣсь дикихъ Скивовъ и Грековъ, жили близъ Ольвіи къ Западу; Алазоны въ окрестностяхъ Гипанниса или Буга; такъ называемые *Скиовы-земледѣльцы* далѣе къ Сѣверу, на обоихъ берегахъ Днѣпра. Сии при народа уже съяли хлѣбъ, и торговали имъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ 14 дняхъ пупи опъ его успья, (вѣроятно, близъ Кіева) между *Скивами-земледѣльцами* и кочующими было ихъ Царское кладбище, священное для народа и неприступное для враговъ. Главная Орда, или *Царственная*, кочевала на Воспоукъ до самаго Азовскаго моря, Дона и Крыма, гдѣ жили Тавры, можетъ быть единоплеменники древнихъ Киммеріанъ: убивал иноспранцевъ, они приносили ихъ въ жершву своей *богинѣ-дѣвицѣ, тѣ Пандѣю*, и мысь Севасшопольскій, гдѣ существовалъ храмъ

ей, долго назывался *Παρθένης*⁹. Геродотъ пишетъ еще о многихъ другихъ народахъ *не-Скиѣскаго* племени: Агаирсахъ въ Седмиградской области или Трансильваніи, Неврахъ въ Польшѣ, Андрофагахъ и Меланхленахъ въ Россіи: жилища послѣднихъ находились въ 4000 стадіяхъ, или въ 800 верстахъ отъ Чернаго моря къ Сѣверу, въ ближнемъ сосѣдствѣ съ Андрофагами; тѣ и другіе питались человѣческимъ мясомъ. Меланхлены назывались такъ отъ черной одежды своей. Невры обращались ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ въ волковъ: по есш зимою покрывались волчьими кожами.—За Дономъ, на степяхъ Астраханскихъ, обитали Сарматы или Савроматы; далѣе среди густыхъ лѣсовъ, Будины, Гелоны (народъ Греческаго происхожденія, имѣвшій деревянную крѣпость), — Прки¹⁰, Эиссагены (славные звѣроловствомъ), а на Воспокъ отъ нихъ Скиѣскіе бѣглецы *Орды Царской*. Тутъ, по сказанію Геродота, начались каменистыя горы (Уральскія) и страна Аргиппеевъ, людей *плосконосыхъ* (вѣроятно, Калмыковъ). Доселъ ходили обыкновенно торговые караваны изъ городовъ Черноморскихъ: слѣдственно мѣста были извѣстны, также и народы,

которые говорили *семью* разными языками. О дальнѣйшихъ *полуночныхъ* зем-
 ляхъ носился единственно шемный слухъ.
 Аргиппеи увѣряли, что за ними обитаютъ люди, которые спятъ въ году шесть мѣсяцевъ: чему не вѣрилъ Геродотъ, но что для насъ повашно: долговременныя ночи хладныхъ климатовъ, озаряемыя въ печеніе нѣсколькихъ мѣсяцевъ одними сѣверными сіяніями, служили основаніемъ сей молвы. — На Воспокъ отъ Аргиппеевъ (въ Великой Татариі) жили Исседоны, которые сказывали, что не далеко отъ нихъ *грифы стрегутъ золото*¹¹: сіи баснословныя грифы кажутся отчасти историческою истиною, и заставляющъ думать, что драгоценныя рудники южной Сибири были издревле знаемы. Сѣверъ вообще славился погда своимъ богатствомъ или множествомъ золота. Упомянувъ о разныхъ Ордахъ, кочевавшихъ на Воспокъ отъ моря Каспійскаго, Геродотъ пишетъ о главномъ народѣ нынѣшнихъ Киргизскихъ степей, сильныхъ Массагетахъ, побѣдившихъ Кира¹², и сказываетъ, что они, сходствуя одеждою и правами съ племенами Скиѣскими, украшали *золотомъ* племы, поясы, конскіе приборы, и не зналъ жель-

Служь
о зем-
ляхъ
полу-
ноч-
ныхъ

за, ни серебра, дѣлали палицы и копы изъ мѣди.

Опи-
саніе
Ски-
ѳи.

Что касается собственно до Скиѳи Россійской, то сія земля, по извѣстію Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлѣсною; только между Тавридою и Диѳпровскимъ устьемъ находились лѣса. Онъ за чудо сказываетъ своимъ единоземцамъ, что зима продолжается тамъ 8 мѣсяцевъ, и воздухъ въ сіе время, по словамъ Скиѳовъ, бываетъ наполненъ летящими перьями, то есть, снѣгомъ; что море Азовское замерзаетъ, жители ѣздятъ на саняхъ чрезъ неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на водѣ, гускнющей отъ холода; что громъ гремитъ и молнія блистаетъ у нихъ единственно лѣпомъ. — Кромѣ Днѣпра, Буга и Дона, выпекающаго изъ озера¹³, сей Историкъ именуетъ еще рѣку Диѳстръ (*Tigis*, при устьѣ коего жили Греки, называемые Тиритами), Прушь (*Perates*), Серепъ (*Oedissos*), и говоритъ, что Скиѳія вообще можетъ славиться большими судоходными рѣками; что Днѣпръ, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, успушаетъ въ величинѣ одному Нилу и Дунаю; что вода его отменно чиста, пріятна

Рѣки
из-
вѣст-
ныя
Гре-
ками.

для вкуса и здорова; что источникъ сей рѣки скрывается въ опдаленіи и не извѣстенъ Скиѳамъ. Такимъ образомъ Сѣверъ восточной Европы, огражденный пустынями и свирѣпостію варваровъ, кошорые на нихъ скипались, оставался еще землею паинственною для Испоріи. Хотя Скиѳы занимали единственно южныя страны нашего опечества; хотя Андрѳаги, Меланхлены и прочіе народы сѣверные, какъ пишетъ самъ Геродотъ, были совѣмъ инаго племени: но Греки назвали всю нынѣшнюю Азіатскую и Европейскую Россію, или всѣ полунощныя земли, Скиѳією, пакъ же, какъ они безъ разбора именовали полуденную часть міра Эіопією, западную Кельшикою, восточную Индією, ссылаясь на Историка Эѳора, жившаго за 350 лѣтъ до Рождества Христова¹⁴.

Не смотря на долговременное сообщеніе съ образованными Греками, Скиѳы еще Нра- гордились дикими нравами своихъ пред- вы предковъ, и славный единоземецъ ихъ, Фило- Ски- софъ Анахарсисъ, ученикъ Солоновъ, на- еовъ. прасно хотѣвъ дать имъ законы Аѳинскіе, былъ жерпвою сего несчастнаго оыша¹⁵. Въ надеждѣ на свою храбрость и многочисленность, они не боялись ника-

кого врага; или кровь убитыхъ непріятелей, выдѣланную кожу ихъ употребляли вмѣсто одежды, а черепа вмѣсто сосудовъ, и въ образѣ меча поклонялись богу войны, какъ главѣ другихъ мнимыхъ боговъ.

Ихъ
паде-
ніе.

Могущество Скиѳовъ начало ослабѣвать со времени Филиппа Македонскаго, котораго, по словамъ одного древняго Историка¹⁶, одержавъ надъ ними рѣшительную побѣду не превосходивомъ мужества, а хитростию воинскою, и не нашедъ въ спящѣ у враговъ своихъ ни серебра, ни золота, но только жень, дѣшей и спарцевъ. Минпридатъ Эвпаторъ, господствуя на южныхъ берегахъ Чернаго моря и завладевъ Воспорскимъ Царствомъ, ушѣснилъ и Скиѳовъ¹⁷: послѣднія ихъ силы были испощены въ жестокихъ его войнахъ съ Римомъ, коего орды приближались тогда къ нынѣшнимъ Кавказскимъ степямъ Россіи. Гепсы, народъ Фракійскій, побѣжденный Александромъ Великимъ на Дунаѣ, но спрашнѣй для Рима во время Царя свосго, Бербисна Храбраго, за нѣсколько лѣтъ до Рождества Христова опниалъ у Скиѳовъ всю землю между Испромъ и Борисѣеномъ, п. е. Дунаемъ и Днѣпромъ¹⁸. Наконецъ Сарматы, обитав-

Ми-
при-
датъ.

Гепсы.

Сар-
маты.

ніе въ Азіи близъ Дона, вступили въ Скиѳію, и, по извѣстію Діодора Сицилійскаго, испребили ея жителей или присоединили къ свосму народу, такъ, что *особенное бытіе* Скиѳовъ исчезло для Испоріи; оспалось только ихъ славное имя, коимъ несвѣдущіе Греки и Римляне долго еще называли всѣ народы мало извѣстные и живущіе въ странахъ опдаленныхъ¹⁹.

Сарматы (или Савроматы Геродотовы) дѣлаются знамениты въ началѣ Христіанскаго лѣтосчисленія, когда Римляне, занявъ Фракію и степаны Дунайскія своими Легіонами, приобрѣли для себя несчастное сосѣдство варваровъ. Съ того времени Испоріи Римскіе безпрестанно говорятъ о семъ народѣ, котораго господствовалъ опъ Азовскаго моря до береговъ Дуная, и сосполялъ изъ двухъ главныхъ племенъ, Роксоланъ и Язиговъ²⁰; но Географы, весьма не кспани назвавъ Сарматіею всю обширную страну Азіи и Европы, опъ Чернаго моря и Каспійскаго съ одной стороны до Германіи, а съ другой до самой глубины Сѣвера, обратили имя Сарматовъ (подобно какъ прежде Скиѳское) въ общее для всѣхъ народовъ полуночныхъ. Роксолане ушвердились въ окрестностяхъ Азовскаго и Чернаго моря, а

Язиги скоро перешли въ Дакію, на берега Тисы и Дунаѣ²¹. Дерзнувъ первые превозжись Римскія владѣнія съ сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикаго варварства съ гражданскимъ просвѣщеніемъ, коючая заключилась наконецъ гибелью послѣдняго. Роксолане одержали верхъ надъ Когоршами Римскими въ Дакіи: Язиги опустошали Мизію. Еще военное искусство, слѣдствіе непрестанныхъ побѣдъ въ печеніе осьми вѣковъ, обуздывало варваровъ и часто называло ихъ дерзостью; но Римъ, изнѣженный роскошію, вмѣстѣ съ гражданскою свободою утративъ и гордость великодушную, не стыдился золотомъ покупать дружбу Сарматовъ. Тащивъ именувъ Язиговъ союзниками своего народа, и Сенапъ, рѣшивъ прежде судьбу великихъ Государей и міра, съ уваженіемъ встрѣчалъ Пословъ народа кочующаго²².— Хотя война Маркоманская, въ коей Сарматы присоединились къ Германцамъ, имѣла несчастныя для нихъ слѣдствія; хотя, побѣжденные Маркомъ Авреліемъ, они утратили силу свою и не могли уже бытъ завоевателями: однакожь, кочуя въ южной Россіи и на берегахъ Тибиска

или Тисы, долго еще беспокоили набѣгами Римскія владѣнія.

Почти въ одно время съ Язигами и Ала-^{на} Роксоланами узнаемъ мы и другихъ — вѣро-^{на}ятно, единоплеменныхъ съ ними — обитателей юго-восточной Россіи, Аланъ, копорые, по извѣстію Амміана Марцеллина, были древніе Массагеты и жили тогда между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ²³. Они, равно какъ и всѣ Азіатскіе дикіе народы, не обрабатывали земли, не имѣли домовъ, возили женъ и дѣтей на колесницахъ, скипались по степямъ Азіи даже до самой Индіи сѣверной, грабили Арменію, Мидію, а въ Европѣ берега Азовскаго и Чернаго моря; отважно искали смерти въ битвахъ, и славились опмѣною храбростию. Къ сему народу многочисленному принадлежали, вѣроятно, Аорсы и Сираки, о коихъ въ первомъ вѣкѣ Христіанскаго лѣтосчисленія упоминаютъ разные Историки, и кои, обитая между Кавказомъ и Дономъ, были и врагами и союзниками Римлянъ²⁴. Алане, вытѣснивъ Сарматовъ изъ юго-восточной Россіи, опчасти заняли и Тавриду.

Въ третьемъ вѣкѣ приближились опъ Бальтійскаго къ Черному морю Готы^{Готы} и другіе народы Германскіе, овладѣли Да-^{бы}

кією, Римскою провинцією со время Траяновыхъ, и сдѣлались самыми опасными врагами Имперіи²⁵. Переплывъ на судахъ въ Азію, Готы обратили въ иноплеменныя многіе города цвѣшущіе въ Вивиніи, Галатіи, Каппадокіи, и славный храмъ Діаны въ Ефесъ, а въ Европѣ опустошили Фракію, Македонію и Грецію до Мореи. Они хошѣли, взявъ Аѳины, испребитъ огнемъ всѣ книги Греческія, памъ найденныя; но приняли совѣтъ одного умнаго единоплеменца, который сказалъ имъ: «оставьте Грекамъ книги, чпобы они, читая ихъ, забывали военное искусство, и чпбы легче были побѣждаемы нами»²⁶. Ужасныя свирѣпостію и мужествомъ, Готы основали сильную Имперію, которая раздѣлялась на Воспочную и Западную, и въ IV столѣтіи, при Царѣ ихъ, Эрманарихѣ, заключала въ себѣ небольшую часть Россіи Европейской, простираясь отъ Тавриды и Чернаго моря до Бальтійскаго.

Готскій Историкъ VI вѣка, Иорнандъ, пишетъ, чпо Эрманарихъ въ число многихъ иныхъ народовъ побѣдилъ и Венеды, которые, обитая въ сосѣдствѣ съ Эспами и Герудами, жилищами береговъ Бальтійскихъ²⁷, славились болѣе своею мно-

гочисленностію, нежели искусствомъ воинскимъ. Сіе извѣстіе для насъ любопытно и важно, ибо *Венеды*, по сказанію Иорнанда, были единоплеменники *Славянъ*, предковъ народа Россійскаго. Еще въ самой глубокой древности, дѣтъ за 450 до Рождества Христова, было извѣстно въ Греціи, чпю янтарь находится въ отдаленныхъ спранахъ Европы, гдѣ рѣка Эриданъ впадаетъ въ Сѣверный Оксанъ²⁸, и гдѣ живутъ Венеды. Вѣроятнo, чпо Финикійцы, смѣлые мореходцы, которые открыли Европу для образованныхъ народовъ древности, не имѣвшихъ объ ней свѣдѣній, доплывали до самыхъ береговъ нынѣшней Пруссіи, богатыхъ янтаремъ, и памъ покупали его у Венедовъ²⁹. Во время Плинія и Тацита, или въ первомъ столѣтіи, Венеды жили близъ Вислы, и граничили къ Югу съ Дакією³⁰. Птолемей, Астрономъ и Географъ II^{го} столѣтія, полагаетъ ихъ на воспочныхъ берегахъ моря Бальтійскаго, сказывая, чпо оно издревле называлось *Венедскимъ*³¹. Слѣдственно ежели Славяне и Венеды составляли одинъ народъ, то предки наши были извѣстны и Грекамъ и Римлянамъ, обитая на Югѣ отъ моря Бальтійскаго. Изъ Азіи ли они пришли сюда, и въ какое время, не

знаемъ³². Мнѣніе, что сію часть міра должно признавать колыбелію всѣхъ народовъ, кажется вѣрояшнымъ, ибо согласно съ преданіями Священными, и всѣ языки Европейскіе, не смотря на ихъ разные измѣненія, сохраняютъ въ себѣ нѣкошорое сходство съ древними Азіатскими³³; однакожь мы не можемъ утвердить сей вѣрояшности никакими *дѣйствительно историческими* свидѣтельствами, и считаемъ Венедовъ Европейцами, когда Испорія находить ихъ въ Европѣ. Сверхъ того они самыми обыкновениями и правами отличались отъ Азіатскихъ народовъ, которые, приходя въ нашу часть міра, не знали домовъ, жили въ шатрахъ или *колесницахъ*³⁴, и только на коняхъ сражались: Тацитовы же Венеды имѣли дома, любили рапоборствовать пѣшіе и славились быспропую своего бѣга.

Гунны. Конецъ четвертаго вѣка ознаменованъ важными происшествіями. Гунны, народъ кочующій, отъ полунощныхъ областей Кипая доходящъ чрезъ неизмѣримыя степи до юго-восточной Россіи, нападающъ — около 377 года — на Аланъ, Готтоевъ, владѣнія Римскія, истребляя все огнемъ и мечемъ³⁵. Современные Испорики не находятъ словъ для описанія лю-

пой свирѣпости и самаго безобразія Гунновъ. Ужасъ былъ ихъ предпеченю, и снопльшній Герой Эрманарихъ не дерзнулъ даже вступитъ съ ними въ сраженіе, но произвольною смертію спѣшилъ избавиться отъ рабства. Восточные Готтовы должны были покориться, а Западные искали убѣжища во Фракіи, гдѣ Римляне, къ несчастію своему, дозволили имъ поселиться: ибо Готтовы, соединясь съ другими мужественными Германцами, скоро овладѣли большею частью Имперіи.

Испорія сего времени упоминаетъ объ Антахъ, которые, по извѣстію Юрнанда и Визаншійскихъ Лѣтописцевъ, принадлежали вмѣстѣ съ Венедями къ народу Славянскому³⁶. Винитаръ, наслѣдникъ Эрманариха, Царя Готтоскаго, былъ уже данникомъ Гунновъ, но хотѣлъ еще повелѣвать другими народами: завоевалъ спрану Аншовъ, которые обитали на Сѣверъ отъ Чернаго моря (слѣдственно въ Россіи) и жестокимъ образомъ умертвилъ ихъ Князя, именемъ Бокса, съ семидесятью знамятѣйшими Боярами³⁷. Царь Гуннскій, Баламберъ, вступился за утѣсненныхъ, и побѣдивъ Винитара, освободилъ ихъ отъ ига Готтоевъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что Аншы и Венеды признавали падъ собою

власть Гунновъ: ибо сіи завоевали во время Аппилы, грознаго Царя ихъ, повелѣвали всѣми странами отъ Волги до Рейна, отъ Македоніи до оспирововъ Балтійскаго моря³⁸. Испребивъ безчисленное множество людей, разрушивъ города и крѣпости Дунайскія, предавъ огню селенія, окруживъ себя пустынями обширными, Аппила царствовалъ въ Дакіи подъ именемъ шапра, бралъ дань съ Константинополя, но славился презрѣніемъ золота и роскоши, ужасалъ міръ и гордился именемъ *бига Небеснаго*. — Съ жизнію сего варвара, но великаго человека, умершаго въ 454 году, прекратилось и владычество Гунновъ. Народы, поработенные Аппилою, свергнули съ себя иго несогласныхъ сыновей его. Изгнанные Нѣмцами-Гепидами изъ Панноніи или Венгріи, Гунны держались еще нѣсколько времени между Днѣспромъ и Дунаемъ, гдѣ страна ихъ называлась Гунниваромъ³⁹; другіе разсѣялись по Дунайскимъ областямъ Имперіи — и скоро изгладились слѣды ужаснаго бытія Гунновъ. Такимъ образомъ сіи варвары отдаленной Азіи явились въ Европѣ, свирѣпствовали и какъ грозное привидѣніе исчезли.

Въ то время южная Россія могла пред-

ставляли обширную пустыню, гдѣ скипались одни бѣдные оспапки народовъ. Воспочные Гошеы большою частію удалились въ Паннонію; о Роксоланахъ не находимъ уже ни слова въ лѣтописяхъ: вѣроятно, что они смѣшались съ Гуннами, или, подъ общимъ названіемъ Сарматовъ, вмѣстѣ съ Язигами были разселены Императоромъ Маркіаномъ въ Иллирикъ и въ другихъ Римскихъ провинціяхъ, гдѣ, составивъ одинъ народъ съ Гошеами, ушрашили имя свое⁴⁰: ибо въ концѣ V вѣка Испорія уже молчитъ о Сарматахъ. Множество Аланъ, соединясь съ Нѣмецкими Ваудалами и Свсами, перешло за Рейнъ, за горы Пиренейскія, въ Испанію и Португалію. — Но скоро Угры и Болгары, Угры и Болгары, по сказанію Грековъ единоплеменные съ Гуннами, и до того времени неизвѣстные, оставивъ древнія свои жилища близъ Волги и горъ Уральскихъ, завладѣли берегами Азовскаго, Чернаго моря и Тавридою (гдѣ еще обитали нѣкошорые Гошеы, принявшіе Вѣру Христіанскую) и съ 474 года начали опустошать Мизію, Фракію, даже предмѣстія Константинопольскія⁴¹.

Съ другой стороны выходятъ на европейскій Испоріи Славяне, подъ симъ именемъ, достойнымъ людей воинственныхъ

и храбрыхъ, ибо его можно производить отъ *славян*⁴², — и народъ, коего бышіе мы едва знали, съ шеспаго вѣка занимаешъ великую часть Европы, отъ моря Бальпійскаго до рѣки Эльбы, Тисы и Чернаго моря. Вѣрояшно, что нѣкоторые изъ Славянъ, подвластныхъ Ерманариху и Апшиль, служили въ ихъ войскъ; вѣрояшно, что они, испытавъ подъ начальствомъ сихъ завоевателей храбросць свою и пріятность добычи въ богатыхъ обласяхъ Имперіи, возбудили въ соотечественникахъ желаніе приближиться къ Греціи и вообще распроспранить ихъ владѣніе. Обеспояшельства времени имъ благопріятствовали. Германія опустѣла; ея народы воинственные удалились къ Югу и Западу искать счастья. На берегахъ Черноморскихъ, между устьями Днѣпра и Дуная, кочевали, можетъ быть, однѣ дикія, малолюдныя Орды, которыя сопутствовали Гуннамъ въ Европу, и разсѣялись послѣ ихъ гибели. Отъ Дуная и Алушты до рѣки Моравы жили Нѣмцы Лонгобарды и Гепиды; отъ Днѣпра къ морю Каспійскому Угры и Болгары: за ними, къ Сѣверу отъ Понпа Эвксинскаго и Дуная⁴³, явились Анпы и Славяне; другія же племена ихъ вступили въ Моравію, Богемію, Саксонію,

а нѣкоторые оспались на берегахъ моря Бальпійскаго. Тогда начинаютъ говорить объ нихъ Историки Византійскіе, описывая свойства, образъ жизни и войны, обыкновенія и нравы Славянъ, отличные отъ характера Нѣмецкихъ и Сарматскихъ племен⁴⁴: доказательство, что сей народъ былъ прежде мало извѣстенъ Грекамъ, обитая во глубинѣ Россіи, Польши, Липвы, Пруссіи, въ странахъ отдаленныхъ и какъ бы непроницаемыхъ для ихъ любопытства⁴⁵.

Уже въ концѣ пяпаго вѣка лѣтописи Византійскія упоминаютъ о Славянахъ, которые въ 495 году дружелюбно пропустили чрезъ свои земли Нѣмцевъ-Геруловъ, разбитыхъ Лонгобардами въ нынѣшней Венгріи и бѣжавшихъ къ морю Бальпійскому⁴⁶; но только со временъ Юстиниановыхъ, съ 527 года, утвердись въ сѣверной Дакии, начинаютъ они дѣйствовать противъ Имперіи, вмѣстѣ съ Угорскими племенами и брашьями своими, Аншамы, которые въ окрестностяхъ Чернаго моря граничили съ Болгарами. Ни Сарматы, ни Готы, ни самые Гунны не были для Имперіи ужаснѣе Славянъ. Иллирія, Фракія, Греція, Херсонесъ — всѣ sprawy отъ залива Ионическаго до Кон-

спаншинополя были ихъ жерпвою⁴⁷; шолько Хильвудъ, смѣлый Вождь Юспиніановъ, могъ еще съ успѣхомъ имъ прошивоборствовать; но Славяне, убивъ его въ сраженіи за Дунаемъ, возобновили свои люшья нападенія на Греческія области, и всякое изъ оныхъ сполло жизни или собственности безчисленному множеству людей, шакъ, что южные берега Дунайскіе, облитые кровію несчастныхъ жителей, осыпаные пепломъ городовъ и селъ, совершенно опустѣли. Ни Легіоны Римскіе, почти всегда обращаемыя въ бѣгство, ни великая стѣна Анаспасіева⁴⁸, сооруженная для защиты Царяграда отъ варваровъ, не могли удерживать Славянъ, храбрыхъ и жестокихъ. Имперія съ пренепомъ и стыдомъ видѣла знамя Констаншиново въ рукахъ ихъ. Самъ Юспиніанъ, Совѣтъ Верховный и знавшіе Вельможи должны были съ оружіемъ сполчь на послѣдней оградѣ столицы, стѣнѣ Теодосіевой, съ ужасомъ ожидая приспуща Славянъ и Болгаровъ ко врагамъ ея. Одинъ Велисарій, посѣдвшій въ доблести, осмѣлился выйши къ нимъ на встрѣчу; но болѣе казною Императорскою, нежели побѣдою, отшратилъ сію грозную шучу отъ Констаншинополя. Они спокойно жи-

Ихъ
подви-
тъ.

пельствовали въ Имперіи, какъ бы въ собственной землѣ своей, увѣршиые въ безопасной переправѣ чрезъ Дунай: ибо Гепиды, владѣвшіе болшею частію съверныхъ береговъ его, всегда имѣли для нихъ суда въ готовности⁴⁹. Между тѣмъ Юспиніанъ съ гордостію величалъ себя *Античскими* или *Славянскими*, хотя сіе имя напоминало болѣе стыдъ, нежели славу его оружія противъ нашихъ дикихъ предковъ, которые безпрестанно опустошали Имперію, или заключая иногда дружественные съ нею союзы, принимались служить въ ея войскахъ, и способствовали ихъ побѣдамъ. Такъ во второе лѣто славной войны Готской (въ 536 году) Валеріанъ привелъ въ Испанію 1600 конныхъ Славянъ, и Римскій Полководецъ Туллианъ ввѣрилъ Ашпамъ защиту Луканіи, гдѣ они, въ 547 году, разбили Готского Короля Тотилу.

Уже лѣтъ 30 Славяне свирѣпствовали въ Европѣ, когда новый Азіатскій народъ, побѣдами и завоеваніями открылъ себѣ путь къ Черному морю. Весь извѣстный міръ былъ тогда оепромъ чудеснаго волненія народовъ и непосполнства въ ихъ величій. Авары славились могуществомъ въ степяхъ Ташарін; но въ шестомъ вѣ-

Ава-
ръ

Тур-
ки. кѣ, побѣжденные Турками, ушли изъ земли своей⁵⁰. Сии Турки, по свидѣтельству Испориковъ Кипайскихъ, были оставкомъ Гунновъ, древнихъ полуночныхъ сосѣдовъ Кипайской Имперіи; въ теченіе времени соединились съ другими Ордами единоплеменными, и завоевали всю южную Сибирь. Ханъ ихъ, называемый въ Византійскій лѣтописяхъ Дизавуломъ⁵¹, какъ новый Аштила, покоривъ многіе народы, жилъ среди горъ Альпайскихъ, въ шатрѣ, украшенномъ коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатомъ пронтѣ, принималъ Византійскихъ Пословъ и дары отъ Юстиніана; заключалъ съ нимъ союзы, и счастливо воевалъ съ Персами. Извѣстно, что Россіане, овладѣвъ въ новѣйшія времена полуденною частію Сибири, находили въ тамошнихъ могилахъ великое количество вещей драгоценных⁵²: вѣроятно, что онѣ принадлежали сямъ Алтайскимъ Туркамъ, уже не дикому, но ошчаси образованному народу, торговавшему съ Китаемъ, Персіею и Греками.

Вмѣстѣ съ другими Ордами зависѣли онѣ Дизавула Киргизы и Гунны-Огоры⁵³. Бывъ прежде данниками Аваровъ и тогда угнетаемые Турками, Огоры перешли на

Ого-
ры.

западные берега Волги, назвались славнымъ именемъ Аваровъ, нѣкогда могущественныхъ, и предложили союзъ Императору Византійскому. Народъ Греческій съ любовью и шествомъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ Пословъ: одежда сихъ людей напоминала ему спрашныхъ Гунновъ Ашпины, отъ коихъ мнимые Авары отличались единственно шѣмъ, что не брили головы и заплетали волосы въ длинныя косы, украшаемыя лентами. Главный Посолъ сказалъ Юстиніану, что Авары, мужественные и непобѣдимые, хощутъ его дружбы, пребуя даровъ, жалованья и выгодныхъ мѣстъ для поселенія. Императоръ не дерзнулъ ни въ чемъ отказать сему народу, копорый, бѣжавъ изъ Азіи, со вступленіемъ въ Европу пріобрѣлъ силу и храброспѣ. Угры, Болгары признали власть его. Ашпы не могли ему противиться. Ханъ Аварскій, свирѣпый Балъ, разбилъ ихъ войско, умертвилъ Посла, знаменитаго Князя Мезамира⁵⁴; ограбилъ землю, плѣнилъ жипселей; скоро завоевалъ Моравію, Богемію, гдѣ обитали Чехи и другіе Славяне; побѣдилъ Сигеберта, Короля Франковъ, и возвратился на Дунай, гдѣ Лонгобарды вели кровопролитную войну съ Гепидами. Балъ соединился съ

первыми, разрушилъ Державу Гепидовъ, овладѣлъ большою часпюю Дакіи, а скоро и Панноніею или Венгріею, которую Лонгобарды уступили ему добровольно, желая искасть завоеваній въ Италіи. Область Аваровъ въ 568 году проспиралась опъ Волги до Эльбы. Въ началъ седьмаго вѣка завладѣли они и Далмаціею, кромѣ приморскихъ городовъ ея. Хотя Турки, господствуя на берегахъ Ирпыша, Урала⁵⁵ — превожа набѣгами Китай и Персію — около 580 года распространили — было свои завоеванія до самой Тавриды — взяли Воспоръ, осаждали Херсонъ; но скоро исчезли въ Европѣ, оставивъ земли Черноморскія въ подданствѣ Аваровъ.

Уже Анпы, Богемскіе Чехи, Моравы служили Хану; но собственно пакъ называемые Дунайскіе Славяне хранили свою независимость, и еще въ 581 году многочисленное войско ихъ снова опустошило Фракію и другія владѣнія Имперскія до самой Эмады или Греціи⁵⁶. Тиверій царствовалъ въ Констанцинополѣ: озабоченный войною Персидскою, онъ не могъ отразить Славянъ, и склонилъ Хана опмстить имъ впаденіемъ въ спрану ихъ. Баянъ назывался другомъ Тиверія, и хотѣлъ даже быть Римскимъ Папприціемъ:

онъ исполнилъ желаніе Императора стѣмъ охопнѣе, что давно уже ненавидѣлъ Славянъ за ихъ гордость. Сію причину злобы его описываютъ Византійскіе Испорики слѣдующимъ образомъ. Смиривъ Анповъ, Ханъ пребовалъ опъ Славянъ подданства; но Лаврипасъ и другіе Вожди ихъ опвѣщспвовали: »Кшо можетъ ли шипъ насъ вольности? Мы привыкли опнимаъ земли, а не свои уступать врагамъ. Такъ будетъ и впредь, доколѣ естъ война и мечи въ свѣтѣ.« Посолъ Ханскій раздражилъ ихъ своими надменными рѣчами, и заплашилъ за то жизнью. Баянъ помнилъ сіе жестокое оскорбленіе, и надѣялся собрать великое богатспво въ землѣ Славянъ, которые, болѣе пятидесяти лѣтъ громивъ Имперію, не были еще никѣмъ превожимы въ спранѣ своей. Онъ вступилъ въ нее съ шестидесятью тысячами опборныхъ конныхъ лашниковъ, началъ грабить селенія, жечь поля, истреблять жипелей, которые только въ бѣгствѣ и въ густотѣ лѣсовъ искали спасенія. — Съ того времени ослабѣло могущеспво Славянъ, и хотя Констанцинополъ еще долго ужасался ихъ набѣговъ, но скоро Ханъ Аварскій совершенно овладѣлъ Дакіею. Обязанные даютъ ему

войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы ихъ пирана; должепствовали первые гибушь въ битвахъ, и когда Ханъ, нарушивъ миръ съ Грецією, въ 626 году осадилъ Константинополь, Славяне были жертвою сего дерзкаго предпріянія. Они ваяли бы столицу Имперіи, если бы измѣна не открыла ихъ шайнаго намѣренія Грекамъ: окруженные непріятелемъ, бились отчаянно; немногіе спаслися, и въ знакъ благодарности были казнены Ханомъ⁵⁷.

Между тѣмъ не всѣ народы Славянскіе повиновались сему Хану: обитавшіе за Вислою, и далѣе къ Сѣверу, спаслися отъ рабства. Такъ въ исходѣ шестаго вѣка на берегахъ моря Бальшійскаго жили мирные и счастливые Славяне, коихъ онъ напрасно хотѣлъ вооружить противъ Грековъ, и копорые отказались помогать ему войскомъ. Сей случай, описанный Византійскими Историками⁵⁸, достоинъ любопытства и примѣчанія. «Греки» (повѣствуютъ они) «взяли въ плѣтъ прехъ» «чужеземцевъ, имѣвшихъ вмѣсто оружія,» «кноары или гусли. Императоръ спросилъ, кто они? Мы Славяне, ошвѣпствовали чужеземцы, и живемъ на опдаленнѣйшемъ кощѣ Западнаго Оксана (мо-

»ря Бальшійскаго). Ханъ Аварскій, при-»славъ дары къ нашимъ спарѣйшипамъ,» «пробовалъ войска, чптобы дѣйствовать» «противъ Грековъ. Спарѣйшины взяли» «дары, но опправили насъ къ Хану съ» «извиненіемъ, чпо не могушь за великою» «опдаленностію дать ему помощи. Мы» «сами были пятнадцашъ мѣсяцевъ въ» «дорогѣ. Ханъ, не взирая на святость» «Посольскаго званія, не оппускалъ насъ» «въ опечесство. Слыша о богатствѣ и» «дружелюбіи Грековъ, мы воспользовались» «случаемъ уйши во Фракію. Съ оружіемъ» «обходиться не умѣемъ и только играемъ» «на гуслихъ. Нѣтъ желѣза въ странѣ на-» «шей: не зналъ войны и любя музыку, мы» «ведемъ жизнь мирную и спокойную. —» «Императоръ дивился тихому нраву сихъ» «людей, великому росту и крѣпости ихъ;» «угостилъ Пословъ, и доставилъ имъ спо-» «собъ возвратиться въ опечесство.» Та-»кое миролюбивое свойство Бальшійскихъ Славянъ, во времена ужасовъ варварства, представляешь мыслямъ картину счастья, копорого мы обыкли искать единственно въ воображеніи. Согласіе Византійскихъ Историковъ въ описаніи сего происшествія доказываетъ, кажется, его истину, ушверждаемую и самими тогдашними

обстолпельствами Сѣвера, гдѣ Славяне могли наслаждаться пишиною, когда Германскіе народы удалились къ Югу, и когда разрушилось владычество Гунновъ.

Наконецъ *Богемскіе* Славяне, возбужденные опчаяніемъ, дерзнули обнажить мечъ, смирили гордость Аваровъ и возвратили древнюю свою независимость. Лѣтописцы повѣспвуютъ, что нѣкто, именемъ Само, былъ тогда смѣлымъ Вождемъ ихъ: благодарные и вольные Славяне избрали его въ Цари⁵⁹. Онъ сражался съ Дагобертомъ, Королемъ Франковъ, и разбилъ его многочисленное войско.

Скоро владѣнія Славянъ умножились новыми пріобрѣтеніями: еще въ шестомъ вѣкѣ, какъ вѣроятно, многіе изъ нихъ поселились въ Венгрію; другіе въ началѣ седьмого столѣтія, заключивъ союзъ съ Константинополемъ, вошли въ Илирію, изгнали опшуда Аваровъ и основали новыя области, подъ именемъ Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи и Далмаціи⁶⁰. Императоры охотно дозволяли имъ селиться въ Греческихъ владѣніяхъ, надѣясь, что они, по извѣстной храбрости своей, могли бытъ лучшею ихъ защиною опъ нападенія другихъ варваровъ — и въ седьмомъ вѣкѣ находимъ Славянъ на рѣкѣ

Спримонѣ во Фракіи, въ окрестностяхъ Фессалоники и въ Мизіи или въ нынѣшней Болгаріи. Даже весь Пелопоннесъ былъ нѣсколько времени въ ихъ власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирѣпствовала въ Греціи, и завосвали древнее отечество Наукъ и славы. — Многіе изъ нихъ поселились въ Вивиніи, Фригіи, Дарданіи, Сиріи⁶¹.

Но между тѣмъ, когда Чехи и другіе Славяне пользовались уже совершенною вольностію опчасти въ прежнихъ, опчасти въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, Дунайскіе находились еще, кажешся, подъ игомъ Аваровъ, хотя могущество сего достопамятнаго Азіатскаго народа ослабѣло въ VII вѣкѣ. Кувратъ, Князь Болгарскій, данникъ Хана, въ 635 году свергнулъ съ себя иго Аваровъ. Раздѣливъ силы свои на девять обширныхъ укрѣпленныхъ спановъ⁶², они еще долгое время властвовали въ Дакии и въ Панноніи, вели жестокія войны съ Баварцами и Славянами въ Каринтіи, въ Богеміи; наконецъ ушрапили въ лѣтописяхъ имя свое. — Кувратъ, союзникъ и другъ Римлянъ, господствовалъ въ окрестностяхъ Азовскаго моря; но сыновья его, въ прошивность мудрому совѣту умирающаго опца, раздѣ-

лились: спаршій, именемъ Вапвай, оспался на берегахъ Дона; впорый сынъ, Кофрагъ, перешель на другую спорону сей рѣки; четвертый въ Панноію или Венгрію къ Аварамъ, пятый въ Ипалію⁶³; а шрешій, Аспарухъ, утвердился сперва между Днѣспромъ и Дунаемъ, но въ 679 году завоевавъ и всю Мизію, гдѣ жили многіе Славяне, основаль тамъ сильное Государство Болгарское.

Болгаріа

Судьба народовъ Славянскихъ

Предсавивъ Чипапелю расселеніе народовъ Славянскихъ отъ моря Бальпійскаго до Адриатическаго, отъ Эльбы до Мореи и Азіи, скажемъ, что они, сильные числомъ и мужествомъ, могли бы тогда, соединясь, овладѣть Европою; но, слабые отъ развлеченія силъ и несогласія, почти вездѣ утрапили независимость, и только одинъ изъ нихъ, искушенный бѣдствіями, удивляешъ нынѣ міръ величіемъ. Другіе, сохранивъ быліе свое въ Гермаіи, въ древней Иллиріи, въ Мизіи, повинуются Властителямъ чужеземнымъ; а нѣкоторые забыли и самый языкъ опечественный.

Теперь обратимся къ Исторіи Государства Россійскаго, основанной на преданіяхъ нашего собственнаго, древнѣйшаго Лѣтописца.

ГЛАВА II.

О Славянахъ и другихъ народахъ, составившихъ Государство Россійское.

Происхожденіе Славянъ Россійскихъ. Поляне. Радимичи и Вяпичи. Древляне. Дульбы и Бужапе. Лупичи и Тивирцы. Хорваты, Сѣверяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новгородскіе. Кіевъ. Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ. Финскіе или Чудскіе народы въ Россіи. Латышскіе народы. Междоусобія Славянъ Россійскихъ. Господство и гибель Обровъ. Козары. Варяги. Русь.

Неспоръ пишеть, что Славяне *издревле обитали* въ странахъ Дунайскихъ, и вытѣсненные изъ Мизіи Болгарами, а изъ Панноніи Волохами (донныѣ живущими въ Венгріи) перешли въ Россію, въ Польшу и другія земли⁶⁴. Сіе извѣстіе о первобытномъ жилищѣ нашихъ предковъ взято, кажеться, изъ Византійскихъ Лѣтописцевъ, которые въ VI вѣкѣ узнали ихъ на берегахъ Дуная; однакожь Неспоръ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Св. Апостоль Андрей — проповѣдуя въ Скиѣи имя Спасителя, поставивъ крестъ

Происхожденіе Славянъ Россійскихъ.

на горахъ Кіевскихъ, еще непаселенныхъ, и предсказавъ будущую славу нашей древней споллицы — доходилъ до Ильменя и нашель тамъ Славянт⁶⁵: слѣдственно они, по собственному Несторову сказанію, жили въ Россіи уже въ первомъ сполѣтїи, и гораздо прежде, нежели Болгары утвердились въ Мизіи⁶⁶. Но вѣроятно, что Славяне, угнетенные ими, опчасши дѣйствительно возвратились изъ Мизіи къ своимъ сѣвернымъ единоземцамъ; вѣроятно и то, что Волохи, потомки древнихъ Геповъ и Римскихъ всельниковъ Траянова времени въ Дакии, уступивъ сію землю Готтамъ, Гуннамъ и другимъ народамъ, искали убѣжища въ горахъ, и видя наконецъ слабость Аваровъ, овладѣли Трансильваніею и частію Венгріи, гдѣ Славяне должныствовали имъ покориться.

Можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова подъ именемъ Венедовъ извѣстные на восточныхъ берегахъ моря Бальшійскаго, Славяне въ то же время обитали и внутри Россіи; можетъ быть Андробаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали къ ихъ племенамъ многочисленнымъ⁶⁷. Самые древніе жители Дакии, Гепы, покоренные Траяномъ, могли быть нашими предками:

сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Русскихъ сказкахъ XII сполѣтїя упоминается о счастливыхъ войнахъ Траяновыхъ въ Дакии, и что Славяне Россійскіе начинали, кажется, свое лѣтосчисленіе отъ временъ сего мужественнаго Императора. Замѣтимъ еще какое-то древнее преданіе народовъ Славянскихъ, что праотцы ихъ имѣли дѣло съ Александромъ Великимъ, побѣдителемъ Геповъ⁶⁸. Но Историкъ не долженъ предлагать вѣроятностей за испину, доказываемую только ясными свидѣтельствами современниковъ. И такъ, оставляя безъ утвердительнаго рѣшенія вопросъ: «откуда и когда Славяне пришли въ Россію?» опишемъ, какъ они жили въ ней за долго до того времени, въ которое образовалось наше Государство.

Многіе Славяне, единоплеменные съ Ляхами, обитавшими на берегахъ Вислы, поселились на Днѣпрѣ въ Кіевской Губерніи и назвались *Полянами* отъ чисныхъ По-
лянс. *полей* своихъ. Имя сіе исчезло въ древней Россіи, но сдѣлалось общимъ именемъ Ляховъ, основателей Государства Польскаго. Отъ сего же племени Славянъ были два Радимичи
и Вячичи. брата, Радимъ и Вячко, Главами Радимичей и Вячичей: первый избралъ себя

жилице на берегахъ Сожа, въ Могилевской Губерніи, а впорой на Окѣ, въ Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные такъ опъ лѣсной землн своей, обипали въ Волынской Губерніи;

Дульбы и Бужане по рѣкѣ Бугу, впадающему въ Вислу; Лупичи и Тивирцы по Днѣспру до самаго моря и Дуная, уже

Лупичи и Тивирцы имѣя *города* въ землѣ своей; Бѣлые Хорваты въ окрестностяхъ горъ Карпатскихъ;

Сѣверяне, сосѣды Полянъ, на берегахъ Десны, Семи и Сулы, въ Черниговской и Полтавской Губерніи; въ Минской и Витебской, между Припетью и Двиною Западною, Дреговичи; въ Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, въ верховьяхъ

Дреговичи. Двины, Днѣпра и Волги, Кривичи; а на

Кривичи. Двинѣ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Полоца,

Полоцане. единоплеменные съ ними Полочане; на берегахъ же озера Ильменя собспвенно пакъ

Славяне, копорые *послѣ* Роландеса Христаова основали Новгородъ⁶⁹.

Къ тому же времени Лѣтописецъ описываетъ и начало Кіева, рассказывая слѣдующія обстоятельствова: »Братья Кій,

Щекъ и Хоривъ, съ сестрою Лыбедью, жили между Полянами на шрехъ горахъ,

изъ коихъ двѣ слывашь, по имени двухъ меньшихъ братьевъ, Щековицею и Хори-

вицею; а старшій жилъ памъ, гдѣ нынѣ (въ Неспорово время) *Зборичевъ* перевозъ. Они бѣли мужи знающіе и разумные; ловили звѣрей въ погдашнихъ грустныхъ лѣсахъ Днѣпровскихъ, построили городъ и назвали оный именемъ старшаго брата, *п. е. Кіевымъ*. Нѣкоторые счислають Кіа перевозчикомъ, ибо въ старину былъ на семъ мѣстѣ перевозъ и назывался Кіевымъ; но Кій началъ спсвовалъ въ родѣ своемъ: ходилъ, какъ сказывають, въ Конспаншинополь, и пріялъ великую честь опъ Царя Греческаго; на возвращеніи пуши, увидѣвъ берега Дуная, полюбилъ ихъ, срубилъ городокъ и хотѣлъ обипашь въ немъ; но жители Дунайскіе не дали ему шамъ утвердиться, и донынѣ именують сіе мѣсто *городищемъ Кіевцомъ*. Онъ скончался въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ двумя братьями и сестрою.« Неспоръ въ повѣствованіи своемъ основывается единспвенно на изустныхъ сказаніяхъ: опдаленный многими вѣками опъ случаевъ, здѣсь описанныхъ, могъ ли онъ ручаться за истину преданія, всегда обманчиваго, всегда *невернаго въ подробностяхъ*? Можетъ бышь, что Кій и братья его никогда въ самомъ дѣлѣ не существовали, и что вымыслъ

народный обрашилъ названія мѣстъ, неизвѣстно ошъ чего происшедшія, въ названія людей. Имя Кіева, горы Шековицы — нынѣ Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и рѣчки Лыбеди, впадающей въ Днѣпръ не далеко ошъ новой Кіевской крѣпости, могли подать мысль къ сочиненію басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ: чему находимъ многіе примѣры въ Греческихъ и Сѣверныхъ повѣствованіяхъ, копорые, желая питать народное любопытство, во времена невѣжества и легковѣрія, изъ географическихъ названій соспавляли цѣлыя Исторіи и Біографіи ⁷⁰. Но два обстоятельствова въ семъ Неспоровомъ извѣстіи достойны особеннаго замѣчанія: первое, что Славяне Кіевскіе издревле имѣли сообщеніе съ Царемградомъ, и второе, что они построили городокъ на берегахъ Дуная еще за долго до походовъ Россіянъ въ Грецію. Дульбы, Поляне Днѣпровскіе, Лутичи и Тиварцы могли участвовашъ въ описанныхъ нами войнахъ Славянъ Дунайскихъ, столь ужасныхъ для Имперіи, и заимствовашъ тамъ разныя благодѣтельные изобрѣшенія для жизни гражданской.

Лѣтописецъ не объявляетъ времени, когда построены другіе Славянскіе, такъ

же весьма древніе города въ Россіи: Изъ-борскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ, Чер-^{борскъ}ниговъ; знаемъ только, что первые при-^{По-}снованы Кривичами и были уже въ де-^{Смо-}вятомъ вѣкѣ, а послѣдніе въ самомъ на-^{Лю-}чалъ десятаго; но они могли существо-^{бечъ,}вашъ и гораздо прежде. Черниговъ и Лю-^{ни-}бечъ принадлежали къ области Сѣверянъ ^{говъ}⁷¹.

Кромѣ народовъ Славянскихъ, по сказанію Нестора, жили тогда въ Россіи и многіе иноплеменные: *Меря* вокругъ Ро-^{Фин-}стова и на озеръ Клецянъ или Переслав-^{ские}скомъ; *Мурома* на Окѣ, гдѣ сія рѣка впа-^{или}даешъ въ Волгу; *Черемиса*, *Мещера*, *Мордва*,^{Чуд-}на Юговоспокъ ошъ Мери; *Ливъ* въ Ли-^{ские}воніи; *Чудъ* въ Эспоніи и на Воспокъ къ^{наро-}*Ладожскому озеру*; *Нарова* тамъ, гдѣ Нар-^{ды въ}ва; *Яль* или *Ель* въ Финляндіи; *Весъ* на^{Рос-}Бѣльозерѣ; *Перль* въ Губерніи сего име-^{сін.}ни; *Югра*, или нынѣшніе Березовскіе Остяки, на Оби и Сосвѣ; *Пехора* на рѣкѣ Печорѣ ⁷². Нѣкоторые изъ сихъ народовъ уже исчезли въ новѣйшія времена, или смѣшались съ Россіянами; но другіе существуюшъ и говорятъ языками споль между собою сходственными, что можемъ несомнительно признашъ ихъ, равно какъ и Лапландцевъ, Зырянъ, Остяковъ Обскихъ, Чувашъ, Вошяковъ, народами

единоплеменными и называть вообще *Финскими*⁷³. Уже Тацитъ, въ первомъ столѣтїи, говоритъ о сосѣдственныхъ съ Венадами Финнахъ, которые жили издревле въ полунощной Европѣ. Лейбницъ и новѣйшіе Шведскіе Историки согласно думаютъ, что Норвегія и Швеція были некогда населены ими — даже самая Данія, по мнѣнію Гроція. Отъ моря Бальтійскаго до Ледовитаго, отъ глубины Европейскаго Сѣвера на Воспокъ до Сибири, до Урала и Волги, разсѣялись многочисленныя племена Финновъ. Не знаемъ, когда они въ Россіи поселились; но не знаемъ также и никого старобытнѣе ихъ въ сѣверныхъ и воспочныхъ ея климахахъ. Сей народъ, древнїй и многочисленнѣй, занимавшїй и занимающїй такое великое пространство въ Европѣ и въ Азіи, не имѣлъ Испорика, ибо никогда не славился побѣдами, не опшнмалъ чуждыхъ земель, но всегда уступалъ свои: въ Швеціи и Норвегіи Готтамъ, а въ Россіи, можетъ быть, Славянамъ, и въ одной нищепѣ искалъ для себя безопасности: »не имѣя« (по словамъ Тацита) »ни домовъ, ни коней, ни оружія; питаясь шкурами, одѣваясь кожами звѣриными, укрывался отъ непогодъ подъ сплетенными вѣшвами»⁷⁴. Въ Тацито-

вомъ описанїи древнихъ Финновъ мы узнаемъ отчасти и нынѣшнихъ, особенно же Лапландцевъ, которые отъ предковъ своихъ наслѣдовали и бѣдность и грубые нравы, и мирную безопасность невѣжества. »Не боясь ни хищности людей, ни гнѣва »боговъ« (пишетъ сей краснорѣчивый Историкъ) »они прїобрѣли самое рѣдкое »въ мїрѣ благо: счастливую отъ судьбы »независимость!«

Но Финны Россійскіе, по сказанію нашего Лѣтописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описываетъ ихъ Римскїй Историкъ: имѣли не только постоянныя жилища, но и города: Весь Бѣлоозеро⁷⁵, Меря Росповъ, Муромъ Муромъ. Лѣтописецъ, упоминающїй сихъ городахъ въ извѣстіяхъ IX вѣка, не зналъ, когда они построены. — Древняя Исторія Скандинавовъ (Данчанъ, Норвежцевъ, Шведовъ) часто говоритъ о двухъ особенныхъ спранахъ Финскихъ, вольныхъ и независимыхъ: Кириаландїи и Біарміи. Первая отъ Финскаго залива простиралась до самаго Бѣлаго моря, вмѣщала въ себя нынѣшнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской Губерніи; граничила на Воспокъ съ Біарміею, а на Сѣверозападъ съ Квенландіею или Калніею⁷⁶.

Жипели ея безпокоили набѣгами земли сосѣдственныя, и славились мнимымъ волшебствомъ еще болѣе, нежели храбростію. *Біармію* называли Скандинавы всю обширную страну отъ Сѣверной Двины и Бѣлаго моря до рѣки Печоры, за коею они воображали Юшунгеймъ, отчизну ужасовъ Природы и злаго чародѣйства. Имя нашей Перми есть одно съ именемъ древней Біарміи, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская Губерніи. *Исландскія повѣсти* наполнены сказаніями о сей великой Финской области⁷⁷; но баснословіе ихъ можетъ быть любопытно для однихъ легковѣрныхъ. Первое, дѣйствительно историческое свидѣтельство о Біарміи находимъ въ путешествіи Норвежскаго мореходца Опера, который въ девятомъ вѣкѣ окружилъ Нордъ-Капъ, доплывалъ до самаго устья Сѣверной Двины, слышалъ отъ жипелей многое о странѣ ихъ и земляхъ сосѣдственныхъ, но сказываеиъ единственно то, что народъ Біармскій многочисленъ и говоритъ почти однимъ языкомъ съ Финнами⁷⁸.

Между сими иноплеменными народами, жипелями или сосѣдами древней Россіи, Несторъ именуеиъ еще Лепголу (Ливон-

скихъ Лапышей), Зимголу (въ Семигаліи), Ла-Корсь (въ Курляндіи) и Липву, которые не принадлежатъ къ Финнамъ, но вмѣстѣ ^{пльмскіе} съ древними Пруссами составляютъ ^{двѣ} народъ Лапышскій⁷⁹. Въ языкѣ его найдены многесіи Славянскихъ, довольно Готскихъ и Финскихъ словъ: изъ чего основательно заключаюиъ Историки, что Лапыши происходятъ отъ сихъ народовъ. Съ великою вѣроятностію можно опредѣлить даже и начало бытія ихъ. Когда Готы удалились къ предѣламъ Имперіи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточные берега моря Балтійскаго; смѣшались тамъ съ остатками первобытныхъ жипелей, п. е. съ Готами; начали истреблять лѣса для хлѣбопашества и прозвались Лапышами или *обитателями земель расчищенныхъ*: ибо *лата* знаменуетъ на языкѣ Липовскомъ *расчищеніе*. Ихъ, кажется, называеиъ Юрландъ Видваріями, которые въ половинѣ шестаго вѣка жили около Данцига, и состояли изъ разныхъ народовъ⁸⁰: съ чѣмъ согласно и древнее преданіе Лапышей, увѣряющихъ, что ихъ первый Государь, именемъ Видвухъ, царствовалъ на берегахъ Вислы, и тамъ образовалъ народъ свой, который населилъ Липву,

Пруссію, Курляндію, Лешландію, гдѣ оны и донныѣ находились, и гдѣ, до самаго введенія Христіанской Вѣры, управлялъ имъ свѣрный Далай-Лама, главный судія и Священникъ Криве, жившій въ Прусскомъ мѣстечкѣ Ромовъ⁸¹.

Многіе изъ сихъ Финскихъ и Лапышскихъ народовъ, по словамъ Нестора, были данниками Россіянъ: должно разумѣть, что Лѣтописецъ говоритъ уже о своемъ времени, то есть о XI вѣкѣ, когда предки наши овладѣли почти всею нынѣшнею Россіею Европейскою. До временъ Рюрика и Олега они не могли бытъ великими завоевателями, ибо жили особенно, по ко-

Между
доусо-
біе
Сла-
влянъ
Рос-
сій-
скихъ.

лѣпамъ; не думали соединять народныхъ силъ въ общемъ правленіи, и даже изпуряли ихъ войнами междоусобными. Такъ Несторъ упоминаетъ о нападеніи Древлянъ, лѣсныхъ обитателей, и прочихъ окрестныхъ Славянъ на шихихъ Полянъ Кіевскихъ, которые болѣе ихъ наслаждались выгодами соспоянія гражданскаго, и могли бытъ предметомъ зависти. Люди грубые, полудикіе, не знаютъ духа народнаго, и хопятъ лучше вдругъ опшиать, нежели медленно присвоить себѣ пакія выгоды мирнымъ шрудолюбіемъ. Сіе междоусобіе предавало Славянъ Россійскихъ

въ жертву внѣшнимъ непріятелемъ. Обры Господствую
или Авары, въ VI и VII вѣкѣ господствуя
въ Дакии, повелѣвали и Дульбами, оби-
тавшими на Бугѣ; нагло оскорбляли цѣ-
ломудріе женъ Славянскихъ и впрягали
ихъ, вмѣсто воловъ и коней, въ свои ко-
лесницы; но сіи варвары, *великіе тѣломы*
и гордые уломы (пишеть Несторъ), исче-
зли въ нашемъ опечествѣ оны моровой
язвы, и гибель ихъ долго была послови-
цею въ землѣ Русской⁸². — Скоро яви-
лись другіе завоеватели: на Югѣ Козары,
Варяги на Сѣверѣ.

Козары или Хазары, единоплеменные Коза-
ръ
съ Турками, издревле обитали на запад-
ной спорой Каспійскаго моря, называе-
маго Хазарскимъ въ Географіяхъ Воспоч-
ныхъ⁸³. Еще съ ипрешьяго столѣтія
они извѣстны по Арменскимъ лѣтопи-
сямъ: Европа же узнала ихъ въ четвер-
томъ вѣкѣ вмѣстѣ съ Гуннами, между
Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, на степяхъ
Астраханскихъ. Апшила власпиво-
валъ надъ ними: Болгары шакже, въ исхо-
дѣ V вѣка; но Козары, все еще сильныя,
опуспошали между шѣмъ южную Азію,
и Хозрой, Царь Персидскій, долженъ былъ
заградить оны ихъ свои области огром-
ною стѣною, славною въ лѣтописяхъ

подъ именемъ Кавказской, и донынѣ еще удивительною въ своихъ развалинахъ⁸⁴. Въ VII вѣкѣ они являюся въ Испоріи Византійской съ великимъ блескомъ и могуществомъ, даютъ многочисленное войско въ помощь Императору (который изъ благодарности надѣлъ Диадиму Царскую на ихъ Кагана или Хакана⁸⁵, именуюя его сыномъ своимъ); два раза входящъ съ нимъ въ Персію, нападаютъ на Угровъ, Болгаровъ, ослабленныхъ раздѣломъ сыновей Кувраповыхъ, и покоряютъ всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго, Фанагорію, Воспоръ и большую часть Тавриды, называемой попомъ нѣсколько вѣковъ *Козаріею*⁸⁶. Слабая Греція не смѣла отражать новыхъ завоевателей; ея Цари искали убѣжища въ ихъ спанахъ, дружбы и родства съ Каганами; въ знакъ своего къ нимъ почтенія украшались въ нѣкопорые торжественные дни одеждою Козарскою, и сразу свою составили изъ сихъ храбрыхъ Азіатцевъ. Имперія въ самомъ дѣлѣ могла хвалиться ихъ дружбою; но оставляя въ покоѣ Константинополь, они свирѣпствовали въ Арменіи, Иверіи, Мидіи; вели кровопролитныя войны съ Аравіянцами, тогда уже могущественными,

и нѣсколько разъ побѣждали ихъ знаменитыхъ Калифовъ.

Разсѣянныя племена Славянскія не могли противиться такому неурядищу, когда онъ силу оружія своего въ исходѣ VII вѣка, или уже въ VIII, обратилъ къ берегамъ Днѣпра и самой Оки. Жители Кіевскіе, Сѣверяне, Радимичи и Вліпичи признали надъ собою власть Каганову. »Кіевляне«— пишеть Неспоръ— »дали своимъ завоевателямъ по *меху съ дыла*, и »мудрые старцы Козарскіе въ горестномъ »предчувствіи сказали: *мы будемъ данни-кали сихъ людей: ибо мехи ихъ остры съ обѣихъ сторонъ, а наши сабли ильютъ одно лезвее.*« Басня изобрѣтенная уже въ счастливыя времена оружія Россійскаго, въ X или XI вѣкѣ! По крайней мѣрѣ завоеватели не удовольствовались мечали, но обложили Славянъ иною данію, и брали, какъ говоритъ самъ Лѣтописецъ, по бѣлкѣ съ дома: налогъ весьма естественный въ земляхъ сѣверныхъ, гдѣ теплая одежда бываетъ одною изъ главныхъ потребностей человѣка, и гдѣ промышленность людей ограничивалась только необходимымъ для жизни. Славяне, долго грабивъ за Дунаемъ владѣнія Греческія, знали цѣну золота и серебра; но

сіи металлы еще не были въ народномъ употребленіи между ими. Козары искали золота въ Азіи, и получали его въ даръ отъ Императоровъ; въ Россіи же, богатой единственно дикими произведеніями Натуры, довольствовались подданствомъ жителей и добычею ихъ звѣриной ловли. Иго сихъ завоевателей, кажешся, не угнетало Славянъ: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ нашъ, изобразивъ бѣдствія, претерпѣвшаго народомъ его отъ жестокости Обровъ, не говоритъ ничего подобнаго о Козарахъ. Все доказываетъ, что они имѣли уже обычаи гражданскіе. Ханы ихъ жили издавна въ Балангарѣ или Ашелѣ (богатой и многочисленной столицѣ, основанной близъ Волжскаго устья Хозроемъ, Царемъ Персидскимъ), а послѣ въ знаменитой купеческомъ Тавридѣ. Гунны и другіе Азіатскіе варвары любили только разрушать города; но Козары претовали искусныхъ зодчихъ отъ Греческаго Императора Теофила и построили на берегу Дона, въ нынѣшней землѣ Козаковъ, крѣпость Саркель для защиты владѣній своихъ отъ набѣга кочующихъ народовъ; въроятно, что *Каганово городище*, близъ Харькова, и другія, называемыя *Козарскими*, близъ Воронежа, суть также памят-

ники ихъ древнихъ, хотя и неизвѣстныхъ намъ городовъ. Бывъ сперва идолопоклонники, они въ осьмомъ столѣтіи приняли Вѣру Іудейскую, а въ 858 Христіанскую⁸⁷.... Ужасая Монаховъ Персидскихъ, самыхъ грозныхъ Калифовъ, и покровительствуя Императоровъ Греческихъ, Козары не могли предвидѣть, что Славяне, поработанные ими безъ всякаго кровопролитія, испровергнутъ ихъ сильную Державу.

Но могущество нашихъ предковъ на Югѣ должноствовало быть слѣдствіемъ подданства ихъ на Сѣверѣ. Козары не властвовали въ Россіи далѣе Оки: Новгородцы, Кривичи были свободны до 859 года. Тогда — замѣтимъ сіе *первое хронологическое* показаніе въ Несторѣ — какіе-то смѣлые и храбрые завоеватели, именуемые въ нашихъ лѣтописяхъ Варя-Варганами, пришли изъ-за Бальтійскаго моря^{III} и наложили дань на Чудь, Славянъ Ильменскихъ, Кривичей, Мерю, и хотя были чрезъ два года изгнаны ими, но Славяне, упомянутые внутренними раздорами, въ 862 году снова призвали къ себѣ прехъ братьевъ Варяжскихъ, отъ племени Рус-Русьскаго, которые сдѣлались первыми Властителями въ нашемъ древнемъ опече-

спѣвъ, и по которымъ оно стало именовахся *Русью*⁸⁸. — Сіе происшествіе важное, служащее основаніемъ Испоріи и величія Россіи, требуетъ опъ насъ особеннаго вниманія и разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ.

Прежде всего рѣшимъ вопросъ: кого именуешь Неспоръ Варягами? Мы знаемъ, что Бальтійское море издревле называлось въ Россіи *Варяжскимъ*⁸⁹: кто же въ сіе время — то есть, въ девятомъ вѣкѣ — господствовалъ на водахъ его? Скандинавы, или жилили трехъ Королевствъ, Даніи, Норвегіи и Швеціи, единоплеменные съ Готами. Они, подъ общимъ именемъ Нормановъ или *Сѣверныхъ людей*, громили тогда Европу⁹⁰. Еще Тацитъ упоминаетъ о мореходствѣ Свеоновъ или Шведовъ; еще въ шестомъ вѣкѣ Данчане приплывали къ берегамъ Галліи⁹¹: въ концѣ осьмага слава ихъ уже вездѣ гремѣла, и флаги Скандинавскіе, развѣваясь предъ глазами Карла Великаго, смиряли гордость сего Монарха, который съ досадою видѣлъ, что Норманы презираютъ власть и силу его. Въ девятомъ вѣкѣ они грабили Шотландію, Англію, Францію, Андалузію, Италію; утвердились въ Ирландіи и построили тамъ

города, которые донинѣ существуютъ; въ 911 году овладѣли Нормандіею; наконецъ основали Королевство Неаполитанское, и подъ начальствомъ храбраго Вильгельма въ 1066 году покорили Англію. Мы уже говорили о древнемъ ихъ плаваніи вокругъ Нордъ-Капа или Сѣвернаго мыса: нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что они за 500 лѣтъ до Колумба открыли полунощную Америку и торговали съ ея жителями⁹². Предпринимая такіа отдаленныя путешествія и завоеванія, могли ли Норманы оставить въ покоѣ страны ближайшія: Эспонію, Финляндію и Россію? Не лзя, конечно, вѣрить Датскому Исторіку Саксону Грамматику, именуемому Государей, которые будто бы царствовали въ нашемъ опечествѣ прежде Рождества Христова и вступали въ родственные союзы съ Королями Скандинавскими⁹³: ибо Саксонъ не имѣлъ никакихъ историческихъ памятниковъ для описанія сей глубокой древности, и замѣнялъ оныя вымыслами своего воображенія; не лзя также вѣрить и баснословнымъ *Исландскимъ повѣстямъ*, сочиненнымъ, какъ мы уже замѣтили, въ новѣйшія времена и не рѣдко упоминающимъ о древней Россіи, которая назы-

ваются въ нихъ Оспрагардомъ, Гардарикию, Гольмгардомъ и Грецію: но Руническіе камни, находимые въ Швеціи, Норвегій, Даніи, и гораздо древнѣйшіе Христіанства, введеннаго въ Скандинавіи около десятиаго вѣка, доказываютъ своими надписями (въ коихъ именуется Girkia, Grikia или Россія), что Норманы давно имѣли съ нею сообщеніе⁹⁴. А какъ въ то время, когда, по извѣстію Неспоровой лѣтописи, Варяги овладѣли странами Чуди, Славянъ, Кривичей и Мери, не было на Сѣверѣ другаго народа, кромѣ Скандинавовъ, споль опважнаго и сильнаго, чптобы завоевать всю обширную землю отъ Бальтійскаго моря до Роспова (жилица Мери): то мы уже съ великою вѣроятностію заключимъ можемъ, чпто Лѣтописецъ нашъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ Варяговъ. Но сія вѣроятность обращается въ совершенное удостовѣреніе, когда прибавимъ къ ней слѣдующія обстоятельства:

I. Имена прехъ Князей Варяжскихъ — Рюрика, Синеуса, Трувора — призванныхъ Славянами и Чудью, суть неоспоримо Норманскія: такъ въ лѣтописяхъ Франкскихъ около 850 года — чпто достойно замѣчанія — упоминается о прехъ *Рорикахъ*:

одинъ названъ Вождемъ Дашчанъ, другой Королемъ (Rex) Норманскимъ, прешій просто Норманомъ⁹⁵; они воевали берега Фландріи, Эльбы и Рейна. Въ Саксонѣ Граммахикъ, въ Спурлезонѣ и въ *Исландскихъ повѣстьяхъ*, между именами Князей и Вишязей Скандинавскихъ, находимъ *Рурика, Рерика, Трувара, Трувора, Сніо, Снія*. — II. Русскіе Славяне, будучи подъ владѣніемъ Князей Варяжскихъ, назывались въ Европѣ *Норманами*: чпто утверждено свидѣльствомъ Луппранда, Кременскаго Епископа, бывшаго въ десятиомъ вѣкѣ два раза Посломъ въ Констанцинополь. » Руссовъ, говоритъ онъ, именуемъ » и Норманами.« — III. Цари Греческіе имѣли въ первомъ-надесять вѣкѣ особенныхъ шѣлохранищелей, которые назывались *Варягами, Варагунъ*, а по своему *Waringar*, и состояли большею частію изъ Нормановъ⁹⁶. Слово Vaere, Vara, есть древнее Готское и значить *союзъ*: толпы Скандинавскихъ вишязей, отправляясь въ Россію и въ Грецію искать счастья, могли именовать себя Варягами въ смыслѣ *союзниковъ* или товарищей⁹⁷. Сіе нарицательное имя обратилось въ собственное. — IV. Констанцинъ Багрянородный, царствовавшій въ десятиомъ вѣкѣ, описы-

вая сосѣдственныя съ Имперією земли, говоришь о порогахъ Днѣпровскихъ и сообщаетъ имена ихъ на *Славянскомъ* и *Русскомъ* языкѣ. Русскія имена кажутся Скандинавскими: по крайней мѣрѣ не могутъ быть изъяснены иначе⁹³. — V. Законы, данные Варяжскими Князьями нашему Государству, весьма сходны съ Норманскими. Слова *Тунъ*, *Вира* и прочія, которыя находясь въ *Русской Правдѣ*, суть древнія Скандинавскія или Нѣмецкія (о чемъ будемъ говоришь въ своемъ мѣстѣ). — VI. Самъ Неспоръ повѣствуетъ, что Варяги живутъ на морѣ Бальшійскомъ къ Западу⁹⁹, и что они разныхъ народовъ: Урмяне, Свіе, Англяне, Готы. Первое имя въ особености означаетъ Норвежцевъ, второе Шведовъ, а подъ Готами Неспоръ разумѣетъ жителей Шведской Готіи. Англяне же причислены имъ къ Варягамъ для того, что они вмѣстѣ съ Норманами сославляли Варяжскую дружину въ Констаншинополь¹⁰⁰. И такъ сказаніе нашего собственнаго Лѣтописца подтверждаетъ истину, что Варяги его были Скандинавы¹⁰¹.

Но сіе общее имя Данчанъ, Норвежцевъ, Шведовъ, не удовлетворяетъ любопытству Историка: мы желаемъ знать,

какой народъ, въ особености назывался *Русью*, далъ отечеству нашему и первыхъ Государей и самое имя, уже въ концѣ девятаго вѣка страшное для Имперіи Греческой? Напрасно въ древнихъ лѣтописяхъ Скандинавскихъ будемъ искать объясненія: тамъ нѣтъ ни слова о Рюрикѣ и братьяхъ его, призванныхъ властвовать надъ Славянами¹⁰²; однакожь Историки находятъ основательныя причины думать, что Неспоровы Варяги-Русь обитали въ Королевствѣ Шведскомъ, гдѣ одна приморская область издавна именуется *Росскою*, *Ros-lagen*¹⁰³. Жители ея могли въ VII, VIII или IX вѣкѣ быть извѣстны, въ земляхъ сосѣдственныхъ, подъ особеннымъ названіемъ, такъ же, какъ и Готландцы, коихъ Неспоръ всегда отличаетъ отъ Шведовъ¹⁰⁴. Финны, имѣя нѣкогда съ *Рос-лагеномъ* болѣе сношенія, нежели съ прочими странами Швеціи, донынѣ именуютъ *всѣхъ* ея жителей вообще *Россами*, *Ротсами*, *Руотсами*¹⁰⁵. — Сіе мнѣніе основывается еще на любопытномъ свидѣтельствѣ историческомъ.

Въ Бертинскихъ Лѣтописяхъ, изданныхъ Дюшеномъ, между случаями 839 года описывается слѣдующее происшествіе¹⁰⁶: »Греческій Императоръ Теофилъ прислалъ

»Пословъ къ Императору Франковъ, Людовигу *Благонравному*, и съ ними людей, которые называли себя *Россали* (Rhos), а Короля своего Хаканомъ (или Гаканомъ), ии прїѣзжали въ Констанцинополъ для заключенія дружественнаго союза съ Имперією. Теофилъ въ грамотѣ своей просилъ Людовига, чтобы онъ далъ имъ способъ безопасно возвратиться въ ихъ отечество: ибо они ѣхали въ Констанцинополъ чрезъ земли многихъ дикихъ, варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ: для чего Теофилъ не хотѣлъ снова подвергнуть ихъ такимъ опасностямъ. Людовигъ, спрашивая сихъ людей, узналъ, что они принадлежатъ къ народу *Шведскому*. — Гаканъ былъ конечно однимъ изъ Владѣтелей Швеціи, раздѣленной тогда на маленькія области, и свѣдавъ о славѣ Императора Греческаго, вздумалъ отправить къ нему Пословъ.

Сообщимъ и другое мнѣніе съ его доказательствомъ. Въ *Степенной Книгѣ* XVI вѣка и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями вышелъ изъ *Пруссіи*, гдѣ издавна назывались Курскій заливъ *Русною*, сѣверный рукавъ Нѣмена или Мемеля *Руссою*, окрестности же ихъ *Порусельмъ*. Ва-

ряги-Русь могли переселились туда изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, изъ самаго Рослагена, согласно съ извѣстіемъ древнѣйшихъ Лѣтописцевъ Пруссіи, увѣряющихъ, что ея первобытныя жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были въ гражданскомъ сословіи образованы Скандинавскими выходцами, которые умѣли чинить и писать. Долго обитавъ между Лашышами, они могли разумѣть языкъ Славянскій и лѣтъ удобнѣ примѣнились къ обычаямъ Славянъ Новгородскихъ. Симвъ удовлетворительно изъясняется, отъ чего въ древнемъ Новѣгородѣ одна изъ многочислѣннѣйшихъ улицъ называлась Прусскою. Замѣтимъ также свидѣтельство Географа Равенскаго: онъ жилъ въ VII вѣкѣ, и пишетъ, что близъ моря, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Висла, есть отечество *Роксоланъ*¹⁰⁷: думаютъ, нашихъ Россовъ, кои въ владѣніе могло простираеться отъ Курскаго залива до устья Вислы. — Вѣроятность остается вѣроятностию: по крайней мѣрѣ знаемъ, что какой-то народъ *Шведскій* въ 839 году, слѣдственно еще до пришествія Князей Варяжскихъ въ землю Новгородскую и Чудскую, именовался въ Констанцинополѣ и въ Германіи *Россали*¹⁰⁸.

Предложивъ опвѣсть на вопросы: *кто были Варяги* вообще и *Варяги - Русь* въ особенностяхъ¹⁰⁹? скажемъ мнѣніе свое о Неспоровой Хронологіи. Не скоро Варяги могли овладѣть всею обширною спраною отъ Бальшійскаго моря до Роспова, гдѣ обиталъ народъ Меря; не скоро могли въ ней утвердиться, такъ, чптобы обложитъ всѣхъ жителей данію; не вдругъ могли Чудь и Славяне соединиться для изгнанія завоевателей, и всего труднѣе вообразить, чптобы они, освободивъ себя отъ рабства, *немедленно* захотѣли снова опдаться во власть чужеземцевъ: но Лѣтописецъ объявляетъ, чпто Варяги пришли отъ Бальшійскаго моря въ 859 году, и чпто въ 862 Варягъ Рюрикъ и братья его уже княжили въ Россіи полуночною¹¹⁰!.. Междоусобіе и внутренніе безпорядки открыли Славянамъ опасность и вредъ народнаго правленія; но не зная инаго въ печеніе многихъ спольшій, уже ли въ *нѣсколько лѣтъ* они возненавидѣли его и единодушно увѣрились въ пользу Самодержавія? Для сего надлежало бы, кажется, перемениться обычаямъ и нравамъ; надлежало бы имѣть опытность долговременную въ несчастіяхъ: но обычай и нравы не могли перемениться въ два го-

да Варяжскаго правленія, до котораго они, по словамъ Нестора, умѣли довольствоваться древними законами опцевъ своихъ. Чпто вооружило ихъ противъ Норманскихъ завоевателей? любовь къ независимости — и вдругъ сей народъ пребуешь уже Власпителей?.. Историкъ долженъ по крайней мѣрѣ изъяснить сомнѣніе и признать вѣроятною мысль нѣкоторыхъ ученыхъ мужей, полагающихъ, чпто Норманы ранѣе 859 года брали дань съ Чуди и Славянъ¹¹¹. Какъ Неспоръ могъ знать годы происшествій за 200 и болѣе лѣтъ до своего времени? Славяне, по его же извѣстію, тогда еще не вѣдали употребленія буквъ¹¹²: слѣдственно онъ не имѣлъ никакихъ письменныхъ памятникъ для нашей *древней* Исторіи, и считалъ годы со временъ Императора Михаила, какъ самъ говоритъ, для того, чпто Греческіе Лѣтописцы относятъ первое нашествіе Россіянъ на Конспаншинополь къ Михайлову царствованію¹¹³. Изъ сего едва ли не должно заключить, чпто Неспоръ по одной догадкѣ, по одному вѣроятному соображенію съ извѣстіями Византійскими, хронологически расположилъ начальныя происшествія въ своей лѣтописи. Самая краткость его въ описаніи

временъ Рюриковыхъ и слѣдующихъ за-
спавляетъ думашь, что онъ говоришь о
помѣ единственно по изустнымъ преда-
ніямъ, всегда немногословнымъ. Тѣмъ до-
сповѣрнѣе сказаніе нашего Лѣтописца
въ разсужденіи главныхъ случаевъ: ибо
сія краткость доказываетъ, что онъ не
хотѣлъ прибѣгать къ вымысламъ; но лѣ-
тосчисленіе дѣлается сомнительнымъ. При
Дворѣ Великихъ Князей, въ ихъ дружинѣ
опшорной и въ самомъ народѣ должен-
ствовала хранишься память Варяжскаго
завоеванія и первыхъ Государей Россіи;
но вѣроятно ли, чтобы спарцы и Болре
Княжескіе, коихъ разсказы служили, мо-
жешъ бышь, основаніемъ нашей древнѣй-
шей лѣтописи, умѣли съ точностію опре-
дѣлишь годъ каждаго случая? Положимъ,
что языческіе Славяне, замѣчая лѣта ка-
кими нибудь знаками, имѣли вѣрную хро-
нологію¹¹⁴: одно ея соображеніе съ хро-
нологіею Византійскою, принятою ими
вмѣстѣ съ Христіанствомъ, не могло ли
ввести нашего перваго Лѣтописца въ
ошибку? — Впрочемъ мы не можемъ за-
мѣнить лѣтосчисленія Несторова другимъ
вѣрнѣйшимъ; не можемъ ни рѣшительно
опровергнушь¹¹⁵, ни исправить его, и для
того, слѣдуя оному во всѣхъ случаяхъ,

начинаемъ Исторію Государства Россій-
скаго съ 862 года.

Но прежде должно имѣшь понятіе о
древнели характерѣ народа Славянскаго
вообще, чтобы Исторія Славянъ Россій-
скихъ была для насъ и яснѣе и любо-
пытнѣе. Воспользуемся извѣстіями со-
временныхъ Византійскихъ и другихъ, не
менѣе досповѣрныхъ Лѣтописцевъ, при-
бавивъ къ нимъ сказанія Несторовы о
нравахъ предковъ нашихъ въ *особенности*.

Г Л А В А III.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ И ПРАВСТВЕН- НОМЪ ХАРАКТЕРѢ СЛАВЯНЪ ДРЕВ- НИХЪ.

Ихъ природное сложеніе и свойства: храбрость, хищ-
ность, жестокость, добродушіе, гостепріимство.
Брачное цѣломудріе. Жены и дѣти. Нравы Славянъ
Россійскихъ въ особенностіи. Жилища. Скотовод-
ство и земледѣліе. Пища, одежда. Торговля. Искус-
ства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисленіе.
Имена мѣсяцевъ. Правленіе. Вѣра. Языкъ и грамота.

Не только въ спешеняхъ гражданскаго
образованія, въ обычаяхъ и нравахъ, въ
душевныхъ силахъ и способностяхъ ума,

но и въ самыхъ пѣлесныхъ свойствахъ видимъ такое различіе между народами, что остроумнѣйшій Писатель XVIII вѣка, Вольтеръ, не хотѣлъ вѣрить ихъ общему происхожденію отъ одинаго корня или племени. Другіе, конечно справедливые и сообразные съ нашими Священными преданіями, изъясняютъ сіе несходство дѣйствиємъ разныхъ климатовъ и естественныхъ, невольныхъ привычекъ, которыя отъ онаго рождаются въ людяхъ. Если два народа, обитающіе подъ вліяніемъ одного неба, представляютъ намъ великое различіе въ своей наружности и въ физическихъ свойствахъ: то можемъ смѣло заключить, что они не всегда жили сопредѣльно. Климатъ умѣренный, не жаркій, даже холодный, способствуя долготѣи, какъ замѣчаютъ Медики, благопріятствуетъ и крѣпости состава и дѣйствию сихъ пѣлесныхъ. Обитатели южнаго Пояса, помимый зномя, опдыхаютъ болѣе, нежели шрудятся, — слабѣютъ въ нѣгѣ и въ праздности. Но живутъ полунощныхъ земель любящъ движеніе, согрѣвая имъ кровь свою; любящъ дѣятельность; привыкаютъ сносить частыя перемѣны воздуха, и шерпнѣемъ укрѣпляются. Таковы были

древніе Славяне по описанію современныхъ Историковъ, которые согласно изображаютъ ихъ бодрыми, сильными, неушомимыми. Презирая непогоды, свойственныя климату сѣверному, они сносили голодъ и всякую нужду; пипались самою грубою, сырою пищею; удивляли Грековъ своею быспропою; съ чрезвычайною легкостію всходили на крупизны, спускались въ разсѣлины; смѣло бросались въ опасныя болопа и въ глубокія рѣки. Думая безъ сомнѣнія, что главная красота мужа есть крѣпость въ пѣль, сила въ рукахъ и легкость въ движеніяхъ, Славяне мало пеклись о своей наружности: въ грязи, въ пыли, безъ всякой опрятности въ одеждѣ, являлись во многочисленномъ собраніи людей. Греки, осуждая сію нечистоту¹¹⁶, хвалятъ ихъ спройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и все безъ исключенія были русые, подобно другимъ кореннымъ Европейцамъ. — Сіе изображеніе Славянъ и Анповъ основано на свидѣтельствѣ Прокопія и Маврикія, которые знали ихъ въ VI вѣкѣ¹¹⁷.

Извѣстіе Юрнанда о Венедахъ, безъ великаго шруда покоренныхъ въ IV вѣкѣ

Храб-Гопѣскимъ Царемъ Эрманарихомъ, показываешь, что они еще не славились тогда воинскимъ искусствомъ. Послы опдаленныхъ Славянъ Бальтійскихъ, ушедшихъ изъ Баянова стана во Фракію, также описывали народъ свой тихимъ и миролюбивымъ¹¹³; но Славяне Дунайскіе, оспавивъ свое древнее опечесство на Сѣверѣ, въ VI вѣкѣ доказали Греціи, что храбрость была ихъ природнымъ свойствомъ, и что она съ малою опытностію торжествуетъ надъ искусствомъ долготѣпнымъ. Нѣсколько времени Славяне убѣгали сраженій въ опкрытыхъ поляхъ и боялись крѣпостей¹¹⁴; но узнавъ, какъ ряды Легіоновъ Римскихъ могутъ быть разрываемы нападеніемъ быспрымъ и смѣлымъ, уже нигдѣ не опказывались опъ бипвы, и скоро научились брать мѣша укрѣпленныя. Греческія лѣтописи не упоминаютъ ни объ одномъ главномъ или общемъ Полководцѣ Славянъ: они имѣли Вождей только частныхъ; сражались не спѣною, не рядами сомкнушыми, но шолпами разсѣянными, и всегда пыше, слѣдуя не общему велѣнію, не единой мысли начальника, а внушенію своей особенной, личной смѣлости и мужества; не зная благоразумной опсторожности, копорая

предвидитъ опасность и бережетъ людей, но бросаясь прямо въ средину враговъ. Чрезвычайная опважность Славянъ была споль извѣсна, что Ханъ Аварскій всегда спавилъ ихъ впереди своего многочисленнаго войска, и сіи люди неустрашимые, видя иногда измѣну хитрыхъ Аваровъ, гибли съ опчаяніемъ. — Византійскіе Историки пишутъ, что Славяне, сверхъ ихъ обыкновенной храбрости, имѣли особенное искусство бипся въ ущельяхъ, скривашся въ правѣ, изумлять непріятелей мгновеннымъ нападеніемъ и брать ихъ въ плѣнъ. Такъ знаменитый Велисарій, при осадѣ Авксима, избралъ въ войскѣ своемъ Славянина, чтобы схватилъ и предспавилъ ему одного Гопѣа живаго. Они умѣли еще долгое время таипся въ рѣкахъ и дышашъ свободно посредствомъ сквозныхъ простей, выспавляя конецъ ихъ на поверхность воды. — Древнее оружіе Славянское соспояло въ мечахъ, дрошикахъ, спрѣлахъ намазанныхъ ядомъ, и въ большихъ, весьма тяжелыхъ щипахъ¹²⁰.

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, можетъ ли въ людяхъ полудикихъ основывашся на одномъ славолубіи, сродномъ только человѣку образован-

нору? Скажемъ смѣло, что она была въ мѣрѣ злодѣйствомъ прежде, нежели обратилась въ добродѣпель, копорая утверждаетъ благоденствіе Государствъ: хищность родила ее, корысполубіе пишало. Славяне, ободренные воинскими успѣхами, чрезъ нѣкоторое время должнысповали отккрыть въ себѣ гордость народную, благородный источникъ дѣлъ славныхъ: опивѣвъ Лавришаса Послу Баянову доказываетъ уже сію великодушную гордость¹²¹; но что могло сначала вооружить ихъ противъ Римлянъ? Не желаніе славы, а желаніе добычи, копорую пользовались Готы, Гунны и другіе народы: ей жертвовали Славяне своею жизнію, и никакимъ другимъ варварамъ не уступали въ хищности. Поселяне Римскіе, слыша о переходѣ войска ихъ за Дунай, оставляли дома и спасались бѣгствомъ въ Конспаннинополь со всею имѣніемъ; туда же спѣшили и Священники съ драгоценною утварію церковною¹²². Иногда, гонимые сильнѣйшими Легіонами Имперіи, и не имѣя надежды спасти добычу, Славяне бросали ее въ пламя, и врагамъ своимъ оставляли на пуши однѣ кучи пепла. Многіе изъ нихъ, не боясь поиска Римлянъ, жили на полуденныхъ берегахъ Ду-

Хищ-
поспѣ

ная въ пустыхъ замкахъ или пещерахъ, грабили селенія, ужасали земледѣльцевъ и путешественниковъ¹²³. — Лѣтописи VI вѣка изображаютъ самыми черными красками жестокость Славянъ въ разсужденіи Грековъ¹²⁴; но сія жестокость, свойственная впрочемъ народу необразованному и воинственному, была также и дѣйствіемъ мести. Греки, озлобленные ихъ частыми нападеніями, безжалостно терзали Славянъ, которые попадались имъ въ руки, и копорые сносили всякое изнѣжаніе съ удивительною твердостью, безъ вопля и стона; умирали въ мукахъ и не отвѣщивовали ни слова на распросы врага о числѣ и замыслахъ войска ихъ¹²⁵. — Такимъ образомъ Славяне свирѣпствовали въ Имперіи и не щадили собственной крови для пріобрѣтенія драгоценностей, имъ ненужныхъ: ибо они — вмѣсто того, чтобы пользоваться ими — обыкновенно зарывали ихъ въ землю¹²⁶.

Сіи люди, на войнѣ жестокие, оставя въ Греческихъ владѣніяхъ долговременную память ужасовъ ея, возвращались домой съ однимъ своимъ природнымъ добродушіемъ. Современный Историкъ горитъ, что они не знали ни лукавства, ни злости¹²⁷; хранили древнюю простоту

До-
бро-
душіе

пу нравовъ, неизвѣстную погдашнимъ Грекамъ; обходились съ плѣнными дружелюбно и назначали всегда срокъ для ихъ рабства, отдавая имъ на волю, или выкупишь себя и возвратишься въ отечество, или живишь съ ними въ свободѣ и братствѣ.

Го- Сполъ же единогласно хваляшь лѣп-
сте- ниса общее гостепрѣимство Славянъ, рѣд-
прѣим- кое въ другихъ земляхъ и донинѣ весьма
ство. обыкновенное во всѣхъ Славянскихъ: пакъ
слѣды древнихъ обычаевъ сохраняюща
въ печеніе многихъ вѣковъ, и самое оп-
даленное потомство наследуетъ нравы
своихъ предковъ. Всякой путешествен-
никъ былъ для нихъ какъ бы священ-
нымъ: встрѣчали его съ ласкою, угощали
съ радостію, провожали съ благослове-
ніемъ и сдавали другъ другу на руки. Хо-
зяинъ опѣшествовалъ народу за безопа-
сность чужеземца, и кто не умѣлъ обе-
речь госпа опъ бѣды или непріятности,
тому мешали сосѣды за сіе оскорбленіе
какъ за собственное¹²⁸. Славянинъ, выхо-
дя изъ дому, оставялъ дверь опворен-
ную и пищу готовую для спранника.
Купцы, ремесленники охотно посѣщали
Славянъ, между которыми не было для
нихъ ни воровъ, ни разбойниковъ¹²⁹; но

бѣдному челоуку, не имѣвшему способа
хорошо угостишь иноспранца, позволя-
лось украсишь все нужное для того у со-
сѣда богатаго: важный долгъ гостепрѣим-
ства оправдывалъ и самое преступленіе.
Не лзя видѣшь безъ удивленія сію крош-
кую добродѣтель — можно сказашь — обо-
жасную людьми споль грубыми и хищ-
выми, каковы были Дунайскіе Славяне.
Но если и добродѣтели и пороки *народ-
ные* всегда происходятъ опъ нѣкоторыхъ
особенныхъ обстоятельствъ и случаевъ,
по не можно ли заключишь, что Славя-
не были нѣкогда благопворены ино-
спранцами; что признапельность всели-
ла въ нихъ любовь къ гостепрѣимству,
а время обрапило его въ обыкновеніе и
законъ священный?.. Здѣсь предспавляюп-
ся мыслямъ нашимъ славные Финикіане,
копорые за нѣсколько вѣковъ до Рожде-
ства Христова могли шорговать съ Баль-
тійскими Венедями, и быишь ихъ наслав-
никами въ счастливыхъ изобрѣтеніяхъ
ума гражданскаго¹³⁰.

Древніе Писатели хваляшь цѣломудріе Брач-
не полько женъ, но и мужей Славянскихъ. цѣло-
Требуя опъ невѣспъ доказательства ихъ муд-
дѣвспвенной непорочности, они считали рге.
за свяшую для себя обязанность быишь

вѣрными супругамъ¹³¹. Славянки не хотѣли переживатьъ мужей, и добровольно сожигались на костръ съ ихъ трупами. Вдова живая безчестила семейство. Думающъ, что сіе варварское обыкновеніе, истребленное только благодѣтельнымъ ученіемъ Христіанской Вѣры, введено было Славянами (равно какъ и въ Индіи) для отвращенія тайныхъ мужеубійствъ: оспорожность ужасная не менѣе самаго злодѣянія, которое предупреждалось ею!

Же. Они считали женъ совершенными рабами, во всякомъ случаѣ безопѣшными; не дозволяли имъ ни противорѣчитьъ себѣ, ни жаловаться; обременяли ихъ трудами, заботами хозяйственными, и воображали, что супруга, умирая вмѣстѣ съ мужемъ, должна служить ему и на помъ свѣтѣ. Сіе рабство женъ происходило, кажешся, отъ того, что мужа обыкновенно покупали ихъ: обычай донынѣ соблюдаемый въ Иллиріи¹³². Удаленныя отъ дѣлъ народныхъ, Славянки ходили иногда на войну съ опцами и супругами, не боясь смерти: такъ при осадѣ Конспанпинополя въ 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многіе женскіе трупы¹³³. Мать, воспитывая дѣшей, готовила ихъ бытъ воинами и непримиримыми врагами

спѣхъ людей, которые оскорбили ея ближнихъ: ибо Славяне, подобно другимъ народамъ языческимъ, спыдились забывая обиду. Спрахъ неумолимой мести отворачивалъ иногда злодѣянія: въ случаѣ убійства не только самъ преступникъ, но и весь родъ его безпрестанно ожидалъ своей гибели отъ дѣшей убийцаго, которые требовали крови за кровь¹³⁴.

Говоря о жестокихъ обычаяхъ Славянь языческихъ, скажемъ еще, что всякая мать имѣла у нихъ право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишкомъ многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденнаго служилъ отечеству¹³⁵. Сему обыкновенію не уступало въ жестокости другое: право дѣшей умертвлять родителей, обремененныхъ спароспію и болѣзнями, пилгоспныхъ для семейства и бесполезныхъ согражданамъ¹³⁶. Такъ народы самые добродушные, безъ правилъ ума образованнаго и Вѣры истинной, съ спокойною совѣстію могутъ ужасать Природу своими дѣлами, и превосходить звѣрей въ лютоспи! Сіи дѣши, слѣдуя общему примѣру какъ закону древнему, не считали себя извергами: они, напросивъ того, славились почщеніемъ къ родителямъ,

и всегда пеклись объ ихъ благосостояніи¹³⁷.

Нравы
Славянъ
Россійскихъ

Къ описанію общаго характера Славянъ прибавимъ, что Неспоръ особенно говоритъ о нравахъ Славянъ Россійскихъ. Поляне были образованнѣе другихъ, крошечки и шихи обычаемъ; спыдливость украшала ихъ женъ; бракъ издревле считался свяшою обязанностію между ими; миръ и цѣломудріе господствовали въ семействахъ. Древляне же имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ которыми они жили среди лѣсовъ темныхъ, пишались всякою нечистою; въ распряхъ и ссорахъ убивали другъ друга; не знали браковъ, основанныхъ на взаимномъ согласіи родителей и супруговъ, но уводили или похищали дѣвицы. — Стверяне, Радимичи и Вяпичи уподоблялись нравами Древлянамъ; также не вѣдали ни цѣломудрія, ни союзовъ брачныхъ; но молодые люди обою пола сходились на игрища между селеніями: женихи выбирали невѣсть, и безъ всякихъ обрядовъ соглашались жить съ ними вмѣстѣ; многоженство было у нихъ въ обыкновеніи¹³⁸.

Сіи при народа, подобно Древлянамъ, обитали во глубинѣ лѣсовъ, которые были ихъ защитою отъ непріятелей и пред-

спавляли имъ удобность для звѣриной ловли¹³⁹. То же самое говоритъ Исторія VI вѣка о Славянахъ Дунайскихъ. Они строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ, такъ, что иноспранецъ не могъ путешествовать въ ихъ землѣ безъ вожакаго. Безпрестанно ожидая врага, Славяне брали еще и другую предосторожность: дѣлали въ жилищахъ своихъ разные выходы, чтобъ имъ можно было, въ случаѣ нападенія, пѣмъ скорѣе спастися бѣгствомъ, и скрывали въ глубокихъ ямахъ не только всѣ драгоценныя вещи, но и самый хлѣбъ.

Жилища.

Ослѣпленные безразсуднымъ корыслоубіемъ, они искали мнимыхъ сокровищъ въ Греціи, имѣя въ справѣ своей, въ Дакіи и въ окрестностяхъ ея, истинное богатство людей¹⁴⁰: пучные луга для скотоводства и земли плодоносныя для хлѣбопашества, въ коемъ они издревле упражнялись, и которое вывело ихъ — можешь бышь, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова — изъ дикаго, кочеваго сословія: ибо сіе благодѣтельное искусство было вездѣ первымъ шагомъ чело- вѣка къ жизни гражданской, вселило въ него привязанность къ одному мѣсту и

Скотоводство и земледѣліе.

къ домашнему кроу, дружескиво къ со-
сѣду и наконецъ самую любовь къ опечес-
честву. — Думающъ, что Славяне узнали
скоповодство только въ Дакии: ибо сло-
во *пастурь* есть Лапинское, слѣдствен-
но заимствованное ими отъ жипелей сей
земли, гдѣ языкъ Римлянъ былъ въ упо-
 употреблеи⁴¹; но сія мысль кажется не-
основательною. Будучи въ сѣверномъ
своемъ опечесчѣвѣ сосѣдами народовъ Гер-
манскихъ, Скиѣскихъ и Сарматскихъ, бо-
гатыхъ скоповодствомъ, Венеды или
Славяне должныствовали издревле вѣдать
сіе важное изобрѣщеніе человѣческаго хо-
зяйства, едва ли не вездѣ предупредившее
науку земледѣлія. — Пользуясь уже пшѣмъ
и другимъ, они имѣли все нужное для
человѣка; не боялись ни голода, ни сви-
рѣпостей зимы: поля и живошныя да-
вали имъ пищу и одежду. Въ VI вѣкѣ
Славяне питались просомъ, гречихою и
молокомъ; а послѣ выучились готовить
Пшца разныя вкусныя яства, не жалѣя ничего
для веселаго угощенія друзей, и доказы-
вая въ такомъ случаѣ свое радушіе изо-
бильною ирапезою: обыкновеніе, еще и
нынѣ наблюдаемое попомствомъ Славян-
скимъ. Медъ былъ ихъ любимымъ пи-
ніемъ: вѣроятно, что они сначала дѣлали

его изъ меду лѣсныхъ, дикихъ пчель; а
наконецъ и сами разводили ихъ⁴². — Ве-
неды, по извѣстію Тацитову, не опли-
чались одеждою отъ Германскихъ наро-
довъ, ш. е. едва закрывали нагопу своего.⁴³
Славяне въ VI вѣкѣ сражались безъ каф-
пановъ, нѣкоторые даже безъ рубахъ, въ
однихъ поршахъ. Кожи звѣрей, лѣсныхъ
и домашнихъ, согрѣвали ихъ въ холодное
время. Женщины носили длинное платье,
украшаясь бисеромъ и мепаллами, добы-
тыми на войнѣ или вымѣненными у куп-
цель иностранныхъ⁴⁴.

Сіи купцы, пользуясь совершенною без-
опасностию въ земляхъ Славянскихъ, при-
возили имъ повары и мѣняли ихъ на
скопъ, полотно, кожи, хлѣбъ и разную Тор-
воинскую добычу. — Въ VIII вѣкѣ Сла-
вяне сами ѣздили для купли и продажи
въ чужія земли. Карлъ Великій поручилъ
торговлю съ ними въ Нѣмецкихъ горо-
дахъ особенному надзиранію своихъ чинов-
никовъ⁴⁴. Въ среднихъ вѣкахъ цвѣли уже нѣ-
которые торговые города Славянскіе: Вин-
непа или Юлинь⁴⁵ при устьѣ Одера, Ар-
кона на оспровѣ Рюгенѣ, Демишъ, Волгаспъ
въ Поммераніи и другіе. Первую описы-
ваетъ Гельмольдъ слѣдующимъ образомъ:
»Гамъ, гдѣ рѣка Одеръ впадаетъ въ море

»Большійское, славилась нѣкогда Виннепа, лучшая пристань для народовъ сосѣдственныхъ. О семъ городѣ рассказываютъ много удивительнаго; увѣряютъ, что онъ превосходилъ величіемъ всѣ иныя города Европейскіе... Саксонцы могли обитать въ немъ, но должныствовали испить Христіанскую Вѣру свою: ибо граждане Виннепы усердно слѣдовали обрядамъ язычества; впрочемъ не успали никакому народу въ честности, добронравіи и ласковомъ гостепріимствѣ. Обогащенная поварами разныхъ земель, Виннепа изобиловала всѣмъ пріятнымъ и рѣдкимъ. Повѣствуютъ, что Король Датскій, пришедшій съ флотомъ сильнымъ, разрушилъ ее до основанія; но и нынѣ — ш. е. въ XII вѣкѣ — существуютъ остатки сего древняго города.» Впрочемъ торговля Славянъ, до введенія Христіанства въ ихъ земляхъ, состояла только въ обмѣнѣ вещей: они не употребляли денегъ и брали золото отъ чужестранцевъ единственно какъ товаръ¹⁴⁶.

Бывъ въ Имперіи, и видѣвъ собственными глазами изящныя творенія Греческихъ художествъ, наконецъ спроя города и занимаясь торговлею, Славяне имѣли нѣкоторое понятіе объ искусствахъ, сое-

Искусства.

диненныхъ съ первыми успѣхами разума гражданскаго. Они вырѣзывали на деревѣ образы челоука, птицы, звѣрей, и красили ихъ разными цвѣтами, которые не измѣнялись отъ солнечнаго жара и не смывались дождемъ. Въ древнихъ могилахъ Вендскихъ нашлись многія глиняныя урны, весьма хорошо сдѣланныя, съ изображеніемъ львовъ, медвѣдей, орловъ, и покрытыя лакомъ; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, съ серебряною оправою и пастъкою¹⁴⁷. Чехи за долго до временъ Карла Великаго занимались уже рудокопаніемъ¹⁴⁸, и въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, на южной сторонѣ Толлензскаго озера, въ Прильвицѣ, найдены въ XVII вѣкѣ мѣдныя испуканы боговъ Славянскихъ, работы ихъ собственныхъ художниковъ, которые впрочемъ не имѣли понятія о красотѣ металлическихъ изображеній, опливая голову, спанъ и ноги въ разныя формы, и весьма грубо¹⁴⁹. Такъ было и въ Греціи, гдѣ во времена Гомеровы художники уже славились ваяніемъ, но еще долго не умѣли опливать спанъ въ одну форму. — Памятникомъ каменосѣчнаго искусства древнихъ Славянъ остались большія, гладко обдѣланныя плиты, на коихъ выдолблены

изображеніи рукъ, пясть, копыть и проч.

Любя воинскую дѣятельность и под-
вергая жизнь свою безпреспаннымъ опас-
ностямъ, предки наши мало успѣвали въ
Зодче-Зодчествѣ, шребуящемъ времени, досуга,
ство. шерпѣніи, и не хошѣли строить себѣ
домовъ прочныхъ: не только въ шестомъ
вѣкѣ, но и гораздо послѣ обитали въ ша-
лахахъ, которые едва укрывали ихъ отъ
непогодъ и дождя. Самые города Славян-
скіе были не что иное, какъ собраніе хи-
жинъ, окруженныхъ заборомъ или земля-
нымъ валомъ. Тамъ возвышались храмы
идоловъ, не такія великолѣпныя зданія,
какими гордились Египетъ, Греція и Римъ,
но большіе деревянные кровы¹⁵⁰. Венеды
называли ихъ *Гонтинами*, отъ слова *гонти*,
донинѣ означающаго на Русскомъ языкѣ
особенный родъ песницъ, употребляе-
мыхъ для кровли домовъ.

Не зная выгодъ роскоши, которая со-
оружаетъ палаты и выдумываетъ бле-
стящія наружныя украшенія, древніе Сла-
вяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли
наслаждаться дѣйствіемъ такъ называе-
мыхъ Искусствъ Изящныхъ. Первая нужда
людей есть пища и кровь, вшорая удо-
вольствіе — и самые дикіе народы ищутъ

его въ согласіи звуковъ, веселящихъ ду-
шу посредствомъ слуха. Сѣверные Венеды ^{зыка.}
въ шестомъ вѣкѣ сказывали Греческому
Императору, что главное услажденіе жизни
ихъ есть музыка, и что они берутъ
обыкновенно въ путь съ собою не ору-
жіе, а кивары или гусли, ими выдуман-
ныя¹⁵¹. Вольнка, гудокъ и дудка были
также извѣстны предкамъ нашимъ: ибо
всѣ народы Славянскіе донинѣ любятъ
ихъ. Не только въ мирное время и въ
отчизнѣ, но и въ набѣгахъ своихъ, въ ви-
ду многочисленныхъ враговъ, Славяне ве-
седились, пѣли и забывали опасность.
Такъ Прокопій, описывая въ 592 году
ночное нападеніе Греческаго Вождя на ихъ
войско, говоритъ, что они усыпили себя
пѣснями и не взяли никакихъ мѣръ оспо-
рожности. Нѣкоторыя народныя пѣсни
Славянскія въ Лаузицѣ, въ Люнебургѣ, въ
Далмаціи, кажутся древними¹⁵²: также и
старинныя припѣвы Русскихъ, въ коихъ
величаются имена боговъ языческихъ и
рѣки Дуная, любезнаго нашимъ предкамъ,
ибо на берегахъ его искусились они нѣ-
когда въ воинскомъ счастіи. Въроятно,
что сіи пѣсни, мирныя въ первобышнемъ
отечествѣ Венедовъ, еще не знавшихъ
славы и побѣды, обращались въ воинскія,

когда народъ ихъ приближился къ Имперіи, и вступилъ въ Дакію; вѣроятно, что онѣ воспламеняли сердца огнемъ мужества, представляли уму живыя картины битвъ и кровопролитія, сохраняли память дѣлъ великодушія, и были въ нѣкоторомъ смыслѣ древнѣйшею Исторіею Славянскою. Такъ вездѣ раждалось Спихотворство, изображая главныя склонности народныя; такъ пѣсни самыхъ нынѣшнихъ Крошовъ болѣе всего славящъ мужество и память великихъ предковъ: но другія, любимыя Нѣмецкими Вендами, возбуждаютъ только къ веселью и къ счастливому забвенію житейскихъ горестей; иныя же совсѣмъ не имѣютъ смысла, подобно нѣкоторымъ Русскимъ; являясь однимъ согласіемъ звуковъ и мягкихъ словъ, дѣйствуя только на слухъ и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствіе, производимое музыкою, заспаиваетъ людей изъясляющаго разными шѣлдвиженіями: раждается ^{Пляска} *пляска*, любимая забава самыхъ дикихъ народовъ. По нынѣшней Русской, Богемской, Далмашской можемъ судить о древней пляскѣ Славянъ, каторою они торжествовали священные обряды язычества и всякіе пріятные случаи¹⁵³: она со-

споить въ помѣ, чтобы, въ сильномъ напряженіи мышцѣй, взмахивашъ руками, вертѣться на одномъ мѣстѣ, присѣдашъ, шопашъ ногами, и соотвѣтспивуешъ характеру людей крѣпкихъ, дѣшельныхъ, неупомимыхъ. — Народныя игры и попѣ-Игры, донывѣ единообразныя въ земляхъ Славянскихъ: борьба, кулачный бой, бѣганье взапуски, остались также памяникомъ ихъ древнихъ забавъ, представляющихъ намъ образъ войны и силы.

Въ дополненіе къ симъ извѣстіямъ замѣтимъ, что Славяне, еще не зная грамоты, имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ Ариеметикѣ, въ Хронологіи. Домоводство, война, торговля пріучили ихъ ко многосложному счисленію; имя *тма*, знаменующее 10000, есть древнее Славянское. Наблюдая теченіе года, они, подобно Римлянамъ, дѣлили его на 12 мѣсяцевъ, и каждому изъ оныхъ дали названіе согласное съ временными явленіями или дѣйствіями Природы: Генварю *Просинець* (вѣроятно, отъ *синеты* неба), Февралю *Стыгень*, Марпу *Сухій*, Апрелью *Березозоль* (думаю, отъ золы березовой), Маію *Травный*, Іюню *Изокъ* (такъ называлась у Славянъ какая-то пѣвчая птица), Іюлю *Червень* (не отъ красныхъ ли плодовъ или

ягодъ?), Августу *Заревъ* (опъ зари или зарницы), Сентябрю *Рюенъ* (или *Ревунъ*, какъ толкуютъ: опъ *рева* звѣрей), Октябрю *Листопадъ*, Ноябрью *Груденъ* (опъ *грудъ* снѣга или мерзлой грязи?), Декабрью *Студеный*¹⁵⁴. Столѣтіе называлось *вълкомъ*, то есть, жизнию человѣческою, во свѣдѣтельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крѣпкимъ сложеніемъ и здравые физическою дѣятельностію.

Пра-
вѣше. Сей народъ, подобно всѣмъ инымъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не шепѣлъ ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей, и думалъ, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро чловѣка¹⁵⁵. Хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякой спроилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкопоромъ отдаленіи опъ прочихъ, чшобы жишь спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле, сославляли его обласъ, въ копорую спрашились зайщи слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою Республикою; но общіе древніе обычаи служили между ими нѣкопорою гражданскою связію. Въ слу-

чалхъ важныхъ единоплеменные сходились вмѣстѣ совѣтоваться о благѣ народномъ, уважая приговоръ спарцевъ, сихъ живыхъ книгъ опытноспи и благоразумія для народовъ дикихъ¹⁵⁶; вмѣстѣ также, предпринимая воинскіе походы, избирали Вождей, хопя, любя своевольство и боясь всякаго принужденія, весьма ограничивали власть ихъ, и часпо не повиновались имъ въ самыхъ битвахъ. Совершивъ общее дѣло и возвращаясь домой, всякой опяпъ считалъ себя большимъ и главою въ своей хижинѣ.

Въ теченіе время сія дикая простопта нравовъ должна была измѣниться. Славяне, грабя Имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимоспъ, укрѣпили между ими связь гражданскую. Они почувствовали болѣе нужды другъ въ другъ, облизались жилищами и завели селенія¹⁵⁷; другіе, видя въ чужихъ земляхъ грады великолѣпные и веси цвѣтущія, разлюбили мрачные лѣса свои, нѣкогда украшаемые для нихъ одною свободою; перешли въ Греческія владѣнія и согласились зависѣть опъ Императоровъ. Жребій войны и могущество Карла Великаго подчинили ему и наслѣдникамъ

его большую часть Славянъ Нѣмецкихъ; но своевольство неукротимое было всегда ихъ характеромъ: какъ скоро обсполпельства имъ благопріятствовали, они свергали съ себя иго, и жестоко мстили чужеземному Властелину за свое временное порабощеніе, такъ, что одна Вѣра Христіанская могла наконецъ смиришь ихъ¹⁵⁸.

Многочисленные области Славянскія всегда имѣли сообщеніе одна съ другою, и кто говорил ихъ языкомъ, тотъ во всякой находилъ друзей и согражданъ. Баянъ, Ханъ Аваровъ, зная сей тѣсный союзъ племенъ Славянскихъ и покоривъ многія изъ нихъ въ Дакии, въ Панноніи, въ Богеміи, думалъ, что и самыя отдаленныя должны служить ему, и для того въ 590 году требовалъ войска отъ Славянъ Бальпійскихъ¹⁵⁹. Нѣкоторые знаменитые храмы еще болѣе утверждали связь между ими въ среднихъ вѣкахъ: тамъ сходились они изъ разныхъ земель вопрошашъ боговъ, и жрецъ, отвѣтствуя устами идола, не рѣдко убѣждалъ ихъ дѣйствовать согласно съ общою или особенною пользою своего народа; тамъ оскорбленные чужеземцами Славяне приносили свои жалобы единоплеменнымъ, заклиная ихъ бытъ мстителеми опече-

чества и Вѣры; тамъ, въ определенное время, собирались чиновники и спартыины для сейма, на коемъ благоразуміе и справедливость часто уступали дерзости и насилію. Храмъ города Репры въ Мекленбургѣ, на рѣкѣ Толлензѣ, славился болѣе всѣхъ другихъ такими собраніями¹⁶⁰.

Народное правленіе Славянъ чрезъ нѣсколько вѣковъ обратилось въ Аристократическое. Вожди, избираемые общою довѣренностію, отличные искусствомъ и мужествомъ, были первыми властелинами въ своемъ опечествѣ. Дѣла славы требовали благодарности отъ народа; къ тому же, будучи ослѣплены счастьемъ Героевъ, онѣ искали въ нихъ и разума отпѣннаго. Богемцы, еще не имѣя ни законовъ общеспвенныхъ, ни судей избранныхъ, въ личныхъ расправахъ своихъ отдавались на судъ знаменитымъ гражданамъ¹⁶¹; а сія знаменитость основывалась на извѣданной храбрости въ битвахъ и на богатствѣ, ея награды, ибо оно пріобрѣталось тогда войною. Наконецъ обыкновеніе сдѣлалось для однихъ правомъ начальствовашъ, а для иныхъ обязанностію повиновашься. Если сынъ Героя, славнаго и богатаго, имѣлъ великія свой-

ства опца, то онъ еще болѣе утверждалъ власть своего рода.

Сія власть означалась у Славянъ именами *Боярина*, *Воеводы*, *Князя*, *Пана*, *Жупана*, *Короля* или *Крала*, и другими. Первое безъ сомнѣнiя происходить отъ *боя*, и въ началѣ своемъ могло знаменоватъ война отличной храбрости, а послѣ обратился въ народное достоинство. Византiйскiя дѣлописи въ 764 году упоминаютъ о *Болрахъ*, *Вельможахъ* или главныхъ чиновникахъ Славянъ *Болгарскихъ*. — Воеводами назывались прежде одни воинскiе начальники; но какъ они и въ мирное время умѣли присвоить себѣ господство надъ согражданами, то сіе имя знаменовало уже вообще повелитель и властелина у *Богемскихъ* и *Саксонскихъ Вендовъ*, въ *Крайнѣ Государя*, въ *Польшѣ* не только воинскаго предводителя, но и судiю¹⁶². Слово *Князь* родилось едва ли не отъ *коня*, хотя многіе Ученые производятъ его отъ *Воспочнаго* имени *Каганъ* и *Нѣмецкаго König*. Въ Славянскихъ земляхъ кони были драгоцѣннѣйшею собственностiю: у *Поморянъ* въ среднихъ вѣкахъ 30 лошадей составляли великое богатство, и всякой хозяинъ коня назывался *Княземъ*, *nobilis capitaneus et Princeps*¹⁶³.

Въ *Кроаціи* и *Сервіи* именовались такъ братья *Королей*; въ *Далмаціи* главный судья имѣлъ ширло *Великаго Князя*. — *Панъ* Славянскій, по извѣстiю *Константина Багрянороднаго*, управлялъ въ *Кроаціи* тремя большими округами, и предсѣдательствовалъ на сеймахъ, когда народъ собирался въ полѣ для совѣта. Имя *Пановъ*, долго могущественныхъ въ *Венгріи*, до самаго XIII вѣка означало въ *Богеміи* владѣльцевъ богатыхъ, а на *Польскомъ* языкѣ и нынѣ значитъ *Господина*¹⁶⁴. — Округи въ Славянскихъ земляхъ назывались *Жупанствами*, а Правители ихъ *Жупанами* или *Старѣйшинами*, по шолкованiю *Константина Багрянороднаго*¹⁶⁵; древнее слово *Жупа* означало селеніе. Главною должностiю сихъ чиновниковъ было правосудіе: въ *Верхней Саксоніи* и въ *Австріи* Славянскіе поселяне донинѣ называютъ такъ судей своихъ; но въ среднихъ вѣкахъ достоинство *Жупановъ* уважалось болѣе *Княжескаго*. Въ разборѣ тяжбныхъ дѣлъ помогали имъ *Суддивы*, или частные судьи. Странное обыкновеніе сохранилось въ нѣкоторыхъ Славянскихъ деревняхъ *Лаузица* и *Бранденбурга*: земледѣльцы шайно избираютъ между собою *Короля* и платятъ ему дань, какую они

во время своей вольности плашили Жупанамъ¹⁶⁶. — Наконецъ въ Сервіи, въ Далмаціи, въ Богеміи, Владѣтели спали именовавшись *Краллями* или Королями, по естѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ *наказателями* преступниковъ, отъ слова *кара* или *наказаніе*¹⁶⁷.

И такъ первая власть, которая родилась въ опечесствѣ нашихъ дикихъ, независимыхъ предковъ, была воинская. Сраженія пребууютъ одного намѣренія и согласнаго дѣйствія частныхъ силъ: для того избрали Полководцевъ. Въ пѣснѣйшихъ связяхъ общежитія Славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданскаго корыстлюбія: для того назначили судей; но первые изъ нихъ были знаменитѣйшіе Герои. Одни люди пользовались общео довѣренностію въ дѣлахъ войны и мира. — Исторія Славянъ подобна Исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія. Только мудрая, долговременная опытность научаетъ людей благотѣльному раздѣленію власти воинскихъ и гражданскихъ.

Но древнѣйшіе Боляре, Воеводы, Князья, Паны, Жупаны и самые Короли Славянскіе во многихъ отношеніяхъ зависѣли

отъ произвола гражданъ, которые не рѣдко, единодушно избравъ начальника, вдругъ лишали его своей довѣренности, иногда безъ всякой вины, единственно по легкомыслію, клеветѣ, или въ несчастіяхъ: ибо народъ всегда склоненъ обвинять Правителей, если они не умѣютъ отворотить бѣдсвій отъ Государства. Сихъ примѣровъ довольно въ Исторіи языческихъ, даже и Христіанскихъ Славянъ¹⁶⁸. Они вообще не любили наследственной власти, и болѣе принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершаго Воеводы или Князя. — Избраніе Герцога, по естѣ Воеводы, въ Славянской Кариніи соединено было съ обрядомъ весьма любопытнымъ. Избираемый въ самой бѣдной одеждѣ являлся среди народнаго собранія, гдѣ земледѣлецъ сидѣлъ на престолѣ, или на большомъ дикомъ камнѣ. Новый Властитель клялся быть защитникомъ Вѣры, сиротъ, вдовъ, справедливости: тогда земледѣлецъ уступалъ ему камень, и всѣ граждане присягали въ вѣрности. Между пѣмъ два рода знаменитѣйшіе имѣли право вездѣ косить хлѣбъ и жечь селенія, въ знакъ и въ память того, что древніе Славяне выбрали

перваго Властелина для защиты ихъ отъ насилія и злодѣйства¹⁶⁹.

Однакожь многіе Князья, владѣя счастливо и долгое время, умѣли сообщать право наследственности дѣтямъ. Въ Западной Сервіи былъ примѣръ, что жена Князя Доброслава по смерти его правила землею. — Государи Славянскіе достигнувъ самовластія, подобно другимъ ослабляли свое могущество Удѣлами: то есть, всякому сыну давали особенную область; но сіи примѣры бывали рѣдки во времена язычества: Князья, по большей части избираемые, думали, что не имѣютъ права располагать судьбою людей, которые *только имъ поддалися*¹⁷⁰.

Главный Начальникъ или Правитель судилъ народныя дѣла торжественно, въ собраніи старѣйшинъ, и часто во мракѣ лѣса: ибо Славяне воображали, что Богъ суда, *Прове*, живешь въ лѣни древнихъ, густыхъ дубовъ¹⁷¹. Сіи мѣста и дома Княжескіе были священны: никто не дерзалъ войти въ нихъ съ оружіемъ, и самые преступники могли тамъ безопасно укрываться. Князь, Воевода, Король былъ главою равныхъ силъ: но жрецы, устами идоловъ, и воля народная предписывали ему войну или миръ (при заключеніи ко-

его Славяне бросали камень въ море¹⁷², клали оружіе и золото къ ногамъ идола, или, просирая десницу къ бывшимъ неприятелямъ, вручали имъ клокъ волосовъ своихъ вмѣстѣ съ горстію травы). Народъ платилъ Властителямъ дань, однакожь произвольную¹⁷³.

Такъ Славяне въ разныя вѣки и въ разныхъ земляхъ управлялись гражданскою властію. О Славянахъ Россійскихъ Несторъ пишетъ, что они, какъ и другіе, не знали Единовластія, наблюдая законъ отцевъ своихъ, древніе обычаи и преданія, о коихъ еще въ VI вѣкѣ упоминаетъ Греческій Историкъ¹⁷⁴, и которые имѣли для нихъ силу законовъ писанныхъ: ибо гражданскія общества не могутъ образоваться безъ уставовъ и договоровъ, основанныхъ на справедливости. Но какъ сіи условія пребываютъ блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикіе народы избираютъ посредниковъ между людьми и закономъ. Хотя Лѣтописецъ нашъ не говоритъ о томъ, но Россійскіе Славяне конечно имѣли Властителей, съ правами ограниченными народною пользою и древними обыкновениями вольности. Въ договоръ Олега съ Греками, въ 911 году, упоминается уже о Ве-

ликихъ Боярахъ Русскихъ: сіе достоинство, знакъ воинской славы, конечно не Варагами было введено въ Россіи, ибо оно есть древнее Славянское¹⁷⁵. Самое имя Князя, данное нашими предками Рюрику, не могло бытъ новымъ, но безъ сомнѣнія и прежде означало у нихъ знаменитый санъ гражданскій или воинскій.

Вѣра. Общежитіе, пробуждая или ускоряя дѣйствіе разума соннаго, медленнаго въ людяхъ дикихъ, разсѣянныхъ, по большей части уединенныхъ, раждаетъ не только законы и правленіе, но и самую Вѣру, столь естественную для человѣка, столь необходимую для гражданскихъ обществъ, что мы ни въ мѣрѣ, ни въ Исторіи не находимъ народа совершенно лишеннаго понятій о Божествѣ. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрѣпляются, такъ сказать, мыслию о Силѣ Вышней, которая можетъ спасти ихъ отъ ударовъ рока, неоправимыхъ никакою мудростию человѣческою, — хранишь добрыхъ и наказывашъ пайныхъ злодѣйства. Сверхъ того Вѣра производитъ еще тѣснѣйшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцами и духомъ. Сія выгода такъ явна и велика для граж-

данскаго общества, что она не могла укрыться отъ вниманія самыхъ первыхъ его основателей, или опцевъ семейства.

Славяне въ VI вѣкѣ поклонялись *Творцу молніи*, Богу вселенныя¹⁷⁶. Величественное зрѣлище грозы, когда небо пылаешь и невидимая рука бросаетъ, кажется, съ его свода быстрые огни на землю, долженствовало сильно поразить умъ чловѣка естественнаго, живо представивъ ему образъ Существа Вышняго, и вселивъ въ его сердце благоговѣніе или ужасъ священнѣй, который былъ главнымъ чувствомъ Вѣрѣ языческихъ. — Анты и Славяне, какъ замѣчаетъ Прокопій, не вѣрили Судьбѣ, но думали, что всѣ случаи зависятъ отъ Міроправителя¹⁷⁷: на полѣрашномъ, въ опасностяхъ, въ болѣзни, спарались Его умиловивить обътами; приносили Ему въ жертву воловъ и другихъ живопныхъ, надѣясь спасти тѣмъ жизнь свою; обожали еще рѣки, Нимфъ, Демоновъ, и гадали будущее. — Въ новѣйшія времена Славяне поклонялись разнымъ идоламъ, думая, что многочисленность кумировъ ушверждаетъ безопасность смертнаго, и что мудрость человѣческая состоитъ въ знаніи именъ и свойствъ сихъ мнимыхъ покровителей. Истуканы счи-

пшались не *образомъ*, но *тѣломъ* боговъ, чими одушевляемымъ¹⁷⁸, и народъ падалъ ницъ предъ кускомъ дѣрева или слишкомъ руды, ожидая ошъ нихъ спасенія и благоденствія.

Однакожь Славяне, въ самомъ безразсудномъ суевѣрїи, имѣли еще понятїе о Богѣ единственномъ и вышнемъ, Косму, по ихъ мнѣнїю, горнїя небеса, украшенныя свѣпилами лучезарными, служатъ достойнымъ храмомъ, и Копорый печется только о небесномъ, избравъ другихъ, нижнихъ боговъ, чадъ Своихъ, управляющъ землею. Его-шо, кажепся, именовали они преимущественно *Бѣлымъ Богомъ*, и не строили Ему храмовъ, воображая, что смертные не могутъ имѣть съ Нимъ сообщенія и должны ошноситься въ нуждахъ своихъ къ богамъ вшороспепеннымъ, помогающимъ всякому, кто добръ въ мирѣ и мужественъ на войнѣ, съ удовольствїемъ опворяетъ хижину для спранниковъ и съ радупїемъ питаетъ гладныхъ¹⁷⁹.

Не умѣя согласить несчастїй, болѣзней и другихъ житейскихъ горестей съ благостїю сихъ Мїроправишелей, Славяне Балыпїйскїе приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогомъ, спарались уми-

лостявившъ жертвами и въ собранїяхъ народныхъ пили изъ чаши, посвященной ему и добрымъ богамъ. Онъ изображался въ видѣ льва, и для того нѣкоторые думаютъ, что Славяне заимствовали мысль о Чернобогѣ ошъ Христїанъ, уподоблявшихъ Дїавола пакже сему звѣрю; но вѣроятно, что ненависть къ Саксонцамъ, которые были самыми опасными врагами сѣверныхъ Вендовъ и на знаменахъ своихъ представляли льва, подала имъ мысль къ такому изображенїю существа злобнаго¹⁸⁰. Славяне думали, что оно ужасаетъ людей грозными привидѣнїями или *страшилалми*, и что гнѣвъ его могутъ укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за ихъ мнимую науку. Сїи волхвы, о коихъ и Неспоръ говоритъ въ своей лѣтописи, подобно Сибирскимъ Шаманамъ спарались музыкаю дѣйствовать на воображенїе легковѣрныхъ, играли на гусяхъ и для того именовались въ нѣкоторыхъ земляхъ Славянскихъ *Гусярами*¹⁸¹.

Между богами добрыми славился болѣе прочихъ Свяповидъ, котораго храмъ былъ въ городъ Арконъ, на оспровѣ Рюгенѣ, и которому не только всѣ другїе Венды, но и Короли Дашскїе, исповѣдуя уже Хри-

спіанскую Вѣру, присылали дары. Онъ предсказывалъ будущее и помогалъ на войнѣ. Кумиръ его величиною превосходилъ ростъ человѣка, украшался одеждою корошкою, сдѣланною изъ разнаго дерева; имѣлъ чешыре головы, двѣ груди, искусно счесанныя бороды и волосы осприженныя; ногами споялъ въ землѣ и въ одной рукѣ держалъ рогъ съ виномъ, а въ другой лукъ; подлѣ идола висѣли узда, сѣдло, мечъ его съ серебряными ножнами и рукояпкою.—Гельмольдъ рассказываетъ, что жители оспрова Рюгена обожали въ семь идола Христіанскаго Свяшаго, именемъ Випа, слышавъ о великихъ чудесахъ его опъ Корбейскихъ Монаховъ, которые хотѣли нѣкогда обратишь ихъ въ испинную Вѣру. Доспойно замѣчанія, что Иллирическіе Славяне донинѣ празднуютъ день Св. Випа съ разными языческими обрядами¹⁸². Впрочемъ Гельмольдово преданіе, утверждаемое и Саксономъ Грамматишомъ, не еспъ ли одна догадка, основанная на сходствѣ именъ? Для того, по извѣстію Мавро-Урбина, одинъ изъ Христіанскихъ Князей въ Богеміи выписалъ мощи Св. Випа, желая обратишь къ нимъ усердіе народа своего, которій не преспавалъ обожашъ Свяшовида¹⁸³.

Привязанность не только Бальшійскихъ, но и другихъ Славянъ къ сему идолослуженію доказываетъ, кажется, древность онаго.

Народъ Рюгенскій поклонялся еще премъ идоламъ: *первому* Рюгевипу или Ругевичу, богу войны, изображаемому съ семью лицами, съ семью мечами, висѣвшими въ пожнахъ на бедрѣ, и съ осьмымъ обнаженнымъ въ рукѣ (дубовый кумиръ его бытъ весь загаженъ ласпочками¹⁸⁴, которые вили на немъ свои гнѣзда); *второму* Поревипу, коего значеніе неизвѣстно, и которій изображался съ пяпью головами, но безъ всякаго оружія; — *третьему* Поренупу о чешырехъ лицахъ и съ пытымъ лицомъ на груди: онъ держалъ его правою рукою за бороду, а лѣвою за лобъ, и считался богомъ чешырехъ время года.

Главный идолъ въ городѣ Репрѣ назывался *Радегастъ*, богъ спраннопріимства, какъ нѣкоторые думаютъ: ибо Славяне были всегда *рады гостямъ*. Но сіе полкованіе кажется несправедливымъ: онъ изображался болѣе спрашнымъ, нежели дружелюбнымъ: съ головою львиною, на копорой сидѣлъ гусь, и еще съ головою буйвола на груди; иногда одѣтый, иногда

нагой, и держалъ въ рукѣ большую съкиру. Надписи Ретрсакаго испукана его доказывающъ, что сей богъ хоща и принадлежалъ къ числу добрыхъ, однакожь въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ и вредить человѣку. Адамъ Бременскій пишеть о золотомъ кумирѣ и *пурпуровомъ* ложѣ Радегаста¹⁸⁵; но мы должны сомнѣваться въ истинѣ его сказанія: въ другомъ мѣстѣ сей Испорикъ увѣряеть насъ, что храмъ Упсальскій *весь былъ сдѣланъ изъ золота.*

Сива — можесть бысть, *Жива* — считалась богинею жизни и доброю совѣтницею. Главный храмъ ея находился въ Рацебургѣ¹⁸⁶. Она представлялась одѣшою; держала на головѣ нагаго мальчика, а въ рукѣ виноградную кисть. Далматскіе Славяне покланялись доброй *Фрихти*, богинѣ Германскихъ народовъ; но какъ въ Исландскихъ древностихъ Фрихти или *прекрасная Фрея* называется *Ванадисъ* или Венедскою, то вѣроятнѣе, что Готы заимствовали отъ Славянъ понятіе о сей богинѣ, и что она же именовалась Сивою.

Между Ретрскими испуканами нашли Германскіе, Прусскіе, ш. е. Латышскіе и даже Греческіе идолы. Балтійскіе Славяне покланялись Водану или Скандинавскому Одину, узнавъ объ немъ отъ Гер-

манскихъ народовъ, съ которыми они жили въ Дакіи, и которые были еще издревле ихъ сосѣдами¹⁸⁷. Венды Мекленбургскіе донынѣ сохранили нѣкоторые обряды Вѣры Одиновой. — Прусскія надписи на испуканахъ Перкуна, бога молніи, и Парснуковъ или Берспуковъ¹⁸⁸, доказывающъ, что они были Латышскіе идолы; но Славяне молились имъ въ Ретрскомъ храмѣ, такъ же, какъ и Греческимъ статуямъ Любви, брачнаго Генія и Осени, безъ сомнѣнія опишнымъ или купленнымъ ими въ Греціи. — Кромѣ сихъ боговъ чужеземныхъ, тамъ сполни еще кумиры *Числобога, Ипабога, Зибога* или Зембога, и *Немизы*¹⁸⁹. Первый изображался въ видѣ женщины съ лувою, и знаменовалъ, кажешся, мѣсяць, на которомъ основывалось *исчисленіе* времени. Имя впрочемъ непонятно; но ему надлежало бысть покровишелемъ звѣриной ловли, которая представлялась на его одѣждѣ. Третьяго обожали въ Богеміи какъ сильнаго *Духа земли*. Немиза повелѣвалъ въпромъ и воздухомъ: голова его увѣнчана лучами и крыломъ, а на тѣлѣ изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видѣвшіе языческихъ Вендовъ, сохранили

намъ извѣстіе еще о нѣкоторыхъ другихъ идолахъ. Въ Юлиѣ, или въ Виннетъ, главный именовался *Триглавъ*¹⁹⁰. Кумирь его былъ деревянный, непомѣрной величины, а другой маленькій, вылитый изъ золота, о шрехъ головахъ, покрытыхъ одною шапкою. Больше ничего не знаемъ о семъ идолѣ. Вспорый, *Припекала*, означалъ, кажется, любострастіе: ибо Христіанскіе Писатели сравнивали его съ Пріапомъ; а шрешій *Геровитъ* или Яровидъ, богъ войны, коего храмъ былъ въ Гавельбергъ и Волгаскъ, и подле копораго висѣлъ на стѣнѣ золотой щитъ. — Жили Вагріи¹⁹¹ особенно чтили *Прова*, бога правосудія, и *Подагу*, бога звѣроловства. *Перволу* служили храмомъ самыя древнѣйшіе дубы, окруженные деревянною оградой съ двумя вратами. Въ сей заповѣдной дубравѣ и въ ея святилищѣ жилъ Великій жрецъ, совершались торжественныя жертвоприношенія, судился народъ, и люди, угрожаемые смертію, находили безопасное убѣжище. Онъ изображался спарцемъ, въ одеждѣ со многими складками, съ цѣпями на груди, и держалъ въ рукѣ ножъ¹⁹². *Вторый* считается покровителемъ звѣроловства, для того, что на одеждѣ и жертвенной чашѣ его кумира *о двухъ лицахъ*,

найденнаго въ числѣ Ретрскихъ древностей, представлены спрѣлокъ, олень и кабанъ; въ рукахъ своихъ онъ держитъ также какого-то звѣря. Другіе признаютъ въ немъ бога ясныхъ дней, который у Сербовъ назывался *Погодою*: ибо заднее лице его окружено лучами, и слова, вырѣзанныя на семъ испуканѣ, значатъ ясность и вѣдро¹⁹³. — Мерзбургскіе Венды обожали идола *Гениля*, покровителя ихъ собственности, и въ нѣкоторое время года паспухи разносили по домамъ символъ его: кулакъ съ перспнемъ, укрепленный на шестѣ¹⁹⁴.

О Вѣрѣ Славянъ Иллирическихъ не имѣемъ никакихъ извѣстій; но какъ *Морлахи*¹⁹⁵ на свадебныхъ пиршествахъ своихъ донынѣ славятъ *Давора*, *Далора*, *Добрую Фрихю*, *Яра* и *Пика*: по съвролянностию заключить можно, что языческіе боги ихъ назывались сими именами. — Сказаніе Польскихъ Историковъ¹⁹⁶ о древнемъ богослуженіи въ ихъ отечествѣ основывается единственно на преданіи и догадкахъ. Въ Гвѣзнѣ, пишутъ они, былъ знаменитый храмъ *Ниу*, Славянскаго Плутона, копораго молили о счастливомъ успокоеніи мерпвыхъ; обожали еще *Марзану* или *Цереру*, обрекая въ жертву ей

десятую часть плодовъ земныхъ; *Ясса* или *Ясна*, Римскаго Юпитера; *Ладона* или *Лда*, Марса; *Дзидзилью*, богиню любви и дѣторожденія; *Зивонію* или *Зиванну*, Діану; *Зиваго*, или бога жизни; *Леля* и *Полеля*, или Греческихъ близнецовъ Кастора и Поллукса; *Погоду* и *Похвиста*, бога ясныхъ дней и сильнаго вѣтра. «Слыша вой бури (пишетъ Сприковскій), сіи язычники съ благоговѣніемъ преклоняли колѣна.»

Въ Россіи, до введенія Христіанской Вѣры, первую степень между идолами занималъ *Перунъ*¹⁹⁷, богъ молніи, которому Славяне еще въ VI вѣкѣ поклонялись, обожая въ немъ верховнаго *Міроправителя*. Кумиръ его стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ, вѣкъ двора Владимірова, а въ Новгородѣ надъ рѣкою Волховомъ: былъ деревянный, съ серебряною головою и съ золотыми усами. Лѣтописецъ именуесть еще идоловъ *Хорса*, *Дажебога*, *Стрибога*, *Самарла*¹⁹⁸ и *Мокоша*, не объявляя, какія свойства и дѣйствія приписывались имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается еще о *Волосѣ*, котораго именемъ и Перуновымъ клялися Россіане въ вѣрности, имѣвъ къ нему особенное уваженіе: ибо онъ считался покровителемъ

лемъ скопа, главнаго ихъ богатства. — Сія извѣстія Несноровы можемъ дополнить новѣйшими, напечатанными въ Кіевскомъ Синописѣ¹⁹⁹. Хотя они выбраны опчаснѣ изъ Польскихъ ненадежныхъ Историковъ, но будучи согласны съ древними обыкновеніями народа Русскаго, кажутся вѣроятными, по крайней мѣрѣ достойными замѣчанія.

Богъ веселія, любви, согласія и великаго благополучія именовался въ Россіи *Ладо*; ему жерпвовали вѣшупающіе въ союзѣ брачный, съ усердіемъ воспѣвая имя его, которое слышимъ и нынѣ въ старинныхъ припѣвахъ. Сприковскій называетъ сего бога Лапшскимъ: въ Липшѣ и Самогитіи народъ праздновалъ ему опѣ 25 Маія до 25 Іюня, опцы и мужья въ гошпинницахъ, а жены и дочери на улицахъ и на лугахъ; взявшись за руки, опѣ плясали и пѣли: *Ладо, Ладо, дидисъ Ладо*, то есть, *великій Ладо*²⁰⁰. Такое же обыкновеніе донынѣ существуетъ въ деревняхъ нашихъ: молодыя женщины весною собираются играшь и пѣшь въ хоровахъ *Лада, диди-Лада*. Мы уже замѣтили, что Славяне охотно умножали число идоловъ своихъ и принимали чужеземныхъ. Русскіе язычники, какъ пишетъ Адамъ Бре-

менскій, бѣдили въ Курляндію и въ Самогитію для поклоненія кумирамъ²¹⁰: слѣдственно имѣли однихъ боговъ съ Лашышами, ежели не всё, по хопя нѣкоторыхъ Славянскія племена въ Россіи — въ рояшно, Кривичи: ибо названіе ихъ свидѣтельствуетъ, кажется, что они признавали Лашышскаго Первосвященника *Кризе* Главою Вѣры своей. Впрочемъ *Ладо* могъ бытъ и древнимъ Славянскимъ божествомъ: жили Молдавіи и Валахіи въ нѣкопорохъ суевѣрныхъ обрядахъ донынѣ твердятъ имя *Лада*²⁰².

Купалу, богу земныхъ плодовъ, жертвовали предъ собираніемъ хлѣба, 23 Іюня, въ день Св. Агриппины, которая для того прозвана въ народѣ *Купальницею*. Молодые люди украшались вѣнками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспѣвали *Купала*. Память сего идолослуженія сохранилась въ нѣкопорохъ сѣвера Россіи, гдѣ ночныя игры деревенскихъ жишелей и пляски вокругъ огня съ невиннымъ намѣреніемъ совершаются въ честь идола языческому²⁰³. Въ Архангельской Губерніи многіе поселяне 23 Іюня поютъ бани, настилаютъ въ нихъ праву *Купальницу* (лютикъ, *ranunculus acris*) и послѣ купаються въ рѣкѣ. Сербы на ка-

нутъ или въ самое Рождество Іоанна Предтечи, сплетая *Ивановскіе вѣнки*, вѣшаютъ ихъ на кровли домовъ и на хлѣвахъ, что бы удалишь злыхъ Духовъ отъ своего жилища.

24 Декабря язычники Русскіе славили Коляду, бога шоржествъ и мира. Еще и въ наше время, на канунъ Рождества Христова, дѣти земледѣльцевъ собираются *колдовать* подъ окнами богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина въ пѣсняхъ твердятъ имя *Колды* и просятъ денегъ²⁰⁴. Свѣшныя игрища и гаданіе кажутся остаткомъ сего языческаго праздника.

Въ суевѣрныхъ преданіяхъ народа Русскаго открываемъ также нѣкоторыя слѣды древняго Славянскаго богочинанія: донынѣ просвѣтые люди говорятъ у насъ о *Лѣшихъ*, которые видомъ подобны Сатирамъ, живутъ будшо бы въ темнотѣ лѣсовъ, равняются съ деревьями и съ правою, ужасають спираниковъ, обходящъ ихъ кругомъ и сбиваютъ съ пупи; о *Русалкахъ* или Нимфакъ дубравъ (гдѣ онѣ бѣгаютъ съ распущенными волосами, особенно передъ Троицынымъ²⁰⁵ днемъ), о благодѣтельныхъ и злыхъ *Домовыхъ*, о ночныхъ *Кикимрахъ*, и проч.

Такимъ образомъ грубый умъ людей непросвѣщенныхъ заблуждается во мракъ идолопоклонства, и шворить боговъ на всякомъ шагу, чшобы изъяснить дѣйствіа Природы и въ неизвѣстностяхъ рока успокоивать сердце надеждою на вышнюю помощь! — Желая выразить могущество и грозность боговъ, Славяне представляли ихъ великанами, съ ужасными лицами, со многими головами. Греки хопѣли, кажешся, любить своихъ идоловъ (изображая въ нихъ примѣры человѣческой спройности), а Славяне только боялись; первые обожали красоту и пріятность, а вторые одну силу; и еще не довольствуясь собственнымъ противнымъ видомъ испугановъ, окружали ихъ гнусными изображениями лдовитыхъ живопныхъ: змѣй, жабъ, ящерицъ, и проч.²⁰⁶. Кромѣ идоловъ, Нѣмецкіе Славяне, подобно Дунайскимъ, обожали еще рѣки, озера, источники, лѣса²⁰⁷, и приносили жертвы невидимымъ ихъ Геніямъ, копорые, по мнѣнію суевѣрныхъ, иногда говорили, и въ важныхъ случаяхъ являлись людямъ. Такъ Геній Репрекаго озера, когда великія опасности угрожали народу Славянскому, принималъ на себя образъ кабана, выплывалъ на берегъ, ревѣлъ ужаснымъ голосомъ и скры-

вался въ волнахъ²⁰⁸. Мы знаемъ, что и Россійскіе Славяне приписывали озерамъ и рѣкамъ нѣкоторую божественность и святость. Въ глазной болѣзни они умывались водою мнимо-цѣлебныхъ источниковъ, и бросали въ нихъ серебряныя монеты²⁰⁹. Народное обыкновеніе купать или обливать водою людей, прославшихъ Заупреню въ день Пасхи, будто бы для омовенія ихъ опъ грѣха, происходитъ, можетъ быть, опъ такого же языческаго суевѣрія. — У многихъ народовъ Славянскихъ были заповѣдныя рощи, гдѣ никогда спукъ сѣкиры не раздавался, и гдѣ самыя злѣйшіе враги не дерзали вступить въ бой между собою. Лѣсъ города Репры считался священнымъ. Жители Шпешянскіе поклонились орѣховому дереву, при коемъ находился особенный жрецъ, и дубу, а Юлинскіе богу обитавшему въ деревѣ обѣченномъ²¹⁰, и весною плясали вокругъ его съ нѣкоторыми шоржесивными обрядами. Славяне въ Россія также молились деревьямъ, особенно же *дупловатиль*, обвязывая ихъ вѣтви урусамы или плантами²¹¹. Колешаншинъ Багрлюродный пишетъ, что они, путешествуя въ Царьградъ, на островѣ Св. Григорія приносили жертву большому дубу, окру-

жали его стрѣлами, и гадали, заколошь ли обреченныхъ ему живыхъ пшницъ, или пуспитъ на волю²¹². Празднованіе Семика и народный обычай завивать въ сей день вѣнки въ рощахъ суть также остатокъ древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи Христіанства, такъ, что Герцогъ Брячиславъ въ 1093 году рѣшился предать огню всѣмъ нимо-святымъ дубравы своего народа²¹³.

Славяне обожали еще знамена, и думали, что въ военное время они свѣтѣ всѣхъ идоловъ. Знамя Бальпійскихъ Вендовъ было опмѣнной величины и песпрое, спояло обыкновенно въ Свяшповидовомъ храмѣ и считалось сильною богинею, копорая воипамъ, идущимъ съ нею, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самыхъ идоловъ. Датскій Король Вальдемаръ сжегъ его въ Арконѣ, взявъ сей городъ. — Въ числѣ Респрскихъ любопытныхъ памятниковъ нашлось также священное знамя: мѣдный драконъ, украшенный изображеніемъ женскихъ головъ и вооруженныхъ рукъ. Въ Дипмаровой лѣпониси упоминается о двухъ Славянскихъ знаменахъ, копорыя считались богинями²¹⁴. Хипрость Полководцевъ ввела безъ сомнѣнія сію вѣру,

чтобы воспламенять духъ храбрости въ воинахъ, или обуздывать ихъ неповиновение святоспію знаменъ своихъ.

Древніе Славяне въ Германіи еще не имѣли храмовъ, но приносили жертву Богу небесному на камняхъ, окружая ихъ въ нѣкоторомъ разсполніи другими, служившими вмѣсто ограды священной²¹⁵. Чтобы изобразить величіе Бога, жрецы начали употреблять для сооруженія олтарей камни въ нѣсколько саженой мѣрою. Сіи каменные зданія равнялись съ высокими скалами, невредимо сполли цѣлые вѣки и могли казаться народу швореніемъ рукъ божеспвенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ прудно понять, какимъ образомъ Славяне, не зная изобрѣщенныхъ Механикою способовъ, воздвигали такія громады²¹⁶. Жрецы, въ присутствіи и въ глазахъ народа, совершали обряды Вѣры на сихъ величественныхъ олтаряхъ; но въ печеніе время, желая еще сильнѣе дѣйствовать на воображеніе людей, вздумали, подобно Друидамъ, удалиться во тьму заповѣдныхъ лѣсовъ, и соорудили тамъ жертвенники. По введеніи идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры опъ дожда и снѣга: защитили ихъ кровлею, и сіе простое зданіе было пер-

вымъ храмомъ. Мысль, сдѣлать его доспойнымъ жилищемъ боговъ, преобладала величїя; но Славяне не умѣли подражать Грекамъ и Римлянамъ въ гордой высотѣ здашїи, и старались замѣнить оную рѣзбою, песпропюю, богатствомъ украшенїи. Современные Историки описали нѣкоторыя изъ сихъ храмовъ съ любопытною подробностїю. Сочинитель *Жизни Св. Оттона* говоритъ о Шпешинскомъ слѣдующее²¹⁷: »Тамъ было четыре храма, и главный изъ нихъ оплещался своимъ художествомъ, украшенный внутри и снаружи выпуклымъ изображенїемъ людей, ищицъ, звѣрей, такъ сходныхъ съ Природою, что они казались живыми; краски же на внѣшности храма не смывались дождемъ, не блѣднѣли и не пускли. — Слѣдую древнему обычаю предковъ, Шпешинцы отдавали въ храмъ десящую часть воинской своей добычи и всякое оружіе побѣжденныхъ непрїятелей. Въ него святилищѣ хранились серебряныя и золотыя чаши (изъ коихъ при торжественныхъ случаяхъ люди знатнѣйшіе пили и ѣли), также рога буйволы, окрашенные золотомъ: они служили и сплканами и птрубами. Ножи и прочїя драгоценности, шамъ собранныя, удивляли

своимъ художествомъ и богатствомъ. Въ прехъ иныхъ *гонтинахъ* или храмахъ, не споль украшенныхъ и менѣ священныхъ, представлялись глазамъ однѣ лавки, сдѣланныя амфитеатромъ, и сполы для народныхъ сходбищъ: ибо Славяне, въ нѣкоторые часы и дни, веселились, пили и важными дѣлами оплещства занимались въ сихъ *гонтинахъ*. — Деревянный храмъ Арконскїй былъ срубленъ весьма искусно, украшенъ рѣзбою и живописью; одни врапа служили для входа въ его ограду: внѣшнїй дворъ, обнесенный спѣною, оплещался опъ внутрешняго сполько пурпуровыми коврами, развѣшенными между четырьмя сполпами, и находился подъ одною съ нимъ кровлею²¹⁸. Въ святилищѣ спюялъ идолъ, а конь его въ особенномъ зданїи, гдѣ хранилась казна и всѣ драгоценности. — Храмъ въ Репрѣ, также деревянный, славился изображенїями боговъ и богинь, вырѣзанныхъ на внѣшнихъ его спѣнахъ; внутри спюяли кумиры, въ шлемахъ и лапахъ; а въ мирное время хранились шамъ знамена²¹⁹. Дремучїи лѣсы окружали сіе мѣсто: сквозь просѣку, вдали, представлялось глазамъ море въ видѣ грозномъ и величественномъ. Доспойно примѣчанїя, что Славяне Бальшїйскїе во-

обще имѣли великое уваженіе къ святынямъ храмовъ, и въ самой непріятельской землѣ боялись осквернить ихъ.

О капищахъ Славянъ Россійскихъ не имѣемъ никакого свѣдѣнія: Неспоръ говорить только объ идолахъ и жертвенникахъ²²⁰; но удобность приносить жертвы во всякое время и почтеніе къ святынямъ кумировъ требовали защиты и крова, особенно же въ спорахъ съверныхъ, гдѣ холодъ и ненастье споль обыкновенны и продолжительны. Нѣтъ сомнѣнія, что на холмѣ Кіевскомъ и на берегу Волхова, гдѣ споль Перунъ, были храмы, конечно не огромные и не великолѣпные, но сообразные съ проспоною тогдашнихъ нравовъ и съ малымъ свѣдѣніемъ людей въ искусствѣ зодческомъ.

Неспоръ также не упоминаетъ о жрецахъ въ Россіи; но всякая народная Вѣра предполагаетъ обряды, коихъ совершеніе поручается нѣкопорымъ избраннымъ людямъ, уважаемымъ за ихъ добродѣтель и мудрость, дѣйствительную или мнимую. По крайней мѣрѣ всѣ другіе народы Славянскіе имѣли жрецовъ, блюстителей Вѣры, посредниковъ между совѣстію людей и богами. Не только въ капищахъ, но и при всякомъ священномъ деревѣ, при вся-

комъ обожаемомъ источникѣ находились особенныя хранилища, которые жили подлѣ оныхъ, въ маленькихъ хижинахъ, и пипались жертвою, приносимую ихъ бо-жеспвамъ. Они пользовались народнымъ уваженіемъ, имѣли исключительное право оппускать себѣ длинную бороду, сидѣть во время жертвоприношеній и входять во внутренность святилища. Воинъ, совершивъ какое нибудь счастливое предпріятіе, и желая изълвить благодарность идоламъ, раздѣлялъ свою добычу съ ихъ служителями. Правители народа безъ сомнѣнія утверждали его въ почтеніи къ жрецамъ, копорые именемъ боговъ могли обуздывать своевольство людей грубыхъ, новыхъ въ гражданской связи и еще не-смиранныхъ дѣйствіемъ власти поспоянной. Нѣкопорые жрецы, обязанные своимъ могуществомъ или собственности хипроспи, или опмѣнной славѣ ихъ капищъ, употребляли его во зло и присвоивали себѣ гражданскую власть. Такъ Перво-священникъ Рюгенскій, уважаемый болѣе самого Короля, правилъ многими Славянскими племенами, копорыя безъ его согласія не дерзали ни воевать, ни мириться; налагалъ подати на гражданъ и купцевъ чужеземныхъ, содержалъ 300 кон-

ныхъ воиновъ и разсылалъ ихъ всюду для грабежа, чѣобы умножать сокровища храма, болѣе ему, нежели идолу принадлежавшія. Сей главный жрецъ отличался отъ всѣхъ людей длинными волосами, бороною, одеждою.

Священники именемъ народа приносили жертвы и предсказывали будущее. Въ древнѣйшія времена Славяне закалали, въ честь Богу невидимому, однихъ воловъ и другихъ животныхъ; но послѣ, омраченныя суевѣріемъ идолопоклонства, обагрляли свои шребища кровію Христіанъ, въбраиныхъ по жребію изъ плѣнниковъ, или купленныхъ у морскихъ разбойниковъ²²¹. Жрецы думали, что идолъ увеселелся Христіанскою кровію, и къ довершенію ужаса пили ее, воображая, что она сообщаетъ духъ пророчества. — Въ Россіи также приносили людей въ жертву, по крайней мѣрѣ во времена Владиміровы. Бальшійскіе Славяне дарили идоламъ головы убіенныхъ опаснѣйшихъ непріятелей²²².

Жрецы гадали будущее посредствомъ коней. Въ Арконскомъ храмѣ держали бѣлаго, и суевѣрные думали, что Святовидъ вѣдигъ на немъ всякую ночь. Въ случаѣ важнаго намѣренія водили его чрезъ

копья: если онъ шагаль сперва не лѣвою, а правую ногою, то народъ ожидалъ славы и богатства. Въ Шпетинѣ сей конь, порученный одному изъ чепырехъ священниковъ главнаго храма, былъ вороной, и предвѣщалъ успѣхъ, когда совсѣмъ не касался ногами до копій. Въ Ренпрѣ гадали сидели на землю, шептали нѣкопорыя слова, рылись въ ея нѣдрахъ, и по веществамъ, въ ней находимымъ, судили о будущемъ. Сверхъ того въ Арконѣ и въ Шпетинѣ жрецы бросали на землю при маленькія дощечки, у коихъ одна сторона была черная, а другая бѣлая: если онъ ложились вверхъ бѣлою, то обѣщали хорошее; черная означала бѣдствіе. Самыя женщины Рюгенскія славились гаданіемъ; онѣ, сидя близъ разложеннаго огня, проводили многія черпы на пепелъ, копорыхъ равное число знаменовало успѣхъ дѣла²²³.

Любя народныя поржества, языческіе Славяне успавили въ году разные праздники. Главный изъ нихъ былъ по собраніи хлѣба и совершался въ Арконѣ такимъ образомъ: Первосвященникъ на канунѣ долженъ былъ вымести свяпилище, неприступное для всѣхъ, кромѣ его; въ день поржества, взявъ изъ руки Святовида рогъ, смолпрѣлъ, наполненъ ли онъ

виномъ, и по тому угадывалъ будущій урожай; выпивъ вино, снова наполнялъ имъ сосудъ и вручалъ Святовиду; приносилъ богу своему медовый пирогъ, длиною въ ростъ человѣческой; спрашивалъ у народа, видишь ли его? и желалъ, чтобы въ слѣдующій годъ сей пирогъ былъ уже съѣденъ идоломъ, въ знакъ счастья для острова; наконецъ объявлялъ всѣмъ благословіе Святовида, обѣщая воинамъ побѣду и добычу²²⁴. Другіе Славяне, торжествуя собраніе хлѣба, обрекали пѣпуха въ даръ богамъ, и пивомъ, освященнымъ на жершвенникѣ, обливали скотъ, чтобы предохранить его отъ болѣзней²²⁵. Въ Богеміи славился Майскій *праздникъ источниковъ*. — Дни народнаго суда въ Вагріи, когда старѣйшины, осѣненные священными дубами, въ мнимомъ присутствіи своего бога Прова рѣшили судьбу гражданъ, были также днями общаго веселія²²⁶. Мы упоминали, единственно по догадкѣ, о языческихъ торжествахъ Славянъ Россійскихъ, кошорыхъ потомки донынѣ празднуютъ весну, любовь и бога *Лада* въ сельскихъ хоровахъ, веселыми и шумными толпами ходящъ завивашъ вѣнки въ рощахъ, ночью посвящаяющъ огни *Купалу* и зимою воспѣвающъ имя *Колла*

ды. — Во многихъ земляхъ Славянскихъ сохранились также слѣды *праздника въ честь мертвыхъ*: въ Саксоніи, въ Лауцицъ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, народъ *І Марша* ходилъ въ часъ разсвѣта съ факелами на кладбище и приносилъ жершвы усопшимъ²²⁷. — Въ сей день Нѣмецкіе Славяне выносятъ изъ деревни соломенную чучелу, образъ смерти; сожигаютъ ее или бросаютъ въ рѣку, и славятъ льто пѣснями. — Въ Богеміи строили еще какіе-то есапры на распущіяхъ *для успокоенія души* и предшавляли на нихъ, въ личинахъ, тѣни мертвыхъ, сими играми торжествуя память ихъ. Такія обыкновенія не доказываютъ ли, что Славяне имѣли нѣкоторое понятіе о безсмертіи души, хотя Дитмаръ, Историкъ XI вѣка, утверждаетъ противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушеніе тѣла, считали совершеннымъ концемъ бытія человѣческаго²²⁸?

Погребеніе мертвыхъ было также дѣйствіемъ священнымъ между языческими Славянами. Испорики Нѣмецкіе — болѣе догадкою, основанною на древнихъ обычаяхъ и преданіяхъ, нежели по извѣстіямъ современныхъ Авторовъ — описываютъ оно слѣдующимъ образомъ: Старѣйшина

деревни объявлялъ жипшелямъ смерть одного изъ нихъ посредствомъ чернаго жезла носимаго со двора на дворъ. Всѣ они провозжали шрупъ съ ужаснымъ воемъ, и нѣкопорыя женщины, въ бѣлой одеждѣ, лили слезы въ маленькіе сосуды, называемые *плачевными*. Разводили огонь на кладбищѣ и сожигали мертваго съ его женою, конемъ, оружіемъ; собирали пепель въ урны, глиняныя, мѣдныя или спекляныя, и зарывали вмѣстѣ съ плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями, или ограждали столпами²²⁹. Печальные обряды заключались веселымъ торжествомъ, которое именовалось *Стравою* и было еще въ VI вѣкѣ причиною великаго бѣдствія для Славянъ: ибо Греки воспользовались временемъ сего *пишества въ честь мертвыхъ* и наголову побили ихъ войско²³⁰.

Славяне Россійскіе — Кривичи, Сѣверяне, Вяпичи, Радимичи — *творили* надъ умершими *тризну*: показывали силу свою въ разныхъ играхъ воинскихъ, сожигали шрупъ на большомъ кострѣ, и заключивъ пепель въ урну, ставили се на столпѣ въ окрестности дорогъ. Сей обрядъ, сохраненный Вяпичами и Кривичами до времени Нестора, изъясняетъ воинственный

духъ народа, который праздновалъ смерть, чшобы не спрашншя ея въ битвахъ, и печальными уринами окружалъ дороги, чшобы пріучншя глаза и мысли свои къ симъ знакамъ челоѳческой плѣнности. Но Славяне Кіевскіе и Волынскіе издревле погребали мертвыхъ; нѣкопорые имѣли обыкновение, вмѣстѣ съ шрупомъ, зарывашъ въ землю *сплетенныя изъ релней лѣстницы*; ближніе умершаго лзли лица свои, и закалалн на могилѣ любимаго коня его²³¹.

Всѣ народы любяшъ Вѣру опщевъ своихъ, и самыя грубыя, самыя жестокія обыкновенія, на ней основанныя и вѣками утвержденыя, кажушя имъ свяшынею. Такъ и Славяне языческіе, закоренѣлые въ идолопоклонствѣ, съ великою упорностію въ печеніе многихъ спольшій оптвергали благодать Христову. Св. Колумбанъ, въ 613 году обративъ многихъ Нѣмецкихъ язычниковъ въ Вѣру истинную, хотѣлъ проповѣдывать ея свяное ученіе и въ земляхъ Славянъ; но успрашенный ихъ дикостію, возвратился безъ успѣха, объявляя, чшо время спасенія еще не наступило для сего народа. Видя, сколь Христіанство проповно заблужденіямъ язычества, и какъ оно въ среднихъ вѣкахъ болѣе и болѣе распроспранялось по Европѣ, Сла-

вяне оплочно ненавидѣли его, и принимая всякаго иноплеменнаго въ сограждане, опшворя Бальнійскія гавани свои для всѣхъ мореходцевъ, исключали однихъ Христіанъ; брали ихъ корабли въ добычу, а Священниковъ приносили въ жертву идоламъ. Нѣмецкіе завоеватели, покоривъ Вендовъ въ Германіи, долго терпѣли ихъ суевѣріе; но озлобленные наконецъ упорствомъ сихъ язычниковъ въ идолопоклонствѣ и въ древнихъ обычаяхъ вольности, разрушили ихъ храмы, сожгли заповѣдныя роци и самыхъ жрецовъ испребили²³²: что случилось уже гораздо послѣ того времени, какъ Владиміръ просвѣтилъ Россію ученіемъ Христіанскимъ. — —

Языкъ в гра-мота. Собравъ историческія достопамятн-
ости Славянъ древнихъ, скажемъ нѣчто о
языкѣ ихъ. Греки въ шестомъ вѣкѣ на-
ходили его весьма грубымъ²³³. Выражая
первыя мысли и потребности людей не-
образованныхъ, рожденныхъ въ климатѣ
суровомъ, онъ долженъ былъ казаться
дикимъ въ сравненіи съ языкомъ Грече-
скимъ, смягченнымъ долговременною жи-
знію въ порядкѣ гражданскомъ, удоволь-
ствіями роскоши и нѣжнымъ слухомъ
людей, искони любившихъ искусства при-

ятныя. Не имѣя никакихъ памятниковъ
сего первобышняго языка Славянскаго,
можемъ судить о немъ только по новѣй-
шимъ, изъ коихъ самыми древними счи-
таются наша Библія и другія церковныя
книги, переведенныя въ IX вѣкѣ Св. Ки-
рилломъ, Меѳодіемъ и помощниками ихъ²³⁴.
Но Славяне, принявъ Христіанскую Вѣру,
заимствовали съ нею новыя мысли, изо-
бръли новыя слова, выраженія, и языкъ
ихъ въ среднихъ вѣкахъ безъ сомнѣнія
такъ же отличался отъ древняго, какъ
уже отличается отъ нашего. Разсѣянные
по Европѣ, окруженные другими народами,
и нерѣдко ими покоряемыя, Славянскія
племена утратили единство языка, и въ
печеніе время произшли разныя его
нарѣчія, изъ коихъ главныя сунъ:

1) *Русское*, болѣе всѣхъ другихъ образо-
ванное, и менѣе всѣхъ другихъ смѣшенное
съ чужеземными словами²³⁵. Побѣды, за-
воеванія и величіе государственное, воз-
высивъ духъ народа Россійскаго, имѣли
счастливое дѣйствіе и на самый языкъ
его, колпорый, будучи управленъ дарова-
ніемъ и вкусомъ Писателя умнаго, мо-
жетъ равняться нынѣ въ силѣ, красотѣ
и пріятности съ лучшими языками древ-
ности и нашихъ временъ. Будущая судь-

ба его зависить ошь судьбы Государства....

2) *Польское*, смѣшенное со многими Лапинскими и Нѣмецкими словами: имъ говорятъ не только въ бывшемъ Королевствѣ Польскомъ, но и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пруссіи, Дворяне въ Липвѣ и народъ въ Силезіи, по сию сторону Одера²³⁶.

3) *Чешское*, въ Богеміи, въ Моравіи и Венгріи, по утверженію Иорданову ближайшее къ нашему древнему переводу Библии, а по мнѣнію другихъ Богемскихъ Ученыхъ среднее между Кроатскимъ и Польскимъ. Венгерское нарѣчіе именуется *Славакскимъ*, но разнишия ошь Чешскаго большею частію только въ выговорѣ, хошя Авторы *Многоязычнаго Словаря* признають его *особеннымъ*. Впрочемъ и другія Славянскія нарѣчія употребляютъ ся въ Венгріи²³⁷.

4) *Иллирическое*, шо есть, Болгарское — самое грубое изъ всѣхъ Славянскихъ — Боснійское, Сербское — самое пріятнѣйшее для слуха, какъ многіе находятъ — Славонское и Далмацкое²³⁸.

5) *Кроатское*, сходное съ Виндскимъ въ Спиріи, Каринтіи, Крайнѣ, также съ Лаузицскимъ, Копбузскимъ, Кашубскимъ и Люховскимъ. Въ Мейсенѣ, Бранденбургѣ,

Поммераніи, Мекленбургѣ и почти во всемъ Люнебургѣ, гдѣ нѣкогда Славянскій языкъ былъ народнымъ, ошь уже замѣненъ Нѣмецкимъ²³⁹.

Однакожь сіи перемѣны не могли совершенно испребитъ въ языкъ нашемъ его, такъ сказать, первобытнаго образа, и любопытство Испориковъ хотѣло открытъ въ немъ слѣды малоизвѣстнаго происхожденія Славянъ. Нѣкоторые утверждали, что ошь весьма близокъ къ древнимъ языкамъ Азіатскимъ²⁴⁰; но вѣрнѣйшее изслѣдованіе доказало, что сіе мнимое сходство ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Сирскими, Арабскими, копорыя находятъ ся и въ другихъ языкахъ Европейскихъ, свидѣтельствуя единственно ихъ общее Азіатское происхожденіе; и что Славянскій имѣеть съ Греческимъ, Лапинскимъ, Нѣмецкимъ гораздо болѣе связи, нежели съ Еврейскимъ и съ другими Восточными. Сіе великое, явное сходство²⁴¹ вспрѣчается не только въ словахъ синозвучныхъ съ дѣйствіями, копорыя означаютъ ся ими — ибо названія *грома*, *журганія* водъ, *крика* пшницъ, *рева* звѣрей, могутъ на всѣхъ языкахъ сходствовать между собою ошь подражанія

Еспешству²⁴² — но и въ выраженіи самыхъ первыхъ мыслей человѣка, въ ознаменованіи главныхъ нуждъ жизни домашней²⁴³, въ именахъ и глаголахъ совершенно произвольныхъ. Мы знаемъ, что Венеды издревле жили въ сосѣдствѣ съ Нѣмцами и долгое время въ Дакии (гдѣ языкъ Лапинскій со временъ Траяновыхъ былъ въ общемъ употребленіи), воевали въ Имперіи и служили Императорамъ Греческимъ²⁴⁴; но сіи обстоятельство могли бы ввести въ языкъ Славянскій только нѣкоторыя особенныя Нѣмецкія, Лапинскія или Греческія слова, и не принудили бы ихъ быть собственныя, коренныя, необходимыя въ самомъ древнѣйшемъ обществѣ людей, по естѣ, въ семейственномъ. Изъ чего вѣроятнымъ образомъ заключають, что предки сихъ народовъ говорили нѣкогда однимъ языкомъ: какимъ²⁴⁵? неизвѣстно, но безъ сомнѣнія древнѣйшимъ въ Европѣ, гдѣ *Исторія находитъ ихъ*: ибо Греція, а послѣ и часть Италіи, населена *Пеласгами, Фракійскими* жителями, которые прежде Елленовъ утвердились въ Морѣ, и могли быть единоплеменны съ Германцами и Славянами²⁴⁶. Въ печеніе временъ удаленные другъ отъ друга, они приобрьщали новыя гражданскія по-

нятія, выдумывали новыя слова, или присвоивали чужія, и должны сповали чрезъ нѣсколько вѣковъ говорить уже языкомъ различнымъ. Самыя общія, коренныя слова легко могли измѣниться въ произношеніи, когда люди еще не знали буквъ и письма, вѣрно опредѣляющаго выговоръ.

Сіе важное искусство, немногими чертами изображаешь для глазъ безчисленные звуки, свѣдала Европа, какъ надобно думать, уже въ позднѣйшія времена, и безъ сомнѣнія отъ Финикіянъ, или непосредственно, или чрезъ Пеласговъ и Елленовъ. Не лзя вообразить, чтобы древніе обитатели Пелопоннеса, Лаціума, Испаніи, едва вышедши изъ дикаго состоянія, могли сами выдумать письмена, пребующія удивительнаго разума, и столь непонятнаго для обыкновенныхъ людей, что они вездѣ приписывали богамъ изобрѣщеніе оныхъ: въ Египтѣ Ойшту, въ Греціи Меркурію, въ Италіи богинѣ Карментѣ; а нѣкоторые изъ Христіанскихъ Философовъ считали десять Моисеевыхъ заповѣдей, рукою Всевышняго начертанныхъ на горѣ Синайской, первымъ письмомъ въ міръ²⁴⁷. Къ тому же все буквы народовъ Европейскихъ: Греческія, Мальійскія, такъ называемыя Пеласгскія въ Италіи, Этру-

рійскія (донинѣ видимыя на моцуменшахъ сего народа), Гальскія, изображенныя на памятникѣ Мученика Гордіана²⁴³, Уфидовы или Готскія, Кельшберскія, Бешскія, Турдепанскія въ Испаніи, Руны Скандинавовъ и Германцевъ болѣе или менѣе сходствуютъ съ Финикійскими и доказываютъ, что всѣ онѣ произошли отъ одного корня²⁴⁹. Пеласги и Аркадцы принесли ихъ съ собою въ Италію, а наконецъ и въ Марселію къ тамошнимъ Галламъ. Испанцы могли научиться письму отъ самихъ Финикійцевъ, основавшихъ Тарпесъ и Гадесъ за 1100 лѣтъ до Рождества Христова²⁵⁰. Турдепане во время Спратоново имѣли письменные законы, Исторію и Стихотворенія²⁵¹. Какимъ образомъ Европейскій Сѣверъ получилъ буквы, мы не знаемъ: отъ Финикійскихъ ли мореплавателей, торговавшихъ оловомъ Брипанскимъ и янпаремъ Прусскимъ? или отъ народовъ Южной Европы? Вспорое кажется вѣроятнѣе: ибо Руническое и Готское письмо сходитъ съ Греческимъ и Латинскимъ, нежели съ Финикійскимъ²⁵². Оно могло въ печеніе вѣковъ, чрезъ Германію или Паннію, дойти отъ Средиземнаго моря до Бальтійскаго съ вѣкоплыми перемѣнами знаковъ²⁵³.

Какъ бы то ни было, но Венеды или Славяне языческіе, обитавшіе въ странахъ Бальтійскихъ, знали употребленіе буквъ. Дипмаръ говоритъ о надписяхъ идоловъ Славянскихъ: Репрскіе кумиры, найденные близъ Толменскаго озера, доказали справедливость его извѣстій; надписи ихъ состоятъ въ Рунахъ, заимствованныхъ Венедями отъ Готскихъ народовъ. Сія Руны, числомъ 16, подобно древнимъ Финикійскимъ²⁵⁴, весьма недоспащны для языка Славянскаго, не выражаютъ самыхъ обыкновенныхъ звуковъ его, и были извѣстны едва ли не однимъ жрецамъ, которые посредствомъ ихъ означали имена обожаемыхъ идоловъ. Славяне же Богемскіе, Иллирическіе и Россійскіе не имѣли никакой азбуки до 863 года²⁵⁵, когда Философъ Констанціевъ, названный въ монашествѣ Кирилломъ, и Меѳодій, братъ его, жилище Эссалоники, будучи отправлены Греческимъ Императоромъ Михаиломъ въ Моравію къ тамошнимъ Христіанскимъ Князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцелу, для перевода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка, изобрѣли Славянскій особенный алфавитъ²⁵⁶, образованный по Греческому, съ прибавленіемъ новыхъ буквъ: Б. Ж. Ц.

Ш. Щ. Ъ. Ы. Ь. Ю. Я. Ѡ²⁵⁷. Сія азбука, называемая *Кирилловскою*, донинѣ упо-
 пребляешся, съ пѣкошорыми перемѣнами,
 въ Россіи²⁵⁸, Валахїи, Молдавіи, Болгаріи,
 Сервіи и проч. Славяне Далмашскіе имѣють
 другую, извѣстную подѣ именемъ *Гла-
 гольской* или *Буквицы*, копорая считаеш-
 ся изобрѣшеніемъ Св. Геронима, но ложно:
 ибо въ IV и въ V вѣкѣ, когда жилъ Геро-
 нимъ, еще не было Славянъ въ Римскихъ
 владѣніяхъ²⁵⁹. Самый древнѣйшій ся па-
 мятникъ, намъ извѣстный, естъ хара-
 тейная Псалширь XIII вѣка²⁶⁰; но мы
 имѣемъ церковныя Кирилловскія рукописи
 1056 году²⁶¹; надпись Десятиной церкви
 въ Кіевѣ принадлежишь еще ко временамъ
 Св. Владимира. Сія Глагольская азбука явно
 составлена по нашей²⁶²; опличаешся ку-
 дрявостію знаковъ и весьма неудобна для
 употребленія. Моравскіе Христіане, при-
 спавъ къ Римскому Исповѣданію²⁶³, вмѣ-
 стѣ съ Поляками начали писать Латин-
 скими буквами, отвергнувъ Кирилловы,
 порожественно запрещенныя Папою Иоан-
 номъ XIII²⁶⁴. Епископы Салонскіе въ XI
 вѣкѣ объявили даже Меѳодіа ерешникомъ,
 а писмена Славянскія изобрѣщеніемъ Аріан-
 скыхъ Готѳеовъ. Вѣроятно, что сіе са-
 мое гоненіе побудило какого нибудь Дал-

машскаго Монаха выдумать новыя, по
 естъ Глагольскія буквы, и защитишь
 ихъ отъ нападенія Римскихъ суевѣровъ
 именемъ Св. Геронима. — Нынѣ въ Богеміи,
 Моравіи, Силезіи, Лаузицѣ, Кассубіи, упо-
 пребляюшся Нѣмецкія; въ Иллиріи, Край-
 нѣ, Венгріи и Польшѣ Латинскія. Славяне,
 копорые съ VIII вѣка утвердились въ
 Пелопоннесѣ, приняли шамъ Греческую
 азбуку²⁶⁵.

И такъ предки наши были обязаны
 Христіанству не только лучшимъ поня-
 тіемъ о Творцѣ міра, лучшими правилами
 жизни, лучшею безъ сомнѣнія нравствен-
 ностію, но и пользою самаго благодѣ-
 шельнаго, самаго чудеснаго изобрѣшенія
 людей: мудрой живописи мыслей — изо-
 брѣшенія, копорое, подобно ушренней зар-
 рѣ, въ вѣкахъ мрачныхъ предвѣщило уже
 Науки и просвѣщеніе.

Г Л А В А IV.

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ.

Г. 862 — 879.

Призваніе Князей Варяжскихъ въ Россію. Основаніе Монархіи. Аскольдъ и Диръ. Первое нападеніе Россіянъ на Имперію. Начало Христіанства въ Кіевѣ. Смерть Рюрика.

Начало Россійской Исторіи представляеть намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: Славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе, и пребудутъ Государей оныхъ Варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили Самовластіе (ибо народы хопѣли законовъ, но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ: такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ — и разсѣянные племена Славянскія основали Государство, которое граничитъ нынѣ съ древнею Даціею и съ землями Сѣверной Америки, съ Швеціею и съ Китаемъ, соединя въ предѣлахъ своихъ три части міра.

Великіе народы, подобно великимъ мужамъ, имѣютъ свое младенчество, и не должны его спѣдипься: опеченство наше, слабое, раздѣленное на малыя области до 862 года²⁶⁶, по лѣтосчисленію Неспора, обязательно величіемъ своимъ счастливому введенію Монархической власти.

Желая нѣкошорымъ образомъ изъяснить сіе важное происшествіе, мы думаемъ, что Варяги, овладѣвшіе спранами Чуди и Славянъ за нѣсколько лѣтъ до того времени, правили ими безъ угнетенія и насилія, брали дань легкую и наблюдали справедливостъ. Господствуя на моряхъ, имѣя въ IX вѣкѣ сношеніе съ Югомъ и Западомъ Европы, — гдѣ на развалинахъ колосса Римскаго основались новыя Государства, и гдѣ кровавые слѣды варварства, обузданнаго челолюбивымъ духомъ Христіанства, уже опчисти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской²⁶⁷ — Варяги или Норманы должныствовали бытъ образованіе Славянъ и Финновъ, заключенныхъ въ дикихъ предѣлахъ Сѣвера; могли сообщитъ имъ нѣкошорыя выгоды новой промышленности и торговли, благодѣтельные для народа. Бояре Славянскіе, недовольные вла-

стію завоевателей, кошорая уничижила ихъ собственную, возмутили, можетъ бысть, сей народъ легкомысленный, обольстили его именемъ прежней независимости, вооружили противъ Нормановъ и выгнали ихъ; но распрями личными обрали свободу въ несчастіе, не умѣли воспановити древнихъ законовъ, и ввергнули опечество въ бездну золь междоусобія²⁶⁸. Тогда граждане вспомнили, можетъ бысть, о выгодномъ и спокойномъ правленіи Норманскомъ: нужда въ благоустройствѣ и шишии вельѣла забыти народную гордоспъ, и Славяне, *убъжденныѣ* — такъ говоришъ преданіе — *совѣтоли Новгородскаго старѣйшины Гостомысла*, попребовали Власишелей опъ Варяговъ²⁶⁹. Древняя лѣпопись не упоминаетъ о семъ бла разумномъ *совѣтникѣ*; но ежели преданіе испинно, то Госпомысль доспоишь безсмертія и славы въ нашей Испоріи.

Новгородцы и Кривичи были тогда, кажешся, союзниками Финскихъ племенъ, вмѣстѣ съ ними плапившихъ дань Варягамъ: имѣвъ нѣсколько лѣшъ одну долю, и пови нуясь законамъ одного народа, они шѣмъ скорѣе могли ушвердити дружественную связь между собою. Неспоръ пишешъ, что Славяне Новгородскіе, Кривичи, *Весь* и *Чудь*

Прп-
званіе
Кня-
зейВа-
рлж-
скихъ
въ Рос-
сію.

опправили посольство за море, къ Варягамъ-Руси, сказаши имъ²⁷⁰: *Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нтъ: идите княжить и владѣть нами*²⁷¹. Слова простыя, крашкія и сильныя! Бращья, именемъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, знаменитые или родомъ или дѣлами, согласились принять власть надъ людьми, кошорые, умѣвъ сражашся за вольноспъ, не умѣли ея пользоваться. Окруженныѣ многочисленною Скандинавскою дружиною, готовою ушвердити мечемъ права избранныхъ Государей, сіи честолюбивыѣ бращья навсегда оставили опечество²⁷². Рюрикъ прибылъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро въ обласпъ Финскаго народа Веси, а Труворъ въ Изборскъ, городъ Кривичей. Смоленскъ, населенный также Кривичами, и самый Полоцкъ оставались еще независимыми и не имѣли участія въ призваніи Варяговъ. Слѣдспвенно Держава прехъ Владѣшелей, соединенныхъ узами родспва и взаимной пользы, опъ Бѣлоозера проспиралась шолько до Эспоніи и Ключей Славянскихъ, гдѣ видимъ опашки древняго Изборска. Сія частъ выишней С. Пешербургской, Эспляндской, Новгородской и Псковской Губерній была названа тогда *Русью*, по имени Князей

Варяго-Русскихъ. — Болѣе не знаемъ никакихъ достоверныхъ подробностей; не знаемъ, благословили ли народъ перемѣну своихъ гражданскихъ уставовъ? наслаждался ли счастливою пишиною, рѣдко извѣспною въ обществѣхъ народныхъ? или пожалѣлъ о древней вольности? Хопя новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ²⁷³, что Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадимъ, именуемый *Храбрый*, палъ опъ руки сильнаго Рюрика вмѣстѣ со многими изъ своихъ единомышленниковъ въ Новгородѣ — случай вѣроятный: люди, привыкшіе къ вольности, опъ ужасовъ безначалія могли пожелать Властишей, но могли и раскаянсья, ежели Варяги, единосемцы и друзья Рюриковы, упѣняли ихъ — однакожь сіе извѣспіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ.

Г.864. Чрезъ два года, по кончинѣ Синеуса и Трувора, старшій братъ, присоединивъ области ихъ къ своему Княжеству, основалъ Монархію Россійскую. Уже предѣлы ея достигали на Воспокъ до нынѣшней Ярославской и Нижегородской Губерніи, а на Югъ до Западной Двины; уже Меря, Муромъ и Полочане зависѣли опъ Рюрика:

Основаніе Монархіи.

ибо онъ, принявъ Единовластіе, опдалъ въ управленіе знаменитымъ единосемцамъ своимъ, кромѣ Бѣлаозера, Полоцкъ, Росповъ и Муромъ, имъ или братьями его завоеванные, какъ надобно думать²⁷⁴. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ верховною Княжескою властію утвердилась въ Россіи, кажется, и Система *Феодальная*, *Полѣстная* или *Удѣльная*, бывшая основаніемъ новыхъ гражданскихъ обществъ въ Скандинавіи и во всей Европѣ, гдѣ господствовали народы Германскіе. Монархи обыкновенно цѣлыми областями награждали Вельможъ и любимцевъ, копорые оспавались ихъ подданными, но властвовали какъ Государи въ своихъ Удѣлахъ²⁷⁵: система сообразная съ обстоятельствомъ и духомъ времени, когда еще не было ни удобнаго сношенія между владѣніями одной Державы, ни уставовъ общихъ и твердыхъ, ни порядка въ гражданскихъ степеняхъ, и люди, упорные въ своей независимости, слушались единственно того, кто держалъ мечъ надъ ихъ головою. Признапельность Государей къ вѣрности Вельможъ участвовала также въ семъ обыкновеніи, и завоеватель дѣлился областями съ поварищами храбрыми, копорые помогали ему пріобрѣтати оныя.

Къ сему времени Лѣтописецъ описываетъ слѣдующее важное происшествіе. Двое изъ единоплеменниковъ Рюриковыхъ, именемъ Аскольдъ и Диръ, можетъ быть, некогда²⁷⁶ довольные симъ Княземъ, отправились съ поварницами изъ Новгорода въ Константинополь искать счастья; увидѣли на высокомъ берегу Днѣпра маленькой городокъ, и спросили: чей онъ? Имъ отвѣщивали, что строители его, при брата, давно скончались, и что миролюбивые жители платятъ дань Козарамъ. Сей городокъ былъ Кіевъ: Аскольдъ и Диръ завладѣли имъ; присоединили къ себѣ многихъ Варяговъ изъ Новгорода; начали подъ именемъ Россіянъ властвовать какъ Государи въ Кіевѣ, и помышляя о важнѣйшемъ предіріяшіи, достойномъ Норманской смѣлости. Прежде шли они въ Константинополь, вѣроятно, для того, чтобы служить Императору: тогда ободренные своимъ успѣхомъ и многочисленностію войска, дерзнули объявить себя врагами Греціи. Судходный Днѣпръ благоприятствовалъ ихъ намѣренію: вооруживъ 200 судовъ, сіи вышазы Сѣвера, издревле опытные въ кораблеплаваніи, оперыли себѣ путь въ Черное море и въ самый Воспоръ Фракіійскій, опустошили

Г. 866. Пер-
вое на-
паде-

огнемъ и мечемъ берега его, и скоро осаждали Константинополь съ моря. Столица^{Рос-сія} Восточной Имперіи въ первый разъ увидѣла сихъ грозныхъ непріятелей; въ первый разъ съ ужасомъ произнесла имя Россіянъ, ρωσ. Молва народная возвѣстила ихъ Скиаами, жителями баснословной горы Тавра, уже побѣдителями многихъ народовъ окрестныхъ. Михаилъ III, Неронъ своего времени, царствовалъ тогда въ Константинополѣ, но былъ въ отсутствіи, воюя на берегахъ Черной рѣки съ Агарянами²⁷⁷. Узнавъ о плѣнѣ Эларха или Намѣстника Царградскаго о новомъ непріятелѣ, онъ спѣшилъ въ столицу, съ великою опасностію пробрался сквозь суда Россійскія, и не смѣя опротивить ихъ силѣ, ожидалъ спасенія о плѣнѣ чуда. Оно совершилось, по сказанію Византійскихъ Лѣтописцевъ. Въ славной церкви Влахернской, построенной Императоромъ Маркіаномъ на берегу залива, между нынѣшнею Перою и Царемградомъ, хранилася шакъ называемая риза Богоматери, къ которой прибѣгалъ народъ въ случаѣ бѣдствій²⁷⁸. Папріархъ Фотій съ торжественными обрядами вынесъ ее на берегъ и погрузилъ въ море, тихое и спокойное. Вдругъ сдѣлалась буря; разсѣяла, испре-

была флотъ непріятельскій, и только слабые ошашки его возвратились въ Кіевъ.

Несторъ согласно съ Византійскими Историками описываетъ сей случай; но нѣкоторые изъ нихъ прибавляютъ, что язычники Россійскіе, усипрашенные Небеснымъ гнѣвомъ, немедленно отправили Пословъ въ Константинополь, и требовали святаго крещенія. Окружая грамота Патріарха Фотія, писанная въ исходѣ 866 года къ Восточнымъ Епископамъ, служить достовернымъ подтвержденіемъ сего любопытнаго для насъ извѣстія²⁷⁹. »Россы,« говоритъ онъ: »славные жестоко-спію, побѣдишеди народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей державшіе воевашь съ Имперією Римскою, уже ошавили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа и суютъ друзья наши, бывъ еще *не-давно* злѣйшими врагами. Они уже приняли ошъ насъ Епископа и Священника, имѣя живое усердіе къ богослуженію Христіанскому.« Константинъ Багрянородный и другіе Греческіе Историки пишутъ, что Россы крестились во время Царя Василія Македонскаго и Патріарха Игнашія, шо есть, не ранѣе 867 года²⁸⁰. »Императоръ« говоритъ они: »не имѣя возможности побѣдидь Россовъ, склонилъ ихъ къ миру

»богатыми дарами, сосполвшими въ золотъ, серебръ и шелковыхъ одеждахъ. Онъ прислалъ къ нимъ Епископа, посвященнаго Игнашiemъ, который обратилъ ихъ въ Христіанство.« — Сія два извѣ-^{чало}стїя не противорѣчатъ одно другому. ^{Хри-}Фотій въ 866 году могъ отправить цер-^{ствіан-}ковныхъ учителей въ Кіевъ: Игнашій такъ-^{ства}же; они насадили тамъ первыя сѣмена ^{въ}Вѣры истинной: ибо Несторова лѣпопись свидѣтельствуетъ, что въ Игоревое время было уже много Христіанъ въ Кіевѣ²⁸¹. Вѣроятно, что проповѣдники, для лучшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ, тогда же ввели въ употребленіе между Кіевскими Христіанами и новыя письма Славянскія, изобрѣшенныя Кирилломъ въ Моравіи за нѣсколько лѣтъ до того времени. Обстоятельства благопріятствовали сему успѣху: Славяне исповѣдывали одну Вѣру, а Варяги другую²⁸²; въ послѣдствіи увидимъ, что древніе Государи Кіевскіе наблюдали священные обряды первой, слѣдуя внушенію весьма естественнаго благоразумія; но усердіе ихъ къ чужеземнымъ идоламъ, коихъ обожали они единственно въ угожденіе главному своему народу, не могло бытъ искреннимъ, и самая государственная польза заславляла Князей не

препятствовать успѣхамъ новой Вѣры, соединявшей ихъ подданныхъ, Славянъ, и надежныхъ поварищей, Варяговъ, узами духовнаго браштва. Но еще не наступило время совершеннаго торжества ея.

Такимъ образомъ Варяги основали двѣ Самодержавныя области въ Россіи: Рюрикъ на Сѣверѣ, Аскольдъ и Диръ на Югѣ. Не вѣроятно, чтобы Козары, бравшіе дань съ Кіева, добровольно уступили его Варягамъ, хотя Лѣтописецъ молчитъ о воинскихъ дѣлахъ Аскольда и Дира въ странахъ Днѣпровскихъ²⁸³: оружіе безъ сомнѣнія рѣшило, кому начальствовать надъ миролюбивыми Польями; и ежели Варяги дѣйствительно, претерпѣвъ уронъ на Черномъ морѣ, возвратились опъ Константинополя съ неудачею, то имъ надлежало бытъ счастливыѣ на сухомъ пуши: ибо они удержали за собою Кіевъ.

Неспоръ молчитъ также о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Рюрика въ Новѣгородѣ, за недоспашкомъ современныхъ извѣстій, а не для того, чтобы сей Князь отважный, пожертвовавъ опечесствомъ властолюбію, провелъ остатокъ жизни въ бездѣйствіи: *дѣйствовать* же значило тогда *всватъ*, и Государи Скандинавскіе, единоземцы Рюриковы, принимая власть

опъ народа, обыкновенно клялися, именемъ Одиновымъ, бытъ завоешателями²⁸⁴. Спокойствіе Государства, мудрое законодательство и правосудіе составляютъ нынѣ славу Царей; но Князья Русскіе въ IX и X вѣкѣ еще не довольствовались сею благошворною славою. Окруженный къ Западу, Сѣверу и Востоку народами Финскими, Рюрикъ могъ ли оставить въ покоѣ своихъ ближнихъ сосѣдовъ, когда и самыя опдаленные берега Оки должны были покориться? Вѣроятно, что окрестности Чудскаго и Ладожскаго озера были также свидѣтелями мужественныхъ дѣлъ его, неописанныхъ и забвенныхъ. — Опъ княжилъ единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лѣтъ въ Новѣгородѣ и скончался въ 879 году, ^{Смерт.} вручивъ правленіе и малолѣтнаго сына, ^{Рюрика} Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, какъ перваго Самодержца Россійскаго, осталась безсмертною въ нашей Исторіи, и главнымъ дѣйствіемъ его княженія было швердое присоединеніе нѣкоторыхъ Финскихъ племенъ къ народу Славянскому въ Россіи, такъ, что Весь, Меря, Муромъ, наконецъ обратились въ Славянъ, принявъ ихъ обычаи, языкъ и Вѣру²⁸⁵.

Г Л А В А V.

О л е г ъ П р а в и т е л ь .

Г. 879 — 912.

Завоеванія Олеговы. Нашествіе Угровъ. Супружество Игоря. Россіане служатъ въ Греціи. Олегъ идесть на Царьградъ. Миръ съ Греками. Договоръ съ Имперією. Копчина Олега.

↓ Г. 879. Рюрикъ, по словамъ летописи, вручилъ Олегу правленіе за малолѣтствомъ сына. Сей Опекунъ Игоревъ скоро прославился великою своею отважностію, побѣдами, благоразуміемъ, любовію поданныхъ.

Вѣсть о счастливомъ успѣхѣ Рюрика и брашневъ его, желаніе участвовашъ въ ихъ завоеваніяхъ и надежда обогатиться, безъ сомнѣнія привлекли многихъ Варяговъ въ Россію. Князя рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную, смѣлую дружину. Олегъ, пылая славолюбіемъ Героевъ, не удовольствовався симъ войскомъ, но присоединилъ къ нему великое число Новгородцевъ, Кривичей, Весн, Чуди, Мери, и въ 882 году

пошелъ къ спранамъ Днѣпровскимъ²⁸⁶. Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, Г. 882. сдался ему, кажется, безъ сопротивленія: чему могли способствовать единоплеменники ихъ, служившіе Олегу. Первая удача^{Завоеванія Олега} была залогомъ новыхъ: храбрый Князь, поручивъ Смоленскъ своему Боярину, вступилъ въ обласпъ Сѣверянъ и взялъ Любечъ, древній городъ на Днѣпрѣ. Но желанія завоевателя стремились далѣе: слухъ о независимой Державѣ, основанной Аскольдомъ и Диромъ, благословенный климатъ и другія естественныя выгоды Малороссіи, еще украшенныя, можетъ быть, разсказами, влекли Олега къ Кіеву. Вѣроятность, что Аскольдъ и Диръ, имѣя сильную дружину, не захотѣли ему добровольно поддаться, и непріятная мысль сражаться съ единоземцами, равно искусными въ дѣлѣ воинскомъ, принудили его употребить хитрость. Оставивъ назади войско, онъ съ юнымъ Игоремъ и съ многими людьми приплылъ къ высокимъ берегамъ Днѣпра, гдѣ стоялъ древній Кіевъ²⁸⁷; скрылъ вооруженныхъ ратниковъ въ ладіяхъ, и велѣлъ объявить Государямъ Кіевскимъ, что Варяжскіе купцы, отправленные Княземъ Новгородскимъ въ Грецію, хотѣли видѣть ихъ какъ дру-

зей и соопечесшвенниковъ. Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, спѣшили на берегъ: воины Олеговы въ одно мгнове-
ніе окружили ихъ. Правитель сказалъ: *вы не Князья и не знаменитаго роду, но я Князь* — и показавъ Игоря, примолвилъ: *вотъ сынъ Рюриковъ*²³⁸! Симъ словомъ осужденные на казнь, Аскольдъ и Диръ, подъ мечами убійць, пали мертвые къ ногамъ Олеговымъ... Простота, свой-
ственная нравамъ IX вѣка, позволяетъ вѣрять, что мнимые купцы могли призвать къ себѣ такимъ образомъ Владѣтелей Кіевскихъ; но самое общее варварство сихъ временъ не извиняетъ убійства жестокаго и коварнаго. — Тѣла несчастныхъ Князей были погребены на горѣ, гдѣ въ Неспорово время находился Ольминъ дворъ²³⁹; кости Дировы покоились за храмомъ Св. Ирины; надъ могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жилиши Кіевскіе донинѣ указываютъ сіе мѣсто на крупномъ берегу Днѣпра, ниже монастыря Николаевского, гдѣ враспашень въ землю малая, вѣшная церковь.

Олегу, обогранный кровію невинныхъ Князей, знаменитыхъ храбростію, вошелъ какъ побѣдитель въ городъ ихъ, и жи-

тели, устрашенные самымъ его злодѣ-
ніемъ и сильнымъ войскомъ, признали въ немъ своего законнаго Государя. Веселое мѣстоположеніе, судоходный Днѣпръ, удобность имѣть сообщеніе, торговлю или войну съ разными богатыми странами — съ Греческимъ Херсономъ, съ Козарскою Тавридою, съ Болгаріею, съ Конспантинополемъ — плѣнили Олега, и сей Князь сказалъ: *да будетъ Кіевъ матерію городовъ Россійскихъ!* Монархи народовъ образованныхъ желаютъ имѣть столицу среди Государства, впервыхъ для того, чтобы лучше надзирасть надъ общимъ его правленіемъ, а ввѣпорыхъ и для своей безопасности: Олегъ, всего болѣе думая о завоеваніяхъ, хотѣлъ жить на границѣ, чтобы пѣтъ скорѣе нападать на чуждыя земли; мыслилъ ужасать сосѣдовъ, а не бояться ихъ. — Онъ поручилъ дальнія области Вельможамъ; велѣлъ соорити города, или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и внѣшнихъ непріятелей и внутреннихъ мятежниковъ; устѣавилъ также налоги общіе. Славяне, Кривичи и другіе народы должны были платити дань Варягамъ, служившимъ въ Россіи: Новгородъ давалъ имъ ежегодно 300 гривенъ погодашнесю

ходячею монетою Россійскою²⁹⁰: что представляло цѣну сѣмидесяти фунтовъ серебра. Сію дань получали Варяги, какъ говорилъ Несторъ, до кончины Ярославовой: съ того времени лѣтописи наши дѣйствительно уже молчали о службѣ ихъ въ Россіи²⁹¹.

Обширныя владѣнія Россійскія еще не имѣли твердой связи. Ильменскіе Славяне граничили съ Весью, Весь съ Мерею, Мера съ Муромою и съ Кривичами²⁹²; но сильныя, опъ Россіянь независимые народы обитали между Новымгородомъ и Г.883 Кіевомъ. Храбрый Князь, давъ опдохнуть войску, спустиль къ берегамъ рѣки Припечи: тамъ, среди лѣсовъ мрачныхъ, Древляне свирѣпыя наслаждались вольностию и вспрѣтили его съ оружіемъ; но побѣда увѣчала Олега, и сей народъ, богатый звѣрями, обязался ему платишь Г.884 дань черными кунцами. Въ слѣдующіе — 85 два года Князь Россійскій овладѣль землею Днѣпровскихъ Сѣверянъ и сосѣдственныхъ съ ними Радимичей. Онъ побѣдилъ первыхъ, освободилъ ихъ опъ власни Козаровъ, и сказавъ: *я врагъ иль, а не воль!* удовольствовался самымъ легкимъ налогомъ: вѣрность и доброе расположеніе Сѣверянъ были ему всего нужнѣе для безо-

паснаго сообщенія южныхъ областей Россійскихъ съ сѣверными. Радимичи, жишели береговъ Сожскихъ, добровольно согласились давати Россіянамъ по же, что Козарамъ: по *цлягу* или мелкой монетѣ съ каждой сохи. Такимъ образомъ, соединивъ цѣпью завоеваній Кіевъ съ Новымгородомъ, Олегъ уничтожилъ господство Хана Козарскаго въ Вишебской и Черниговской Губерніи. Сей Ханъ дремалъ, кажешся, въ пріятностяхъ Восточной роскоши и нѣги: изобиліе Тавриды, долговременная связь съ цвѣвающимъ Херсономъ и Конспаннинополемъ, торговля и мирныя искусства Греціи усыпили воинскій духъ въ Козарахъ, и могущество ихъ уже клонилось къ паденію.

Покоривъ Сѣверъ, Князь Россійскій обратилъ счастливое оружіе свое къ Югу. Въ лѣвую сторону опъ Днѣпра, на берегахъ Сулы, жили еще независимые опъ Россійской Державы Славяне, единоплеменные съ Черниговцами: онъ завоевалъ спрану ихъ, также Подольскую и Волынскую Губернію, часть Херсонской и, можешъ бышь, Галицію: ибо Лѣтописецъ въ числѣ его подданныхъ именуелъ Дулебовъ, Тивирцевъ и Хорваповъ, тамъ обитавшихъ²⁹³.

Но между шѣмъ, какъ побѣдоносныя знамена сего Героя развѣвались на берегахъ Днѣспра и Буга, новая столица его увидѣла предъ стѣнами своими многочисленныя *вези* или шатры. Угровъ (Маджаровъ или нынѣшнихъ Венгерцевъ), которые обитали нѣкогда близъ Урала, а въ IX вѣкѣ на Воспокъ отъ Кіева, въ спранѣ *Лебеди*, можешъ быть въ Харьковской Губерніи, гдѣ городъ Лебединъ напоминаетъ сіе имя. Вышѣспенные Печенѣгами, они искали погда жилищъ новыхъ; нѣкоторые перешли за Донъ, на границу Персіи; другіе же успремились на Западъ: мѣсто, гдѣ они спояли подъ Кіевомъ, называлось еще въ Несторово время *Угорскиль*²⁹⁴. Олегъ пропустилъ ихъ дружелюбно, или отразилъ силою, неизвѣстно; сіи бѣглецы переправились чрезъ Днѣпръ и завладѣли Молдавіею, Бессарабіею, землею Волошскою.

Далѣе не находимъ никакихъ извѣстій о предпріятіяхъ дѣятельнаго Олега до самаго 906 года²⁹⁵; знаемъ только, что онъ правилъ еще Государспвомъ и въ то время, когда уже пипомецъ его возмужалъ лѣтами. Приученный изъ дѣтспва къ повинновенію, Игорь не дерзалъ требовать своего наслѣдія отъ Правителя

властлюбиваго, окруженнаго блескомъ побѣдъ, славою завоеваній и храбрыми поварищами, которые считали его власть законною, ибо онъ умѣлъ ею возвеличить Государспво. Въ 903 году Олегъ избралъ для Игоря супругу, сію въ нашихъ лѣтописяхъ безсмертную Ольгу, славную тогда еще однѣми прелестями женскими и благонавіемъ. Ее привезли въ Кіевъ изъ Плескова или нынѣшняго Пскова: такъ иишетъ Несторъ. Но въ особенномъ ея житіи и въ другихъ новѣйшихъ историческихъ книгахъ сказано, что Ольга была Варяжскаго проспаго роду, и жила въ веси, именуемой Выбушскою, близъ Пскова; что юный Игорь, пріѣхавъ изъ Кіева, увеселялся тамъ нѣкогда звѣриною ловлею; увидѣлъ Ольгу, говорилъ съ нею, узналъ ея разумъ, скромность, и предпочелъ сію любезную сельскую дѣвицу всѣмъ другимъ невѣстамъ. Обыкновенія и нравы погдашнихъ временъ конечно дозволяли Князю искашь для себя супруги въ самомъ низкомъ состояніи людей: ибо красота уважалась болѣе знаменитаго рода; но мы не можемъ ручаться за истинну преданія, неизвѣснаго нашему древнему Лѣтописцу: иначе онъ не пропустилъ бы споль любопытнаго обскопашельства

Су-
пру-
же-
спло
Иго-
ря.

въ жиціи Св. Ольги. Имя свое приняла она, кажешя, отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей достойной Княгинѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви.

Върольно, что сношеніе между Конспаншинопольемъ и Кіевомъ не прерывалось со временъ Аскольда и Дира; върольно, что Цари и Папріархи Греческіе старались умножать число Христіанъ въ Кіевѣ и вывести самого Князя изъ плъмы идолопоклонства; но Олегъ, принималъ, можешъ бытъ, Священниковъ отъ Папріарха и дары отъ Императора, въриль болъе всего мечу своему, довольствовался мирнымъ союзомъ съ Греками и шерпимоспнію Христіанства. Мы знаемъ по Византійскимъ извѣспіямъ, что около сего времени Россія считалась *шестидесятыми* *Архіепископствомъ* въ спискѣ Епархій, за-

висѣвшихъ отъ Главы Конспаншинопольскаго Духовенства; знаемъ также, что въ 902 году 700 Россовъ, или Кіевскихъ Варяговъ, служили во флотѣ Греческомъ, и что имъ платили изъ казны 100 литръ золота²⁹⁶. Спокойствіе, которымъ Россія, покоривъ окрестные народы, могла нѣсколько времени наслаждашяся, давало свободу выпязямъ Олеговымъ искать дьяпельности въ службѣ Императоровъ: Гре-

Рос-
сіянс
слу-
жашъ
въ Гре-
ціи.

ки уже издавна осыпали золопомъ пакъ называемыхъ варваровъ, чтобы они дикою храброспнію своею ужасали не Конспаншинополь, а враговъ его. Но Олегъ, наскучивъ пищиною, опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царяграда, и желая доказать, что казна робкихъ принадлежитъ смѣлому, рѣшился воевать съ Имперією. Всѣ народы, ^{Г.906. ✓} ему подвластные: Новгородцы, Финскіе жители Бѣлаозера, Ростовская Меря, Кривичи, Сѣверяне, Поляне Кіевскіе, Радимичи, Дульбы, Хорваты и Тивирцы соединились съ Варягами подъ его знаменами²⁹⁷. Днѣпръ покрылся *двумя тысячами* легкихъ судовъ: на всякомъ было сорокъ воиновъ; *конница* шла берегомъ. Игорь оспался въ Кіевѣ: Правитель не хопъль раздѣлывъ съ нимъ ни опасностей, ни славы. Надлежало побѣдитъ не только враговъ, но и Природу, такими чрезвычайными усиліями, которыя могли бы успрашивать самую дерзкую предпримчивость нашего времени, и кажутся едва върольными. Днѣпровскіе пороги и нынѣ мѣшаютъ судоходству, хопя стремленіе воды въ печеніе сполътій и наконецъ искусство людей разрушили нѣкоторыя изъ сихъ преградъ каменныхъ²⁹⁸: въ IX и X вѣкѣ

Олегъ
идешъ
на
Царь-
градъ

они должны были быть несравненно опаснее. Первые Варяги Киевские осмелились пройти сквозь их острые скалы и кипящая волны с двумя спами судовъ: Олегъ со флотомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ. Константинъ Багрянородный описалъ намъ, какъ Россіяне въ семь плаваніи обыкновенно преодолевали трудности: бросались въ воду, искали гладкаго дна, и проводили суда между камнями; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытаскивали свои лодки изъ рѣки, влекли берегомъ или несли на плечахъ, будучи въ то же самое время готовы отражать непріятеля²⁹⁹. Доплывъ благополучно до Лимана, они исправляли мачты, парусы, рули; входили въ море, и держась западныхъ береговъ его, достигали Греціи. Но Олегъ велъ съ собою еще сухопутное, конное войско: жителя Бессарабіи и сильные Болгары дружелюбно ли пропустили его? Лѣтописецъ не говоритъ о томъ. Но мужественный Олегъ приблизился наконецъ къ Греческой столицѣ, гдѣ суевѣрный Императоръ Леонъ, прозванный Философомъ, думалъ о вычесахъ Аспрологіи болѣе, нежели о безопасности Государства. Онъ велѣлъ только заградить цѣпью гавань³⁰⁰, и далъ волю Олегу разорать Ви-

зантійскія окрестности, жечь селенія, церкви, увеселительные дома Вельможъ Греческихъ. Неспоръ, въ доказательство своего безприсрастія, изображаетъ самыми черными красками жестокость и безчеловѣчіе Россіянъ. Они плавали въ крови несчастныхъ, терзали плѣнниковъ, бросали живыхъ и мертвыхъ море. Такъ нѣкогда поступали Гунны и народы Германскіе въ областяхъ Имперіи; такъ, въ сіе же самое время, Норманы, единосемцы Олеговы, свирѣпствовали въ Западной Европѣ. Война даетъ нынѣ право убивать непріятелей вооруженныхъ: тогда была она правомъ злодѣйствовать въ землѣ ихъ и хвалиться злодѣяніями.... Сіи Греки, которые все еще именовались согражданами Сципіоновъ и Бруновъ, сидѣли въ стѣнахъ Константинополя и смотрѣли на ужасы опустошенія вокругъ столицы; но Князь Россійскій привелъ въ трепетъ и самый городъ. Въ лѣтописи сказано, что Олегъ поставилъ суда свои на колеса и силою одного вѣтра, на распущенныхъ парусахъ, сухимъ путемъ шелъ со флотомъ къ Константинополю. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ послѣ Магометь II: велѣлъ войнамъ шашить суда берегомъ въ га-

ванъ, чпобы приступити къ спѣнамъ городскимъ³⁰¹; а баснословіе, вымысливъ дѣйствіе парусовъ на сухомъ пупи, обратило прудное, но возможное дѣло, въ чудесное и невѣроятное. Греки, устращенные симъ намѣреніемъ, спѣшили предложить Олегу миръ и дань. Они выслали войску его съѣстные припасы и вино: Князь отвергнувъ по и другое, боясь оправы: ибо храбрый считаесть малодушнаго коварнымъ. Если подозрѣніе Олегово, какъ говоритъ Несторъ, было справедливо: то не Россіянь, а Грековъ должно названъ испинными варварами Хвѣка. Побѣдитель пребоваъ 12 гривенъ на каждаго челоуѣка во флотѣ своемъ, и Греки согласились, съ шѣмъ условіемъ, чпобы онъ, прекративъ непріятельскія дѣйствія, мирно возвратился въ опечество. Войско Россійское отступило далѣе отъ города, и Князь отправилъ Пословъ къ Императору. Лѣтопись сохранила Норманскія имена сихъ Вельможъ: Карла, Фарлафа, Веремида, Рулава, Стемида. Они за-

Миръ съ Греціей договоръ:
ключили съ Констанцинополемъ слѣдую-

камі.
I. »Греки дають по 12 гривенъ на челоуѣка³⁰², сверхъ того уклады на города
»Кіевъ, Черниговъ, *Перелславль*, Полпескъ,

»Росповъ, Любечъ и другіе, гдѣ властвують
»Князья, Олеговы подданные.« Война была въ сіи времена народнымъ промысломъ: Олегъ, соблюдая обычай Скандинавовъ и всѣхъ народовъ Германскихъ, долженствовалъ раздѣлитъ свою добычу съ воинами и Полководцами, не забывая и пѣхъ, которые оставались въ Россіи.

II. »Послы, отправляемые Княземъ Русскимъ въ Царьградъ, будущъ шамъ всѣмъ удовольствованы изъ казны Императорской³⁰³. Русскимъ гостямъ или шорговымъ людемъ, которые прѣдутъ въ Грецію, Императоръ обязанъ на шесць мѣсяцевъ давать хлѣба, вина, мяса, рыбы и плодовъ; они имѣють также свободный входъ въ народныя бани³⁰⁴, и получаютъ на возвратный пупъ съѣстные припасы, якори, снаспи, парусы и все шужное.«

Греки съ своей стороны предложили такія условія: »I. Россіане, которые будутъ въ Констанцинополѣ не для шорговли, не имѣють права пребавать мѣсячнаго содержанія. — II. Да запретишь Князь Посламъ своимъ дѣлать жителамъ обиду въ обласпяхъ и въ селахъ Греческихъ. — III. Россіане могутъ жить польско у Св. Мамы³⁰⁵, и должны увѣдомлять

«о своемъ прибытіи городское начальство, которое запишетъ ихъ имена и выдастъ имъ мѣсячное содержаніе: Кіевскимъ, Черниговскимъ, Переяславскимъ и другимъ гражданамъ. Они будутъ входить только въ одни ворота городскія съ Императорскимъ приспавомъ, безоружные и не больше пятидесяти человекъ вдругъ; могутъ торговать свободно въ Константинополь, и не платя никакой пошлины.»

Сей миръ, выгодный для Россіянъ, былъ утверждёнъ священными обрядами Вѣры: Императоръ клялся Евангеліемъ, Олегъ съ воинами, оружіемъ и богами народа Славянскаго, Перуномъ и Волосомъ³⁰⁶. Въ знакъ побѣды Герой повѣсилъ щипъ свой на вратахъ Константинополя и возвратился въ Кіевъ, гдѣ народъ, удивленный его славою и богатствами, имъ привезенными: золотомъ, шкандями, разными драгоценностями искусства и еспешвенными произведениями благословеннаго климата Греціи, единогласно назвалъ Олега *вѣщиль*, по естѣ мудрымъ или волхвомъ.

Такъ Неспоръ описываетъ счастливыи и славный походъ, коимъ Олегъ увѣнчалъ свои дѣла воинскія. Греческіе Испорики молчатъ о семъ важномъ случаѣ³⁰⁷; но когда Лѣтописецъ нашъ не позволялъ

дѣйствовать своему воображенію и въ описаніи древнихъ, отдаленныхъ временъ: по могъ ли онъ, живучи въ XI вѣкѣ, выдумать происшествіе десятаго столѣтія, еще свѣжаго въ народной памяти? могъ ли съ дерзостію увѣрять современниковъ въ истинѣ онаго, если бы общее преданіе не служило ей порукою? Согласимся, что нѣкоторые обстоятельство могутъ быть баснословны: товарищи Олеговы, хвалясь своими подвигами, украшали ихъ въ разсказахъ, которые, съ новыми прибавленіями, чрезъ нѣсколько времени обратились въ народную сказку, повпоренную Неспоромъ безъ крипическаго изслѣдованія; но главное обстоятельство, что *Олегъ ходилъ къ Царюграду и возвратился съ успѣхомъ*, кажется достовернымъ.

Доселѣ одни словесныя преданія могли руководствовать Нестора³⁰⁸; но желая Г.911. утвердить миръ съ Греками, Олегъ вздумалъ отправить въ Царьградъ Пословъ, которые заключили съ Имперією договоръ *письменный*, драгоценный и древнѣйшій памятникъ Испоріи Россійской, сохраненный въ нашей лѣтописи. Мы изяснимъ единственно смыслъ шемныхъ рѣченій, оставляя въ цѣлости, гдѣ можно, любопытную древность слога.

Дого- ДОГОВОРЪ РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ.
воръ

съ Импе- «Мы ошь роду Русскаго, Карлъ Инге-
рією. рлотъ, Фарловъ, Веремидъ³⁰⁹, Рулавъ, Гу-
»ды, Руальдъ, Карнъ, Фелавъ, Рюаръ,
»Акпушруянъ, Лидульфосъ, Стемидъ, по-
»сланные Олегомъ, *Великимъ* Княземъ
»Русскимъ, и *встѣли суцили подъ рукою*
»его³¹⁴, Свѣшлыми Боярами, къ вамъ, Льву,
»Александру и Константину» (брату и
»сыну перваго) «великимъ Царямъ Грече-
»скимъ, на *удержаніе* и на *извѣщеніе* ошь
»многихъ лѣтъ бывшій любви между Хри-
»стіанами и Русью, по волѣ нашихъ Кня-
»зей и всѣхъ сущихъ подъ рукою Олега,
»елѣдующими *главали* уже не *словесно*,
»какъ *прежде*, но письменно ушвердили
»сію любовь, и клялися въ помъ по за-
»кону Русскому своимъ оружіемъ.

I. «Первымъ словомъ да *улирился* съ
»вами, Греки! да любимъ другъ друга ошь
»всѣя души, и не дадимъ никому изъ су-
»щихъ подъ рукою нашихъ Свѣшлыхъ
»Князей обижать васъ; но пошщимся, сколь
»можемъ, всегда и непреложно соблюдашь
»сію дружбу! Также и вы, Греки, да хра-
»ните всегда любовь *неподвижную* къ на-
»шимъ Свѣшлымъ Князьямъ Русскимъ и
»всѣмъ сущимъ подъ рукою Свѣшлаго Оле-

»га³¹⁰. Въ случаѣ же пресшупленія и ви-
»ны да поступаемъ тако:

II. «Вина доказывається свидѣльства-
»ми; а когда нѣшь свидѣтелей, то не
»испещь, но ошвѣтчикъ присягаемъ — и
»каждый да клянется по Вѣрь своей.»
Взаимныя обиды и ссоры Грековъ съ Рос-
сіянами въ Констанцинополѣ заставили,
какъ надобно думать, Императоровъ и
Князя Олега включишь спашьи уголов-
ныхъ законовъ въ мирный государшвен-
ный договоръ.

III. «Русинъ ли убіешъ Христіанина
»или Христіанинъ Русана, да умрешъ на
»мѣстѣ злодѣянія. Когда убійца *домовитъ*
»и скроеся, то его имѣніе опдашь ближ-
»нему родшвеннику убишаго; но жена
»убійцы не лишается своей законной ча-
»сти³¹¹. Когда же пресшупникъ уйдетъ,
»не оспавивъ имѣнія, то считаеися подъ
»судомъ, доколѣ найдупъ его и казняшь
»мершию.

IV. «Кто ударишь другаго мечемъ, или
»какимъ сосудомъ, да запланишь пяшь
»липръ серебра по закону Русскому³¹²;
»неимовишый же да запланишь, чпо мо-
»жетъ; да снимешъ съ себя и самую оде-
»жду, въ которой ходишь, и да клянешъ
»ся по Вѣрь своей, чпо ни ближніе, ни

друзья не хопяшь его выкупить изъ виновны: тогда увольняется опъ дальнѣйшаго взысканія.

V. »Когда Русинъ украдетъ что-либо у Христіанина или Христіанинъ у Русина, и пойманный на воровствѣ захо-четъ сопрошвляться, то хозяинъ украденной вещи можетъ убить его, не подвергался взысканію, и возметъ свое обратно; но долженъ только связать вора, который безъ сопрошвленія отдается ему въ руки. Если Русинъ или Христіанинъ, подъ видомъ обыска, войдетъ въ чей домъ и силою возметъ тамъ чужое, вмѣсто своего, да заплапитъ впрое.

VI. »Когда въпрое выкинешъ Греческую ладію на землю чуждую, гдѣ случимся мы, Русь, то будемъ охранять лоную вмѣстѣ съ ея грузомъ, отправимъ въ землю Греческую, и проводимъ сквозь всякое *страшное* мѣсто до *безстрашнаго*. »Когда же ей нельзя возвратиться въ опечество за бурю или другими препяшствіями, то поможемъ гребцамъ и доведемъ ладію до ближней пристани Русской. Товары и все, что будетъ въ спасенной нами ладіи, да продается свободно; и когда пойдутъ въ Грецію наши Послы къ Царю, или гости для купли,

они съ честію приведутъ шуда ладію и въ цѣлоспи отдадутъ, что выручено за ея повары. Если же кто изъ Русскихъ уобьетъ человѣка на сей ладіи, или что нибудь украдетъ, да приметъ виновный казнь вышеозначенную.

VII. »Ежели найдутся въ Греціи между купленными невольниками Россіане или въ Руси Греки, то ихъ освободить и взять за нихъ, чего они купцамъ спобили, или настоящую, извѣстную цѣну невольниковъ; плѣнные пакже да будутъ возвращены въ опечество, и за каждого да внесется окупу 20 *златыхъ*³¹³. Но Русскіе воины, которые изъ чести придутъ служить Царю, могутъ, буде захопашъ сами, опашься въ землѣ Греческой.

VIII. »Ежели невольникъ Русскій уидетъ, будетъ украденъ или опнятъ подъ видомъ купли, то хозяинъ можетъ вездѣ искать и взять его; а кто прошивился лобыску, считається виновнымъ.

IX. »Когда Русинъ, служащій Царю Христіанскому, умретъ въ Греціи, не распорядивъ своего наследства, и родныхъ съ нимъ не будетъ: то приславъ его имѣніе въ Русь къ *милымъ ближнимъ*³¹⁴; а когда сдѣлаешъ распоряженіе, то отдашь

»имѣніе наслѣднику, означенному въ духовной.

Х. »Ежели между купцами и другими людьми Русскими въ Греціи будутъ виновные, и ежели поиребуютъ ихъ въ оппечество для наказанія, то Царь Христіанскій долженъ опправитъ сихъ преступниковъ въ Русь, хопя бы они и не хопѣли шуда возвращишься.

»Да поступаютъ такъ и Русскіе въ оппношеніи къ Грекамъ³¹⁵!

»Для вѣрнаго исполненія сихъ условій между нами, Русью и Греками, велѣли мы написати оныя киноварью на двухъ харшіяхъ. Царь Греческій скрѣпилъ ихъ своею рукою, клялся Свяшымъ Крестомъ, Нераздѣльною Живошворящею Троицею единаго Бога, и далъ харшію нашей Свяшлости; а мы, Послы Русскіе, дали ему другую и клялися по закону своему, за себя и за всѣхъ Русскихъ, исполнять опптвержденныя главы мира и любви между нами, Русью и Греками. Сенпавря во 2 недѣлю, въ 15 лѣто (шо ешь Индикша) оппъ созданія міра....³¹⁶»

Договоръ могъ бытъ писанъ на Греческомъ и Славянскомъ языкѣ. Уже Варяги около пятидесяти лѣтъ господствовали въ Кіевѣ: сверстники Игоревы,

подобно ему рожденные между Славянами, безъ сомнѣнія говорили языкомъ ихъ лучше, нежели Скандинавскимъ. Дѣпни Варяговъ, принявшихъ Христіанство во время Аскольда и Дира, имѣли способъ выучишься и Славянскою грамотою, изобрѣшенною Кирилломъ въ Моравіи. Съ другой стороны при Дворѣ и въ войскѣ Греческомъ находились издавна многіе Славяне, обивавшіе во Фракіи, въ Пелопоннесѣ и въ другихъ владѣніяхъ Императорскихъ. Въ осьмомъ вѣкѣ одинъ изъ нихъ управлялъ, въ санѣ Паптріарха, Церковію; и въ самое шо время, когда Императоръ Александръ подписывалъ миръ съ Олегомъ, первыми любимцами его были два Славянина, именемъ Гаврилопулъ и Василичъ: послѣдняго хопѣлъ онъ сдѣлать даже своимъ наслѣдникомъ³¹⁷. Условія мирныя надлежало разумѣшь и Грекамъ и Варягамъ: первые не знали языка Нормановъ, но Славянскій былъ извѣстенъ и шѣмъ и другимъ.

Сей договоръ предспавляетъ намъ Россіянъ уже не дикими варярами, но людьми, которые знаютъ свяшость чести и народныхъ шоржественныхъ условій; имѣютъ свои законы, опптверждающіе безопасность личную, собшвенность, право

наслѣдія, силу завѣщаній; имѣють торговлю внутреннюю и вѣшнюю. Седьмая и осьмая спашья его доказывають — и Константинъ Багрянородный шо же свидѣтельствоуетъ³¹⁸ — что купцы Россійскіе торговали невольниками: или плѣнными, взятыми на войнѣ, или рабами купленными у народовъ сосѣдственныхъ, или собственными преступниками, законнымъ образомъ лишенными свободы. — Надобно также примѣтить, что между именованными четырнадцати Вельможъ, употребленныхъ Великимъ Княземъ для заключенія мирныхъ условій съ Греками, нѣтъ ни одного Славянскаго. Только Варяги, кажется, окружали нашихъ первыхъ Государей и пользовались ихъ довѣренностью, участвуя въ дѣлахъ правленія.

Императоръ, одаривъ Пословъ золотомъ, драгоценными одеждами и тканьями³¹⁹, велѣлъ показати имъ красоту и богатство храмовъ (которыя сильнѣе ответственныхъ доказательствъ могли предсказать воображенію грубыхъ людей величіе Бога Христіанскаго) и съ честью отпустилъ ихъ въ Кіевъ, гдѣ они дали отчетъ Князю въ успѣхъ посольства.

Сей Герой, смиренный лѣшами, хотѣлъ уже пишины и наслаждался всеобщимъ

миромъ. Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣды и славы, Государь народовъ многочисленныхъ, повелитель войска храбраго могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи спароспи. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое — и смерть его казалась попомству чудесною. »Волхвы» — такъ говоритъ Лѣтописецъ — »предсказали Князю, что ему суждено умереть опъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года: въ осень плѣшаго вспомнилъ Олегъ о предсказаніи, и услыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; захоуѣлъ видѣть его жкоспи; спалъ ногою на черепъ и сказалъ: его ли мнѣ бояться? Но въ черепѣ» Коп-
чила
Оле-
га. »спайлась змѣя: она ужалила Князя, и Герой скончался». . . . Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знаютъ все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ опдаленнымъ попомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею на могилѣ любимаго коня его³²⁰; но мнимое пророчество волхвовъ или чудесниковъ

есть явная народная басня, доспойная замѣчанія по своей древности.

Гораздо важнѣе и достовернѣе то, что Лѣтописецъ повѣствуетъ о слѣдствіяхъ кончины Олеговой: *народъ стоналъ и проливалъ слезы*. Что можно сказать сильнѣе и разительнѣе въ похвалу Государя умершаго? И такъ Олегъ не только ужасалъ враговъ: онъ былъ еще любимъ своими подданными. Воины могли оплакивать въ немъ смѣлаго, искуснаго предводителя, а народъ защитника. — Присоединивъ къ державѣ своей лучшія, богачѣйшія страны нынѣшней Россіи, сей Князь былъ истиннымъ основателемъ ея величія. Рюрикъ владѣлъ опъ Эстоніи, Славянскихъ Ключей и Волхова до Бѣлаозера, успѣя Оки и города Ростова: Олегъ завоевалъ все опъ Смоленска до рѣки Сулы, Днѣстра и, кажется, самыхъ горъ Карпатскихъ³²¹. Мудростію Правителя цвѣшущъ Государства образованныя; но только сильная рука Героя основываетъ великія Имперіи и служитъ имъ надежною опорою въ ихъ опасной новостіи. Древняя Россія славилась не однимъ Героемъ: никто изъ нихъ не могъ сравниться съ Олегомъ въ завоеваніяхъ, копорыя утвердили ея бышіе могуществен-

ное. Исторія признаетъ ли его незаконнымъ Властелиномъ съ того времени, какъ возмужалъ наслѣдникъ Рюриковъ? Великія дѣла и польза государственная не извиняютъ ли властолюбія Олегова? и права наслѣдственныя, еще неутвержденныя въ Россіи обыкновеніемъ, могли ли ему казаться священными? . . . Но кровь Аскольда и Дира оспалась пышною его славы.

Олегъ, княживъ 33 года, умеръ въ глубокой старости, ежели онъ хотя юношею пришелъ въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Тѣло его погребено на горѣ Щеквицѣ, и жилища Кіевскіе, современники Нестора, звали сіе мѣсто *Олеговою могилою*.

ГЛАВА VI.

Князь Игорьъ.

Г. 912 — 945.

Бунтъ Древянъ. Явленіе Печенгговъ. Нападеніе Игоря на Грецію. Договоръ съ Греками. Убіеніе Игоря.

Игоръ въ зрѣломъ возрастѣ мужа пріиалъ Г. 912 власнѣ опасную: ибо современники и по — 13. ✓

помство пребуоушь величія опъ наслѣдниковъ Государя великаго, или презираоушь недоспойныхъ.

Г.913 Смерть побѣдителя ободрила побѣ-
—14. жденныхъ, и Древлане опмолжались опъ
Бунт. Кіева. Игорь спѣшилъ доказаць, что въ
Древ- его рукъ мечь Олеговъ; смирилъ ихъ и
лань.

Г.914 наказаль прибавленіемъ дани³²². — Но ско-
—15. ро новые враги, сильные числомъ, спраш-
Явле- ные дерзоспю и грабительспвомъ, яви-
ніеПе- лись въ предѣлахъ Россіи. Они подъ име-
чень- номъ *Печенъговъ* такъ славны въ лѣпо-
говь. писяхъ нашихъ, Византійскихъ и Венгер-
скихъ опъ X до XII вѣка, что мы дол-
жны, при вспуленіи ихъ на театръ Исто-
риі, сказаць нѣсколько словъ о свойствѣ
и древнемъ опечествѣ сего народа³²³.

Воспочная спрана нынѣшней Россій-
ской Монархіи, гдѣ текушь рѣки Ирпышъ,
Тоболь, Уралъ, Волга, въ продолженіе мно-
гихъ сполѣтій ужасала Европу грознымъ
явленіемъ народовъ, копорые одинъ за
другимъ выходили изъ ея степей обшир-
ныхъ, различные, можешъ бышь, языкомъ,
но сходные характеромъ, образомъ жизни
и свирѣпостію. Всѣ были кочующие; всѣ
пинались скоповодспвомъ и звѣриною
довлею: Гунны, Угры, Болгары, Авары,
Турки — и всѣ они исчезли въ Европѣ,

кромъ Угровъ и Турковъ. Къ симъ наро-
дамъ принадлежали Узы и Печенѣги, еди-
ноплеменники Туркомановъ: первые, оби-
тая между Волгою и Дономъ, въ сосѣд-
ствѣ съ Печенѣгами, выпѣснили ихъ изъ
степей Сарашовскихъ: изгнанники успре-
мились къ Западу; овладѣли Лебедіею,
чрезъ нѣсколько лѣтъ³²⁴ опустошили Бес-
сарабію, Молдавію, Валахію; принудили
Угровъ переселиться оппуда въ Панно-
нію и начали господспвовать опъ рѣки
Дона до самой Алупы, соспавивъ 8 раз-
ныхъ обласпей, изъ коихъ 4 были на
Воспокъ опъ Днѣпра, между Россіянами
и Козарами; а другія на западной споро-
нѣ его, въ Молдавіи, Трансильваніи, на
Бугѣ и близъ Галиціи, въ сосѣдствѣ съ
народами Славянскими, подвластными Кіев-
скимъ Государямъ. Не зная земледѣлія,
обитая въ шапрахъ, кибирикахъ или ве-
жахъ, Печенѣги искали единспвенно пуч-
ныхъ луговъ для снадь; искали шакже
богашыхъ сосѣдовъ для грабительспва;
славилась быспропою коней своихъ; во-
оруженные копьями, лукомъ, стрѣлами,
мгновенно окружали непріятелиа и мгно-
новенно скрывались опъ глазъ его; бро-
сались на лошадахъ въ самыя глубокія
рѣки или вмѣсто лодокъ оппребляли

большія кожи. Они носили Персидскую одежду, и лица ихъ изображали свирѣ-
пость³²⁵.

Печенѣги думали, можетъ быть, огра-
бить Кіевъ; но вслѣдствіе сильнымъ
войскомъ, не захошѣли опѣждать счастья
въ битвѣ, и мирно удалились въ Бессара-
бію или Молдавію, гдѣ уже господство-
вали тогда ихъ единоземцы³²⁶. Тамъ на-
родъ сей сдѣлался ужасомъ и бичемъ со-
сѣдовъ; служилъ орудіемъ взаимной ихъ не-
нависти, и за деньги помогалъ имъ ис-
прелять другъ друга. Греки давали ему
золото для обузданія Угровъ и Болгаровъ,
особенно же Россіянъ, которые также
искали дружбы его, чтобы имѣть безо-
пасную торговлю съ Константинополемъ:
ибо Днѣпровскіе пороги и Дунайское ущелье
были заняты Печенѣгами³²⁷. Сверхъ того
они могли всегда, съ правой и лѣвой сто-
роны Днѣпра, опустошать Россію, жечь
селенія, увозить женъ и дѣтей, или, въ
случаѣ союза, подкрѣплять Государей Кіев-
скихъ наемнымъ войскомъ своимъ. Сія
несчастливая Полишка позволяла разбой-
никамъ болѣе двухъ вѣковъ свободно оп-
правлять ихъ гибельное ремесло.

Печенѣги, заключивъ союзъ съ Иго-
ремъ, пять лѣтъ не тревожили Россіи:

по крайней мѣрѣ Неспоръ говоритъ о
первой дѣйствительной войнѣ съ ними
уже въ 920 году. Преданіе не сообщило
ему извѣстія объ ея слѣдствіяхъ. Княже-
ніе Игоря вообще не ознаменовалось въ па-
мяти народной никакимъ великимъ проис-
шествіемъ до самаго 941 года, когда Не-
споръ, согласно съ Византійскими Исто-
риками, описываетъ войну Игореву съ
Греками. Сей Князь, подобно Олегу, хо-
тѣлъ прославить ея старость свою, живъ
до того времени дружелюбно съ Импе-
рією: ибо въ 935 году корабли и воины
его ходили съ Греческимъ флотомъ въ
Италію³²⁸. Если вѣрять Лѣтописцамъ,
то Игорь съ 10,000 судовъ вошелъ въ
Черное море. Болгары, тогда союзники
Императора, уведомили его о семъ не-
пріятелѣ; но Игорь успѣлъ, приславъ къ
берегу, опустошить Воспорскія окрестно-
сти. Здѣсь Неспоръ, слѣдуя Византій-
скимъ Историкамъ, съ новымъ ужасомъ
говоритъ о свирѣпости Россіянъ: о хра-
махъ, монастыряхъ и селеніяхъ, обращен-
ныхъ ими въ пепель; о плѣнникахъ без-
человѣчно убитыхъ³²⁹, и проч. Романъ
Лакапінъ, воинъ знаменитый, но Госу-
дарь слабый, выслалъ наконецъ флотъ
подъ начальствомъ Теофана Проловостіа-

г. 941. ✓
Напа-
деніе
Иго-
ря на
Гре-
цію.

рія. Корабли Игоревы спояли на якоряхъ близь Фара или маяка³³⁰, готовыя къ сраженію. Игорь споль былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что велѣлъ воинамъ своимъ щадить неприятелей и брать ихъ живыхъ въ плѣнъ; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его чаянію. Россіяне, приведенные въ ужасъ и безпорядокъ шакъ называемымъ *огнемъ Греческимъ*, которымъ Теофанъ зажегъ многія суда ихъ, и который показался имъ небесною молніею въ рукахъ озлобленнаго врага, удались къ берегамъ Малой Азіи. Тамъ Паприкій Варда съ отборною пѣхотою, конницею, и Доместикъ Іоаннъ, славный побѣдами, одержанными имъ въ Сиріи, съ опытнымъ Азіатскимъ войскомъ напали на шолпы Россіянь, грабившихъ цвѣтущую Виѳинію, и принудили ихъ бѣжать на суда. Угрожаемые вмѣстѣ и войскомъ Греческимъ, и побѣдоноснымъ флотомъ, и голодомъ, они снялись съ якорей, ночью отплыли къ берегамъ Фракійскимъ, сразились еще съ Греками на морѣ, и съ великимъ урономъ возвратились въ опечесство. Но бѣдствія, претерпѣнныя отъ нихъ Имперіею въ теченіе трехъ мѣсяцевъ³³¹, остались надолго незабвенными въ ея Азіатскихъ и Европейскихъ областяхъ.

О семъ несчастномъ Игоровомъ походѣ говорятъ не только Византійскіе, но и другіе Историки: Арабскій Эльмакинъ и Кремонскій Епископъ Ліупспрандъ³³²; послѣдній рассказываетъ слышанное имъ отъ своего опчима, который, будучи Посломъ въ Царѣградъ, собственными глазами видѣлъ казни многихъ Игоревыхъ воиновъ, взятыхъ тогда въ плѣнъ Греками: варварство ужасное! Греки, избѣженныя роскошію, боялись опасностей, а не злодѣйства.

Игорь не унылъ, но хотѣлъ от- г. 943
мстить Грекамъ; собралъ другое многочис- — 44.
ленное войско, призвалъ Варяговъ изъ-за моря, нанялъ Печенѣговъ — которые дали ему аманатовъ въ доказательство вѣрности своей — и чрезъ два года снова пошелъ въ Грецію со флотомъ и съ конницею. Херсонцы и Болгары впрочемъ дали знать Императору, что море покрылось кораблями Россійскими. Лакапинъ, не увѣренный въ побѣдѣ и желая спасти Имперію отъ новыхъ бѣдствій войны со врагомъ опчаяннымъ, немедленно отправилъ Пословъ къ Игорю. Встрѣтивъ его близь Дунайскаго устья, они предложили ему дань, какую нѣкогда взялъ храбрый Олегъ съ Греции; обѣщали и болѣе, ежели Князь благоразумно согласится на миръ;

спарались также богатыми дарами обезоружить корыстолобивыхъ Печенѣговъ. Игорь ошановился, и созвавъ дружину свою, объявилъ ей желаніе Грековъ. »Когда «Царь,» — ошвѣщспвовали вѣрные товарищи Князя Россійскаго — »безъ войны «даешъ намъ серебро и золото, по чего «болѣ можемъ шребовать? Извѣстно ли, «кто одолѣешъ? мы ли? они ли? и съ мотремъ кто *совѣтешъ*? Подъ нами не земля, «а глубина морская: въ ней общая смершь «людямъ.» Игорь принялъ ихъ совѣшъ, взялъ дары у Грековъ на всѣхъ воиновъ своихъ, велѣлъ наемнымъ Печенѣгамъ разорять сосѣдспвенную Болгарію, и возвратился въ Кіевъ.

Г.944. Въ слѣдующій годъ Лакапинъ отпра-
Дого- вилъ Пословъ къ Игорю, а Князь Россій-
воръ съ Грескій въ Царьградъ, гдѣ заключенъ былъ
съ камп. ими шоржеспвенный миръ на такихъ
условіяхъ:

I. Начало подобное Олегову договору: «Мы опъ рода Русскаго, Послы и госши «Игоревы,» и проч. слѣдуешъ около пшпиде-
сяши Норманскихъ именъ, кромѣ двухъ или шрехъ Славянскихъ³³³. Но досшойно замѣчанія, что здѣсь въ особенности говорится о Послахъ и чиновникахъ Игоря, жены его Ольги, сына Свяпослава, двухъ не-

тшевъ Игоревыхъ, по ешь племянниковъ или дѣтей сестриныхъ, Ульба, Акуна, и супруги Ульбовой, Передславы. Далѣе: «Мы, посланные опъ Игоря, Великаго Князя Русскаго, опъ всякаго Княженія, опъ «всѣхъ людей Русскія земли, обновишь «*ветхий* миръ съ Великими Царями Греческими, Романомъ, Конспаншиномъ, Стефаномъ³³⁴, со всѣмъ *Боярствами* и со «всѣми людьми Греческими, вопреки Діаволу, ненавистнику добра и *враждолюбцу*, «на всѣ лѣта, доколѣ сіешъ солнце и «стоишь міръ. Да не дерзають Русскіе, «*крещеные* и некрещеные, нарушашъ союза «съ Греками, или первыхъ да осудишь «Богъ Вседержитель на гибель вѣчную и «временную, а шпорые да не имущъ по- «моши опъ Бога Перуна; да не защишашъ «ся своими щитами; да падушъ опъ *соб- «ственныхыхъ* мечей, шпрѣлъ и другаго оружія; «да будущъ рабами въ сей вѣкъ и будущій!

II. «Великій Князь Русскій и Бояре его «да шправляють свободно въ Грецію ко- «рабли съ гостями и Послами. Госши, какъ «*было* *установлено*, носили печати серебря- «ныя, а Послы золотыя: опнынѣ же да «приходятъ съ грамотою опъ Князя Рус- «скаго, въ которой будешъ засвидѣтель- «шповано имъ мирное намѣреніе, также

»число людей и кораблей отправленныхъ.
 »Если же придуть безъ грамошы, да со-
 »держатся подъ спражею, доколѣ извѣ-
 »шимъ о нихъ Князя Русскаго. Если сна-
 »зупшъ прошивишься, да лишаешься жизни,
 »и смерпшъ ихъ да не възыщешься опть Кня-
 »зя Русскаго. Если уйдупшъ въ Русь, по-
 »мы, Греки, увѣдомимъ Князя объ ихъ бѣг-
 »ствѣ, да поспушишъ онъ съ ними, какъ
 »ему угодно.«

III. Начало спашьи естъ повтореніе
 условій, заключенныхъ Олегомъ подъ спѣ-
 нами Конспанпинополя, о томъ, какъ
 вести себя Посламъ и гостямъ Русскимъ
 въ Грецію, гдѣ жить, чего требовать³³⁵,
 и проч. — Далѣе: »Госпи Русскіе будупшъ
 »охраняемы Царскимъ чиновникомъ, ко-
 »порый разбираешъ ссоры ихъ съ Грека-
 »ми. Всякая пшкань, купленная Русскими,
 »цѣною выше 50 золотниковъ (или чер-
 »вонцевъ), должна бытъ ему показана,
 »чтобы онъ приложилъ къ ней печать
 »свою³³⁶. Отправляясь изъ Царяграда, да
 »берупшъ они съѣстные припасы и все
 »нужное для кораблей, согласно съ дого-
 »воромъ. Да не имѣюпшъ права зимовашъ
 »у Св. Мамы и да возвращаются съ охра-
 »неніемъ.

IV. »Когда уйдешъ невольникъ изъ Ру-

»си въ Грецію, или опть гостей, живу-
 »щихъ у Св. Мамы, Русскіе да ищупшъ и
 »возьмутъ его. Если опть не будешъ сы-
 »сканъ, да клянупшея въ бѣгствѣ его по-
 »Вѣршъ своей, Христіане и язычники. То-
 »гда Греки дадупшъ имъ, какъ прежде уста-
 »влено³³⁷, по двѣ пшкани за невольника.
 »Если рабъ Греческій бѣжитъ къ Россіа-
 »намъ съ покражею, по они должны воз-
 »вратишъ его и снесенное имъ въ цѣло-
 »спши: за что получаюпшъ въ награжденіе
 »два золотника.

V. »Ежели Русинъ украдепшъ что-ни-
 »будъ у Грека, или Грекъ у Русина, да
 »будешъ спрого наказанъ по закону Рус-
 »скому и Греческому; да возвратишъ укра-
 »денную вещь и заплашишъ цѣну ея вдвое.

VI. »Когда Русскіе приведупшъ въ Царь-
 »градъ плѣнниковъ Греческихъ, по имъ за
 »каждаго брапшъ по десяти золотниковъ,
 »если будешъ юноша или дѣвица *добрая*,
 »за середовича восемь, за спарца и мла-
 »денца пять³³⁸. Когда же Русскіе найдупшъ
 »ся въ неволѣ у Грековъ, по за всякаго
 »плѣннаго давашъ выкупу десять золот-
 »никовъ, а за купленнаго цѣну его, копо-
 »рую хозяинъ объявишъ *подъ крестомъ*
 (или присягою).

VII. »Князь Русскій да не присвоиваешъ

»себѣ власти надъ спраною Херсонскою
и городами ся. Когда же онъ, воюя въ
»шамошнихъ мѣспахъ, попотребуешъ вой-
»ска опъ насъ, Грековъ: мы дадимъ ему,
»сколько будетъ надобно.

VIII. »Ежели Русскіе найдутъ у бере-
»га ладію Греческую, да не обидятъ се;
»а кто возметъ что-нибудь изъ ладіи,
»или убіешъ, или поработишъ находя-
»щихся въ ней людей, да будетъ нака-
»занъ по закону Русскому и Греческому³³⁹.

IX. »Русскіе да не шворятъ никакого
»зла Херсонцамъ, ловящимъ рыбу въ устьѣ
»Днѣпра; да не зимуютъ тамъ, ни въ Бѣ-
»лобережѣ, ни у Св. *Еверія*³⁴⁰; но при
»наступленіи осени да идутъ въ дома
»свои, въ Русскую землю.

X. »Князь Русскій да не пускаешъ *Чер-
»ныхъ* Болгаровъ воевать въ спранѣ Хер-
»сонской.« — *Черною* называлась Болгарія
Дунайская, въ отношеніи къ древнему
опечесству Болгаровъ³⁴¹.

XI. »Ежели Греки, находясь въ землѣ
»Русской, окажутся пресступниками, да
»не имѣетъ Князь власти наказывать ихъ;
»но да примутъ они сію казнь въ Цар-
»ствѣ Греческомъ.

XII. »Когда Христіанинъ умершвишъ
»Русина, или Русинъ Христіанина, ближ-

»ніе убіеннаго, задержавъ убійцу, да умер-
»швишъ его.« — Далѣе то же, что въ III
статѣ прежняго договора³⁴².

XIII. Сія статѣя о побояхъ естъ по-
»спореніе IV статѣи Олегова условія.

XIV. »Ежели Цари Греческіе потре-
»буютъ войска опъ Русскаго Князя, да
»исполнитъ Князь ихъ пребываніе, и да
»увидятъ чрезъ то всѣ инія спраны, въ
»какой любви живутъ Греки съ Русью.

»Сія условія написаны на двухъ хар-
»тіяхъ: одна будетъ у Царей Греческихъ;
»другую, ими подписанную, доставятъ
»Великому Князю Русскому Игорю и лю-
»бятъ его, кошорые, принявъ оную, да
»вклянутся *хранить истину* союза: Хри-
»стіане въ Соборной церкви Св. Іліи *пред-
»лежащимъ честнымъ Крестомъ* и сею
»хартіею³⁴³, а некрещеные полагая на
»землю щипы свои, *обручи* и мечи обна-
»женные.«

Историкъ долженъ въ цѣлости сохра-
нить сіи дипломатическіе памятники
Россіи, въ коихъ изображается умъ пред-
ковъ нашихъ и самые ихъ обычаи. Госу-
дарственные договоры X вѣка, столь по-
дробные, весьма рѣдки въ лѣтописяхъ:
они любопытны не только для ученаго
Дипломатика, но и для всѣхъ вниматель-

ныхъ чинашелей Исторіи, которые желаютъ имѣть ясное понятіе о тогдашнемъ гражданскомъ состояніи народовъ. Хотя Византійскіе Лѣтописцы не упоминаютъ о семъ договорѣ, ни о прежнемъ, заключенномъ въ Олегово время; но содержаніе оныхъ пакъ вѣрно представляетъ намъ взаимныя отношенія Грековъ и Россіянъ X вѣка, пакъ сообразно съ обшчепольствами времени, что мы не можемъ усомниться въ ихъ истинѣ...

Клятвенно утвердивъ союзъ, Императоръ отправилъ новыхъ Пословъ въ Кіевъ, чтобы вручить Князю Русскому *хартію мира*. Игорь въ присутствіи ихъ на священномъ холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, торжественно обязался хранить дружбу съ Имперіею; войны его также, въ знакъ клятвы полагая къ ногамъ идола оружіе, щипы и золото. Обрядъ достопамятный: оружіе и золото было всего свяще и драгоценнѣе для Русскихъ язычниковъ. Христіане Варяжскіе присягали въ Соборной церкви Св. Іліи, можешь бытъ древнѣйшей въ Кіевѣ³⁴⁴. Лѣтописецъ именно говоритъ, что многіе Варяги были тогда уже Христіанами.

Игорь, одаривъ Пословъ Греческихъ мѣхами драгоценными, воскомъ и пльни-

ками, опустилъ ихъ къ Императору съ дружественными увѣреніями. Онъ дѣйствительно хотѣлъ мира для своей сластолюбивости; но корыстолюбіе собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствіемъ. «Мы босы и наги,» говорили войны Игорю: «а Свѣнелдовы Опроки богаты оружіемъ и всякою одеждою. *»Поди съ дань съ нами, да и мы, вмѣстѣ съ побоемъ, будемъ довольны.»* *Ходитъ въ дань* значило тогда объѣзжать Россію и собирать налоги. Древніе Государи наши, по извѣстію Консуптина Багрянороднаго, всякой годъ въ Ноябрь мѣсяцъ отправлялись съ войскомъ изъ Кіева для объѣзда городовъ своихъ и возвращались въ столицу не прежде Апрелья. Цѣлю сихъ путешествій, какъ вѣроятно, было и то, чтобы укреплять общую государственную связь между разными областями, или содержать народъ и чиновниковъ въ зависимости отъ Великихъ Князей. Игорь, отдыхая въ спарости, вмѣсто себя посылалъ, кажется, Вельможъ и Бояръ, особенно Свѣнелда, знаменишаго Воеводу, который, собирая государственную дань, могъ и самъ обогащаться, вмѣстѣ съ *Отрокаши* своими или опборными молодыми воинами, его окружавшими³⁴⁵. Имъ

завидовала дружина Игорева, и Князь, при наступленіи осени, исполнилъ ея желаніе; опсправился въ землю Древлянъ, и забывъ, что умѣренность естъ добродѣпель власпи, обременилъ ихъ пнягостнымъ налогомъ. Дружина его — пользуясь, можешъ бышь, слабоспію Князя пресшарѣлаго — шакже хопѣла богатства и грабила несчастныхъ данниковъ, усмиренныхъ только побѣдоноснымъ оружіемъ. Уже Игорь вышелъ изъ обласпи ихъ; но судьба опредѣлила ему погибнуть отъ своего неблагоразумія. Еще недовольный взяпою имъ данію, онъ вздумалъ опспустить войско въ Кіевъ, и съ частію своей дружины возврапиться къ Древлянамъ, чшобы требовашь новой дани. Пслы ихъ встрѣпили его на пуши, и сказали ему: »Князь! мы все заплапили пепѣбѣ: для чего же опяшь идешъ къ намъ?« Ослѣпленный корысплюбіемъ, Игорь шель далѣе. Тогда опчаянные Древляне, видя — по словамъ Лѣшописца — что *надобно умертвить хищнаго волка, или все стадо будетъ его жертвою*, вооружились подѣ начальспвомъ Князя свосго, именемъ Мала; вышли изъ Короспена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко отшуда. Визанпійскій Историкъ повѣ-

Убѣ-
віе
Иго-
ря.

спвуешъ, что они, привлзавъ сего несчастнаго Князя къ двумъ деревьямъ, разорвали на-двое³⁴⁶.

Игорь въ войнѣ съ Греками не имѣлъ успѣховъ Олега; не имѣлъ, кажешся и великихъ свойспвъ его: но сохранилъ цѣлосшь Россійской Державы, успроенной Олегомъ; сохранилъ чешть и выгоды ея въ договорахъ съ Имперією; былъ язычникомъ, но позволялъ новообращеннымъ Россіянамъ славить поржешвенно Бога Христіанскаго, и вмѣспъ съ Олегомъ оставилъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ благоразумной терпимоспи, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Два случая оспались укоризною для его памяши: онъ далъ опаснымъ Печенѣгамъ ушвердипсья въ сосѣдспвъ съ Россією, и не доводѣспвуясь справедливою, шо естъ умѣренною данію народа, ему подвласпнаго, обиралъ его, какъ хищный завоеватель. Игорь мспилъ Древлянамъ за прежній ихъ мяпешъ; но Государь унижашся мспію долговременною: онъ наказывашъ пресшупника только однажды. — Историкъ, за недостаткомъ преданій, не можешъ сказашь ничего болѣе въ похвалу или въ обвиненіе Игоря, княжившаго 32 года.

Къ сему княженію опносптся любо-

пышное извѣстіе современнаго Арабскаго Историка Массуди. Онъ пишетъ, что Россіане идолопоклонники, вмѣстѣ съ Славянами, обитали тогда въ Козарской столицѣ Апелъ и служили Кагану; что съ его дозволенія, около 912 года, войско ихъ, приплывъ на судахъ въ Каспійское море, разорило Дагестанъ, Ширванъ, но было наконецъ испреблено Магомешавами. Другой Арабскій Повѣствователь, Абуль-Феда, сказываетъ, что Россіане въ 944 году взяли Барду, столицу Арранскую (верснахъ въ семидесяти отъ Ганджи) и возвратились въ свою землю рѣкою Куромъ и моремъ Каспійскимъ. Третій Историкъ Воспочный, Абуль-Фарачъ, приписываетъ сіе нападеніе Аланамъ, Лезгамъ и Славянамъ, бывшимъ Кагановымъ данникамъ въ южныхъ странахъ нашего древняго опечеснва³⁴⁷. Россіане могли прійти въ Ширванъ Днѣпромъ, морями Чернымъ, Азовскимъ, рѣками Дономъ, Волгою (черезъ малую переволоку въ нынѣшней Качалинской Спаницѣ) — пушемъ дальнимъ, многотруднымъ; но прелестъ добычи давала имъ смѣлость, мужество и перпѣніе, которыя, въ самомъ началѣ государственнаго бытія Россіи, славили имя ея въ Европѣ и въ Азіи.

ГЛАВА VII.

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ.

Г. 945 — 972.

Правленіе Ольги. Хитрая мещь. Мудрость Ольгина. Крещеніе Россіане въ Сициліи. Характеръ и подвиги Святослава. Взятіе Бѣлой Вежи. Завоеваніе Болгаріи. Нашествіе Печенѣговъ. Кончина Ольги. Посольство въ Германію. Первые Удѣлы въ Россіи. Впоришное завоеваніе Болгаріи. Война съ Цимпскіемъ. Договоръ съ Греками. Наружность Святослава. Кончина его.

Святославъ, сынъ Игоревъ, первый Князь Славянскаго имени, былъ еще опромомъ³⁴⁸. Бѣдспвенный конецъ родилеля, новостъ Державы, полько мечемъ основанной и хранимой; бунтъ Древланъ; безпокойный духъ войска, пріученнаго къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежу; честолюбіе Полководцевъ Варяжскихъ, смѣлыхъ и гордыхъ, уважавшихъ одну власпъ счастливой храбрости: все угрожало Святославу и Россіи опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлостъ Державы и власпъ Государя, одаривъ его мапъ свойствами души необыкновенной.

Пра-
вленіе
Оль-
ги.

Юный Князь воспитывался Бояриномъ Асмудомъ: Свѣнелдъ повелѣвалъ войскомъ. Ольга — вѣроятно, съ помощію сихъ двухъ знаменитыхъ мужей — овладѣла кормиломъ Государства, и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Здѣсь Лѣтописецъ сообщаетъ намъ *многія подробности*, опчасти не согласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію Испоріи, и взявшія, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной сказки; но какъ истинное происшествіе должно быть ихъ *основаніемъ*, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычай и духъ времени: то мы повспоримъ Несторовы преспія сказанія о *местахъ и хитростяхъ Ольгиныхъ*.

Хи-
стра
мешъ.

»Гордясь убійствомъ какъ побѣдою и презирая малолѣтство Святослава, Древляне вздумали присвоить себѣ власть надъ Кіевомъ, и хотѣли, чтобы ихъ Князь Малъ женился на вдовѣ Игоря: ибо они, плащя дань Государямъ Кіевскимъ, имѣли еще Князей собственныхъ. Двадцать знаменитыхъ Пословъ Древлянскихъ

»приплыли въ ладіи къ Кіеву и сказали
»Ольгѣ: *Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но Князья Древлянскіе добры и великодушны: ихъ земля цвететъ и благоденствуетъ. Будь супругою нашего Князя Мила.* Ольга съ маскою опвѣстивовала: *Мнѣ пріятна ргьъ ваша. Уже не могу воскресить супруга! Завтра окажу вамъ всю должную честь. Теперь возвратитесь въ ладію свою, и когда люди мои придутъ за вами, велите имъ нести себя на рукахъ...*
»Между тѣмъ Ольга приказала на дворѣ терелинолѣ ископать глубокую яму, и на другой день звать Пословъ. Исполняя волю ея, они сказали: *не хотимъ ни идти, ни ѣхать: несите насъ въ ладіи!*
»Кіевляне опвѣстивовали: *то дѣлать!* или *несольники; Игоря нѣтъ, а Княгиня наша хочетъ быть супругою вашего Князя* — и понесли ихъ. Ольга сидѣла въ своемъ перемѣ и смотрѣла, какъ Древляне гордились и величались, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили ихъ, вмѣстѣ съ ладіею, въ яму. Мстительная Княгиня спросила у нихъ, *довольны ли они сею честію?* Несчастные изъявили воплемъ раскаяніе въ убіеніи Игоря, но поздно: Ольга велѣла ихъ за-

»сыпать живыхъ землю, и чрезъ гонца
 »объявила Древлѣнамъ, что они должны
 »прислать за нею еще болѣе знаменитыхъ
 »мужей: ибо народъ Кіевскій не оппу-
 »стишь ее безъ ихъ торжественнаго и
 »многочисленнаго Посольства. Легковѣр-
 »ные немедленно отправили въ Кіевъ луч-
 »шихъ гражданъ и начальниковъ земли
 »своей. Тамъ, по древнему обычаю Сла-
 »вянскому, для гостей изготвили баню,
 »и въ ней сожгли ихъ. Тогда Ольга велѣла
 »сказать Древлѣнамъ, чтобы они варили
 »медъ въ Коростенѣ; что она уже идетъ
 »къ нимъ, желая прежде вшоразу брака
 »совершить призу надъ могилою пер-
 »ваго супруга. Ольга дѣйствительно при-
 »шла къ городу Коростену, оросила сле-
 »зами прахъ Игоревъ, насыпала высокій
 »бугоръ надъ его могилою — донынѣ ви-
 »димый, какъ увѣряютъ, близъ сего мѣ-
 »ста⁵⁴⁹ — »и въ честь ему совершила
 »призу. Началось веселое пиршество.
 »Отроки Княгинины угощали знаменитѣй-
 »шихъ Древлѣнъ, которые вздумали на-
 »конецъ спросить о своихъ Послахъ; но
 »удовольствовались опвѣтомъ, что они
 »будушь вмѣстѣ съ *Игоровою* дружи-
 »ною. — Скоро дѣйствіе крѣпкаго меду
 »омрачило головы неосторожныхъ: Ольга

»удалилась, подавъ знакъ войнамъ своимъ —
 »и 5000 Древлѣнъ, ими убитыхъ, легло
 »вокругъ Игоревой могилы.

»Ольга, возвратясь въ Кіевъ, собрала г.946.
 »многочисленное войско и выступила съ
 »нимъ противъ Древлѣнъ, уже наказанныхъ
 »хипроспїю, но еще непокоренныхъ си-
 »молю. Оно встрѣшилось съ ними, и мла-
 »дѣй Святославъ самъ началъ сраженіе.
 »Копіе, брошенное въ непріятеля слабою
 »рукою опрока, упало къ ногамъ его ко-
 »нѣ; но Полководцы, Асмудъ и Свѣнелдъ,
 »ободрили воиновъ примѣромъ юнаго Ге-
 »ррола, и съ восклицаніемъ: *друзья! ста-*
 »*нели за Князя!* устремились въ битву.
 »Древлѣне бѣжали съ поля, и зашворились
 »въ городахъ своихъ. Чувствуя себя бо-
 »лѣе другихъ виновными, жители Коро-
 »спена цѣлое лѣто оборонялись съ опчая-
 »ніемъ. Тутъ Ольга прибѣгнула къ новой
 »выдумкѣ. *Для чего вы упорствуете?* ве-
 »лѣла она сказать Древлѣнамъ: *всѣ иные*
 »*города ваши сдались мнѣ, и жители ихъ*
 »*мирно обрабатываютъ нивы свои: а вы*
 »*хотите умереть голодомъ! Не бойтесь*
 »*плещенія: оно уже совершилось въ Кіевъ и*
 »*на могилѣ супруга моего.* Древлѣне пред-
 »ложили ей въ дань медъ и кожи звѣрей;
 »но Княгиня, будпо бы изъ великодушія,

»опреклась отъ сей дани и желала имѣть
 »единственно съ cadaго двора по при
 »воробья и голубя! Они съ радостію испол-
 »нили ея прѣбваніе и ждали съ непер-
 »пѣніемъ, чпобы войско Кіевское удали-
 »лось. Но вдругъ, при наступленіи темна-
 »го вечера, пламя объяло всѣ дома ихъ...
 »Хипрая Ольга велѣла привязать зажжен-
 »ный пруть съ сѣрою ко взятымъ ею
 »пщамъ⁵⁵⁰ и пустишь ихъ на волю: онѣ
 »возвратились съ огнемъ въ гнѣзда свои
 »и произвели общій пожаръ въ городѣ.
 »Устрашенные жители хотѣли спастиса
 »бѣгствомъ и попались въ руки Ольги-
 »нымъ воинамъ. Великая Княгиня, осудивъ
 »нѣкоторыхъ спартійшиъ на смерть,
 »другихъ на рабство, обложила прочихъ
 »щяжкою данію.»

Такъ рассказываетъ Лѣтописецъ... Не
 удивляемся жестокости Ольгиной: Вѣра
 и самыя гражданскіе законы язычниковъ
 оправдывали мечь неумолимую; а мы
 должны судить о Герояхъ Исторіи по
 обычаямъ и нравамъ ихъ времени. Но
 вѣроятна ли оплошность Древланъ? вѣ-
 роятно ли, чпобы Ольга взяла Коростень
 посредствомъ воробьевъ и голубей, хотя
 сія выдумка могла дѣлать честь народ-
 ному остроумію Русскихъ въ X вѣкѣ?

Истинное происшествіе, опредѣленное отъ
 баснословныхъ обстоятельствовъ, состо-
 итъ, кажется, единственно въ томъ, чпо
 Ольга умертвила въ Кіевѣ Пословъ Дре-
 влянскихъ, которые думали, можетъ быть,
 оправдаться въ убіеніи Игоря⁵⁵¹; оружіемъ
 снова покорила сей народъ, наказала ви-
 новныхъ гражданъ Коростена, и шамъ во-
 инскими играми, по обряду язычества,
 торжествовала память сына Рюрикава.

Великая Княгиня, провождаемая воин-
 скою дружиною, вмѣстѣ съ юнымъ Свя-
 пославомъ объѣхала всю Древланскую
 область, уставляя налоги въ пользу ка-
 зны государственной; но жители Коро-
 стена должныствовали прѣтню часть да-
 ни своей посылать къ самой Ольгѣ, въ
 ея собственный *Удѣлъ*, въ Вышегородъ,
 основанный, можетъ быть, Героемъ Оле-
 гомъ и данный ей въ вѣно, какъ невѣстѣ
 или супругѣ Великаго Князя⁵⁵²: чему уви-
 димъ и другіе примѣры въ нашей древней
 Исторіи. Сей городъ, извѣстный Кон-
 спаншину Багрянородному и знаменитый
 въ X вѣкѣ, уже давно обратился въ село,
 которое находится въ 7 верстахъ отъ
 Кіева, на *высокомъ* берегу Днѣпра, и за-
 мѣчательно красною своего мѣстополо-
 женія.—Ольга, кажется, упѣшила Древланъ

благодѣяніями мудраго правленія; по крайней мѣрѣ всѣ ея памятники — ночлеги и мѣста, гдѣ она, слѣдуя обыкновенію погашнихъ Героевъ, забавлялась ловлею звѣрей — долгое время были для сего народа предметомъ какого-то особеннаго уваженія и любопытства³⁵³.

Муд-
рости
Оль-
гана.

Въ слѣдующій годъ, оставивъ Свято-слава въ Кіевѣ, она поѣхала въ сѣверную Россію, въ область Новгородскую; учредила по Лугѣ и Мстѣ государственныя дани; раздѣлила землю на *погосты* или волости; сдѣлала безъ сомнѣнія все нужнѣйшее для государственнаго блага по тогдашнему гражданскому состоянію Россіи, и вездѣ оставила знаки своей попечительной мудрости. Черезъ 150 лѣтъ народъ съ признавательностію воспоминалъ о семъ благодѣтельномъ путешествіи Ольги, и въ Несторово время жилиши Пскова хранили еще *сани* ея, какъ вещь драгоценную. Вѣроятно, что сія Княгиня, рожденная во Псковѣ, какими нибудь особенными выгодами, данными ея гражданамъ, способствовала тому цвѣтущему состоянію и даже силѣ, которою онъ послѣ, вмѣстѣ съ Новгородомъ, славился въ Россіи, зашмивъ сосѣдственный, древ-

нѣйшій Изборскъ и сдѣлавшись столицею области знаменитой.

Утвердивъ внутренній порядокъ Государства, Ольга возвратилась къ юному Свято-славу, въ Кіевѣ, и жила тамъ нѣсколько лѣтъ въ мирномъ спокойствіи, наслаждаясь любовію своего признавательнаго сына и не менѣ признавательнаго народа. — Здѣсь, по сказанію Нестора, оканчивающаго дѣла ея государственнаго правленія; но здѣсь начинается эпоха славы ея въ нашей Церковной Исторіи.

Ольга достигла уже шѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея предъ собою и чувствуетъ суешность земнаго величія. Тогда истинная Вѣра, болѣе нежели когда нибудь, служила ему опорою или утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о плѣнности челоука. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ Христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ Церковными Пастырями, и будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣрилась въ святости ихъ ученія. Плѣненная лу-
чемъ сего новаго свѣта, Ольга захо-
995. ✓
Кре-
щеніе
Ольги.

тѣла бытъ Христіанкою, и сама отпра-вилась въ столицу Имперіи и Вѣры Гре-ческой, чтобы почерпнуть его въ са-момъ источникѣ⁵⁵⁴. Тамъ Папріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Кон-стантинъ Багрянородный воспріемникомъ оны купѣли. Императоръ старался до-стойнымъ образомъ угостить Княгиню народа знаменитого, и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя обстоятельство ея представленія⁵⁵⁵. Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли особы *Княжескія*, ея свойственницы, многія знатныя го-спожи, Послы Россійскіе и купцы, обы-кновенно жившіе въ Царѣградѣ. Констан-тинъ и супруга его, окруженные придвор-ными и Вельможами, встрѣпили Ольгу; послѣ чего Императоръ на свободѣ бесѣ-довалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила Царица. Въ сей первый день, 9 Сен-тября, былъ великолѣпный обѣдъ въ огромной, такъ называемой *храминѣ Юстиніановой*, гдѣ Императрица сидѣла на тронѣ, и гдѣ Княгиня Россійская въ знакъ почтенія къ супругѣ великаго Ца-ря, спояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными господами. Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвцы славили величіе

Царскаго Дому и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы Россійскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; по-шомъ дарили гостей деньгами: *племян-нику* Княгини дали 30 *миліаризій* — или $2\frac{1}{2}$ червонца⁵⁵⁶, — каждому изъ осьми ее приближенныхъ. 20, каждому изъ двад-цати Пословъ 12, каждому изъ сорока-трехъ купцевъ по же, Священнику или Духовнику Ольгину, именемъ Григорію, 8, — двумъ переводчикамъ 24, Святославо-вымъ людямъ 5 на человѣка, посольскимъ 3, собственному переводчику Княгини 15 ми-ліаризій. На особенномъ золотомъ сто-ликѣ были поставлены закуски: Ольга съла за него вмѣстѣ съ Императорскимъ семействомъ. Тогда на золотой, осыпан-ной драгоценными камнями шарелкѣ под-несли ей въ даръ 500 миліаризій, шеспи ея родственницамъ каждой 20 и осмнад-цати служительницамъ каждой 8. 18 Октября Княгиня вторично обѣдала во дворецъ и сидѣла за однимъ столомъ съ Императрицею, ея невѣсткою, Романовою супругою, и съ дѣтьми его; самъ Импе-раторъ обѣдалъ въ другой залѣ со всѣми Россіянами. Угощеніе заключилось также дарами, еще умѣреннѣйшими первыхъ:

Ольга получила 200 миліаризій, а другіе менше по соразмѣрности. Хотя тогдашніе Государя Россійскіе не могли еще быти весьма богаты металлами драгоценными; но *одна угтливость*, безъ сомнѣнія, заставила Великую Княгиню принять въ даръ шестнадцати червонцевъ⁵⁵⁷.

Къ симъ достовернымъ извѣстіямъ о бытій Ольгиномъ въ Константинополѣ народное баснословіе прибавило, въ нашей древней лѣтописи, невѣроятную сказку, что Императоръ, плѣненный ея разумомъ и красою, предлагалъ ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная во святомъ крещеніи Еленою — отвергнула его предложеніе, напомнивъ воспріемнику своему о духовномъ союзѣ съ нею, копорый, по закону Христіанскому, служилъ препящствомъ для союза брачнаго между ими. Во-первыхъ Константинъ имѣлъ супругу; во-вторыхъ Ольгѣ было тогда уже не менше шестидесяти лѣтъ. Она могла плѣнить его умомъ своимъ, а не красою⁵⁵⁸.

Наспавленная въ святыхъ правилахъ Христіанства самимъ Папріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ Лѣтописца, спустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери; но

кажется, что она вообще была недовольна его пріемомъ: слѣдующее служило тому доказательствомъ. Скоро пріѣхали въ Кіевъ Греческіе Послы, пребывавшіе, чтобы Великая Княгиня исполнила свое обѣщаніе, и прислала въ Грецію войско вспомогательное; хотѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоценныхъ и воску. Ольга сказала имъ: »Когда Царь вашъ поспоитъ у меня на Почайнѣ⁵⁵⁹ столько же времени, сколько я спояла у него въ Судль« (таvani Константинопольской): »тогда пришлю ему дары и войско« — съ чѣмъ Послы и возвратились къ Императору. Изъ сего описанія должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу въ городъ, и что обыкновенная надменность Двора Византійскаго оставила въ ея сердцѣ непріятныя впечатлѣнія.

Однакожь Россіяне, во все царствованіе Константина Багрянороднаго, сына его и Никифора Фоки, соблюдали миръ и дружбу съ Греціею: служили при Дворѣ Императоровъ, въ ихъ флотѣ, войскахъ, и въ 964 году, по сказанію Арабскаго Историка Новайри, сражались въ Сици- Россі-
ли, какъ наемники Грековъ, съ Аль-Гас-
саномъ, Вождемъ Сарацинскимъ. Констан-
тинъ. лине въ Сици-
ли.

пинъ не рѣдко посылалъ такъ называемыя *златыя буллы*, или грамопы съ золотою печатію³⁶⁰, къ Великому Князю, надписывая: *грамота Христолюбивыхъ Императоровъ Греческихъ, Константина и Романа, къ Россійскому Государю.*

Ольга, воспаленная усердіемъ къ новой Вѣрѣ своей, спѣшила отккрыть сыну заблужденіе азычества; но юный, гордый Свяшославъ не хотѣлъ внимать ея наставленіямъ. Напрасно сія добродѣтельная мать говорила о счастіи бышъ Христіаниномъ, о мирѣ, коимъ наслаждалась душа ея съ того времени, какъ она познала Бога истиннаго. Свяшославъ отвѣтствовалъ ей: »Могу ли одинъ принять новыи Законъ, чѣобы дружина моя посмѣялась надо мною?« Напрасно Ольга представляла ему, что его примѣръ склонилъ бы весь народъ къ Христіанству. Юноша былъ непоколебимъ въ своемъ мнѣніи и слѣдовалъ обрядамъ азычества; не запрещалъ никому креститься, но изъявлялъ презрѣніе къ Христіанамъ и съ досадою опвергалъ всѣ убѣжденія матери, которая, не преспавая любить его нѣжно, должна была наконецъ умолкнуть и поручить Богу судьбу народа Россійскаго и сына.

Сей Князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностію оплечить себя дѣлами и возобновить славу оружія Россійскаго, споль счастливаго при Олегѣ; собралъ войско многочисленное, и неперпѣиємъ юнаго Героя лешѣлъ въ поле. Тамъ суровою жизнію онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни спановъ, ни обоза; пипался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на угляхъ; презиралъ хладъ и ненаспье сѣвернаго климата; не зналъ шапра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ Военачальникъ, шаковы и воины.—Древняя лѣпопись сохранила для попомслва еще прекрасную черпу характера его: онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами нечаяннаго нападенія, но всегда заранѣе объявлялъ войну народамъ, повелѣвая сказать имъ: *иду на васъ!* Въ сіи времена общаго варварства гордый Свяшославъ соблюдалъ правила истинно рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первыми театромъ его воинскихъ, счастливыхъ дѣйствій. Онъ покорилъ Вяпичей, которые все еще признавали себя дани-

ками Хана Козарскаго, и грозное свое оружіе обратилъ пропивъ сего, вѣкогда споль могущественнаго Владѣтеля. Жеспокоя бипива рѣшила судьбу двухъ народовъ. Самъ Каганъ предводилъ своваль войскомъ: Свяспославъ побѣдилъ и взялъ Козарскую *Бѣлую Вежу*, или Саркель, какъ именуютъ ее Византійскіе Испорики, городъ на берегу Дона, укрѣпленный Греческимъ искусствомъ⁵⁶¹. Лѣтописецъ не сообщаетъ намъ о сей войнѣ никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій, сказывая только, что Свяспославъ побѣдилъ еще *Ясовъ* и *Касоговъ*: первые—вѣроятно, нынѣшніе Оссы или Оссеинцы — будучи Аланскаго племени, обитали среди горъ Кавказскихъ, въ Дагестанѣ, и близъ устья Волги; впорые суть Черкесы, коихъ страна въ X вѣкѣ именовалась Касакією: Оссеинцы и теперь называютъ ихъ Касакими⁵⁶².—Тогда же, какъ надобно думать, завоевали Россіане городъ Таматарху, или Фанагорію, и всѣ владѣнія Козарскія на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря: ибо сія часть древняго Царства Воспорскаго, названная потомъ Княжествомъ Тмушороканскимъ⁵⁶³, была уже при Владимірѣ, какъ мы увидимъ, собственностію Россіи. Возаваніе споль опдаленное кажется уди-

Взя-
тіе
Бѣлой
Вежи.

вительнымъ; но бурный духъ Свяспослава веселился опасностями и трудами. Опъ рѣки Дона проложивъ себѣ путь къ Воспору Киммерійскому, сей Герой могъ утвердить сообщеніе между областію Тмушороканскою и Кіевомъ посредствомъ Чернаго моря и Днѣпра. Въ Тавридѣ оставалась уже одна стѣна древняго могущества Кагановъ⁵⁶⁴.

Неудовольствіе Императора Никифора Г.967. Фоки на Болгарскаго Царя Пепра служи-
Завое-
ваніе
Бол-
гаріи.
до для Свяспослава поводомъ къ новому и еще важнѣйшему завосванію. Императоръ, желая отмстить Болгарамъ за то, что они не хотѣли препятствовать Венграмъ въ ихъ частыхъ впаденіяхъ въ Грецію, велѣлъ Калокиру, сыну начальника Херсонскаго, ѣхать Посломъ въ Кіевъ, съ обѣщаніемъ великихъ даровъ мужественному Князю Россійскому, ежели онъ пойдетъ воевать Болгарію. Свяспославъ исполнилъ желаніе Никифора, взявъ съ Грековъ на вооруженіе нѣсколько пудъ золота, и съ 60,000 воиновъ явился въ ладіяхъ на Дунаѣ⁵⁶⁵. Тщешно Болгары хотѣли отразить ихъ: Россіане, обнаживъ мечи и закрываясь щитами, успремелись на берегъ и смали непріятелей. Города сдались побѣдителю. Царь Болгарскій умеръ опъ

горести. Удовлешворивъ мести Грековъ, богатый добычею, гордый славою, Князь Россійскій началъ властвовать въ древней Мизіи; хотѣлъ еще, въ знакъ благодарности, даровъ опъ Императора, и жилъ весело въ Болгарскомъ Переяславцѣ³⁶⁶, не думая о томъ, что въ самое сіе время опечесственная столица его была въ опасности.

Г.968. Печенѣги напали на Россію, зная оп-
Написаніе Печенѣговъ. существіе храбраго Князя, и приступили къ самому Киеву, гдѣ затворилась Ольга съ дѣтьми Святослава. На другой споронѣ Днѣпра споялъ Воевода Россійскій именемъ Препиць, съ малочисленною дружиною, и не могъ имѣть съ осажденными никакого сообщенія. Изнемогая опъ голода и жажды, Кіевляне были въ опчаяніи. Одинъ смѣлый опрокъ вызвался увѣдомить Препица о бѣдственномъ ихъ сошпаніи; вышелъ съ *уздою* изъ города, прямо въ толпу непріятелей, и говоря языкомъ Печенѣжскимъ, спрашивалъ, кто видѣлъ его коня? Печенѣги, воображая, что онъ ихъ воинъ, дали ему дорогу. Опрокъ спѣшилъ къ Днѣпру, сбросилъ съ себя одежду и поплылъ. Тушь непріятели, узнавъ свою ошибку, начали спрѣлать въ него; а Россіяне съ другаго берега вы-

ѣхали на встрѣчу и взяли опрока въ лодку. Слыша опъ сего посланнаго, что изнуренные Кіевляне хопятъ на другой день сдатьъся, и боясь гнѣва Святослава, Воевода рѣшилъ спасти хопя семейство Княжеское — и Печенѣги, на разсвѣтъ, увидѣли лодки Россійскія, плывущія къ ихъ берегу съ шрубнымъ звукомъ, на кошорый обрадованные жипели Кіевскіе опвѣщивали громкими восклицаніями. Думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помощь къ осажденнымъ, непріятели разсѣлись въ ужасѣ, и Великая Княгиня Ольга могла, вмѣстѣ со внуками, безопасно встрѣпить своихъ избавителей за стѣнами города. Князь Печенѣжскій увидѣлъ ихъ малое число, но все еще не смѣлъ сразипься: пребовалъ дружлюбнаго свиданія съ предводителемъ Россійскимъ, и спросилъ у него, Князь ли опъ? Хитрый Воевода объявилъ себя начальникомъ передовой дружины Святославовой, утвряя, что сей Герой со многочисленнымъ войскомъ идетъ въ слѣдъ за нимъ. Обманушый Печенѣгъ предложилъ миръ: они подали руку одному другому и въ знакъ союза обмѣнялись оружіемъ. Князь далъ Воеводѣ саблю, спрѣлы и коня: Воевода Князю щипъ, броню и

мечь. Тогда Печенѣги немедленно удалились отъ города.

Освобожденные Кіевляне отправили гонца къ Святославу, сказавъ ему, что онъ для завоеванія чуждыхъ земель жертвуешь собственною; что свирѣпые враги едва не взяли столицу и семейства его; что отсутствіе Государя и защитника можешь снова подвергнуть ихъ той же опасности, и чтобы онъ сожалелъ надъ бѣдствіемъ отечества, престарѣлой матери и юныхъ дѣтей своихъ. Тронутый Князь съ великою поспѣшностію возвратился въ Кіевъ. Шумъ воинскій, любезный его сердцу, не заглушилъ въ немъ нежной чувствительности сына и родителя: лѣпопись говоритъ, что онъ съ горячностію лобызалъ мать и дѣтей, радуясь ихъ спасенію. — Дерзость Печенѣговъ претовала мести: Святослав отправилъ ихъ отъ предѣловъ Россіи, и сею побѣдою возстановилъ безопасность и тишину въ отечествѣ.

Но мирное пребываніе въ Кіевѣ скоро наскучило дѣятельному Князю. Справа завоеванная всегда кажется пріятною завоевателю, и сердце Героя спремилось къ берегамъ Дунайскимъ. Собравъ Бояръ, г. 969. онъ въ присутствіи Ольги сказалъ имъ,

что ему веселѣе жить въ Переяславцѣ, нежели въ Кіевѣ: «ибо въ столицѣ Болгарской, какъ въ средоточіи, спекаются всея драгоцѣнности Искусства и Природы: Греки шлютъ шуда золото, ткачи, вино и плоды, Богемцы и Венгры серебро и коней, Россіяне мѣха, воскъ, медь и невольниковъ.» Огорченная мать опшвѣстствовала ему, что старость и болѣзнь не замедлятъ прекратить ея жизни. «Погреби меня» — сказала она — «и тогда иди, куда хочешь.» Сія слова оказались пророчествомъ: Ольга на четвер-^{Кон-}тый день скончалась. Она запретила оп-^{шва}правлять по себѣ языческую шрину, и ^{Оль-}была погребена Христіанскимъ Священникомъ на мѣстѣ, ею самою для того избранномъ. Сынъ, внуки и благодарный народъ оплакали ея кончину.

Преданіе нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святою*, Исторія *Мудрою*. Општивъ Древянамъ, она умѣла соблюсти тишину въ странѣ своей и миръ съ чуждыми до совершеннаго возраста Святослава; съ дѣятельностію великаго мужа учредила порядокъ въ Государствѣ обширномъ и новомъ; не писала, можешь бытъ, законовъ, но давала ушавы, самыя простиыя и самыя нужнѣйшіе для людей въ юности

гражданскихъ обществъ. Великіе Князья до времени Ольгиныхъ *воевали*: она *правила* Государствомъ. Увѣренный въ ея мудрости, Святославъ и въ мужескихъ лѣтахъ своихъ оставлялъ ей, кажется, внутреннее правленіе, безпрестанно занимаясь войнами, которыя удаляли его отъ столицы. — При Ольгѣ Россія спала извѣсною и въ самыхъ опдаленныхъ странахъ Европы.

Посольство Россійское въ Германію. Лѣтописцы Нѣмецкіе говорятъ о Посольствѣ ея въ Германію къ Императору Оттону I⁵⁶⁷. Можеть быть, Княгиня Россійская, узнавъ о славѣ и побѣдахъ Оттоновыхъ, хотѣла, чтобы онъ также свѣдалъ о знаменитости ея народа, и предлагала ему дружественный союзъ чрезъ Пословъ своихъ. — Наконецъ, сдѣлавшись ревностною Христіанкою, Ольга — по выраженію Нестора, *денница и луна спасенія* — служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила шоржество истинной Вѣры въ нашемъ опечествѣ.

По кончинѣ мащери Святославъ могъ уже свободно исполнить свое безразсудное намѣреніе: то есть, перенести столицу Государства на берега Дунайскіе. Кромѣ самолюбивыхъ мечтаній завоевателя, Болгарія двѣшвишельно могла пра-

випись ему своимъ шеплымъ климапомъ, изобиліемъ плодовъ и богатствомъ дѣшельной, удобной шорговли съ Констаншинопольемъ; вѣроятно также, что сіе Государство, сопредѣльное съ Имперією, превосходило Россію и въ гражданскомъ образованіи: но для такихъ выгодъ долженствовало ли онъ удалиться отъ своего опечества, гдѣ былъ, такъ сказать, корень его силы и могущества? По крайней мѣрѣ Святославу надлежало бы овладѣть прежде Бессарабією, Молдавією и Валахією, по есть, выгнать оплуда Печенѣговъ, чтобы непрерывною цѣпію завоеваній соединить Болгарію съ Россійскими владѣніями. Но сей Князь излишно надѣялся на счастье оружія и на грозное имя побѣдителя Козаровъ.

Онъ поручилъ Кіевъ сыну своему, Ярополку, а другому сыну, Олегу, Древлянскую землю, гдѣ прежде властвовали ея собшвенные Князья. Въ то же время Новгородцы, недовольные, можеть быть, власпію Княжескихъ Намѣшниковъ, прислали сказать Святославу, чтобы онъ далъ имъ сына своего въ Прависели, и грозились въ случаѣ опказа избрать для себя особеннаго Князя. Ярополкъ и Олегъ не захопѣли принять власпи надъ ними;

но у Святослава былъ еще претшій сынъ, Владиміръ, опъ ключницы Ольгиной, именемъ Малуши, дочери Любчанина Малька⁵⁶⁸: Новгородцы, по совѣту Добрыни, Малушина брата, избрали въ Князя сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россію. — И такъ Святославъ первый ввелъ обыкновеніе *давать сыновьямъ особенныя удѣлы*: примѣръ несчастный, бывшій виною всѣхъ бѣдъ Россіи.

Пер-
вые
Удѣ-
лы въ
Рос-
сіи.

Впо-
рич-
ное за-
воева-
ніе
Бол-
гаріи

Святославъ, оппустивъ Владиміра съ Добрынею въ Повгородъ, немедленно опправился въ Болгарію, которую онъ ечиталъ уже своею областію, но гдѣ народъ встрѣтилъ его какъ непріятеля. Многочисленное войско собралось въ Переяславцѣ и напало на Россіянъ. Долговременное, кровопролитное сраженіе конилось уже въ пользу Болгаровъ; но воины Святославовы, ободренные его рѣчью: *братья и дружина! удремъ, но удремъ съ твердостью и мужествомъ!* напрягли силы свои, и ввечеру побѣда увѣнчала ихъ храбросью. Святославъ взялъ присупомъ городъ Переяславецъ, снова овладѣлъ Царствомъ Болгарскимъ и хотѣлъ тамъ навсегда остаться. Въ семъ намѣреніи еще болѣе упвердилъ его знатный Грекъ, именемъ Калокиръ⁵⁶⁹, самый пошъ, который

опъ Императора Никифора былъ Посломъ у Святослава. Калокиръ съ помощію Россіянъ надѣялся свергнуть Государя своего съ престола и царствовать въ Константинополѣ: за что обѣщаль имъ успунить Болгарію въ вѣчное владѣніе и присылать дары. — Между тѣмъ Святославъ, довольствуясь властію надъ сею землею, позволялъ сыну умершаго ея Царя, именемъ Борису, укращаться знаками Царскаго достоинства⁵⁷⁰.

Греки, призвавшіе Россіянъ на берега Дунайскіе, увидѣли свою ошибку. Святославъ, опважный и воинственный, казался имъ въ ближнемъ сосѣдствѣ гораздо опаснѣе Болгаровъ. Иоаннъ Цимискій⁵⁷¹, тогдашній Императоръ, предлагая сему Князю исполнить договоръ, заключенный съ нимъ въ царствованіе Никифора, претбовалъ, чптобы Россіяне вышли изъ Болгаріи; но Святославъ не хотѣлъ слушать Пословъ, и съ гордостью опвѣщивалъ, чпто скоро будетъ самъ въ Константинополѣ и выгонитъ Грековъ въ Азію. Цимискій, напомнивъ ему о бѣдственной участи ненасыпшаго Игоря, спалъ вооружаться, а Святославъ спѣшилъ предупредить его.

Въ описаніи сей кровопролитной вой-

ны Несторъ и Византійскіе Историки несогласны: первый отдаетъ честь и славу побѣды Князю Россійскому, впрочемъ Императору — и, кажется, справедливѣе: ибо война кончилась тѣмъ, что Болгарія осталась въ рукахъ у Грековъ, а Святославъ принужденъ былъ, съ горстью воиновъ, идти назадъ въ Россію: слѣдствія весьма несообразныя съ счастливымъ успѣхомъ его оружія! Къ тому же Греческіе Историки описываютъ все обстоятельство подробно, ясно, — и мы, предпочитая испину народному самохвальству, не должны отвергнуть ихъ любовитнаго сказанія.

Вой-
на съ
Цимп-
скіемъ

Великій Князь (говорятъ они), къ Русской дружинѣ присоединивъ Болгаровъ, новыхъ своихъ подданныхъ, — Венгровъ и Печенѣговъ, тогдашнихъ его союзниковъ, вступилъ во Фракію и до самаго Адрианополя опустошилъ ея селенія³⁷². Варда Склиръ, Полководецъ Имперіи, видя многочисленность непріятелей, заключилъ въ семь городъ, и долго не могъ отважиться на бѣгство. Наконецъ удалось ему хитростью разбить Печенѣговъ: тогда Греки, ободренные успѣхомъ, сразились съ Княземъ Святославомъ. Россіяне изъясляли пылкое мужество; но Варда Склиръ

и братья его, Константинъ Паприкій, принудили ихъ опуститься, умертвивъ въ единоборствѣ какихъ-то двухъ знаменитыхъ богатырей *Скиевскихъ*.

Несторъ описываетъ сію бѣгству такимъ образомъ: Императоръ встрѣпилъ Святослава мирными предложеніями и хотѣлъ знать число его вѣселей, обѣщая на каждаго изъ нихъ заплачивать ему дань. Великій Князь объявилъ у себя 20,000 человекъ, едва имѣя и половину. Греки, искусные въ коварствѣ, воспользовались временемъ и собрали 100,000 воиновъ, которые со всехъ сторонъ окружили Россіянъ. Великодушный Святославъ, покойно осмотрѣвъ грозные ряды непріятелей, сказалъ дружинѣ: *Бѣгство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не послалимъ отечества, но ляжемъ здѣсь костями: мертвымъ нестыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите!* Воины его, приученные не бояться смерти и любить Вождя смѣлаго, единодушно отвѣтствовали: *наши головы лягутъ вѣстѣ съ твою!* вступили въ кровопролитный бой, и доказали, что не мнѣе смѣлы, а храбрость побѣждаетъ. Греки не устояли: обратили пыль, раз-

сѣялись — и Святославъ шелъ къ Конспанинополю, означая свой путь всѣми ужасами опустошенія.«... Доселъ можемъ не сомнѣваться въ истинѣ Неспорова сказанія; но дальнѣйшее его повѣствованіе гораздо менѣе вѣроятно. »Цимискій (пишетъ онъ) въ страхѣ, въ недоумѣніи призвалъ Вельможъ на совѣтъ и рѣшился *искусить* непріятеля дарами, золотомъ и паволоками драгоцѣнными; отправилъ ихъ съ челоукомъ хитрымъ, и велѣлъ ему наблюдать всѣ движенія Святославовы. Но сей Князь не хотѣлъ взглянуть на золото, положенное къ его ногамъ, и равнодушно сказалъ Опрокамъ своимъ: *возмите*. Тогда Императоръ послалъ къ нему въ даръ оружіе: Герой схватилъ оное съ живѣйшимъ удовольствіемъ, изъявляя благодарность, и Цимискій, не смѣя рапоборствовать съ такимъ непріятелемъ, заплашилъ ему дань; каждый воинъ взялъ часть свою; доля убитыхъ была назначена для ихъ родственниковъ. Гордый Святославъ съ шоржесивомъ возвратился въ Болгарію.« Греки не имѣли нужды *искушать* Великаго Князя, когда онъ съ малыми силами уже разбилъ ихъ многочисленное войско; но сія сказка достойна

замѣчанія, свидѣтельствуя мнѣніе попомства о характерѣ Святослава.

Въ слѣдующій годъ, по извѣстіямъ Византійскимъ, самъ Цимискій выступилъ изъ Конспанинополя съ войскомъ, отправивъ напередъ сильный флотъ къ Дунайскому устью, безъ сомнѣнія для того, чтобы пресѣчь сообщеніе Россіянъ водою съ Кіевомъ. Сей Императоръ открылъ себѣ путь къ проу злодѣйствомъ, умершвивъ Царя Никифора, но правилъ Государствомъ благоразумно, и былъ Героемъ. Избирая Полководцевъ искусныхъ, щедро награждая заслуги самыхъ рядовыхъ воиновъ, строго наказывая малѣйшее неповиновеніе, онъ умѣлъ вселить въ первыхъ древнее Римское славолюбіе, а въ вторыхъ приучить къ древней подчиненности. Собственное его мужество было примѣромъ для шѣхъ и другихъ. — На пути встрѣпили Императора Послы Россійскіе, которые хотѣли единственно узнать силу Грековъ. Иоаннъ, не входя съ ними въ переговоры, велѣлъ имъ осмотрѣть спянь Греческій, и возвратиться къ своему Князю. Сей поступокъ уже доказывалъ Святославу, что онъ имѣетъ дѣло съ непріятелемъ опаснымъ.

Оставивъ главное войско назани. Импе-

раторъ съ опборными рапниками, съ Легиономъ такъ называемыхъ *Безсмертныхъ*, съ 13,000 конницы, съ 10,500 пѣхоты³⁷³, явился нечаянно подъ стѣнами Переяславца и напалъ на 8,000 Россiянъ, которые спокойно занимались памъ воинскимъ ученiемъ. Они изумились, но храбро вступили въ бой съ Греками. Большая часть ихъ легла на мѣстѣ, и вылазка, сдѣланная изъ города въ помощь имъ, не имѣла успѣха; однакожь побѣда весьма дорого стоила Грекамъ, и Цимискiй съ неперпѣнiемъ ожидалъ своего оспальнаго войска. Какъ скоро оно пришло, Греки со всѣхъ споронъ окружили городъ, гдѣ начальсповалъ Россiйскiй Полководецъ Сфенкаль. Самъ Князь съ 60,000 воиновъ споялъ въ укрѣпленномъ спанѣ на берегу Дуная.

Калокиръ, виновникъ сей войны, по словамъ Греческихъ Лѣтописцевъ, бѣжалъ изъ Переяславца увѣдомишь его, что столица Болгарская осаждена. Но Цимискiй не далъ Святославу времени освободить ее: щещно предлагавъ Россiянамъ сдатьсь, онъ взялъ городъ приснупомъ. Борись, полько именемъ Царь Болгарскiй, достался Грекамъ въ плѣнъ, со многими его знаменитыми единоземцами: Императоръ

обошелся съ ними благосклонно, увѣряя — какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ — что онъ вооружился единственно для освобожденiя ихъ отъ неволи, и что признаешь врагами своими однихъ Россiянъ³⁷⁴.

Между тѣмъ 8,000 воиновъ Святославовыхъ заперлись въ Царскомъ дворцѣ, не хотѣли сдатьсь и мужественно отражали многочисленныхъ непрiателей. Напрасно Императоръ ободрялъ Грековъ: онъ самъ съ оруженосцами своими пошелъ на приступъ и долженъ былъ уступитъ опчаянной храбрости осажденныхъ. Тогда Цимискiй велѣлъ зажечь дворецъ, и Россiяне погибли въ пламени.

Святославъ, свѣдавъ о взятiи Болгарской столицы, не показалъ воинамъ своимъ ни спраха, ни огорченiя, и спѣшилъ полько вступитъ Цимискiя, который со всѣми силами приближался къ Доропелу, или нынѣшней Силисприи. Въ 12 миляхъ опшуда сошлись оба воинства. Цимискiй и Святославъ — два Героя, достойные спорить другъ съ другомъ о о славъ и побѣдъ — каждый ободривъ своихъ, дали знакъ битвы, и при звукѣ трубы началось кровопролитiе. Отъ перваго стремительнаго удара Грековъ колебались рды Святославовы; но вновь

успроенные Княземъ, сомкнулись швердою стѣною и разили непріятелей. До самаго вечера счастье ласкало шу и другую сторону; *двенадцать* разъ то и другое войско думало торжествовать побѣду. Цимискій велѣлъ распустить священное знамя Имперіи; былъ вездѣ, гдѣ была опасность; махомъ копія своего удерживалъ бѣгущихъ и показывалъ имъ путь въ срединау враговъ. Наконецъ судьба жестокой битвы рѣшилась: Святославъ *отступилъ* къ Доросполу и вошелъ въ сей городъ⁵⁷⁵.

Императоръ осадилъ его. Въ то же самое время подоспѣлъ и флотъ Греческій, который пресѣкъ свободное плаваніе Россіянъ по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрасшала съ опасностями. Онъ заключилъ въ оковы многихъ Болгаровъ, которые хотѣли измѣнить ему; окопалъ стѣны глубокимъ ровомъ, безпрестанными вылазками превозжилъ станъ Грековъ. Россіане (пишущъ Византійскіе Испорики) оказывали чудесное остервененіе, и думалъ, что убитый *непріятелемъ* долженъ служить ему рабомъ въ адъ, вонзали себѣ мечи въ сердца, когда уже не могли спастись: ибо хотѣли шѣмъ сохранить вольность свою въ будущей жизни⁵⁷⁶. Самыя жены ихъ ополча-

лись и какъ древнія Амазонки мужествовали въ кровопролитныхъ сѣчахъ. Малѣйшій успѣхъ давалъ имъ новую силу. Однажды, въ счастливой вылазкѣ, принявъ Магистра Іоанна, свойственника Цимискіева, за самого Императора, они съ радостными кликами изрубили сего знашнаго сановника и съ великимъ торжествомъ выспавили голову его на башнѣ. Не рѣдко, побѣждаемые силою превосходною, обращали пылъ безъ стыда: шли назадъ въ крѣпость съ гордостью, медленно, закинувъ за плеча огромные щипы свои. Ночью, при свѣтѣ луны, выходили жечь пѣла друзей и брашневъ, лежащихъ въ полѣ; закалали плѣнниковъ надъ ними, и съ какими-то священными обрядами погружали младенцевъ въ струи Дуная. Примѣръ Святослава одушевлялъ воиновъ.

Но число ихъ уменьшалось. Главные Полководцы, Сѣнкаль, Икморъ (не родомъ, по сказанію Византійцевъ, а доблестію Вельможа) пали въ рядахъ непріятельскихъ. Сверхъ того Россіане, стѣсненные въ Доросполѣ и лишенные всякаго сообщенія съ его плодоносными окрестностями, терпѣли голодъ. Святославъ хотѣлъ преодолѣть и сіе бѣдствіе: въ темную, бурную ночь, когда лилъ силь-

ный дождь съ градомъ и гремѣль ужасный громъ, онъ съ 2000 воиновъ сѣлъ на лодки, при блескѣ молніи обошелъ Греческій флотъ и собралъ въ деревняхъ запасъ пшена и хлѣба. На возвратномъ пути видя разсыянные по берегу шолпы непріятелей, копорые поили лошадей и рубили дрова, отважные Россіане вышли изъ лодокъ, напали изъ лѣсу на Грековъ, множество ихъ убили и благополучно достигли пристани.—Но сія удача была послѣднею. Императоръ взялъ мѣры, чптобы въ другой разъ ни одна лодка Русская не могла выплыть изъ Доростола.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада; счастье совсѣмъ оспавило Россіанъ. Они не могли ждатъ никакой помощи. Опечесиво было далеко — и, вѣроятно, не знало ихъ бѣдствіа. Народы сосѣдственные волею и неволею держали сторону Грековъ, ибо спрашились Цимискія. Воины Свяшославовы изнемогали опъ ранъ и голода. Напрошивъ того Греки имѣли во всемъ изобиліе, и новые Легіоны приходили къ нимъ изъ Конспаншинополя.

Въ сихъ трудныхъ обспояшельстввахъ Свяшославъ собралъ на совѣтъ дружину свою. Одни предлагали спасшися бѣг-

спвомъ въ ночное время; другіе совѣповали просить мира у Грековъ, не видя инаго способа возвратшися въ опечесиво; наконецъ всѣ думали, чпто войско Россійское уже не въ силахъ боротъся съ непріятелемъ. Но Великій Князь не согласился съ ними, и хотѣлъ еще испытать счастье оружіа. „Погибнешъ“ — сказали онъ съ пляжкимъ вздохомъ — „погибнешъ „слава Россіанъ, если нынѣ успрашимся „смерши! Пріятна ли жизнь для пѣхъ, „копорые спасли ее бѣгспвомъ? и не впадемъ ли въ презрѣніе у народовъ сосѣдственныхъ, доселѣ ужасаемыхъ именемъ „Русскимъ“? Наслѣдіемъ предковъ своихъ „мужеспвенные, непобѣдимые, завоеватели „ли многихъ странъ и племень, или побѣдимъ Грековъ, или падемъ съ чеспію, „совершивъ дѣла великіа!“ Тронутые сею рѣчью, достойные его сподвижники громкими восклицаніями изъявили рѣшительность геройсва — и на другой день все войско Россійское съ бодримъ духомъ выступило въ поле за Свяшославомъ. Онъ велѣлъ запереть городскія воропа, чптобы никто не могъ думать о бѣгспвѣ и возвращеніи въ Доростоль. Сраженіе началось упромъ: въ полдень Греки, упомянутые зваемъ и жаждою, а болѣе всего

упорствомъ непріятеля, начали отступать, и Цимискій долженъ былъ дать имъ время на отдохновеніе. Скоро битва возобновилась. Императоръ, видя, что пѣснѣя мѣста вокругъ Доростола благоприятствуетъ малочисленнымъ Россіянамъ, велѣлъ Полководцамъ своимъ заманить ихъ на обширное поле припворнымъ бѣгствомъ; но и сія хитрость не имѣла успѣха: глубокая ночь развела воинства безъ всякаго рѣшительнаго слѣдствія.

Цимискій, изумленный опчаяннымъ мужествомъ непріятелей, вздумалъ прекратить упоминательную войну единоборствомъ съ Княземъ Святославомъ, и велѣлъ сказать ему, что лучше погибнуть одному человѣку, нежели губить многихъ людей въ напрасныхъ битвахъ. Святославъ отвѣщивалъ: »Я лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать. Если жизнь ему наскучила, то много способовъ отъ нее избавиться: Цимискій да избираетъ любую!« За симъ послѣдовало новое сраженіе, равно упорное и жестокое. Греки всего болѣе хощли смерти Героя Святослава. Одинъ изъ ихъ вицезей, именемъ Анемаъ, открылъ себѣ путь сквозь ряды непріятелей, увидѣлъ Великаго Князя

и сильнымъ ударомъ въ голову сшибъ его съ коня; но шлемъ защищилъ Святослава, и смѣлый Грекъ палъ отъ мечей дружины Княжеской. Долгое время побѣда казалась сомнительною. Наконецъ самая Природа ополчилась на Святослава: страшный вѣтръ поднялся съ Юга, и дуя прямо въ лице Россіянамъ, ослѣпилъ ихъ густыми облаками пыли, такъ, что они должныствовали прекратить битву, оставивъ на мѣстѣ 15,500 мертвыхъ и 20,000 щиповъ. Греки назвали себя побѣдителями. Ихъ суевѣріе приписало сію удачу сверхъестественному дѣйствію: они рассказывали другъ другу, будто бы Св. Теодоръ Страпидатъ явился впереди ихъ войска, и развѣзжая на бѣломъ конѣ, приводилъ въ смятеніе полки Россійскіе⁵⁷⁸.

Святославъ, видя малое число своихъ храбрыхъ воиновъ, большею частію раненныхъ, и самъ уязвленный, рѣшился наконецъ требовать мира. Цимискій, обрадованный его предложеніемъ, отправилъ къ нему въ станъ богатые дары. »Возьмемъ ихъ,« сказалъ Великій Князь дружинѣ своей: »когда же будемъ недовольны Греками, то собравъ войско многочисленное, снова найдемъ путь къ Царюграду.« Такъ повѣщуетъ нашъ Лѣтописецъ, не сказавъ

упорствомъ непріятеля, начали отступать, и Цимискій долженъ былъ дать имъ время на отдохновеніе. Скоро битва возобновилась. Императоръ, видя, что шьсныя мѣста вокругъ Доростола благопріятствуютъ малочисленнымъ Россіянамъ, велѣлъ Полководцамъ своимъ заманить ихъ на обширное поле припворнымъ бѣгствомъ; но и сія хитрость не имѣла успѣха: глубокая ночь развела воинства безъ всякаго рѣшительнаго слѣдствія.

Цимискій, изумленный опчаяннымъ мужествомъ непріятелей, вздумалъ прекратить упоминательную войну единоборствомъ съ Килземъ Святославомъ, и велѣлъ сказать ему, что лучше погибнуть одному человеку, нежели губить многихъ людей въ напрасныхъ битвахъ. Святославъ ошвѣщствовалъ: »Я лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать. Если жизнь мему наскучила, то много способовъ опять нее избавишься: Цимискій да избираетъ любую!« За симъ послѣдовало новое сраженіе, равно упорное и жестокое. Греки всего болѣе хотѣли смерти Героя Святослава. Одинъ изъ ихъ выплзетъ, именемъ Анемакъ, открылъ себѣ путь сквозь ряды непріятелей, увидѣлъ Великаго Князя

и сильнымъ ударомъ въ головушибъ его съ коня; но шлемъ защищилъ Святослава, и смѣлый Грекъ палъ отъ мечей дружины Квяжеской. Долгое время побѣда казалась сомнительною. Наконецъ самая Природа ополчилась на Святослава: страшный вѣтръ поднялся съ Юга, и дуя прямо въ лице Россіянамъ, ослѣпилъ ихъ густыми облаками пыли, такъ, что они должныствовали прекратить битву, оставивъ на мѣстѣ 15,500 мертвыхъ и 20,000 щиповъ. Греки назвали себя побѣдителями. Ихъ суевѣріе приписало сію удачу сверхъестественному дѣйствію: они рассказывали другъ другу, будто бы Св. Теодоръ Стратиланъ явился впереди ихъ войска, и развѣзая на бѣломъ конѣ, приводилъ въ смятеніе полки Россійскіе³⁷⁸.

Святославъ, видя малое число своихъ храбрыхъ воиновъ, большею частію раненныхъ, и самъ уязвленный, рѣшился наконецъ претерпѣть мира. Цимискій, обрадованный его предложеніемъ, отправилъ къ нему въ спанъ богатые дары. »Возьмемъ ихъ,« сказалъ Великій Князь дружинѣ своей: »когда же будемъ недовольны Греками, то, собравъ войско многочисленное, снова найдемъ путь къ Царюграду.« Такъ повѣстуетъ нашъ Лѣтописецъ, не сказавъ

ни слова о счастливыхъ успѣхахъ Греческаго оружія. Византійскіе Историки говорятъ, что Цимискій, дозволяя Свяпославу свободно выйти изъ Болгаріи и купцамъ Россійскимъ торговать въ Константинополѣ, примолвилъ съ великодушною гордостію: «Мы Греки любимъ побѣждать своихъ непріятелей не столько оружіемъ, сколько благодареніями.» Императорскій Вельможа Теофанъ Синкель и Россійскій Воевода Свѣнелдъ, именемъ Государей своихъ заключили слѣдующій договоръ, который находится въ Неспоровой лѣтописи, и также ясно доказываетъ, что успѣхъ войны былъ на спорѣ Грековъ: ибо Свяпославъ, торжественно обязываясь на все полезное для Имперіи, не требуетъ въ немъ никакихъ выгодъ для Россіянъ.

Дого- «Мѣсяца Іюля, Индикта XIV, въ лѣто-
воръ
съ Гре-» 6479, я Свяпославъ, Князь Русской, по
камн. «данной мною клятвѣ, хочу имѣть до кон-
ца вѣка миръ и любовь совершенную съ
Цимискіемъ, Великимъ Царемъ Греческимъ,
съ Василіемъ и Константиномъ, Бого-
вдохновенными Царями³⁷⁹, и со всѣми
людьми вашими, обѣщаясь именемъ всѣхъ
сущихъ *подо мною* Россіянъ, Бояръ и
прочихъ, никогда не *помышлятъ на васъ*,

не собираешь моего войска и не приводишь чужеземнаго на Грецію, область Херсонскую и Болгарію. Когда же иные враги *помышлятъ на Грецію*, да буду ихъ врагомъ и да борюсь съ ними. Если же я или *сущіе подо мною* не сохраняемъ сихъ *правыхъ* условий, да *имѣемъ клятву* оупъ Бога, въ коего вѣруемъ: Перуна и Волоса, бога скопцовъ. Да будемъ *желты* какъ золото, и общевеннымъ нашимъ оружіемъ *испечены*. Въ удостовѣреніе чего написали мы договоръ на сей хартии и своими печатями запечатали.» Утвердивъ миръ, Императоръ снабдилъ Россіянъ съеспными припасами³⁸⁰; а Князь Россійскій желалъ свиданія съ Цимискіемъ. Сии два Героя, знакомые только по славнымъ дѣламъ своимъ, имѣли, можетъ быть, равное любопытство узнать другъ друга лично. Они видѣлись на берегу Дуная. Императоръ, окруженный *златоносными* всадниками, въ блестящихъ латахъ, пріѣхалъ на конѣ: Свяпославъ въ ладіи, въ простой бѣлой одеждѣ, и самъ греб весломъ. Греки смотрѣли на него съ удивленіемъ. По ихъ сказанію, онъ былъ средняго роста, и довольно спроенъ, но мраченъ и дикъ видомъ; имѣлъ грудь широкую, шею шолспую, голубые глаза, брови ва-

На-
руж-
нось
Свя-
по-
славо-
ва.

густыя, носъ плоскій, длинныя усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клочъ волосовъ, въ знакъ его благородства; въ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубиномъ. Императоръ сошелъ съ коня: Святославъ сидѣлъ на скамѣ въ ладіи. Они говорили — и разспались друзьями.

Но сія дружба могла ли бытъ искреннею? Святославъ съ воинами малочисленными, утружденными, предпріалъ обратный путь въ опечесиво на ладіяхъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ; а Цимискій въ то же время отправилъ къ Печенѣгамъ Пословъ, которые должны были, заключивъ съ ними союзъ, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгаріи и свободно пропустили Россіянъ чрезъ свою землю. Печенѣги согласились на все, кромѣ послѣдняго, досадуя на Россіянъ за то, что они примирились съ Греками. Такъ пишутъ Византійскіе Историки; но съ большею вѣроятностію можно думать совсѣмъ противное. Тогдашняя полишика Императоровъ не знала великодушія: предвидя, что Святославъ не оставитъ ихъ на-долго въ покоѣ, едва ли не сами Греки наспавили Печенѣговъ воспользоваться слабостію Россійскаго вой-

ска. Неспоръ приписываетъ сіе коварство жителямъ Переяславца: они, по его словамъ, дали знать Печенѣгамъ, что Святославъ возвращается въ Кіевъ съ великимъ богатствомъ и съ малочисленною дружиною.

Печенѣги обступили Днѣпровскіе пороги и ждали Россіянъ. Святославъ зналъ о сей опасности. Свѣнелдъ, знаменитый Воевода Игоревъ, совѣдовалъ ему оставить ладіи и сухимъ путемъ обойти пороги: Князь не принялъ его совѣта, и рѣшился зимовать въ Бѣлобережьи, при устьѣ Днѣпра, гдѣ Россіяне должны были г. 972. шептѣть во всемъ недоспадокъ и самый голодъ, такъ, что они давали полгривны за лошадиную голову³³¹. Можетъ бытъ, Святославъ ожидалъ тамъ помощи изъ Россіи, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь въ опечесиво. Не смотря на малое число изнуренныхъ воиновъ, надлежало сразиться съ Печенѣгами, и Святославъ палъ въ битвѣ. Князь ихъ, Коп-Кура, отрубивъ ему голову, изъ нея черепомъ сдѣлалъ чашу³³². Только немногіе Россіяне спаслись съ Воеводою Свѣнелдомъ, и принесли въ Кіевъ горестную вѣсть о гибели Святослава.

Такимъ образомъ скончалъ жизнь сей

Александръ нашей древней Исторіи, которъй споль мужественно боролся и съ врагами и съ бѣдствіями; былъ иногда побѣждаемъ, но въ самомъ несчастіи изумлялъ побѣдителя своимъ великодушіемъ; равнялся суровою воинскою жизнію съ Героями Пѣнопѣвца Гомера, и сносилъ перпѣливо свирѣпость непогодъ, пруды изнуришельные и все ужасное для нѣги, показавъ Русскимъ воинамъ, чѣмъ могутъ они во всѣ времена одолѣвать непріятелей. Но Святославъ, образецъ великихъ Полководцевъ, не естъ примѣръ Государя великаго: ибо онъ славу побѣдъ уважалъ болѣе государственнаго блага, и характеромъ своимъ плѣняя воображеніе Стихотворца, заслуживаетъ укоризну Историка.

Если Святославъ въ 946 году, — какъ пишетъ Неспоръ — былъ еще слабымъ опрокомъ, то онъ скончалъ дни свои въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы сосѣдственныя.

Г Л А В А VIII.

Великій Князь Ярополкъ.

Г. 972 — 980.

Междоусобіе Князей. Первые дѣянія Владиміровы. Бракъ Владиміровъ. Брапоубійство. Послы Россійскіе въ Германіи.

По смерти Святослава Ярополкъ кня- Г.973. жилъ въ Кіевѣ, Олегъ въ Древлянской землѣ, Владиміръ въ Новгородѣ. Единодержавіе пресѣклось въ Государствѣ: ибо Ярополкъ не имѣлъ, кажешся, власти надъ Удѣлами своихъ братьевъ. Скоро открылись пагубныя слѣдствія такого раздѣла, и братья возсталъ на брата.

Виновикомъ сей вражды былъ славный Воевода Свѣнелдъ, знаменитый сподвижникъ Игоревъ и Святославовъ. Онъ ненавидѣлъ Олега, которъй умертвилъ сына его, именемъ Люпа, встрѣпясь съ Г.975. нимъ на ловлѣ въ своей владѣннѣ: причина доспапочная, по тогдашнимъ грубымъ нравамъ, для поединка или самаго злодѣйскаго убійства. Свѣнелдъ, желая отмстить ему, убѣдилъ Ярополка ипши

войною на Древлянскаго Князя и соединишь область его съ Кіевскою.

Г. 977.
Между-
собіе
Кня-
зей.

Олегу, узнавъ о намѣреніи своего брата, также собралъ войско и вышелъ къ нему на встрѣчу; но, побѣжденный Ярополкомъ, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Древлянскій городъ Овручъ: воины его, гонимые непріаелемъ, шѣснились на мосту у городскихъ воротъ, и столкнули своего Князя въ глубокой ровъ³⁸⁵. Ярополкъ вступилъ въ городъ и хотѣлъ видѣть брата: сей несчастный былъ раздавленъ множествомъ людей и лошадами, которыя упали за нимъ съ мосту. Побѣдитель, видя бездушный, окровавленный прупъ Олеговъ, лежащій на коврѣ предъ его глазами, забылъ свое поржесство, слезами изъявилъ раскаяніе, и съ горестію указывая на мертваго, сказалъ Свѣнелду: *того ли хотѣлось тебѣ?*.. Могила Олегова въ Неспорово время была видима близъ Овруча, гдѣ и нынѣ показываютъ оную любопытнымъ путешественникамъ. Поле служило тогда кладбищемъ и для самыхъ Князей Владѣтельныхъ, а высокій бугоръ надъ могилею единственнымъ Мавзолеемъ.

Искренняя печаль Ярополкова о смерти Олеговой была предчувствіемъ собствен-

ной его судьбы несчастной. — Владиміръ, Князь Новгородскій, свѣдавъ о кончинѣ брата и завоеваніи Древлянской области, успрашился Ярополкова власполюбія, и бѣжалъ за море къ Варягамъ. Ярополкъ воспользовался симъ случаемъ: отправилъ въ Новгородъ своихъ Намѣстниковъ или Посадниковъ, и такимъ образомъ сдѣлался Государемъ Единодержавнымъ въ Росіи.

Но Владиміръ искалъ между шѣмъ способа возвратиться съ могуществомъ и славою. Два года пребылъ онъ въ древнемъ опечесствѣ своихъ предковъ, въ землѣ Варяжской; участвовалъ, можетъ быть, въ смѣлыхъ предпріятіяхъ Нормановъ, которыхъ флаги развѣвались на всѣхъ моряхъ Европейскихъ и храбрость ужасала всѣ страны отъ Германіи до Италіи; наконецъ собралъ многихъ Варяговъ подъ свои знамена; прибылъ съ сею надежною дружиною въ Новгородъ, смѣнилъ Посадниковъ Ярополковыхъ, и сказалъ имъ съ гордостію: *Идите къ брату моему: да зваесть онъ, что я противъ него вооружаюсь, и да гоповишся опразитъ меня!*

Въ области Полоцкой, въ землѣ Кривичей, господствовалъ тогда Варягъ Рогволодъ, который *пришелъ изъ-за моря,*

Пер-
выя
дѣя-
нія
Вла-
димі-
ровы.

Г. 980.

вѣрояшно, для того, чтобы служилъ Великому Князю Россійскому, и получилъ опъ него въ Удѣль сію обласпъ³⁸⁴. Опъ имѣлъ прелеспную дочь Рогнѣду, сговоренную за Ярополка. Владиміръ, гоповаясь отнять Державу у брата, хотѣлъ лишишь его и невѣспы, и чрезъ Пословъ прѣбовалъ ея руки; но Рогнѣда, вѣрная Ярополку, опвѣспшвовала, что не можешъ соединишь бракомъ съ сыномъ рабы³⁸⁵: ибо мапъ Владимірова, какъ намъ уже извѣспно, была ключницею при Ольгѣ. Раздраженный Владиміръ взялъ Полоцкѣ, умершвилъ Рогволода, двухъ сыновей его, и женился на дочери. Совершивъ сію ужасную меспъ, онъ пошелъ къ Кіеву. Войско его соспояло изъ дружины Варяжской, Славянъ Новгородскихъ, *Чуди и Кривичей*: сіи три народа сѣверо-западной Россіи уже повиновались ему, какъ ихъ Государю. Ярополкѣ не дерзнулъ на бишву, и запворился въ городѣ. Окруживъ спанъ свой окопами, Владиміръ хотѣлъ взять Кіевъ не храбрымъ приспупомъ, но злодѣйскимъ коварспвомъ. Зная великую довѣрренность Ярополкову къ одному Воеводѣ, именовъ Блуду, онъ вошелъ съ нимъ въ шайные переговоры³⁸⁶. »Желаю швоей «помощи,» велѣлъ сказапъ ему Владиміръ:

√
Бракъ
Вла-
димі-
ровъ.

»пы будешъ мнѣ впорымъ опцемъ, когда «не спанешъ Ярополка. Онъ самъ началъ «братпоубійства: я вооружился для спасенія жизни своей.« Гнусный любимецъ не усомнился предать Государя и благодѣшеля; совѣтовалъ Владиміру обступишь городъ, а Ярополку удалянься опъ бишвы. Спращая вѣрности добрыхъ Кіевлянъ, онъ увѣрилъ Князя, будпо они хотаяпъ измѣнишь ему и шайно зовушь Владиміра. Слабый Ярополкѣ, думая спастись опъ мнимаго заговора, ушелъ въ Родню: сей городъ споялъ на шомъ мѣспѣ, гдѣ Рось впадаетъ въ Днѣпръ³⁸⁷. Кіевляне, оспавленные Государемъ, должны были покоришь Владиміру, который спѣшилъ осадишь брата въ послѣднемъ его убѣжищѣ. Ярополкѣ съ ужасомъ видѣлъ многочисленныхъ враговъ за спѣнами, а въ крѣпоспи изнеможеніе воиновъ своихъ опъ голода, коего пампъ долго хранилась въ древней пословицѣ: *блѣда аки въ Роднѣ*. Измѣникъ Блудъ склонялъ сего Князя къ миру, предспавляя невозможность опразишь неприяшеля, и гореспный Ярополкѣ опвѣспшвовалъ наконецъ: »да будешъ по швоему совѣспу! возьму, что успупишь мнѣ «братпъ.« Тогда злодѣй увѣдомилъ Владиміра, что желаніе его исполнися, и что

Ярополкъ опдаешся ему въ руки. Если во всѣ времена, варварскія и просвѣщенныя, Государи бывали жертвою измѣнниковъ: шо во всѣ же времена имѣли они и вѣрныхъ, добрыхъ слугъ, усердныхъ къ нимъ въ самой крайности бѣдствія. Изъ числа сихъ былъ у Ярополка нѣкто прозваніемъ *Варяжко* (да сохранишь Исторія память его!), копорый говорилъ ему: »не ходи, Государь, къ брапу; ты погибнешь. Оставь Россію на время, и собери войско въ землѣ Печенѣговъ.« Но Ярополкъ слушалъ шолько изверга Блуда, и съ нимъ опправился въ Кіевъ, гдѣ Владиміръ ожидалъ его въ перемномъ дворцѣ Святослава. Предашель ввелъ легковѣрнаго Государя своего въ жилище брапа, какъ въ вершешъ разбойниковъ, и заперъ дверь, чшобы дружина Княжеская не могла войти за ними:

Бра- шамъ два наемника, племени Варяжскаго,
шо- пронзили мечами грудь Ярополкову....
убій- ство. Вѣрный слуга, копорый предеказалъ ги-
бель сему несчастному, ушелъ къ Пече-
нѣгамъ, и Владиміръ едва могъ возвра-
тишь его въ опечешво, давъ клятву не
мстити ему за любовь къ Ярополку.

Такимъ образомъ старшій сынъ знаменишаго Святослава, бывъ 4 года Кіевскимъ Владѣтелемъ и 3 года Главою всей

Россіи, оставилъ для Исторіи одну память добродушнаго, но слабаго человѣка. Слезы его о смерти Олеговой свидѣтельствующъ, чшо онъ не хопѣлъ брапоубійства, и желаніе снова присоединишь къ Кіеву область Древлянскую казалось согласнымъ съ государшвенною пользою. Самая довѣренность Ярополкова къ чеспи Владиміровой изъясляешъ доброе, всегда неподозришельное сердце; но Государь, копорый дѣйствуешъ единшвенно по внушенію любимцевъ, не умѣя ни защишишь своего прона, ни умерешъ Героешъ, достоинъ сожалѣнія, а не власши.

Ярополкъ оставилъ беременную супругу, прекрасную Монахиню Греческую, плѣнницу Святославоу. Онъ былъ женатъ еще при опцѣ своемъ, но свашался за Рогнѣду: слѣдшвенно многоженство и прежде Владиміра не считалось беззаконіемъ въ Россіи языческой.

Въ княженіе Ярополка, въ 973 году, по извѣстію Лѣтописца Нѣмецкаго³⁸⁸, на- сав Рос- сійскіе въ Гер- маніи. ходились въ Кведлинбургъ, при Дворѣ Имперашора Оттона, *Послы Россійскіе*: за какимъ дѣломъ? неизвѣстно; сказано шолько, чшо они вручили Имперашору богатые дары.

Г Л А В А IX.

Великій Князь Владиміръ, названный въ крещеніи Василиемъ.

Г. 980 — 1014.

Житросць Владиміра. Усердіе къ идопоклопству. Желюбіе. Завосаніе Галиціи. Первые Христіанскіе мученики въ Кіевѣ. Бунтъ Радмичей. Камская Болгарія. Торки. Опчяліе Гориславы. Супружество Владиміра и крещеніе Россіи. Раздѣленіе Государства. Спросіе городовъ. Война съ Хорватями и Печеньгами. Церковь Десятицкая. Набѣгъ Печеньговъ. Пиры Владиміровы. Милосердіе. Осада Бѣлагограда. Бунтъ Ярослава. Кончина Владимірова. Свойства его. Сказки народныя. Богашыри.

Г. 980. Владиміръ съ помощію злодѣянія и храбрыхъ Варяговъ овладѣлъ Государствомъ; но скоро доказалъ, что онъ родился бытъ Государемъ великимъ.

Житросць Владиміра. Сія гордые Варяги считали себя завоевателями Кіева, и требовали въ дань съ каждаго жителя по двѣ гривны: Владиміръ не хотѣлъ вдругъ опказатъ имъ, а манилъ ихъ обѣщаніями до самаго того времени, какъ они, по взятымъ съ его

стороны мѣрамъ, уже не могли бытъ спрашны для столицы. Варяги увидѣли обманъ; но вида также, что войско Россійское въ Кіевѣ было ихъ сильнѣе, не дерзнули взбунтоватъся, и смиренно просились въ Грецію. Владиміръ, съ радостію оппустивъ сихъ опасныхъ людей, удержалъ въ Россіи доспойнѣйшихъ изъ нихъ, и роздалъ имъ многіе города въ управленіе. Между тѣмъ Послы его предувѣдомили Императора, чпобы онъ не оставлялъ мяпежныхъ Варяговъ въ столицѣ, но разослалъ по городамъ, и ни въ какомъ случаѣ не дозволялъ бы имъ возвращатъся въ Россію, сильную собственнымъ войскомъ.

Владиміръ, ушвердивъ власць свою, Усердіе къ языческимъ: соорудилъ новый испуканъ Перуна съ серебряною головою, и поспавилъ его, близъ *теремнаго двора*, на священномъ холмѣ, вмѣстѣ съ иными кумирами³⁸⁹. Тамъ, говоришь Лыпописецъ, спекался народъ ослѣпленный и земля осквернялась кровію жертвъ. Можесть бытъ, совѣсть безпокоила Владиміра; можесть бытъ, хотѣлъ онъ сею кровію примиритъся съ богами, раздраженными его брашоубійствомъ: ибо и самая Вѣра язы-

ческая не перпѣла пакихъ злодѣяній . . . .
Добрыня, посланный опъ своего племянника управлять Новымгородомъ, пакже поставилъ, на берегу Волхова, богатый кумирь Перуновъ.

Же-
нолю-
біе.

Но сія Владимірова набожность не препящпвовала ему упопачъ въ наслажденіяхъ чувспвенныхъ. Первою его супругою была Рогнѣда, мать Изяслава, Мспислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей; умерпвивъ брапа, онъ взялъ въ наложницы свою беременную невѣспку, родившую Святополка; опъ другой законной супруги, Чехини или Богемки, имѣлъ сына Вышеслава; опъ шрешей Свяшослава и Мспислава; опъ четвертой, родомъ изъ Болгаріи, Бориса и Глѣба. Сверхъ того, ежели вѣришь лѣтописи, было у него 300 наложницъ въ Вышегородѣ, 300 въ нынѣшней Бѣлогородкѣ (близъ Кіева), и 200 въ селѣ Берестовѣ. Всякал прелестпная жена и дѣвица спрашилась его любоспраспнаго взора: онъ презиралъ свяшоспъ брачныхъ союзовъ и невинности. Однимъ словомъ, Лѣтописецъ называетъ его впорымъ Соломономъ въ женолубіи.

Владиміръ, вмѣстѣ со многими Героями Г.981. ми древнихъ и новыхъ временъ любя женъ,

любиль и войну. Польскіе Славяне³⁹⁰, Ляхи, наскучивъ бурною вольностію, подобно Славянамъ Россійскимъ, еще ранѣ ихъ прибѣгнули къ Единовластію. Мечиславъ, Государь знаменитый въ Испоріи введеніемъ Христіанства въ землѣ своей, правилъ тогда народомъ Польскимъ: Владиміръ объявилъ ему войну, съ намѣреніемъ, кажется, возвратишь по, чпо было еще Олегомъ завоевано въ Галиціи, но послѣ, можешъ бышь, при слабомъ Ярополкѣ опошло къ Государству Польскому. Онъ взялъ города Червень (близъ Хел-Завосма), Перемышль и другіе, копорые, съ ^{валіе} Галиціи сего времени будучи собственностію Россіи, назывались *Червенскими*³⁹¹. Въ слѣдующіе два года храбрый Князь смирилъ бунтъ Вяпичей, не хотѣвшихъ плащп дани, и завоевалъ спрану Яшвяговъ, дикаго, но мужеспвеннаго народа Лапышскаго, обивавшаго въ лѣсахъ между Литвою и Польшею. Далѣ къ Сѣверо-Западу онъ распространилъ свои владѣнія до самаго Бальшійскаго моря: ибо Ливонія, по свидѣшельству Спурлезона, Лѣтописца Исландскаго, принадлежала Владиміру, ко его чиновники ѣздили собирашь дань со всѣхъ жипелей между Курляндією и Финскимъ заливомъ³⁹².

Увѣнчанный побѣдою и славою, Владиміръ хопѣль принесши благодарность идоламъ, и кровію человѣческою обагришь олтари. Исполняя совѣтъ *Бояръ* и *старцевъ*, онъ велѣлъ бросить жребій, кому изъ опроковъ и дѣвиць Кіевскихъ надлежало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ — и жребій палъ на юнаго Варяга, прекраснаго лицомъ и душою, коего отецъ былъ Христіаниномъ. Посланные опъ спарцевъ объявили родителю о семъ несчастіи: вдохновенный любовью къ сыну и ненавистію къ такому ужасному суетвѣрью, онъ началъ говорить имъ о заблужденіи язычниковъ, о безуміи кланяться плѣнному дереву, вмѣсто живаго Бога, истиннаго Творца неба, земли и чело- вѣка. Кіевляне терпѣли Христіанство; но шоржесивенное хуленіе Вѣры ихъ произвело всеобщій мятежъ въ городъ. Народъ вооружился, размечалъ дворъ Варяжскаго Христіанина и требовалъ жерпвы. Отецъ, держа сына за руку, съ пвердоспію сказалъ: «ежели идолы ваши дѣйствительно боги, то пусть они сами извлекутъ его изъ моихъ объятій.» Народъ, въ изступленіи ярости, умерщвилъ отца и сына, копорые были такимъ образомъ первыми и послѣдними мучениками

Пер-
вые
Хри-
стіан-
скіе
муче-
ники
въ Кіе-
вѣ.

Христіанства въ языческомъ Кіевѣ. Церковь наша чтитъ ихъ Святыми подъ именемъ *Теодора* и *Іоанна*⁵⁹⁵.

Владиміръ скоро имѣлъ случай новыми Г.984. побѣдами доказать свое мужество и сча- ^{Былъ}спіе. Радимичи, спокойные данники Ве- ^{Радимичей.}ликихъ Князей со временъ Олеговыхъ, вздумали объявить себя независимыми: онъ спѣшилъ наказать ихъ. Храбрый Воєвода его, прозваніемъ *Волгій Хвостъ*, начальникъ передовой дружины Княжеской, встрѣтился съ ними на берегахъ рѣки *Пищаны*, и наголову побилъ мятежниковъ⁵⁹⁴; они смирились, и съ того времени (ищещъ Неспоръ) вошло на Руси въ пословицу: *Радимичи волгья хвоста бьгають*.

На берегахъ Волги и Камы издревле обитали Волгары, или, можетъ быть, Г.985. переселились туда съ береговъ Дона въ VII вѣкѣ, не хотѣвъ повиноваться Хану Козарскому⁵⁹⁵. Въ печеніе времени они сдѣлались народомъ гражданскимъ и торговымъ; имѣли сообщеніе, посредствомъ судоходныхъ рѣкъ, съ Сѣверомъ Россіи, а чрезъ море Каспійское съ Персією и другими богатыми Азіатскими странами. Владиміръ, желая завладѣть Камскою Бол- <sup>Кам-
ская
Бол-
гарія.</sup>гарією, отправился на судахъ внизъ по Волгѣ вмѣстѣ съ Новгородцами и зна-

менишымъ Добрынею; берегомъ шли конные *Торки*, союзники или наемники Россіянъ. Здѣсь въ первый разъ упоминается о семь народѣ, единоплеменномъ съ Туркомавами и Печеньгами³⁹⁶: онѣ кочевалъ въ степяхъ на юговосточныхъ границахъ Россіи, тамъ же, гдѣ скипались Орды Печеньжскія. Великій Князь побѣдилъ Болгаровъ; по мудрый Добрыня, по извѣстію Лыбонисца, осмопрѣвъ плѣнниковъ, и видя ихъ въ *сапогахъ*, сказалъ Владиміру: »они не захочятъ бытъ нашими данниками: пойдемъ лучше искашь *лапотниковъ!*« Добрыня мыслилъ, что люди избыточные имѣютъ болѣе причинъ и средствъ обороняться. Владиміръ, уваживъ его мнѣніе, заключилъ миръ съ Болгарами, которые торжественно обѣщались жить дружелюбно съ Россіянами, утвердивъ клятву сими простыми словами: »развѣ шогда нарушимъ договоръ своей, когда камень спанетъ плавать, а жмѣль шонуть на водѣ.« — Ежели не съ данію, то по крайней мѣрѣ съ честью и съ дарами Великій Князь возвратился въ столицу.

Къ сему времени надлежитъ, кажется, опш. чаяніе Гориславы. случай, описанный въ продолженіи Неспо-

ровой Лыбониси. Рогнѣда, названная по ея горестямъ *Гориславою*, просила супругу убійство отца и братьевъ, но не могла просити измѣны въ любви: ибо Великій Князь уже предпочиталъ ей другихъ женъ, и выслалъ несчастную изъ дворца своего. Въ одинъ день, когда Владиміръ, посѣтивъ ея жилище уединенное на берегу *Лыбеди* — близъ Кіева, гдѣ въ Неспорово время было село *Предславино* — заснулъ тамъ крѣпкимъ сномъ, она хотѣла ножемъ умертвить его. Князь проснулся и отвелъ ударъ. Напомнивъ жестокому смерти ближнихъ своихъ и проливая слезы, опчаянная Рогнѣда жаловалась, что онъ уже давно не любитъ ни ея, ни бѣднаго младенца, *Изяслава*. Владиміръ рѣшился собственною рукою казнить преступницу; велѣлъ ей украсить брачною одеждою, и сидя на богатомъ ложѣ, въ свѣтлой хранинѣ, ждалъ смерти. Уже гнѣвный супругъ и судія вспунилъ въ сію хранину... Тогда юный *Изяславъ*, наученный Рогнѣдою, подаль ему мечъ обнаженный и сказалъ: »ты не одинъ, о родителъ мой! сынъ будетъ свидѣтелемъ«³⁹⁷. Владиміръ, бросивъ мечъ на землю, опшѣспивовалъ: »что зналъ, что ты здѣсь!«... удалился, собралъ

Бояръ и преребоваль ихъ совѣща. »Государь!« сказали они: »проси виновную для сего младенца, и дай имъ въ Удѣль бывшую область отца ея.« Владиміръ согласился: построилъ новый городъ въ нынѣшней Вишесбской Губерніи, и назвавъ его *Изяславлемь*, опшправиль шуда машь и сына³⁹⁸.

Теперь присшупаемъ къ описанію важнѣйшаго дѣла Владимірова, которое всего болѣе прославило его въ Испоріи...

Су-
пру-
же-
ство
Вла-
диміра
и кре-
щеніе
Рос-
сіи.

Исполнилось желаніе благочестивой Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало по малу укоренялось Христіанство, наконецъ вся и торжественно признала святоспш онаго, почши въ одно время съ землями сосѣдственными: Венгрією, Польшею, Швецією, Норвегією и Данією. Самое раздѣленіе Церквей, Восточной и Западной, имѣло полезное слѣдствіе для испинной Вѣры: ибо Главы ихъ спарались превзойти другъ друга въ дѣятельной ревности къ обращенію язычниковъ.

Древній Лѣтописецъ нашъ повѣствуетъ, что не только Христіанскіе проповѣдники, но и Магомепшане, вмѣстѣ съ Иудеями, обитавшими въ землѣ Козарской или въ Тавридѣ, присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ, склоняль Владиміра къ при-

нятію Вѣры своей, и что Великій Князь охотно выслушиваль ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы Государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдываль одного Бога съ ними, и Владиміръ могъ также — увидѣвъ наконецъ, подобно великой бабкѣ своей, заблужденіе язычеспва — искапль испинны въ разныхъ Вѣрахъ.

Первые Послы были онѣ Воляжскихъ или Камскихъ Болгаровъ³⁹⁹. На восшочныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господствовала Вѣра Магомепшанская, утвержденная шамъ счаспливымъ оружіемъ Аравитянь: Болгары приняли оную и хотѣли сообщитъ Владиміру. Описаніе Магомепшова рая и цвѣтущихъ Гурій плѣнило воображеніе счастлюбиваго Князя; но обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе иппъ вино уставомъ безразсуднымъ. *Вино*, сказалъ онъ, *естъ веселіе для Русскихъ; не можель быть безъ него.* — Послы Нѣмецкихъ Каполиковъ говорили ему о величій невидимаго Вседержишеля и ничшожности идиловъ. Князь опивѣпствоваль имъ: *идите обратно; отцы наши не принимали Вѣры отъ Папы*⁴⁰⁰. Выслушавъ Иудеевъ, онъ спросиль, гдѣ ихъ опе-

чесиво? »Въ Іерусалимѣ,« оповѣстествовали проповѣдники: »но Богъ во гнѣвъ Своемъ »расточилъ насъ по землямъ чуждымъ.« *И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить другихъ?* сказалъ Владиміръ: *мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества.* — Наконецъ безымянный Философъ⁴⁰¹, присланный Греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія Вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе Библии, Ветхаго и Новаго Завета: Историю шворенія, рая, грѣха, первыхъ людей, попопа, народа избраннаго, искупленія, Христіанства, семи Соборовъ, и въ заключеніе показалъ ему картину Спрашнаго Суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку⁴⁰². Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: »благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!« *Крестися,* оповѣстествовалъ Философъ — *и будешь въ раю съ первыми.*

Львописецъ нашъ *угадывалъ*, какимъ образомъ проповѣдники Вѣрь должныствовали говорить съ Владиміромъ; но ежели Греческій Философъ дѣйствительно имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣрить язычника разумнаго въ великомъ превосходствѣ Закона Христіанскаго.

Вѣра Славянъ ужасала воображеніе могуществомъ разныхъ боговъ, часно между собою несогласныхъ, которые играли жребіемъ людей и не рѣдко увеселялись ихъ кровію. Хопя Славяне признавали также и бытіе единаго Существа высочайшаго, но празднаго, безпечнаго въ разсужденіи судьбы міра, подобно божеству Эпикуру и Лукреціеву. О жизни за предѣлами гроба, споль любезной челоуѣку, Вѣра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: *одно земное* было ея предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, чеспности, гостепрїимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ въ ихъ новостп, но не могла удовольствовашь сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напропивъ того Христіанство, представляя въ единомъ невидимомъ Богъ создателя и правителя вселенныя, нѣжнаго опца людей, снисходительнаго къ ихъ слабостямъ, и награждающаго добрыхъ — здѣсь миромъ и покоемъ совѣспи, а тамъ, за шмою временной смерти, блаженствомъ вѣчной жизни — удовлетворяешъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души челоуѣческой.

Владиміръ, оппустивъ Философа съ г. 987. дарами и съ великою чеспію, собралъ

Бояръ и *градскихъ старцевъ*; объявилъ имъ предложенія Магомешанъ, Гудеевъ, Каполикъ, Грековъ, и шребоваль ихъ совѣта. »Государь!« сказали Бояре и старцы: »всякой человекъ хвалишь Вѣру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли, испытай, который народъ достойнѣе поклоняется Божеству« — и Великій Князь отправилъ *десять* благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ Болгаровъ храмы скудныя, моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ Нѣмецкихъ Каполикъ богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ льтописи, *безъ всякаго величія и красоты*; наконецъ прибыли въ Константинополь. *Да созерцаютъ они славу Бога нашего!* сказалъ Императоръ, и зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели испинами опвлеченными, приказалъ вести Пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ Патріархъ¹⁰³, облаченный въ Священскія ризы, совершалъ Литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго Духовенства Греческаго, богатая одежда служебная, убранство олтарей, красота живописи, благоуханіе омиама, сладостное пѣніе Клироса, безмол-

віе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили Россійцевъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется. . . . . Возвратясь въ Кіевъ, Послы говорили Князю съ презрѣніемъ о богослуженіи Магомешанъ, съ неуваженіемъ о Каполическомъ и съ восторгомъ о Византійскомъ, заключивъ словами: »всякой человекъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже опвлеченіе опъ горькаго; такъ и мы, узнавъ Вѣру Грековъ, не хотимъ иной.« Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе Бояръ и старцевъ. »Когда бы Законъ Греческій — сказали они — не былъ лучше другихъ, то бабка пивоя, Ольга, мудрейшая всѣхъ людей, не вздумала бы принять его.« Великій Князь рѣшился быть Христіаниномъ.

Такъ повѣствуемъ нашъ Льтописецъ, который могъ еще знать современниковъ Владиміра, и поному достоверный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Испина сего Россійскаго Посольства въ страну Каполикъ и въ Царьградъ, для испытанія Закона Христіанскаго, утверждается также извѣстіями одной Греческой древней рукописи, хранимой въ Парижской библіотекѣ: несогласіе соспоинъ

единственно въ прилагательномъ имени Василя, тогдашняго Царя Византійскаго, названнаго въ ней *Македонскимъ*, вмѣсто *Багрянороднаго*¹⁰⁴.

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и Священники Христіанскіе; но Князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи: одни Цари Греческіе и Папріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу успавы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владиміру унизиться, въ разсужденіи Грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать, *завоевать* Вѣру Христіанскую и принявъ ея святыню рукою побѣдителя.

Г.988. Собравъ многочисленное войско, Великій Князь пошелъ на судахъ къ Греческому Херсону, котораго развалины донынѣ видимы въ Тавридѣ, близъ Севастополя¹⁰⁵. Сей торговый городъ, расширенный въ самой глубокой древности выходцами Гераклеяскими, сохранялъ еще въ X вѣкѣ бышіе и славу свою, не смотря на великія опустошенія, сдѣланныя

дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со временъ Геродотовыхъ Скиеевъ до Козаровъ и Печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собою верховную власть Императоровъ Греческихъ, но не платилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ и повиновался собственнымъ законамъ Республиканскимъ. Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ Черноморскихъ, наслаждались изобиліемъ. — Владиміръ, остановясь въ гавани или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великій Князь грозилъ имъ споять при года подѣ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложенія, въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помощь отъ Грековъ; старались уничтожать всѣ работы осаждающихъ, и сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ Лепписецъ, ночью уносили въ городъ шу землю, которую Россіяне сыпали передъ стѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военного искусства. Къ счастью, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анаспасъ: сей человекъ пустилъ къ Россіи-

намъ спрѣду, съ надписью: *за вами, къ Востоку, находятся колодези, даюціе воду Херсонцалѣ чрезъ подземельныя трубы; вы можете отплатъ ее.* Великій Князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ, и велѣлъ перекопать водоводы (коихъ слѣды еще замѣтны близъ нынѣшнихъ развалинъ Херсонскихъ⁴⁰⁶). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ печеніе многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, Россійскій Князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ, и чрезъ Пословъ объявилъ Императорамъ, Василию и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной Царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Констанцинополь⁴⁰⁷. Родственный союзъ съ Греческими знаменитыми Царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія, по смерти Героя Цимискія, была жерпвою мшшежей и безпорядка: Военачальники Скліръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ Государямъ и спорили съ ними о державѣ. Сіи обстоятельство принудили Императоровъ забыть обыкновенную надменность Грековъ и презрѣніе къ язычникамъ⁴⁰⁸. Василій и Константинъ,

надѣясь помощію сильнаго Князя Россійскаго спасти тронъ и вѣнецъ, отвѣспвовали ему, что онъ него зависить быть ихъ зятемъ; что принявъ Вѣру Христіанскую, онъ получитъ и руку Царевны и Царство Небесное. Владиміръ, уже готовый къ тому, съ радостію изъявилъ согласіе креститься, но хотѣлъ прежде, чтобы Императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась: супругство съ Княземъ народа, по мнѣнію Грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей жестокииъ плъномъ⁴⁰⁹ и ненавистнѣе смерти. Но Полишика прѣбовала сей жерпвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ. Горестная Царевна отправила въ Херсонъ на корабль, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: тамъ народъ вспрѣпилъ ее какъ свою избавительницу со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что Великій Князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть; что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда Свяшитель возложилъ на него руку⁴¹⁰. Бояре Россійскіе,

удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ Государемъ приняли истинную Вѣру (въ церкви Св. Василія, копорая спояла на городской площади, между двумя палапами, гдѣ жили Великій Князь и невѣста его). Херсонскій Митрополисъ и Византійскіе Пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ Царевны съ Владиміромъ, благословенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великій Князь, какъ вѣрный союзникъ Императоровъ, немедленно опправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, копорая помогла Василю разбить мятежника Фоку и возстановить пишину въ Имперіи⁴¹¹.

Сего не довольно: Владиміръ опказался опъ своего завоеванія, и соорудивъ въ Херсонѣ церковь — на помъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ Царямъ Греческимъ въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ⁴¹². Вмѣсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ Іереевъ и шого Анастаса, копорый помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто дани взялъ церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два испукана

и четырехъ коней мѣдныхъ⁴¹³, въ знакъ любви своей къ художествамъ (сіи, можетъ бытъ, изящныя произведенія древняго Искусства стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный Херсонскимъ Митрополисомъ въ пайнахъ и нравственномъ ученіи Христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило приуголовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били простями и свергнули съ горы въ Днѣпръ⁴¹⁴. Чпобы усердые язычники не извлекли идола изъ рѣки, войны Княжескіе опспалкивали его опъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защищать своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городъ, чпобы всѣ люди Русскіе, Вельможи и рабы, бѣдные и богатые шли креститься — и народъ,

уже лишенный предметовъ древняго обожанія, усремился полнами на берегъ Днѣпра, разсуждал, что новая Вѣра должна быть мудрою и святою, когда Великій Князь и Бояре предпочли ее спарой Вѣрѣ опцевъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ Греческихъ Священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе сползли въ водѣ по грудь и шею; опцы и мапери держали младенцевъ на рукахъ; Іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда Священный Соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ Кіевскихъ Христіанами: тогда Владиміръ, въ радости и воспоргѣ сердца усремивъ зорь на небо, громко произнесъ молитву: »Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ; дай имъ познаніе Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ Вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхваляю достойно святое имя Твое!«. . . *Въ сей великій день, говоритъ Лѣтописецъ, земля и небо ликовали.*

г. 988 Скоро знаменія Вѣры Христіанской, — 90. приняшой Государемъ, дѣльми его⁴¹⁵, Вель-

можами и пародомъ, явились на развалинахъ мрачнаго языческаго въ Россіи, и жертвенники Бога истиннаго заступили мѣсто идольскихъ шребищъ. Великій Князь соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь Св. Василія⁴¹⁶, на томъ мѣстѣ, гдѣ сползъ Перунъ, и призвалъ изъ Константинополя искусныхъ зодчихъ для спроенія храма каменнаго во имя Богомапери, тамъ, гдѣ въ 983 году поспрадалъ за Вѣру благочестивый Варягъ и сынъ его. Между тѣмъ ревностные служители олшарей, Священники, проповѣдывали Христа въ разныхъ обласпяхъ Государства. Многіе люди крестились, разсуждая безъ сомнѣнія такъ же, какъ и граждане Кіевскіе; другіе, привязанные къ закону древнему, опвергали новый: ибо язычество господствовало въ нѣкоторыхъ спранахъ Россіи до самаго XII вѣка. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, привуждать совѣспи; но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для испребленія языческихъ заблужденій: *онъ старался просвѣтити Россіянъ.* Чпобы утвердить Вѣру на знаніи книгъ Божественныхъ, еще въ IX вѣкѣ переведенныхъ на Славянскій языкъ Кирилломъ и Меодіемъ и безъ сомнѣнія уже давно извѣстныхъ Кіевскимъ Христіанамъ, Вели-

кій Князь завелъ для опроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Сіе благодѣаніе казалось тогда страшною новостію, и жены знаменитыя, у коихъ неволею брали дѣтей въ науку, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, ибо считали грамошу опаснымъ чародѣйствомъ.

Владиміръ имѣлъ 12 сыновей, еще юныхъ опроковъ. Мы уже наименовали изъ нихъ 9: Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ, родились, кажепіся, послѣ. Думая, что дѣти могутъ быть надежнѣйшими слугами ошца, или, лучше сказать, слѣдуя несчастному обыкновенію сихъ временъ, Владимиръ раздѣлилъ Государство на области⁴¹⁷, и далъ въ Удѣль Вышеславу Новгородъ, Изяславу Полоцкъ, Ярославу Ростовъ: по смерти же Вышеслава Новгородъ, а Ростовъ Борису; Глѣбу Муромъ, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владимиръ Волынскій⁴¹⁸, Мстиславу Тмуторакань или Греческую Таманарху, завоеванную, какъ вѣроятно, мужественнымъ дѣдомъ его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туровъ, который донинѣ существуетъ въ Минской Губерніи и названъ такъ опъ имени Варяга Тура, повелѣвавшаго некогда сею обла-

Раздѣленіе Государства.

стію⁴¹⁹. Владимиръ опправилъ малолѣтныхъ Князей въ назначенный для каждаго Удѣль, поручивъ ихъ до совершеннаго возраста благоразумнымъ пѣстунамъ. Онъ безъ сомнѣнія не думалъ раздробить Государства и далъ сыновьямъ одни права своихъ Намѣстниковъ; но ему надлежало бы предвидѣть слѣдствія необходимыхъ по его смерти. Удѣльный Князь, повинясь опцу, самовластному Государю всей Россіи, могъ ли споль же естественно повиноваться и наслѣднику, то есть брату своему? Междоусобіе дѣтей Святословыхъ уже доказало противное; но Владимиръ не воспользовался симъ опытомъ: ибо самыя великія люди дѣйствуютъ согласно съ образомъ мыслей и правилами своего вѣка.

Желая удобнѣе образовать народъ и защитить южную Россію опъ грабительства Печенѣговъ, Великій Князь основалъ новые города по рѣкамъ Деснѣ, Осперу, Трубежу, Сулѣ, Спугнѣ, и населилъ ихъ Новгородскими Славянами, Кривичами, Чудью, Вяпичами. Укрѣпивъ Кіевскій Бѣлгородъ спѣною, онъ перевелъ туда многихъ жишелей изъ другихъ городовъ: ибо опмѣнно любилъ его, и часто Г.990. живалъ въ ономъ⁴²⁰.

Строеніе городовъ.

Г.995. Война съ Хорватами и Печенъгами. Вѣдатель о набѣгѣ Печенъговъ, копорые пришли изъ-за Сулы и разорали обласнь Кіевскую. Великій Князь вспрѣшился съ ними на берегахъ Трубежа: причемъ Львописецъ рассказываетъ слѣдующую повѣсть:

«Войско Печенъговъ спояло за рѣкою: Князь ихъ вызвалъ Владиміра на берегъ и предложилъ ему рѣшить дѣло поединкомъ между двумя, съ обѣихъ сторонъ избранными богатырями. Ежели Русской побѣдетъ Печенъга, сказалъ онъ, то обязываемся три года не воевать съ вами; а ежели наши побѣдятъ, то мы вольны три года опустошать твою землю. Владиміръ согласился, и велѣлъ Бирюгамъ или Герольдамъ въ спанѣ своемъ кликнуть охотниковъ для поединка⁴²²: не выскалось ни одного, и Князь Россійскій былъ въ горесни. Тогда приходитъ къ нему спарець и говоритъ: *«Я вышелъ въ поле съ четьрмя сынами, а меньшій остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ одолеть его. Однажды, въ сердць*

*на меня, онъ разорвалъ на-двое толстую воловью кожу. Государь! вели ему бороться съ Печенъгомъ. Владиміръ немедленно послалъ за юношею, копорый для опыта въ силѣ своей пребовалъ быка дикаго; и когда звѣрь, раздраженный прикосновеніемъ горячаго желѣза, бѣжалъ мимо юноши, сей богатырь одною рукою вырвалъ у него изъ боку кусокъ мяса. На другой день явился Печенъгъ, великанъ страшный, и видя своего малорослаго пропивника, засмѣялся. Выбрали мѣсто: единоборцы схватились. Россіянинъ крѣпкими мышцами своими давилъ Печенъга, и мершваго ударилъ объ землю. Тогда дружина Княжеская, воскликнувъ побѣду, бросилась на усрашенное войско Печенъговъ, копорое едва могло спаснися бѣгствомъ. Радосный Владиміръ въ память сему случаю заложилъ на берегу Трубежа городъ, и назвалъ его *Переяславлемъ*: ибо юноша Русской переялъ у враговъ славу. Великій Князь, наградивъ выпязя и старца, отца его, саномъ Боярскимъ, возвратился съ торжешествомъ въ Кіевъ.»*

Поединокъ можетъ быть испиною; но обшояшество, что Владиміръ основалъ Переяславль, кажется сомнительнымъ: ибо о семъ го-

родъ упоминается еще въ Олеговомъ договорѣ съ Греками въ 906 году⁴²³.

Г. 994
— 96.
Цер-
ковь.
Деся-
тиль-
ная.

Россія года два или три наслаждалась попомъ пишиною. Владиміръ, къ великому своему удовольствію, видѣлъ наконецъ совершеніе каменнаго храма въ Кіевѣ, посвященнаго Богоматери, и художествомъ Грековъ украшеннаго. Тамъ, исполненный вѣры святой и любви къ народу, онъ сказалъ предъ олтаремъ Всевышняго: »Господи! въ семь храмъ, мною сооруженномъ, да внимаешь всегда молишвамъ добрыхъ Россіянъ!« и въ знакъ сердечной радости угостилъ во дворцѣ Княжескомъ Бояръ и градскихъ спарцевъ; не забылъ и людей бѣдныхъ, щедро удовлетворивъ ихъ нуждамъ.— Владиміръ опдалъ въ новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятыя въ Херсонѣ; велѣлъ служить въ ней Херсонскимъ Іереямъ; поручилъ ее любимцу своему Анастасу; уступилъ братью ему десятую часть изъ собственныхъ доходовъ Княжескихъ, и клятвенною грамошою обязавъ своихъ наслѣдниковъ не пресступать сего закона, положилъ оную въ храмъ⁴²⁴. Слѣдственно Анастасъ былъ Священнаго сана и, вѣроятно знаменишаго, когда главная церковь столицы (донинѣ именуемая *Деся-*

тинную) находилась подъ его особеннымъ вѣднїемъ. Новѣйшіе Лѣтописцы утвердительно повѣспвуютъ о Кіевскихъ Митрополисахъ сего времени, но, именуя ихъ, противорѣчаютъ другъ другу⁴²⁵. Неспоръ совсѣмъ не упоминаетъ о Митрополи до княженія Ярославова, говоря единственно о Епископахъ, уважаемыхъ Владиміромъ, безъ сомнѣнія Грекахъ или Славянахъ Греческихъ, которые, разумѣя языкъ нашъ, шѣмъ удобнѣе могли учить Россіянъ.

Случай, опасный для Владиміровой жизни, еще болѣе утвердилъ сего Князя въ чувствахъ набожности. Печенѣги, снова напавъ на обласи Россійскія, присупили къ Василеву, городу построенному имъ на рѣкѣ Стугнѣ⁴²⁶. Онъ вышелъ въ поле съ малою дружиною, не могъ устоять противъ ихъ множества и долженъ былъ скрыться подъ мостомъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами свирѣпыми, Владиміръ обѣщался, ежели Небо спасетъ его, соорудить въ Василевѣ храмъ празднику сего дня, Святому Преображенію. Непрїатели удалились, и Великій Князь, исполнивъ обѣщъ свой, созвалъ къ себѣ на пиръ Вельможъ, Посадниковъ, спарѣйшинъ изъ другихъ городовъ. Желая из-

На-
бытъ
Пе-
ченѣ-
говъ.

образить его роскошь, Лѣтописецъ гово-
 ритъ, что Владиміръ приказалъ сварить
 триста варъ меду, и восемь дней праздно-
 валь съ Боярами въ Василевѣ. Убогіе по-
 лучили 300 гривенъ изъ казны государ-
 ственной. Возвращаясь въ Кіевъ, онъ далъ
 новый пиръ не только Вельможамъ, но
 и всему народу, который искренно радо-
 вался спасенію добраго и любимаго Госу-
 даря. Съ того времени сей Князь всякую
 недѣлю угощалъ въ Гридницѣ, или въ
 приходѣй дворца своего, Бояръ, Гридней
 (меченосцевъ Княжескихъ) воинскихъ Со-
 щниковъ, Деспскихъ и всѣхъ людей име-
 нишыхъ или *нарогитыхъ*⁴²⁷. Даже и въ
 тѣ дни, когда его не было въ Кіевѣ, они
 собирались во дворцѣ и находили сполы
 покрытые мясами, дичиною и вѣсьм и рос-
 кошными яствами погдашняго времени.
 Однажды — какъ разсказываетъ Лѣтопи-
 сецъ — гости Владиміровы, упоенные крѣп-
 кимъ медомъ, вздумали жаловаться, что
 у знаменишаго Государя Русскаго подають
 имъ къ обѣду деревянныя ложки. Великій
 Князь, узнавъ о томъ, велѣлъ сдѣлать
 для нихъ *серебряныя*, говоря благоразумно:
серебромъ и золотомъ не добудеши вѣрной
дружину; а съ нею добуду много и серебра
и золота, подобно отцу моему и дѣду.

Владиміръ, по словамъ лѣтописи, отми-
 но любилъ свою дружину и совѣповался
 съ сими людьми, не только храбрыми,
 но и разумными, какъ о воинскихъ, такъ
 и гражданскихъ дѣлахъ.

Будучи другомъ усердныхъ Бояръ и
 чиновниковъ, онъ былъ истиннымъ оп-
 цемъ бѣдныхъ, которые всегда могли при-
 ходить на дворъ Княжескій, уполять
 шамъ голодъ свой и брать изъ казны
 деньги⁴²⁸. Сего мало: *больные*, говорилъ
 Владиміръ, *не въ силахъ дойти до палатъ*
моихъ — и велѣлъ развозить по улицамъ
 хлѣбы, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ
 въ бочкахъ. »Гдѣ нищіе, недужные?» спра-
 шивали люди Княжескіе, и надѣляли ихъ
 всѣмъ пошребнымъ. Сію добродѣтель Вла-
 димірову приписываетъ Неспоръ дѣй-
 ствію Хрисціанскаго ученія. Слова Еван-
 гельскія: *блажени милостиви, яко ти*
помиловани будутъ, и Соломоновы: *да*
нищелу, Богу въ заимъ даде, вселяли въ
 душу Великаго Князя рѣдкую любовь къ
 благошворенію и вообще такое милосер-
 діе, которое выходило даже изъ предѣ-
 ловъ государственной пользы. Онъ щадилъ
 жизнь самыхъ убійць и наказывалъ ихъ
 только *Вурою*, или денежною пеней⁴²⁹: Мило-
 число пресшупниковъ умножалось, и дер-
 сердце

зость ихъ ужасала добрыхъ, спокойныхъ гражданъ. Наконецъ духовные Пастыри Церкви вывели набожнаго Кнзя изъ заблужденія. »Для чего не карашь злодѣй-«спва?» спросили они. *Боюсь гнѣва Небеснаго*, отвѣщивовалъ Владиміръ. »Нѣтъ,« сказали Епископы: »ты поставленъ Богомъ на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе. Должно карашь пресупника, но шолько съ разсмотрѣніемъ.« Великій Кнзя, принявъ ихъ совѣтъ, опмѣнилъ *Виру* и снова ввелъ смершнюю казнь, бывшую при Игорѣ и Святославѣ.

Симъ благоразумнымъ совѣтникамъ надлежало еще пробудить въ немъ, для государшвеннаго блага, и прежній духъ воинскій, усиленный шѣмъ же челошкѣлюбіемъ. Владиміръ уже не искалъ славы Героевъ, и жилъ въ мирѣ съ сосѣдшвенными Государями: Польскимъ, Венгерскимъ и Богемскимъ⁴³⁰; но хищные Печенѣги, упошребляя въ свою пользу миролюбіе его, безпрестанно опустошали Россію. Мудрые Епископы и *старцы* доказали Великому Кнзяю, что Государь долженъ бытъ ужасомъ не шолько пресупниковъ государшвенныхъ, но и вишнихъ враговъ — и гласъ воинскихъ шрубъ снова раздался въ нашемъ древнемъ опечешствѣ.

Владиміръ, желая собрать воинство Г.997 многочисленное для опраженія Печенѣговъ, самъ отправился въ Новгородъ; но сіи неупомимые враги, узнавъ его опсушешвіе, приблизились къ столицѣ, окружили Бѣлгородъ и прешкъли сообщеніе жителей съ мѣстами окрешными. Черезъ нѣсколько времени сдѣался шамъ голодъ, и народъ, собравшись на *Въге* или совѣтъ⁴³¹, изъявилъ желаніе сдатьшя непріателямъ. »Кнзя далеко,« говорилъ онъ: »Печенѣги могутъ умертвить шолько нѣшоторыхъ изъ насъ; а опѣ голода мы швсѣ погибнемъ.« Но хипроситъ умнаго спарца, впрочемъ не совѣмъ *въроятнаго*, спасла гражданъ. Онъ велѣлъ ископать два колодезя, поставивъ въ нихъ одну кадъ съ сышою, другую съ шѣшомъ, и заваш спаршинъ непріательскихъ будшо бы для переговоровъ. Видя сіи колодези, они повѣрили, что земля сама собою производитъ шамъ вкусную для людей пищу, и возвратились къ своимъ Кнзямъ съ вѣспію, что городъ не можешъ имѣтъ недоспапка въ сѣшсныхъ припасахъ! Печенѣги сняли осаду.

Вѣроятно, что Владиміръ счасшливѣмъ оружіемъ унялъ наконецъ сихъ варваровъ: по крайней мѣрѣ Лѣпописецъ не

упоминаеть болѣе о ихъ нападеніяхъ на Россію до самаго 1015 году. Но здѣсь преданія оставляють, кажущя, Нестора, и въ печеніе *семнадцати лѣтъ* онъ казываетъ намъ только, что въ 1000 году умерли Мальфрида — одна изъ бывшихъ Владиміровыхъ женъ, какъ надобно думать — и знаменитая несчастіемъ Рогнѣда, въ 1001 Изяславъ, а въ 1003 младенецъ Всеславъ, сынъ Изяславовъ; что въ 1007 году привезли иконы въ Кіевскій храмъ Богоматери изъ Херсона или изъ Греціи, а въ 1011 скончалась Анна⁴³², супруга Владимірова, достопамятная для потомства: ибо она была орудіемъ Небесной благодати, извлекавшей Россію изъ тьмы идолопоклонства.

Ков-
чина
Ашны.

Вой-
на съ
Эри-
комъ
Нор-
веж-
скимъ.

Въ сіи годы, скудные происшествіями по Несторовой лѣтописи, Владиміръ могъ имѣть ту войну съ Норвежскимъ Принцомъ Эрикомъ, о коей повѣствуетъ Исландскій Лѣтописецъ Спурлезонъ⁴³³. Гонимый судьбою, малолѣтній Принцъ Норвежскій Олофъ, племянникъ Сигурда, одного изъ Вельможъ Владиміровыхъ, съ матерію, вдовствующею Королевою Астридою, нашель убѣжище въ Россіи; учился при Дворѣ, осыпаемый милостіями Великой Княгини, и ревностно служилъ Государю;

но оклеветанный завистливыми Болрами, долженъ былъ оставить его службу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ — можетъ быть, съ помощію Россіи — онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ, опнявъ престоль у Эрика, котораго бѣжалъ въ Швецію, собралъ войско, напалъ на сѣверо-западные Владиміровы области, осадилъ и взялъ приступомъ городъ Россійскій *Альдейгабургъ*, или, какъ *въ ролтио*, нынѣшнюю Спарую Ладугу⁴³⁴, гдѣ обыкновенно приспавали мореплаватели Скандинавскіе, и гдѣ, по народному преданію, Рюрикъ имѣлъ дворець свой. Храбрый Норвежскій Принцъ четыре года воевалъ съ Владиміромъ; наконецъ, уступивъ превосходству силъ его, вышелъ изъ Россіи.

Судьба не пощадила Владиміра въ спарости: предъ концемъ своимъ ему надлежало увидѣть съ горестію, что властолюбіе вооружаетъ не только брапа противъ брапа, но и сына противъ отца.

Намѣстники Новгородскіе ежегодно платили двѣ тысячи гривенъ Великому Князю и тысяччу раздавали Гривнямъ или пѣлохранителямъ Княжескимъ⁴³⁵. Яро-славъ, тогдашній Правитель Новгорода, дерзнулъ объявить себя независимымъ и не хотѣлъ платить дани. Раздраженный

Г.
1014.
Буть
Вла-
димі-
рова
сына,
Яро-
слава.

Владиміръ велѣлъ готовиться войску къ походу въ Новгородъ, чтобы наказать ослушника; а сынъ, ослѣпленный властолюбіемъ, призвалъ изъ-за моря Варяговъ на помощь, думая, вопреки законамъ Божественнымъ и человѣческимъ, поднять мечъ на отца и Государя. Небо, отвративъ сію войну богопротивную, спасло Ярослава отъ злодѣянія рѣдкаго. Влади-
 Г. 1015. міръ, можешь быть отъ горести, занемогъ тяжкою болѣзнію, и въ то же самое время Печенѣги ворвались въ Россію; надлежало опразднить ихъ: не имѣя силъ предводительствовать войскомъ, онъ поручилъ его *любимому* сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда въ Кіевѣ, и чрезъ нѣсколько дней скончался въ Бересповѣ, загородномъ дворцѣ, не избравъ наследника, и оставивъ кормило Государства на волю рока...
 Святополкъ, усыновленный племянникъ Владиміровъ, находился въ столицѣ: боясь его властолюбія, придворные хотѣли уплатить кончину Великаго Князя, вѣрояпно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться въ Кіевъ; ночью выломали полъ въ сѣняхъ, завернули шло въ коверъ, спустили внизъ по веревкамъ и опхезли въ храмъ Богома-

Коп-
 чина
 Вла-
 дими-
 ра.

тери. Но скоро печальная вѣсть разгласилась въ городъ: Вельможи, народъ, воины бросились въ церковь; увидѣли шрупъ Государя и стенаніемъ изъявили свое опечаленіе. Бѣдные оплакивали благошворителя, Бояре отца опечесыва... Тѣло Владимірово заключили въ мраморную раку и поставили оную торжественно, рядомъ съ гробницею супруга его, Анны, среди храма Богоматери, имъ сооруженнаго⁴³⁶.

Сей Князь, названный Церковію *Равноапостольнымъ*, заслужилъ и въ Исторіи имя *Великаго*. Истинное ли увѣреніе въ святынь Христіанства, или, какъ повѣствуетъ знаменитый Арабскій Историкъ XIII вѣка⁴³⁷, одно честолюбіе и желаніе бытъ въ родственномъ союзѣ съ Государями Византійскими рѣшило его крепиться? извѣстно Богу, а не людямъ. Довольно, что Владиміръ, принявъ Вѣру Спасителя, освятился ею въ сердцѣ своемъ и спалъ инымъ человѣкомъ. Бывъ въ язычествѣ мстительнымъ свирѣпымъ, гнуснымъ сластолюбцемъ⁴³⁸, воиномъ кровожаднымъ и — что всего ужаснѣе — брашубійцею, Владиміръ, направленный въ челоуколюбивыхъ правилахъ Христіанства, боялся уже проливать кровь самыхъ злодѣевъ и враговъ опечесыва. Главное право его

Свой-
 ства
 его.

на вѣчную славу и благодарность потомства соспоишь конечно въ помѣ, что онъ поставилъ Россіянъ на путь истинной Вѣры; но имя *Великаго* принадлежитъ ему и за дѣла государственныхъ. Сей Князь, похитивъ Единовласіе, благоразумнымъ и счастливымъ для народа правленіемъ загладилъ вину свою; выславъ мятежныхъ Варяговъ изъ Россіи, употребилъ лучшихъ изъ нихъ въ ея пользу; смирилъ бунты своихъ данниковъ, отражалъ набѣги хищныхъ сосѣдовъ, побѣдилъ сильнаго Мечислава и славный храбростію народъ Япвляжскій; расширилъ предѣлы Государства на Западъ; мужествомъ дружины своей утвердилъ вѣнецъ на слабой главѣ Восточныхъ Императоровъ; старался просвѣтити Россію: населилъ пустыни, основалъ новые города; любилъ совѣтоваться съ мудрыми Боярами о полезныхъ успавахъ земскихъ; завелъ училища и призывалъ изъ Греціи не только Іереевъ, но и художниковъ; наконецъ былъ нѣжнымъ опцемъ народа бѣднаго. Горестію послѣднихъ минушь своихъ онъ заплашилъ за важную ошибку въ Полипикѣ, за назначеніе особенныхъ Удѣловъ для сыновей.

Слава его правленія раздалась въ ширехъ часпахъ міра: древнія Скандинавскія, Нь-

мецкія, Византійскія, Арабскія лѣтописи говорятъ о немъ. Кромѣ преданій Церкви Сказки народныя. и нашего перваго Лѣтописца о дѣлахъ Владиміровыхъ, память сего Великаго Князя хранилась и въ сказкахъ народныхъ о великолѣпнѣ пировъ его, о могучихъ богатыряхъ его времени: о Добрынь Новгородскомъ, Александрѣ *съ золотою гривною*, Ильѣ Муромцѣ, сильномъ Рахдѣ (который будто бы одинъ ходилъ на 300 воиновъ), Янѣ Усмошвецѣ, грозѣ Печенеговъ, и прочихъ, о коихъ упоминается въ новѣйшихъ, опчаспи баснословныхъ лѣтописяхъ⁴³⁹. Сказки не Испорія; но сіе сходство въ народныхъ понятіяхъ о временахъ Карла Великаго и Князя Владиміра достойно замѣчанія: пошъ и другой, заслуживъ безмершіе въ лѣтописяхъ своими побѣдами, усердіемъ къ Христіанству, любовію къ Наукамъ, живутъ донинѣ и въ сказкахъ богатырскихъ.

Владиміръ, не смотря на слабое опъ природы здоровье⁴⁴⁰, дожилъ до старости: ибо въ 970 году уже господствовалъ въ Новгородѣ, подъ руководствомъ дяди, Боярина Добрыни.

Прежде нежели будемъ говорить о наслѣдникахъ сего великаго Монарха, дополнимъ Испорію описанныхъ нами временъ

вѣми извѣстіями, которыя находятся въ Несторѣ и въ чужестранныхъ, современныхъ Лѣтописцахъ, о гражданскомъ и нравственномъ состояніи тогдашней Россіи: чтобы не прерывать нити историческаго повѣствованія, сообщаемъ оныя въ сипашь особенной.

Г Л А В А X.

О состояніи древней Россіи.

Предѣлы. Правленіе. Законы гражданскіе. Военное искусство. Флоты. Чинопачаліе и внутреннее образованіе войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояніе городовъ. Денги. Успѣхи разума. Механическія и свободныя искусства. Нравы.

Пре-
дѣлы. Въ самый первый вѣкъ бышя своего Россія превосходила обширностію едва ли не все тогдашнія Государства Европейскія⁴⁴¹. Завоеванія Олеговы, Святославовы, Владиміровы, распространили ея владѣнія отъ Новгорода и Кіева къ Западу до моря Бальшійскаго, Двины, Буга и горъ Карпатскихъ, а къ Югу до пороговъ Днѣпровскихъ и Киммерійскаго Воспора; къ

Сѣверу и Востоку граничила она съ Финляндіею и съ Чудскими народами, обитаемыми нынѣшнихъ Губерній Архангельской, Вологодской, Вятской, также съ Мордвою и съ Казанскими Болгарами, за которыми, къ морю Каспійскому, жили Хвалысы, ихъ единовѣрцы и единоплеменники (почему сіе море называлось тогда Хвалынскимъ или Хвалискимъ).

Слова Новгородцевъ и союзныхъ съ ними народовъ, преданныя намъ Лѣтописцемъ: «хотимъ Князя, да владѣеть и Прав-
»правитъ нами по закону,« были основаніемъ перваго устава государственнаго Россіи, то есть, Монархическаго.

Но Князья привели съ собою многихъ независимыхъ Варяговъ, которые считали ихъ болѣе своими товарищами, нежели Государями, и шли въ Россію владѣвать, а не повиноваться. Сии Варяги были первыми чиновниками, знаменитѣйшими воинами и гражданами; ссоставляли опшборную Дружину и верховный Совѣтъ, съ коимъ Государь дѣлился властію. Мы видѣли, что Послы Россійскіе заключали договоръ съ Греціею отъ имени Князя и Бояръ его; что Игорь не могъ одинъ утвердить союза съ Императоромъ, и что вся дружина Княжеская должна бы-

ла вмѣстѣ съ нимъ присягать на священномъ холмѣ⁴⁴².

Самый народъ Славянскій хопя и покорился Князьямъ, но сохранилъ нѣкоторые обыкновенія вольности, и въ дѣлахъ важныхъ, или въ опасностяхъ государственныхъ, сходился на общій совѣщъ. Бѣлогородцы, шѣснимые Печенѣгами, разсуждали на Вѣчѣ, что имъ дѣлать⁴⁴³. — Сія народныя собранія были древнимъ обыкновеніемъ въ городахъ Россійскихъ, доказывали участіе гражданъ въ правленіи и могли давать имъ смѣлосць, неизвѣстную въ Державахъ строгаго, неограниченнаго Единовласія. Такъ Новгородцы объявили Святославу, что они пребуюшъ отъ него сына въ Правители, или, въ случаѣ отказа, изберушъ себѣ особеннаго Князя.

На войнѣ права Государя были ограничены корыстоплюбіемъ воиновъ: онъ могъ брать себѣ только часть добычи, уступая имъ прочее. Такъ Олегъ, Игорь взяли дань съ Грековъ на каждого изъ своихъ ратниковъ; самые родственники убитыхъ имѣли въ ней долю⁴⁴⁴. Желая одинъ воспользоваться грабежемъ въ землѣ Древлянскою, Игорь удалил отъ себя войско: слѣдственно не только добычею сча-

стливой битвы, но и данію, собираемую съ народовъ уже подвассальныхъ Россіи, Князья дѣлили съ воинами.

Впрочемъ вся земля Русская была, такъ сказать, законною собственностію Великихъ Князей: они могли, кому хотѣли, раздавать города и волости. Такъ многіе Варяги получили Удѣлы отъ Рюрика. Такъ супруга Игорева владѣла Вышегородомъ, а Рогволодъ, по словамъ лѣтописи, княжилъ въ Полоцкѣ⁴⁴⁵.

Варяги, на условіяхъ *Помѣстной Сестелы* владѣвшіе городами, имѣли племя Князей: о сихъ-то *многихъ* Князьяхъ Россійскихъ упоминается въ Олеговомъ договорѣ съ Греческимъ Императоромъ⁴⁴⁶. Дѣвши ихъ, заслуживъ милосць Государя, могли получашъ тѣ же Удѣлы: Бояре Владиміровы назвали Полоцкъ, гдѣ княжилъ опецъ Рогнѣдинъ, ея наследственнымъ достояніемъ или опчиною⁴⁴⁷. Но Великій Князь какъ Государь располагалъ сими частными Княжествами: Владиміръ опдалъ дѣпямъ своимъ Росновъ, Муромъ и другія области, бывшія со временъ Рюриковыхъ Удѣлами Вельможъ Норманскихъ. — Другіе города и волости непосредственно зависѣли отъ Великаго Кня-

зя: онъ управлялъ ими чрезъ своихъ Посадниковъ или Намѣшниковъ⁴⁴⁸.

Образъ сего внушрняго правленія опвѣшпвовалъ простотѣ тогдашнихъ нравовъ. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: Государь совѣшповался о *земскихъ* учрежденіяхъ съ храброю дружиною⁴⁴⁹. Ему принадлежала верховная законодательная и судебная властпъ: Владиміръ по волѣ своей опмѣнилъ и снова успавилъ смершную казнъ.— Неспоръ упоминаетъ еще о *градскихъ старъйишинахъ*, копорые лѣтами, разумомъ и честію заслуживъ довѣренность, могли бытъ судіями въ дѣлахъ народныхъ.

Законы
граждан-
скіе.

Во времена независимости Россійскихъ Славянъ гражданское правосудіе имѣло основаніемъ совѣшпъ и древніе обычаи каждаго племени въ особенностяхи⁴⁵⁰; но Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію, извѣстные намъ по договорамъ Великихъ Князей съ Греками, и во всемъ согласные съ древними законами Скандинавскими. Напримѣръ: и въ тѣхъ и другихъ было успавлено, что родственникъ убіеннаго имѣлъ право лишитъ жизни убійцу; что гражданинъ могъ умершвитъ вора, который не захотѣлъ бы добровольно опдаться ему въ руки; что

за каждый ударъ мечемъ, копіемъ или другимъ орудіемъ, надлежало платитъ денежную пеню⁴⁵¹. Сіи первые законы нашего опечества, еще древнѣйшіе Ярославовыхъ, дѣлаютъ честь вѣку и народному характеру, будучи основаны на довѣренности къ кляпвамъ, слѣдственно къ совѣспи людей, и на справедливости: такъ виновный былъ увольняемъ опъ пени, ежели онъ утверждалъ кляшвенно, что не имѣетъ способа заплатитъ ее; такъ хищникъ наказывался соразмѣрно съ виною, и платилъ вдвое и вшрое за всякое похищеніе; такъ гражданинъ, мирными трудами наживъ богатство, могъ при кончинѣ располагать имъ въ пользу ближнихъ и друзей своихъ⁴⁵². — Трудно вообразитъ, чтобы одно словесное преданіе хранило сіи уставы въ народной памяти. Ежели не Славяне, то по крайней мѣрѣ Варяги Россійскіе могли имѣть въ IX и X вѣкѣ *законы писанные*: ибо въ древнемъ опечествѣ ихъ, въ Скандинавіи, упошребленіе Руническихъ писменъ было извѣстно до временъ Христіанства⁴⁵³.

Мы имѣемъ еще древній, такъ называемый *Владиміровъ уставъ*, по коему, сообразно съ Греческими Номоканонами, опчуждены опъ мірскаго вѣдомства Монахи^{установъ}

и церковники, богадѣльни, гостиницы, дома страннопріимства, лекари и всѣ люди увѣчные. Дѣла ихъ были подсудны однимъ Епископамъ: также всѣ и мѣрила городскія, распри и невѣрность супруговъ, браки незаконныя, волшебство, осправы, идолопоклонство, непристойная брань, злодѣйства дѣшей въ отношеніи къ отцу и матери, тяжбы родныхъ, оскверненіе храмовъ, церковная пѣтьба, снятіе одежды съ мертваго, и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что Духовенство Россійское въ первыя времена Христіанства рѣшило не только церковныя, но и многія гражданскія дѣла, которыя относились къ совѣсти и нравственнымъ правиламъ новой Вѣры (такъ было во всей Европѣ); нѣтъ сомнѣнія, что означенныя здѣсь суды могли принадлежать ему (нѣкоторыя изъ оныхъ и нынѣ остаются его правомъ): но сей *Уставъ* есть подложный — и вопль доказательство: тамъ Владиміръ пишетъ, что Патриархъ *Фотій* далъ ему *перваго* Митрополита Леона; а *Фотій* умеръ за 90 лѣтъ до сего Великаго Князя⁴⁵⁴.

Варяги, законодатели нашихъ предковъ, были ихъ наставниками и въ искусствѣ войны. Россіяне, предводимые своими

Князьями, сражались уже не полками безпорядочными, какъ Славяне древніе, но строемъ, вокругъ знаменъ своихъ или стяговъ, въ сомкнутыхъ рядахъ, при звукѣ трубъ воинскихъ; имѣли конницу, собственную и наемную, и *сторожевые* опряды, за коими цѣлое войско оставалось въ безопасности. Готовясь къ битвамъ, они выходили на открытое поле занимаясь воинскими играми: учились быстрой, дружному нападенію и согласнымъ движеніямъ, дающимъ побѣду; носили для защиты своей тяжелыя лапы, обручи, высокіе шлемы. Мечи, съ обѣихъ сторонъ острые, копья и стрѣлы были ихъ оружіемъ. Укрѣпляя города свои стѣнами, хотя деревянными, но неприсступными для народовъ варварскихъ, тогдашнихъ сосѣдовъ Россіи, предки наши умѣли брать города чуждые, и знали искусство осадныхъ земляныхъ работъ; окружали глубокими рвами не только крѣпости, но и полевые станы свои для безопасности⁴⁵⁵.

Подобно другимъ Славянамъ мужественные на сушѣ, они занимались и только Фл.6-однимъ страшнымъ огнемъ *Греческій* могъ пш. спасти Царьградъ отъ флота Игорева: для того Великіе Князья всегда желали

узнать тайный составъ сего огня; но хищные Греки увѣряли ихъ, что Ангель Небесный вручилъ оный Императору Конспантину, и что одни Христіане могутъ имъ пользоваться. Тогдашніе военные корабли Россійскіе были не что иное, какъ гребныя, съ помощію большихъ парусовъ весьма ходкія суда, на которыя садилось отъ 40 до 60 человѣкъ⁴⁵⁶.

Чиноначаліе и внушеніе о бразованіи войска. О древнемъ чиноначаліи и внушеніи образованія войска извѣстно намъ слѣдующее: Князь былъ его Главою на водѣ и сушѣ; подъ нимъ начальствовали Воеводы, Тысячскіе, Сотники, Десятиски⁴⁵⁷. Дружину перваго составляли опытные вилязи и Бояре, которые хранили его жизнь и служили примѣромъ мужества для прочихъ. Мы знаемъ, сколь Владиміръ уважалъ и любилъ ихъ. Дружина Игоревы и по смерти Князя носила на себѣ его имя. Подъ симъ общимъ названіемъ разумѣлись иногда и молодые опытные воины, Опроки, Гривни, которые служили при Князѣ: первые считались знаменитѣе вторыхъ⁴⁵⁸. Главные Воеводы имѣли также своихъ Опроковъ, какъ Свенбльдъ, Воевода Игоревъ. — Варяги до самыхъ временъ Ярославовыхъ были въ Россіи особеннымъ войскомъ: они и Гривни,

или *Мехники*, брали изъ казны жалованье; другіе участвовали только въ добычѣ⁴⁵⁹.

Народы, изъ коихъ сошпавилось Государство Россійское, и до пришествія Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень образованія: ибо самыя грубые Древяне жили отчасти въ городахъ; самыя Вяичи и Радимичи, варвары по описанію Несторову, издревле занимались хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внешней; но мы не имѣемъ никакого историческаго объ ней свѣдѣнія. Первыя извѣстія о нашемъ древнемъ купечествѣ относятся уже ко временамъ Варяжскихъ Князей: договоры ихъ съ Греками свидѣтельствуютъ, что въ X вѣкѣ жило множество Россіянъ въ Царѣградѣ, которые продавали тамъ невольниковъ и покупали всякія шкани. Звѣриная ловля и пчеловодство доставляли имъ множество воску, меду и драгоценныхъ мѣховъ, бывшихъ, вмѣстѣ съ невольниками, главнымъ предметомъ ихъ торговли. Конспантинъ Багрянородный пишетъ, что въ Хазарію и въ Россію шли тогда изъ Царяграда пурпуръ, богатая одежда, сукна, сафьянъ, перецъ: къ симъ поварамъ, по извѣстію Нестора, можно прибавить вино и пло-

Торговля.

ды⁴⁶⁰. Ежегодное путешествіе Россійскихъ купцевъ въ Грецію описывается Константинъ слѣдующимъ образомъ: »Суда ихъ »приходящъ въ Царьградъ изъ Новгорода, »Смоленска, Любеча, Чернигова и Выше- »города; подвластные Россамъ Славяне, »Кривичи, Лучане и другіе, зимою рубящъ »лѣсъ на горахъ своихъ и строящъ лодки, »называемыя *исвоѹла*: ибо онѣ дѣлаются »изъ одного дерева. По вскрытіи Днѣпра »Славяне приплывающъ въ Кіевъ и про- »дающъ оныя Россіянамъ, кошорые дѣ- »лающъ уключины и весла изъ старыхъ »лодокъ. Въ Апрѣль мѣсяцъ собирается »весь Россійскій флотъ въ городкѣ Виши- »чевѣ, откуда идетъ уже къ порогамъ. »Дошедши до четвертаго и самаго опасна- »го, то есть, *Неясытя*, купцы выгру- »жающъ товары и везутъ скованныхъ »невольниковъ около 6000 шаговъ бере- »гомъ. Печенѣги ожидающъ ихъ обыкно- »венно за порогами, близъ такъ называе- »маго *Крарійскаго перевоза* (гдѣ Херсонцы, »возвращаясь изъ Россіи, переправляются »черезъ Днѣпръ): опразивъ сихъ разбой- »никовъ, и доплывъ до острова Св. Гри- »горія, Россіяне приносятъ богамъ своимъ »жертву благодарности, и до самой рѣки »Селины, копорая есть рукавъ Дуная, не

»встрѣчающъ уже никакой опасности; »но памъ, ежели въпрямъ прибьещъ суда »ихъ къ берегу, они снова должны сра- »жаться съ Печенѣгами, и наконецъ, ми- »новавъ Конопу, Констанцію, также успѣе »Болгарскихъ рѣкъ, Варны и Дицины, до- »спигающъ Месимври, перваго Греческа- »го города⁴⁶¹.« Сія торговля безъ сомнѣ- »нія весьма обогащала Россіянъ, когда она для ея выгодъ опваживались на столько опасностей и трудовъ, и когда она была предметомъ всякаго ихъ мирнаго договора съ Имперією. — Они ходили на судахъ не только въ Болгарію, въ Грецію, Хазарію или Тавриду, но, если върять Константину, и въ самую ошдаленную Сирію⁴⁶²: Черное море, покрытое ихъ кораблями, или, справедливѣе сказать, лодками, было названо *Русскимъ*⁴⁶³. Но Цареградскіе купцы едва ли ѣздили чрезъ пороги Днѣпровскіе; одни, кажется, Херсонцы торговали въ Кіевѣ.

Печенѣги, всегдашніе грабители нашего древняго опечества, имѣли съ нимъ также и мирныя торговыя связи. Будучи народомъ кочующимъ и скоповоднымъ, подобно нынѣшнимъ Киргизамъ и Калмыкамъ, они продавали Россіянамъ множе- ство Азіатскихъ коней, овецъ и быковъ;

но Колешаншинъ къ сему извѣстію прибавляешь явную ложь, сказывая, что въ Россіи не было прежде ни лошадей, ни скопа рогагаго. — Волжскіе Болгары, по сказанію Эбнъ-Гаукаля, Арабскаго Географа X вѣка, доспавали опъ насъ шкуры черныхъ куницъ или Скиоскихъ соболей; но сами не вѣздили въ Россію, будто бы для того, что въ ней убивали всѣхъ иноземцевъ⁴⁶⁴.

О торговлѣ древнихъ Россіянъ съ народами сѣверными находимъ любопытныя и достоверныя извѣстія въ Скандинавскихъ и Нѣмецкихъ Лѣтописцахъ. Средопочіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со времени Рюриковыхъ поселились многіе Варяги, дѣлшельные въ морскомъ грабежѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы покупали драгоценныя шкани, домовые приборы, Царскія одежды, шипыя золотомъ, и мягкую рухлядь. Первые не могли бытъ собственнымъ рукодѣліемъ нашихъ предковъ: вѣроятно, что они покупали сіи богатыя одежды и шкани въ Царѣградѣ, куда, по сказанію Несторову, вѣзжали Новгородцы еще въ Олеговы времена. Въ славной Виннешѣ и другихъ Балтійскихъ городахъ находились купцы Россійскіе. Мы знаемъ, что Ливонія зависѣла опъ Владиміра: тамъ

ежегодно бывали многояудныя ярмонки, собирались весною Норвежскіе и другіе купцы, покунами невольниковъ, мѣха и возвращались въ отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатствомъ на Сѣверѣ, что Лѣтописцы сего времени обыкновенно называютъ Россію спраною *изобильною вѣстли благами, omnibus bonis affluentem*⁴⁶⁵.

Вѣроятно, что Великіе Князья, слѣдуя примѣру Скандинавскихъ Владѣтелей, сами участвовали въ выгодахъ народной торговли для умноженія своихъ доходовъ. Государственна подашь въ IX и X вѣкѣ состояла у насъ болѣе въ *вещахъ*, нежели въ *деньгахъ*. Изъ разныхъ обласпей Россіи ходили въ столицу обозы съ *медомъ* и *шкурами*, или съ оброкомъ Княжескимъ — что называлось: *возить повозъ*. Слѣдственно казна изобиловала *товарами* и могла оппускать ихъ въ чужія земли⁴⁶⁶.

Россіане, подобно Норманамъ, соединяли торговлю съ грабежемъ. Извѣстно, что они славились морскими разболами въ окрестностяхъ Меларскаго озера, и что желѣзныя цѣпи при Спокзундѣ (гдѣ нынѣ Спокгольмъ) не могли ихъ удерживать⁴⁶⁷. Требованіе Грековъ въ договорѣ съ Игоремъ, чтобы всѣ мореходцы Россійскіе

предъявляли отъ своего Князя письменное свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: шу, кажется, что нѣкоторые Россіяне подъ видомъ купечества выѣзжали грабить на Черное море, а послѣ вмѣстѣ съ другими приходили свободно торговать въ Царьградъ. Надобно было сплотивъ истинныхъ купцевъ отъ разбойниковъ.

Пышность и роскошь. Счастливыя войны и торговля Россіянъ, служивъ къ обогащенію народа, должны были, въ печеніе спасть и болѣе, произвѣсти нѣкоторую роскошь, прежде неизвѣстную. Узнавъ пышность Двора Константинопольскаго, Великіе Князья хотѣли подражать ему: не только сами они, но и супруги ихъ, дѣти, родственники, имѣли своихъ особенныхъ придворныхъ чиновниковъ⁴⁶⁸. Не рѣдко Послы Россійскіе, именемъ Государя, требовали въ даръ отъ Грековъ Царской одежды и вѣнцевъ: чего Императоры, желая отличиться отъ варваровъ хоща украшеніями драгоценными, не любили давать имъ, увѣряя, что сіи порфиры и короны сдѣланы руками Ангеловъ и должны бытъ всегда хранимы въ Софійской церкви. Другъ Владиміра, объѣдая у Князя, ѣли *сере-*

бряными ложками. Медъ, древнее любимое питье всѣхъ народовъ Славянскихъ, былъ еще душою славныхъ пировъ его; но Кіевляне въ Олеговы времена уже имѣли вина Греческія и вкусныя плоды теплыхъ климатовъ. Перець Индійскій служилъ приправою для ихъ трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоценные поясы, сафьянные сапоги⁴⁶⁹, и проч.

Города сего времени ошѣщивали уже состоянію народа избыточнаго. Нѣмецкій Лѣтописецъ Дитмаръ, современникъ Владиміровъ, увѣряетъ, что въ Кіевѣ, *великомъ градѣ*, находилось тогда 400 церквей, созданныхъ усердіемъ новообращенныхъ Христіанъ, и восемь большихъ торговыхъ площадей. Адамъ Бременскій именуесть оный *главнымъ украшеніемъ Россіи* и даже *вторымъ Константинополемъ*⁴⁷⁰. Сей городъ до XI вѣка споялъ весь на высокомъ берегу Днѣпровскомъ: мѣсто нынѣшняго Подола было въ Ольгино время еще залито водою⁴⁷¹. Смоленскъ, Черниговъ, Любечъ имѣли сообщеніе съ Греціею. Императоръ Константинъ, несправедливо называя Новгородъ столицею Великаго Князя Святослава, дасть по крайней мѣрѣ знать,

что сей городъ былъ уже знаменитъ въ X вѣкѣ.

Народъ торговый не можетъ обойтись безъ денегъ, или знаковъ, представляющихъ цѣну вещей. Но деньги не всегда бывающъ металломъ: донынѣ, вмѣсто ихъ, жили Мальдивскихъ острововъ употребляющъ раковины. Такъ и Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурами звѣрей, *куницы* и бѣлокъ: слово *кунь* означало деньги. Скоро неудобность носить съ собою цѣлыя шкуры для купли подала мысль замѣнить оныя *мордками* и другими *лоскутками*, куньими и бѣлыми⁴⁷². Надобно думать, что Правительство клеймило ихъ, и что граждане сначала обмѣнивали въ казнѣ сіи *лоскутки* на цѣлыя кожи. Однакожъ, зная цѣну серебра и золота, предки наши издревле добывали ихъ посредствомъ внешней торговли. Въ Олеговыхъ условіяхъ съ Имперіею сказано, что Грекъ, ударивъ мечемъ Россіянина, или Россіянинъ Грека, обязывался заплатить за вину 5 липръ *серебра*. Россіяне брали также въ Царьградѣ за каждаго невольника Греческаго 20 *золотниковъ*, п. е. Византійскихъ червонцевъ, *ноμισмъ* или *солидовъ*⁴⁷³. Нѣтъ сомнѣнія, что и внутри

Государства ходило серебро въ монетахъ: Радимичи вносили въ казну *цляги* или шиллинги, безъ сомнѣнія полученныя ими отъ Козаровъ⁴⁷⁴. Однакожъ мордки или кунь долгое время оспавались еще въ употребленіи: ибо малое количество золота и серебра не было доспащочно для всѣхъ торговыхъ оборотовъ и платежей народныхъ. Именемъ *гривны* означалось извѣстное число *кунь*, нѣкогда равное цѣною съ полуфунтомъ серебра; но сіи лоскутки, не имѣя никакого существеннаго достоинства, въ теченіе времени болѣе и болѣе унижались въ отношеніи къ металламъ, такъ, что въ XIII вѣкѣ гривна серебра содержала въ себѣ уже семь гривенъ Новгородскими кунями⁴⁷⁵.

Успѣхи разума и способностей его, не-^{успѣ-}обходимое слѣдствіе гражданскаго состоя-^{хн раз-}нія людей, были ускорены въ Россіи Хри-^{ума.}стіанскою Вѣрою. Волхвы славились при Олегѣ гаданіемъ будущаго: вотъ древнѣйшіе мудрецы нашего опечесства! Наука ихъ состояла или въ обманахъ или въ заблужденіяхъ. Народъ, погруженный въ невѣжество, считалъ дѣйствіемъ сверхъестественнаго знанія всякую догадку ума, всякое отпѣнно счастливое предпріятіе, и называлъ Олега *вѣщимъ*, ибо сей велико-

душный, смѣлый Князь возвратился съ сокровищами изъ Конспанпинополя. Любопытство, сродное человѣку, писалось историческими сказками и преданіями, украшенными вымысломъ. Въ сказкѣ о хитроспяхъ Ольгиныхъ видимъ нѣкошорое остроуміе. Пословицы народныя: *погибоша аки Обри — бѣда аки въ Роднѣ — Пищанцы воля хвоста бѣгаютъ*⁴⁷⁶, и конечно многія другія, хранили также память важныхъ случаевъ. Въ государственныхъ договорахъ Великихъ Князей находимъ выраженія, которыя дають намъ понятіе о тогдашнемъ краснорѣчій Россіянъ; наприкладъ: *дондеже солнце сіяетъ и мръ стоитъ — да не защитятся щиты своими — да будемъ золоти аки золото*, и проч. Крашкая сильная рѣчь Свяшослава естъ досшойный памятникъ сего Героя. Но времена Владиміровы были началомъ истиннаго народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Скандинавы въ IX вѣкѣ знали упопребленіе Руническихъ буквъ; однакожь мы не имѣемъ никакихъ основательныхъ причинъ думать, чшобы они сообщили его и Россіянамъ. Руны, какъ мы выше замѣтили, недоспащочны для выраженія многихъ звуковъ языка Славянскаго. Хотя

Кирилловскія письма могли бытъ извѣсны въ Россіи еще до временъ Владиміровыхъ (ибо самыя первые Христіане Кіевскіе имѣли нужду въ книгахъ для церковнаго служенія), но число грамотныхъ людей было конечно не велико: Владиміръ умножилъ оное заведеніемъ народныхъ училищъ, чшобы доставить Церкви Пастырей и Священниковъ, разумѣющихъ книжное писаніе, и такимъ образомъ открылъ Россіянамъ путь къ наукѣ и свѣдѣніямъ, которыя посредствомъ грамоты изъ вѣка въ вѣкъ сообщаются....

Здѣсь должно опвѣщпвовашъ на вопросъ любопытный: какія Священныя книги были тогда упопребляемы Христіанами Россійскими? шѣ ли самыя, которыми донинѣ пользуешся наша Церковь, или *инаго, древнѣшаго перевода*? Сличивъ рукописныя харашейныя Евангелія XII вѣка и разныя мѣста Св. Писанія, приводимыя Неспоромъ въ лѣпописи, съ печашною Московскою или Кіевскою Библиею, всякой увѣришся, чшю Россіяне XI и XII столѣтія имѣли шопѣ же переводъ ея⁴⁷⁷. Мы знаемъ, чшю она нѣсколько разъ была исправляема: при Конспаншинѣ, Волинскомъ Князѣ, въ XVI вѣкѣ; при Царѣ

Алексіи Михайловичъ, Петрѣ Великомъ и Елисаветѣ Пешровнѣ; однакожь, не смотря на многократное исправленіе, состоящее единственно въ опмѣнѣ нѣкопрыхъ словъ, сей переводъ сохранилъ, такъ сказать, свой начальный, особенный характеръ, и люди ученые справедливо признающъ оный древнѣйшимъ памятникомъ языка Славянскаго⁴⁷⁸. Библия Чешская или Богемская переведена съ Латинской Иеронимовой въ XIII или XIV вѣкѣ; Польская, Краинская, Лаузицкая, еще гораздо новѣе.

Слѣдуетъ другой вопросъ: когда же и гдѣ переведена наша Библия? при Великомъ ли Князѣ Владимірѣ, какъ сказано въ любопытномъ предисловіи Оспрожской печатной⁴⁷⁹, или она есть безсмертный плодъ трудовъ Кирилла и Меодія? Второе гораздо вѣроятнѣе: ибо Неспоръ, почти современникъ Владиміровъ, ко славѣ опечесства не умолчалъ бы о новомъ Россійскомъ переводѣ ея; но сказавъ: *симъ бо первая преложены книги* (т. е. Библия) *въ Моравѣ, яже прозвася грамота Словенская, еже грамота есть въ Руси*⁴⁸⁰, онъ ясно даетъ знать, что Россійскіе Христіане пользовались трудомъ Кирилла и Меодія. Сіи два брата и помощники ихъ

основали правила книжнаго языка Славянскаго на Греческой Грамматикѣ, обогатили его новыми выраженіями и словами, держась нарѣчія своей родины, Фессалоники, шо есть Илирическаго или Сербскаго, въ коемъ и теперь видимъ сходство съ нашимъ Церковнымъ. Впрочемъ всѣ тогдашнія нарѣчія должныствовали мѣте нынѣшняго разниться между собою, будучи гораздо ближе къ своему общему источнику, и предки наши шѣмъ удобнѣе могли присвоить себѣ Моравскую Библию. Слогъ ея сдѣлался образцемъ для новѣйшихъ книгъ Христіанскихъ, и самъ Неспоръ подражалъ ему; но Русское особенное нарѣчіе сохранилось въ употребленіи, и съ того времени мы имѣли два языка, книжный и народный. Такимъ образомъ изъясняется разность въ языкѣ Славянской Библии и *Русской Правды* (изданной скоро послѣ Владиміра), Неспоровой лѣтописи и *Слова о полку Игоревѣ*, о коемъ будемъ говорить въ примѣчаніяхъ на Россійскую Словесность XII вѣка.

Нужнѣйшія Искусства механическія, Механически
равно какъ и Свободныя, были извѣстны
древнимъ Россіянамъ. И нынѣ селянинъ сво-
Русской дѣлаеть собственными руками бод-
почти все необходимое для его хозяйства: *УАО-

же- вь старину, когда люди менѣе сообщались
слова. другъ съ другомъ, они имѣли еще болѣе
нужды вь сей промышленности. Мужъ
обрабатывалъ землю, плетничалъ, спро-
илъ; жена прядла, ткала, шила, и всякое
семейство предспавляло вь кругу своемъ
дѣйствіе многихъ ремеслъ. Но основаніе
городовъ, торговля, роскошь, мало по ма-
лу образовали людей особенно искусныхъ
вь нѣкоторыхъ художествахъ: богатые
требовали вещей сдѣланныхъ удобнѣе и
лучше обыкновеннаго. Всѣ Нѣмецкіе Сла-
вяне торговали пологинами: Русскіе из-
древле ткали холсты и сукна; умѣли
также выдѣлывать кожи, и сіи ремеслен-
ники назывались *усларями*⁴⁸¹. Народъ со-
спавленный изъ воиновъ, хлѣбопашцевъ
и звѣролововъ, безъ сомнѣнія пользовался
искусствомъ ковать желѣзо: что утвер-
ждается самою Неспоровою сказкою о
мечахъ, будто бы предложенныхъ Кіевля-
нами вь дань Козарамъ. — Христіанская
Вѣра способствовала дальнѣйшимъ успѣ-
хамъ зодчества вь Россіи. Владиміръ на-
чалъ спростить великолѣпныя церкви, и
призвалъ художниковъ Греческихъ; одна-
кожь и вь языческія времена были уже
каменныя зданія вь столицѣ: на примѣръ,
Ольгинъ шеремъ. Спѣсны и башни слу-

жили для городовъ не только защиною,
но и самымъ украшеніемъ⁴⁸². Вѣроятно,
что и тогдашнія деревенскія избы были
подобны нынѣшнимъ; а горожане имѣли
высокіе дома, и занимали обыкновенно
верхнее жильѣ, оставляя низъ, можешъ
быть, для погребовъ, кладовыхъ, и проч.
Кльти, или горницы, съ обѣихъ споронъ
дома раздѣлялись *полмостоми* или сѣнми;
спальни назывались *одринами*. На дворахъ
спростились вышки для голубей: ибо Рос-
сіяне искони любили сихъ птицъ⁴⁸³. —
Неспорово описаніе Перунова испукана
свидѣтельствуетъ о рѣзномъ и плавиль-
номъ искусствѣ нашихъ предковъ. Вѣ-
роятно, что они знали и живопись, хо-
тя грубую. Владиміръ украсилъ Грече-
скими образами одну Десятичную цер-
ковь: иконы другихъ храмовъ были, какъ
надобно думать, писаны вь Кіевѣ. Грече-
скіе художники могли выучить Русскихъ.
— Трубы воинскія, коихъ звукъ ободрялъ
Героевъ Святославовыхъ вь жаркихъ би-
твахъ, доказываютъ древнюю любовь
Россіянъ къ искусству музыкѣйскому.

Что касается общенно до нравовъ
сего времени, то они представляють
намъ смѣсь варварства съ добродушіемъ,
свойственную вѣкамъ невѣжества. Россія-
Нравъ

не IX и X вѣка славились на войнѣ корысполюбіемъ и свирѣпостію; но Императоры Византійскіе вѣрили имъ какъ честнымъ людямъ въ мирныхъ договорахъ, позволяя себѣ, кажется, обманывать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ: ибо Неспоръ называетъ Грековъ коварными⁴⁸⁴. Мы видѣли грабежъ, убійства и злодѣянія внупри Государства: еще болѣе увидимъ ихъ; но чѣмъ же инымъ богата Исторія Европы въ среднихъ вѣкахъ? Одно просвѣщеніе долговременное смягчаетъ сердца людей: купъль Христіанская, освятивъ душу Владиміра, не могла вдругъ очистишь народныхъ нравовъ. Онъ боялся, по челоуѣколюбію, казнишь злодѣевъ, и злодѣйства умножились.... Государство, основанное на завоеваніяхъ, уже доказываетъ необыкновенную храбрость народа: она была добродѣтелию нашихъ предковъ, и слово любимаго Вождя: *станемъ крѣпко, не посрамимъ земли Русскія*, вселяло въ нихъ рѣшительность побѣдишь или умереть. Самыя жены ихъ не робѣли смерти въ битвахъ⁴⁸⁵. — Дома, и въ мирное время, они любили веселиться: Владиміръ, желая казаться другомъ народа своего, давалъ ему пиры, и сказалъ Магометанскимъ Болгарамъ: *Руси есть*

*веселіе пити*⁴⁸⁶. Между доспомянутыми чертами древнихъ Русскихъ нравовъ замѣшимъ также ошмѣнное уваженіе къ старцамъ: Владиміръ слушался ихъ совѣта; въ гражданскихъ вѣчахъ они имѣли первенство⁴⁸⁷. Наконецъ сей народъ, еще грубый, необразованный, умѣлъ любить своихъ добрыхъ Государей: плакалъ надъ тѣломъ Великаго Олега, мудрой Ольги, Св. Владиміра, и попомощву своему оставилъ примѣръ благодарности, копорый дѣлаетъ честь имени Русскому.

Конецъ I Тома.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ I ТОМУ

ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

(1) Сія мнимая Орфеева Поэма состоить изъ 1373 стиховъ. См. ея географическое изъясненіе въ Манперш. Geographie der Griechen und Römer, T. IV, стр. 27 и слѣд.

(2) См. Одис. XI, 13.

(3) Нынешніе Греки и Турки называютъ его также *Мхуро Эдигиза*, Kara Degniz или Denghiz (Баер. *Opuscula, de Cimmeriis* стр. 127).

(4) Поппъ Эвксинскій (или Черное море) назывался прежде *Аѳево*, то есть *негостеприимный*; а послѣ дали ему имя *Евѳево*, то есть *гостеприимного* (Страбон. *Geographia cum notis Casauboni*, изд. Амстердамское, кн. VII, стр. 458). — Греки именовали сперва Гипербореями всѣхъ людей жившихъ за Тракіею, откуда вѣялъ къ нимъ сѣверный вѣтеръ (см. Манперш. *Geographie der Griechen*, T. IV, стр. 48); а послѣ Спихопворцы въ воображеніи своемъ опцданили сихъ минмосчастливыхъ смертныхъ — коихъ Гомеръ въ Иліадѣ называетъ Авіями, а мнимый Орфей Макровіями — къ самымъ полуночнымъ границамъ міра, гдѣ возвышаются Рифейскія горы, подобно Гипербореямъ баснословныя (см. Страбона кн. VII, стр. 452; 458): ибо сомнительно, чтобы Греки разумѣли подъ симъ именемъ наши Уральскія горы, какъ думалъ Герберштейнъ, а за нимъ Штраменбергъ и другіе Географы. Помпоній Мела, Плиній, Солипъ, такимъ образомъ говорятъ о славныхъ Гипербореяхъ: «Земля у нихъ плодоносная, воздухъ чистый и благораспоренный. Они живутъ долге и счастливые всѣхъ иныхъ людей: ибо не знаютъ болѣзней, ни злобы, ни войны, ни проводятъ дни свои въ невниной, безпечной веселости и въ гордомъ спокойствіи. Жилища ихъ суть прекрасныя лѣса и дубравы, а плоды древесныя слушаютъ имъ пищею; они умираютъ равнодушно и единственно тогда, какъ жизнь уже шерлетъ для нихъ все прелестно: даютъ ширь друзьямъ и родственникамъ; украшаютъ вѣнками свою голову и бросаются въ волны морскія.» Сіе описаніе, основанное на ба-

спослови Грековъ, пльнило воображеніе нѣкопорыхъ ученыхъ мужей Сѣвера, и всякой изъ нихъ хотѣлъ быль единоземцемъ счастливыхъ Гипербореевъ. Олавъ или Олофъ Верелій, Шведскій Профессоръ, доказывалъ, что Гиперборси обитали въ его опечествѣ. Рудбекъ, также Шведъ, утверждалъ, что самое имя ихъ есть Скадинавское: *Yfverboron*, люди *высокаго роду* (*Atlantica*, Т. I, стр. 367). Торфѣй хотѣлъ обратиться Норвегію въ справу Гиперборейскую. Мы, Русскіе, могли бы также объявить права свои на сію несть и славу! — Петербургскіе Академики, Баеръ и Фишеръ, писали о Гипсборсяхъ. Любопытныя найдуть еще въ *Mém. de l'Acad. des Inscr.* Т. X, стр. 176 и 198, два разсужденія о томъ же предметѣ.

(5) См. о городѣ Ольвіи Страбон. *Geograph.* стр. 470 и Діона Хризостома *Orat. Borysthen.* Не давно, по разнымъ памяшникамъ, открытымъ въ земль, узнали мы его мѣсто: на Бугскомъ Лиманѣ, близъ деревни Ильинской, принадлежащей Графу Куселеву. Діодоръ Сицилійскій (XII, 31) сказываетъ, что въ теченіе 85 Олимпіады (кошорая началась за 440 лѣтъ до Рождества Христова) Воспорское Царство уже существовало. Г. Келеръ издалъ описаніе двухъ статуи, посвященныхъ Воспорскою Царицею Комосаріею богинямъ Пергесъ и Аспаръ лѣтъ за 200 до Р. X. и найденныхъ въ Таврической Губерніи (см. *Dissertation sur le monument de la Reine Comosarie* и *Москов. Учен. Вѣдомости*, 1805, No 28). — См. о Херсонѣ Страбона *Geogr.* стр. 474.

(6) Киммеріанс, изгнанные Скивами (за 650 лѣтъ до Р. X.) удалились опчастн въ Малую Азію, опчастн въ Германію, опкуда они чрезъ нѣсколько вѣковъ, подъ именемъ Цимбровъ, ворвались въ Римскія владѣнія. Сіе мнѣніе есть общее; но Гашпереръ думаетъ, что Цимбры, побѣжденные Маріемъ, за 114 лѣтъ до Р. X. вышли прямо изъ Крыма, будучи снова выптсены Скивами: см. *Commentationes Societatis Scientiarum Gottingensis*, Т. XII, стр. 146. — Геродотъ пишетъ (кн. IV), что въ его время были еще въ Ски-

віи *Киммерійскія степи*, *Киммерійскій проливъ* и страна *Киммерія*.

(7) Геродотъ пишетъ, что Скивы, извѣстные Персамъ подъ именемъ Саковъ, сами себя называли Сколопами. Баеръ доказываетъ, что Геродотовъ Аракъ есть Волга (*Opuscula*, стр. 68 — 71). О Скивахъ въ южной Азіи см. Діодора Сиц. кн. II.

(8) Герод. кн. IV.

(9) См. Страбон. *Geograph.* стр. 474. Геродотъ измѣрлетъ такъ называемыми *Олимпійскими* стадіями: въ каждой изъ нихъ считалось 600 Греческихъ или 569 Парижскихъ фузовъ (см. *Commentationes Societ. Scient. Gottingensis*, Т. II, стр. 123).

(10) Гашпереръ подъ именемъ Иркоть разуметъ Аорсовъ; но Помпій Мела и Плиній, слѣдуя Геродоту въ описаніи народовъ сѣверныхъ, называютъ ихъ Турками.

(11) Агриппен разсказывали еще о другихъ людяхъ съ козьими ногами, а Исседоны о Циклопахъ - Аримаспахъ. О Сибир. рудникахъ см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 76.

(12) См. Геродота, кн. I, въ концѣ. Тогда была у Массagetовъ Царица Томира или Томирисъ.

(13) Извѣстно, что Донъ въ Тульской Губерніи дѣйствительно вытекаетъ изъ Ивановскаго озера: чего Страбонъ и другіе повѣйшіе Географы не знали.

(14) Баеров. *Opuscula*, стр. 215—217.

(15) Герод. кн. IV.

(16) Трога Помпея, сокращеннаго Юстиниомъ.

(17) Страбонъ пишетъ, что Воспорскій Царь Парисадъ добровольно поддался Мипридаму. О побѣдахъ Александра Великаго см. Арріана. Геродотъ называетъ Геповъ *бессмертными*, ибо они вѣрили, что смерть переводитъ человека въ другую жизнь. Римляне обыкновенно именовали ихъ Даками. Они по смерти Берениста начали утѣснять Геповъ; но въ царствованіе Домиціана явился въ Дакии новый Герой Децебалъ, который принялъ къ себѣ многихъ Римскихъ воиновъ, основалъ крѣпости, и старался обра-

зовашь народъ свой. Счастливый во всѣхъ воинскихъ предпріятіяхъ до времяъ Траяна, Денебалъ успу- пилъ наконецъ побѣду сему знаменитому Имперашо- ру, и гиушаясь рабствомъ, умертвилъ себя добро- вольно (см. Діона Кас. LXVIII, 14). Въ Страбоново время Даки еще имѣли до 40,000 воиновъ.

(18) Діона Хризост. Orat. Boristh.

(19) Вошь слова Діодорovy (кн. II) по Латинскому переводу: Hi (Sauromatae) multis post annis numero et viribus aucti, magnam Scythiae partem devastarunt, etc. Географы первыхъ вѣковъ все еще твердили о Каллипидахъ и другихъ Скиѣскихъ народахъ, повпо- ря Геродотовы извѣстія о Черноморской Скиѣи, и мѣняла ихъ съ повѣйшими, по естѣ, бывшее съ на- сполнчимъ. См. Плинія (IV, 25).

(20) Тунман. Gesch. der Völker am Schwarz. Meere, стр. 10, также Машерри. Geogr. IV, 139. Тацшъ импе- нуешъ Роксоланъ Сарматами (кн. I. § 79), а не Германцами, какъ желаетъ доказашь Гашпереръ. Къ сему приба- вимъ еще два обстоятельство: 1) Спрабонъ гово- ритъ, что Роксолане жили на колесницахъ (въ ки- биткахъ), подобно Сарматскимъ и другимъ Азіат- скимъ народамъ (кн. VII); 2) Язиги въ договоръ съ Римлянами претовали для себя невозвратнаго сообще- нія съ Роксоланами (см. Діона Касс. кн. LXXI): чѣмъ также подтверждается ихъ народное братство. Пом- пошій Мела пишетъ, что Сарматы раздѣлялись на множество племенъ (una gens, aliquot populi et aliquot nomina), изъ коихъ всякое имѣло особенное имя свое, но всѣ говорили однимъ языкомъ: какииъ? не знаемъ, вопреки Тацшцеву, который безпрестанно подкуешъ намъ слова *Сарматскія*, воображала, что сей языкъ и Финекій естѣ одинъ. — Геродотъ (кн. IV) разска- зываетъ, что Савроматы произошли отъ смѣшенія Амазонь съ юношами Скиѣскими: попому жены первыхъ всегда ходили воевалъ вмѣстѣ съ мужьями, и всякая дѣвица долженствовала убить непріятеля прежде своего супружества. Плиній называетъ Сар- матовъ народомъ Мидійскимъ. Гашпереръ ясно дока-

зываетъ, что они пришли изъ Азіи въ Европу лѣтъ за 80 до Р. X. (см. Comment. Societ. Scient. Gottin- gensis, T. XII, 157—159).

Обширная Птолемеева Сарматія, изображаемая на всѣхъ картахъ древняго міра, дѣйствительно суще- ствовала только, но выраженію ученаго Тунмана (Gesch. der Ost. Völk. 12) въ головѣ сего Алексан- дрійскаго Математика и Географа. Впрочемъ Пто- лемеею не хотѣлось разстаться съ именемъ Скиѣи, которос со времяъ Геродотовыхъ было въ общемъ употребленіи: и для того онъ сохранилъ оную въ своемъ землеописаніи, назначивъ ей предѣлы всю страну отъ сѣверо-восточныхъ береговъ моря Кас- пійскаго до Имал (Альпійскихъ горъ въ Тобольской Губерніи, какъ думающъ), и далѣе къ Серикъ или къ границамъ Китайскимъ.

(21) Паниія кн. IV, гл. 12. Греки и Римляне назы- вали ихъ *Метанастали* или *переселенцами*. Птоле- мей говоритъ во впоромъ вѣкъ о Язигахъ Меопис- скихъ (Cl. Ptol. Geographia, кн. III).

(22) Діона Хр. Orat. Boristh.

(23) Штрипл. Memor. populorum, IV, 352, и Тун- мана Gesch. der Ostl. Völk. стр. 17. Діонисій Ха- ракскій упоминаешъ объ Аланахъ еще въ первомъ вѣкъ, называя ихъ сильнымъ народомъ и богатымъ кошми, обитающимъ отъ нынѣшняго Кишбурна на Сѣверъ между Дономъ и Днѣпромъ, въ соседствѣ съ Роксоланами, *единоплеменными* съ ними, по сказанію Плинія (кн. IV, 25). Моисей Хоренскій полагаетъ Аланъ близъ Кавказа. Всѣхъ подробнѣе говоритъ объ нихъ Амміанъ Марцеллинъ, Историкъ IV вѣка (кн. XXXI, гл. 2). — Проконій Кес. называетъ Аланъ Готѣскимъ народомъ. Дегинъ думаетъ (см. Histoire des Huns), что Алане обитали некогда среди горъ Уральскихъ, и что названіе ихъ произошло отъ слова *Аланъ*, которое означаетъ гору.

(24) Объ нихъ говорятъ Спрабонъ, Плиній, Та- цшъ (см. Тунмана Gesch. der Ostl. Völk. 17—20).

(25) Дакиосъ составляли Молдавія, Валахія, Трансиль-

лания, даже часть Венгрии и Баннаты Темесварский (см. Манперш. Geographie, IV, 172). — О Готвах см. Шпринг. Memor. popul. I, 37—240. — Утверждаютъ, что Готы жили некогда въ Скниии на Черномъ морѣ, имѣли участіе въ войнахъ Мипридапа, и побѣжденные Легіонами Республики (уже во время Траяново, какъ думаетъ Далинъ) искали убѣжища въ странахъ полуночныхъ, съ вождемъ своимъ *Одиномъ*, который оружіемъ и мудростію покорилъ себѣ значную часть Сѣвера и вселилъ въ народы его ненависть къ Риму. Въ одной Греческой, такъ называемой *Пасхальной летописи* дѣйствительно сказано, что Траянъ въ 106 году воевалъ съ Персами и Готами: слѣдственно послѣдніе обитали тогда близъ Персіи? Но Готы въ прешьемъ вѣкъ пришли въ Дакію изъ Скандинавіи, какъ пишетъ ихъ Историкъ VI столѣтія, Юриандъ (см. его сочиненіе de rebus Geticis, Гамбург. изд. 1611 года, стр. 83). Еще вѣка за три до Христіанскаго лѣтосчисленія славный Пнѣасъ, Марсельскій уроженецъ, имѣвъ случай видѣть опдаленныя сѣверныя земли, въ окрестностяхъ моря Бальтійскаго нашелъ Готѣвъ, которыхъ онъ и Плиній называютъ Гупшонами, Тацнцъ Гопионами, Птолемей Гипионами. Впрочемъ Пнѣасъ слылъ великимъ лжецомъ, ибо хотѣлъ увѣришь современниковъ, что на Сѣверѣ Европы нѣтъ уже ни земли, ни моря, ни воздуха, и стихіи, перемѣшанныя между собою, образуютъ какое-то непроницаемое вещество (см. Страбона, стр. 163). По его словамъ, онъ доѣзжалъ опъ Испанію до рѣки Дона и полуночнаго острова *Туле* за Бришанніею. Что касается до Исторіи Одина, Скандинавскаго Магомета, то она принадлежитъ вообще болѣе къ баснословію Скальдовъ, нежели къ достоверной Исторіи. По сказанію *Эдды*, опъ вышелъ изъ Азгарда; а какъ Страбонъ упоминаетъ о Скнскомъ народѣ Азіяхъ (стр. 779), извѣстныхъ также Плинію и Птолемейю, то Сѣверные Повѣствователи (см. Спурлез. Hist. Reg. Sept. I, стр. 2) безъ всякаго сомнѣнія выводилъ Одина изъ окрестностей

Дона. Нѣкоторые увѣрепы даже, что баснословный Азгардъ есть нашъ Азовъ. Малешъ говоришь (Histoire de Dannemarc, I, 54), что древнее Кельтское слово *Аз* знаменовало *Господина* и *Бога*: можетъ быть, Исландскіе Стихотворцы хотѣли сказать полько, что Одиинъ родился въ *странѣ боговъ*.

(26) См. Memor. popul. I, 42. — Юриандъ (de rebus Geticis стр. 103) говоритъ, что Готѣамъ повнповались и *Меря* и *Мордва*, Merens, Mordens. Лишней пишетъ, что многія огородныя травы, растуція единственно на степяхъ Азіатской Россіи, сдѣлались извѣстны въ Европѣ тогда, какъ Готы заняли Испанію. (См. Шлецер. Probe Russ. Annal. стр. 45).

(27) Скандинавы издревле называли *Эстландіею* весь восточный берега моря Бальтійскаго (см. Далина Gesch. des Schwedisch. Reichs, I, 297) опъ устья Вислы до залива Финскаго.

Юриандъ de rebus Geticis, стр. 103: «Побѣдивъ Геруловъ» (обитавшихъ въ сіе время еще при Бальтійскомъ морѣ) «Германрикъ пошелъ войною на Венетовъ, которые были въ дѣлѣ ратномъ не искусны, но многочисленны и старались сперва обороняться. Хопля Венеты, Анпы, Славяне, называются нынѣ сими тремя разными именами, однакожь происходятъ опъ одного племени. Теперь они за грѣхи наши вездѣ свирѣпствуютъ, но прежде всѣ повнповались Германриковой власти. Опъ также покорилъ Эстовъ на берегахъ Германскаго Океана», и проч.

(28) См. Геродота, кн. III, и Баера de nummo Rhodio въ его Opuscul. ad Historiam Antiquam, стр. 500. Зная единственно Адриатическихъ Венетовъ, Греки искали Эридана въ Италіи, и думали, что опъ есть рѣка По. Но Діодоръ Сицилійскій (кн. V) и Плиній (кн. XXXVII, гл. 2 и 3) ясно говорятъ, что лпшаръ собирается въ Сѣверной Европѣ, и что шамъ, а не въ Италіи, печетъ славная рѣка Эриданъ. Баертъ разумѣетъ подъ симъ именемъ Западную Двину (Opuscula, стр. 527, 528).

Нѣкоторые снпшяютъ Славянами и Венетовъ Ипа-

ліанскихъ, будто бы пришедшихъ съ Анпеноромъ изъ Фригійи послѣ разрушенія Трои, и говорящихъ: «Велены назывались и Генетами, коихъ имя безъ сомнѣнія произошло отъ Греческаго слова *Αἰώς*, *жизнь*» — см. Юрианда de reb. Get. гл. 29, и Павла Діак. de gest. Longobard. кн. II, гл. 14 — *жизнь* по же, что въ *слави*, отъ которой происходятъ имя Славянъ; и эпакъ Венеты были Славяне! Но Страбонъ, которому надлежало знать Италійскихъ Венетовъ, признаетъ ихъ (стр. 298) за одинъ народъ съ Белгическими Галлами-Венетами, побѣжденными Цесаремъ въ морскомъ сраженіи: *Nos ego Venetos (Белгическихъ) existimo Venetiarum in Adriatico sinu esse auctores.* — Гомерова Поэма сполн проslавила Троию, что всѣ народы хотѣли бытъ Троянами. Эпей вышелъ изъ Трои: Одинъ Скандинавскій также (см. предисловіе къ Исландской *Эддѣ*): сльдственно и Славянамъ надлежало данъ право гражданства въ Иліонѣ.

Донынѣ въ Германіи именемъ Вендовъ означаютъ Славянъ: думаютъ, что Нѣмцы назвали ихъ такъ отъ глагола *sich wenden*, *обращаться, переходить съ мѣста на мѣсто*. Финны и всѣхъ Русскихъ имену ютъ *Венналенами*.

(29) См. Шлецер. Nord. Gesch. 10—34, и Gesner. de Phoenicum navigationibus extra columnas Herculis. Въ Азии цвѣли уже государства, когда въ Европѣ жили одни дикіе люди. Кадму и Финикіянамъ, основавшимъ Кадикса, принадлежатъ честь и слава Европейскаго образованія. Мореходцы ихъ рода по при не возвращались въ отечество (см. Шлецер. Versuch einer Geschichte des Handels und der Schifffahrt in den ältesten Zeiten). Къ сожалѣнію, всѣ книги Финикійныя пропали, и только нѣкоторыя ихъ географическія свѣдѣнія дошли до насъ посредствомъ Грековъ. Спихошворецъ Ависъ говоритъ о путешествіи Карвагенца Имилькона въ сѣверную часть міра еще за 150 лѣтъ до Пинѳаса (см. Шпренгеля Gesch. der Entdeckungen стр. 57).

Янтарь и олово, привозимое Финикіянами изъ Бри-

таніи, были уже извѣстны Гомеру. Страбонъ (кн. III) рассказываетъ, что Финикійцы ходили къ островамъ Кассиперскимъ, или Британскимъ, для купан олова и янтаря снѣю торговлю отъ другихъ народовъ. — Однакожъ мы не хотимъ говорить утвердительно о непосредственноли сношеніи Венедовъ съ Финикіянами, которыми и Германцы, сосѣды первыхъ, могли до-сплавлять янтарь. Въ Тацитово время онъ шелъ един-спвенно изъ земли Эстовъ (Descr. German. XLV), куда въ царствованіе Нерона ѣздяъ для того одинъ Всадникъ Римскій (см. Плинія, кн. XXXVII, гл. 3). Сн Эсты были народомъ Германскимъ, называли ян-таря *Glesum* (*Glas*), и говорили языкомъ сходнымъ съ Британскимъ. Тунманъ заключаетъ (*Untersuchungen über d. ält. Gesch. Nordisch. Volk.* стр. 9) что они, завладевъ берегами Бальтійскими, припудили Венедовъ удалиться въ Липву, Россію, и проч. Гарш-кнохъ того же мнѣнія (*Alt-und Neues Preussen*, т. 1. стр. 10, 23). Онъ думаетъ, что имя Прусской Палавоніи (*Schalauen*), Вендена, Вицдау, Ушевенде въ Ливоніи и Курляндіи произошло отъ Славянъ и Венедовъ, которые жили тамъ прежде Эстовъ. Германскіе Эсты могли вмѣстѣ съ Готами переселиться въ Дакію.

Прибавимъ однакожъ, что нѣкоторые изъяснители древностей считаютъ не Пруссію, а Юпландію пою землею, гдѣ Финикійцы и Римляне искали янтаря: см. Шпренгеля *Gesch. der Entdeckun.* 51 и 114.

(30) Тацитъ Descr. Germ. XLI, Плинія кн. IV, гл. 13. Если вѣрить извѣстію Космографа Эника (*Aethici Cosmographia*, стр. 26 въ изд. 1685 года), то Юлій Цесарь посылалъ прехъ ученыхъ мужей для измѣренія міра и для его описанія: Зенодокса въ страны воспоцныя, Теодопа въ сѣверныя, Поликлита въ южныя. Эникъ жилъ послѣ времени Константина Великаго (см. Дю-Канж. *Constantinop. Christ.* I, 62).

(31) См. Птолемей Geograph. кн. III, стр. 73. Тунманъ (*Untersuch. ü. d. Gesch. nord. Volk.* стр. 9)

думаешь, что въ Птоломеево время уже не было Вешедовъ въ земляхъ приморскихъ. — Не ссылаемся на Пеупингерскую карту: ибо крайне сомнительно, чтобы она сочинена была въ III вѣкѣ, какъ прежде полагали Ученые, (см. Манперта въ его разсужденіи de Tabulae Peutingerianaе aetate). — Гаппереръ считаетъ Птоломеевыхъ Вешедовъ Нѣмцами, п. е. Вандалами, воображая, что Славяне назвались ихъ именемъ, занявъ послѣ берега моря Бальтійскаго (см. его Weltgesch. и Comment. Societ. Gottingensis, XII, 263).

Преторій (см. его Orb. Goth.) думалъ, что Бальтійское море получило имя свое отъ *блѣтыхъ* береговъ. *Балтасъ* значить на Латышскомъ языкѣ *блѣть*. Рыцари Нѣмецкаго Ордена, завоевавши Пруссію, назвали ея берега, гдѣ находился янтарь, *Vitlandieto*, или *Блѣюю землею* (Баер. Coniectura de nomine Balthici maris, въ Комент. С. Петербургск. Академіи, V, 359). Шенингъ говоритъ, что слово *Балтис* или *Белте* на древнемъ сѣверномъ языкѣ значить *поясъ*. Готы могли такъ назвать море свое, воображая, что оно какъ поясъ окружаетъ землю (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 24). Въ Плиніевой Исторіи уже находимъ имя сѣвернаго острова Бальтій: Птомаасъ называетъ его *Базилією*.

(32) «Мы должны — говоритъ ученый Гейне — искать древнѣйшихъ свидѣтельствъ о народѣ, и время ихъ считать первою эпохою бытія его для Исторіи. Гдѣ онъ былъ прежде? или откуда вышелъ? узнаемъ развѣ за предѣлами сего міра, extra anni solisque vias.»

Нѣкоторые Ученые (не говорю уже о Мавро-Урбинахъ, Ранцахъ и подобныхъ Историкахъ) доказываютъ, что Венеды-Славяне были Скиѣ. «Филиппъ Македонскій, по ихъ мнѣнію, разрушилъ Монархію Скиѣскую; изъ остатковъ ея, казешся, произошли другіе народы, а въ числѣ ихъ и Венеды: ибо нѣкоторые Скиѣскія имена, сохраненныя Историками, могутъ быть изъяснены языкомъ Славянъ» (см. Allg. Weltgesch. nach dem Plane Guthrie und Gray, T.

III, или въ Гебгарди Gesch. der Wenden, I, въ предисл. стр. 21). Но 1) Филиппъ не испребилъ Скиѣвъ: черезъ 250 лѣтъ по его кончинѣ они жили въ окрестностяхъ Чернаго моря, сражались съ Мипридашомъ, съ Римлянами и съ Гетлами. 2) Венеды еще до времени Филипповыхъ были уже извѣстны на берегахъ моря Бальтійскаго. 3) Нравы Вешедовъ, изображенные Тацитомъ, ни мало не сходствовали съ обычаями Скиѣвъ. 4) Слова языка Скиѣскаго, приводимыя Геродотомъ, такъ мало подходятъ къ Славянскимъ, что ими скорѣе можно доказать несходство сихъ двухъ языковъ.

(33) См. въ твореніяхъ Жебленевыхъ, sur la grammaire comparative, о связи Европейскихъ языковъ съ Восточными. — Сію вѣроятность Азіатскаго происхожденія всѣхъ народовъ подтверждаетъ славный Липпей замѣчаніемъ весьма любопытнымъ. Онъ говоритъ: «Первые люди, созданные Богомъ, жили между Тропиками: не только Св. Писаніе, но и самая природа человѣка свидѣтельствуетъ, что мы некогда существовали тамъ, гдѣ находимъ животнохъ безъ шерсти: слоновъ, носороговъ, Индійскихъ собакъ, и гдѣ *всегдашніе* древесные плоды служили ему вкусною и самою естественною пищею. Поппъ испребилъ людей, и ковчегъ Ноевъ, какъ сказано въ Св. Писаніи, остановился на горѣ Араратской, откуда цѣпь горъ идетъ къ Сибири и Ташаріи, странамъ *высокайшимъ*, изъ коихъ пекутъ многія рѣки въ море Ледовитое, Каспійское, Океанъ Восточный и во всѣ земли окружныя. Сіи мѣста должныствовали казаться Ноеву семейству лучшими и безопаснѣйшими для обитанія, и Богъ произвелъ тамъ хлѣбъ, которымъ болѣе всего питаются человѣкъ въ Тропикахъ, и который (что извѣстно Бопаникамъ) растетъ *дикій* въ одной Россіи восточной. Гейцельманъ наблюдалъ въ степяхъ Башкирскихъ пшеницу и ячмень. Жители Сибирскіе пекутъ хлѣбы изъ дикой ржи. Слѣдственно можно заключить, что Сибирь была первымъ отечествомъ Ноевыхъ потомковъ, и проч.

(см. Шлецер. Probe Russisch. Annal. стр. 45—46). Шлецеръ, напечатывъ сіе мѣсто изъ Линнеевой рукописной Диссертаціи, прибавляетъ: «Мысль новая и прекрасная! она разительнымъ образомъ доказываетъ пользу Естественной Исторіи для Исторіи народовъ.»

Аншонъ (см. его Versuch über der alten Slaven Ursprung) замѣчаетъ, что въ языкъ нашемъ есть имя слона, вельбюда, обезьяны, которыхъ нѣтъ въ Европѣ. Другіе считаютъ названія пѣкошорыхъ древнихъ городовъ въ Азій Славянскими: напримеръ, Смирны. Но это не доказательство, чтобы Славяне уже какъ народъ особенный существовали въ Азій.

(34) Для того назывались они *Галаксобіями*, пишетъ Мела, кн. II, стр. 39.

(35) См. Memor. popul. I, 452. Такъ описываетъ ихъ Аммианъ Марцелинъ (XXX, 2): «Гуны, прежде едва извѣстныя, имѣютъ опухшія лица и щеки изрѣзанныя пожемы, для того, чтобы не росла борода. Они всѣ безобразны, толстошести, сухулы и кажутся не людьми, а грубыми бѣланями; ѣдятъ праву, коренья и сырое мясо, согрѣвъ его на сѣдлѣ подъ собою; не знаютъ домовъ, убѣгая ихъ какъ мышь; скипаютъ всегда по горамъ и лѣсамъ, привыкаютъ перенести холодъ и зной, жажду и голодъ; носятъ одежду изъ полосна или кожъ звѣриныхъ, и толпѣ ея на своемъ плѣтъ; на лошадяхъ ѣдутъ и спятъ; не сходятъ съ нихъ и во время народныхъ совѣщаній; говорятъ нескладно и шемно; живутъ безъ Вѣры и законовъ; не имѣютъ понятія о чести и нравственности; свирѣпы, лживы, хищны, и проч. — Юрпандъ, ненавидя Гуновъ за поработеніе единоземцевъ его, рассказываетъ нелѣпную басню о происхожденіи сего народа. «Въ войскѣ Готтескаго Царя Филимера (говоритъ онъ) завелись волшебницы или вѣдьмы; будучи имъ высланы изъ стана, онѣ ушли въ степь и прижили тамъ съ Фаунами (quos Faunos Ficarios vocant) безобразныхъ Гуновъ, которые долго обитали на восточныхъ берегахъ Азовскаго

моря, и наконецъ перешли на другую сторону, въ сѣдлѣ за ланію, указавшею имъ путь черезъ сіе море.» Византійскіе Историки говорятъ только, что Гуны пришли изъ Азій чрезъ рѣку Донъ. Дегинъ, по Китайскимъ лѣтописямъ, опредѣляетъ ихъ древнее жилище между рѣкою Иртышемъ и Китаемъ. Они безпрестанно опустошали сію Имперію, и славная сѣвѣна Китайская построена вѣка за три до Христіанскаго лѣтосчисленія для защиты отъ ихъ набѣговъ. Гуны, около Рождества Христова, раздѣлились на Южныхъ и Северныхъ: первые смѣшались съ Китайцами и Татарами; вторые, основавъ разныя области въ Татаріи, явсіемъ своимъ устранили Европу (см. Histoire Générale des Huns). Слѣдственно одинъ изъ народовъ Сибирскихъ уже въ IV вѣкѣ сдѣлался намъ извѣстенъ по Исторіи. — Гуны по общему мнѣнію были Калмыки. Гапшереръ причисляетъ къ нимъ Массагетовъ, Саковъ, Хоразовъ или древнихъ жителей Хивы (см. Comment. Soc. Gottingens T. XIV, стр. 24).

Юрпанд. de rebus Geticis, стр. 105: Hermanicus (язвленный двумя измѣнниками) tam vulneris dolorem, quam etiam incursiones Hunnorum non ferens, grandaevae et plenus dierum, centesimo decimo anno vitae suae defunctus est. Ам. Марц. сказываетъ, что онъ умеривилъ самъ себя.

(36) См. выше, примѣч. 27. Прокопій (de bell. Goth. кн. III, гл. 4).

(37) Юрпанд. de rebus Geticis, стр. 130. Всѣ они были распяты на крестѣ.

(38) См. Присково описаніе посольства отъ Императора къ Аппилъ (Memoriae populorum T. I, стр. 513), гдѣ Ромуль исчисляетъ Аппилныя завоеванія. Прискъ рассказываетъ весьма любопытныя подробности объ Аппилѣ, у котораго онъ самъ былъ нѣсколько дней. Греческіе послы нашли его въ ставѣ воинскомъ. Аппила, принявъ ихъ и дары Императорскіе съ великою гордостію, велѣлъ имъ ѣхать за собою въ одно мѣстечко, гдѣ онъ жилъ обыкновенно

въ мирное время. Тамъ встрѣтили его молодыя дѣвѣцы, въ длинномъ бѣломъ плащѣ, и пѣли въ честь ему пѣсни на языкѣ Скиѣскомъ. Деревянная стѣна окружала дворецъ, также деревянный, построенный на возвышеніи. Апшилла, въ утренніе часы выходя изъ дому, садился у дверей и рѣшилъ шажбы народныя; въ день принималъ пословъ изъ разныхъ частей міра, а ввечеру ужиналъ съ ними. Все другіе ѣли съ блюдъ серебряныхъ и пили изъ золотыхъ спакановъ: Апшилла подавали только деревянные. Въ концѣ ужина являлись Гуишскіе Стихопворцы, пѣшь и славиль великія побѣды Царя. Друзья и товарищи его, оживленные воспоминаніемъ битвъ, изъявляли удовольствіе; спарцы, льпами обезоруженные, плакали отъ умиленія. Апшилла, всегда мрачный и задумчивый, безмолвствовалъ, лаская рукою маленькаго сына своего, которому волхвы Гуишскіе обѣщали успѣхи и славу опца. Одежда, мечи и копи вождей его блискали золотомъ и драгоценными каменьями: самъ Апшилла презиралъ паружныя украшенія. — Не только Гуишы, но и другіе народы, имъ подвластные, любили сего удивительнаго челоуѣка за его великія свойства и правосудіе. Многіе Греки и Римляне добровольно служили ему. Одинъ изъ нихъ сказалъ Приску: »Я люблю Скиѣскіе нравы. Мы часто воюемъ; но за то въ мирное время наслаждаемся совершеннымъ покоемъ, и не боимся утратить любезной собственности. Въ бывшемъ моемъ отечествѣ, въ Римской Имперіи, властвуящѣ пираны, а малодушные рабы не смѣютъ обороняться. Тамъ нѣтъ правосудія, ни равенства въ государственныхъ подапяхъ, и сильные угнешаютъ слабыхъ.« — Въ числѣ пословъ Императорскихъ былъ челоуѣкъ, который взялся умертвить грознаго Царя Гуиновъ: Апшилла зналъ о семъ умыслѣ, но великодушно презрѣлъ его. Воинское счастье вскружило ему голову, такъ же, какъ и Герою Македонскому. Александръ хотѣлъ называться Юпитеровымъ сыномъ: Апшилла говорилъ о себѣ, что онъ *битъ Небесный и млатъ вселенныя*; что *звѣзды падаютъ и зем-*

ля трепещетъ отъ его взора. — Мы привыкли воображать Гуиновъ чудовищами: надобно думать, что Апшилла былъ не очень безобразенъ, ибо Гонорія, сестра Императора Валентіана, предлагала ему руку свою.

(39) См. *Юрианд. de reb. Get. стр. 155.* — Гепиды въ слѣдъ за Гошеами пришли съ береговъ моря Балтійскаго.

(40) См. *Юрианд. de reb. Get. стр. 134.* Алане владѣли въ Испаніи Лузитанскою и Картагенскою провинціями; но многіе изъ нихъ оспались между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, гдѣ они жили и въ 557 году (см. *Memor. popul. I, 644*). Въ Эрбелотовой *Восточной Библиотекѣ* упоминается объ Аланскомъ Князѣ, обитавшемъ въ IX вѣкѣ близъ Дербенпа; Чингисханъ восвалъ тамъ съ Аланами (см. *Hist. des Tatars d'Abulgasi, стр. 309*). Карпинъ (въ Бержерон. *Voyages стр. 58*) и Рубруквисъ, или Руброкъ (стр. 24), Монахи и путешественники XIII вѣка, также говорятъ о Кавказскихъ Аланахъ, сказывая, что они назывались и Ясами (*Asses, Acias*), о коихъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ; были Христіане, искусные кузнецы и слесари; дѣлали прекрасное оружіе и хранили свою независимость. Полковникъ Герберъ описываетъ въ горахъ Кавказскихъ деревню Кубеша, гдѣ всякой житель есть оружейный мастеръ или серебряникъ. Миллеръ (*Sammlung Russ. Gesch.*) признаетъ сихъ людей, говорящихъ совсѣмъ особеннымъ языкомъ, попомками древнихъ Аланъ. Сприковскій мечтаетъ, что Алане перешли въ Ливву (см. *иже, примѣч. 362*).

(41) *Memoriae popul. Т. I, 545—568, и Т. II, 495.* Первое извѣстіе объ Уграхъ находится въ Прискѣ (*Memor. popul. I, 641*): онъ называетъ ихъ Гуногурами, Урогами, Сарагурами — Агагія Уиугурами, Теофилакшъ Гуиугурами, Огороми — Менацдеръ Уиугурами и Уиугурами — Юриандъ Гуиугурами, прибавляя, что они торгуютъ мѣхами — Проконій Уиугурами и Купригурами (см. *Тунмана Gesch. der Ostl. Volk. стр. 30* и Гебгарди *Gesch. des R. Hungarn. I, 321*).

Нынѣшнюю Башкирію считали древнимъ опшечествомъ Угорскихъ народовъ (см. Тупмана Gesch. der Ostl. Völk. стр. 30); можетъ быть, они жили и гораздо далѣе на Востоку. Абульгази (Histoire des Tatars, стр. 91—98) пишетъ о многочисленномъ народѣ Азіатскомъ, Угурахъ или Уйгурахъ, которые долгое время обитали въ Великой Татаріи и раздѣлились на двѣ части: одни осѣли въ первообычномъ опшечествѣ, имѣя шамъ селенія и города; другіе же удалились къ Иртышу, вели шамъ жизнь кочевую и ловили зѣрей, бобровъ, куницъ, соболей, бѣлокъ. Сіи Угуры могли распространиться опшуда до Уфимской Губерніи. Юговосточные единоземцы ихъ были гораздо просвѣщеннѣе: знали хорошо Турецкій языкъ и служили писарями въ канцеляріи Чингисхана. См. ниже примѣчаніе 294.

Болгары называются также разными именами въ Византійской Исторіи (см. Мемор. popul. II, 441). Вопреки Нестору (въ печат. стр. 145) многіе считали ихъ Славянами, для того, что сей народъ, завоевавъ послѣ ту часть Мизіи, гдѣ жили Славяне, смѣшался съ ними и въ теченіе времени принялъ языкъ ихъ; но Болгары говорили прежде особеннымъ языкомъ. Древнѣйшія собственныя имена ихъ совсѣмъ не Славянскія, а подобны Турецкимъ (см. роспись Болгарскихъ Царей въ Мемор. popul. II, 457) равно какъ и самыя обычаи (см. Тупмана Gesch. der Ostl. Völk. стр. 36). Историки Византійскіе именуютъ Угровъ и Болгаровъ Гуннами (Мемор. popul. I, 451, и II, 441). Болгары, по Восточнымъ лѣтописямъ, обитали издревле на берегу Волги, гдѣ найдемъ ихъ и въ X вѣкѣ. Византійцы полагаютъ *Великую* или *Старую Болгарію* между Волгою и Дономъ (Мемор. popul. II, 441). Диоклеасъ (въ Швабшпер. изданіи Script. rerum Hung. etc. III, 478) и Никифоръ Григора, Историкъ XIV вѣка, пишутъ, что они названы такъ опъ рѣки Волги. Арабскіе Историки (см. Эрбелом, Biblioth. Orient. подъ словомъ *Budgar*) называютъ Волгу *Бульгаромъ*. Моисей Хоренскій, Арменскій Историкъ, пер-

вый упоминаетъ о Болгарахъ, сказывая, что еще за 100 лѣтъ до Рожд. Хр. многіе изъ нихъ вышли изъ своего древняго опшечества, изгнанные внутреннимъ мятежемъ, и поселились въ Арменіи (Mos. Chor. Hist. Arm. стр. 90 и 100).

Угры и Болгары выптсены были изъ Азіатской Россіи Савирани, народомъ мужественнымъ и беспокойнымъ, который скоро перешелъ къ горамъ Кавказскимъ, и воевалъ тамъ съ Римлянами и съ Персами до 578 года. Съ сего времени иптъ уже объ немъ ни слова въ лѣтописяхъ.

Готы, оставшіеся въ Таврицѣ, назывались Готами-Тепракешами: см. ниже, примѣч. 86.

(42) *Можно*: но въ самомъ дѣлѣ Историкъ не поручится за истину сей этимологіи. По крайней мѣрѣ Русскіе Славяне совсѣмъ не думали изъяснить своего имени *славомъ*, ибо писались *Словенами*; въ Венгріи и Польшѣ называются *Словаками*, въ Богеміи Славянами (см. Гебгарди Geschichte der Wendisch-Slavischen Staaten, T. I). Утверждался на томъ, многіе производятъ имя ихъ опъ *слова*, говоря, что сей народъ, не разумѣя языка другіихъ, назвалъ ихъ Нѣмцами, то есть *нѣтъли*, а себя *словесными* или Словенами. Предки наши дѣйствительно разумѣли всѣхъ иноплемениныхъ подъ именемъ Нѣмцевъ (см. сей *Исторію* T. II, примѣч. 64) и мысль, что оно произошло опъ Германскихъ Немешовъ, кажется неосновательною; однакожь многія собственныя имена Славянъ — на примѣръ: *Святославъ*, *Росниславъ*, *Мспиславъ* — заставляють думать, что и въ народномъ имени бѣлъ у нихъ А, а не О. Византійскіе Историки писали всегда *Славини*, *Слави*; Готскій Юрнадъ, такъ же; а Моисей Хоренскій, сочинитель Арменской Исторіи, *Славаши* (Mos. Chor. Geograph. 347). — Мы видѣли, что самое древнее въ лѣтописяхъ имя Славянъ было Венеды (см. выше, примѣч. 27). Византійскій Историкъ Прокопій сказываетъ намъ еще, что Ашты и Славяне именовались ипкогда *Спорали*, опъ того, что жили въ раздѣліи (*спорадну*): но ни-

какія лѣтописи не упоминають о *Спорахъ*. Добровскій думаетъ, что Проконій, слыша объ имени Славянскихъ Сербовъ, обратился его въ *Спори*. — Замѣтимъ еще, что Славяне назывались въ Германіи *Соланами* (см. Гебг. Т. I, стр. 65); а наконецъ заключимъ шѣмъ, что малѣйшій случай, малѣйшее обстоятельство, совсѣмъ неизвѣстное по лѣтописямъ, рождаетъ иногда пародное имя, котораго никакая историческая ученость изъяснить не можетъ.

(43) См. выше, стр. 17. Въ другомъ мѣстѣ (de Bel. Goth. кн. III, гл. 43), Проконій говоритъ, что Анты къ Западу граничили съ Славянами, которые жили отчасти близъ Дуная, отчасти на самыхъ полуостровныхъ берегахъ его (Memor. popul. II, 29 и 31). Юрландъ пишетъ такъ (de rebus Geticis, стр. 85): «На сѣверной сторонѣ горъ Карпатскихъ, отъ источниковъ Вислы, на пространствахъ неизмѣримыхъ обитаетъ многочисленный народъ Венедовъ, который по разнымъ племенамъ и мѣстамъ называется разными именами, но извѣстенъ подъ двумя главными: Славянъ и Аншовъ. Славяне живутъ (à civitate nova et Sclavino Rumunnense, et lacu qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum, et in Boream Visclatenus) отъ Новаго города, Румунненской области и Музіанскаго озера до самаго Днѣстра, а на Сѣверъ до Вислы; болота и лѣса служатъ имъ вмѣсто крепостей. Анты же, храбрѣйшіе (или сильнѣйшіе) изъ обитателей Черноморскаго берега, занимають всю страну отъ Днѣстра до рѣки Дуная.» Сей *Новый городъ*, по-Гречески *Неа*, по-Латини *Нове*, существовалъ въ Мизіи, не далеко отъ болотъ Эссекскихъ или Мурсіанскихъ, которые Юрландъ могъ назвать Lacus Musianus вмѣсто Mursianus (см. Бишинг. Erdbeschr. Т. II, стр. 481, Гамбург. изд. 1788). Христофоръ Юрданъ (см. его de originibus Slavicis, Т. II, стр. 157, 158) столь же вѣроятно полагаетъ, что въ Юрландѣ надобно читать lacus Mysianus, а не Musianus, и что его Румунненская область есть нынѣшній Волошскій округъ Ромунаци, Romunazzi, на западномъ

берегу Алушы. Другіе же читають сіе мѣсто въ Юрландѣ такъ: a civitate Novietunense et lacu, думая, что имя Sclovinorum стояло въ древней рукописи только для объясненія вверху надъ Novietunense, а переписчики вставили оное въ спрочку между Novietunense. См. Дуриха Bibl. Slav. II, и Добровск. Slav. vin 294—297.

Мы не можемъ *точно* опредѣлить времени, въ которое Славяне овладѣли пою частью Германіи, гдѣ прежде обитали Тацитовы Свевы (см. Versuch in der ältest. Gesch. der Slav. in Teutsch. von Gercken). Гампереръ думаетъ, что они утвердились въ Богеміи, Моравіи, Саксоніи и Туриингіи въ 534 году, а въ Сиріи и Поммераніи отъ 569 до 588. Шлецеръ (Nord. Gesch. 23), исчисляетъ 33 народа изъ обитавшихъ въ Германіи Славянъ: Тунманъ замѣчаетъ, что къ сему числу можно еще прибавить нѣсколько именъ. Знающіе были, кромѣ Чеховъ Богемскихъ и Моравовъ, Сорабы или Сербы въ Верхней Саксоніи, Лупичи въ Лаузицѣ, Вильцы или Поморяне въ нынѣшней Поммераніи, Обопришы въ Мекленбургѣ, Укры въ Браденбургѣ. Шлецеръ утверждалъ, что нѣкоторые народы Славянскіе издревле могли обитать въ Германіи. Тунманъ другаго мнѣнія (см. его Anmerk. über die Nord. Gesch. стр. 100—134).

Въ 590 году Славяне жили, по извѣстіямъ Византійскимъ (Memor. popul. II, 54) на самомъ краю *Западнаго Океана* или Моря Бальтійскаго. Вѣрю, что Тацитовы Эсты (см. выше примѣч. 29) были Германцы; по бытъи можеть, что нѣкоторые Славяне-Венеды и въ первомъ и въ слѣдующихъ ополченіяхъ все еще обитали въ древнемъ своемъ опечествѣ при Бальтійскомъ морѣ, но естѣ въ сосѣдствѣ съ пародами Готскими или Нѣмецкими.

(44) Ни Готскій Историкъ Юрландъ, ни Византійскіе не называютъ Аншовъ, Венедовъ и Славянъ Сарматами, которые были Азіатскимъ кочевымъ народомъ.

Гиббошъ (History of the decl. and fall of Rom.

Емр. Т. V, гл. XLII) объявляютъ намъ, что Славяне около VI вѣка имѣли 4600 деревень въ Россіи и Польшѣ. Онъ ссылается на географическій опривокъ 550 года, напечатанный въ Histoire des Peuples Графа Бюапа (Т. II, стр. 145) и хранимый въ библиотекѣ Миланской. Сіе любопытное извѣстіе заставило меня выписать изъ Парижа Бюапшу забытую Исторію. Что жъ вышло? Сей опривокъ, переведенный съ Латинскаго на Французскій, писанъ *единственно* по мнѣнію нашего ученаго Графа въ X вѣкѣ, а сочиненъ, *только по его же мнѣнію*, около 550 года. Вообще кажется, что и самъ Авторъ писалъ на-обумъ, не имѣя вѣрнаго географическаго свѣдѣнія о сихъ народахъ.

(45) Птолемей Александрійскій во II вѣкѣ описалъ всѣ страны отъ моря Балтійскаго до Чернаго, Азовскаго, и до глубины сѣверной Азіи; но повѣримъ ли, чтобы отъ живучи въ Египтѣ, дѣйствительно имѣлъ свѣдѣніе о мѣстахъ столь отдаленныхъ, и чтобы его terra incognita начиналась только за шестьдесятъ-первымъ градусомъ широты? Ни кунцы, пріѣзжавшіе въ Александрію изъ разныхъ земель, ни славная памоншій библиотека (см. Гатшереръ въ Comment. Societ. Gotting. XII, 210, и Машнерт. Geograph. IV, 132) не могли открыть ему, какіе народы жили тогда въ Россіи сѣверной. Что значить пустыя народныя имена щедрою рукою разбросанныя на его картахъ Сарматы, и совсѣмъ неизвѣстныя для Исторіи: Карвоны, Осіи, Салы, Кареоны, Пагиришы, Оалоны, и проч.? Пустьъ Гатшереръ рѣшитъ, кого изъ нихъ должно считатьъ Финнами, кого Нымцами; пустьъ Добнеръ (см. его Annales Bohemogum или примѣчанія на Гагека) спарается утвердить себя, что они всѣ были Славяне; что имя Птолемеевыхъ Суманъ происходитъ отъ *со.ли*, Биссовъ отъ *твишхъ*, Баспарновъ отъ *пастырл*, Пиеннашовъ отъ *пныгъ*, Спаванъ отъ *стоу*, Судновъ отъ суда или *сосуда*; но гдѣ историческія доказательства? Понимаю, что Римляне I и II вѣка могли знать при-

морскихъ жителей Сѣвера и сосѣдовъ Дакин: для того нахожу любопытнымъ, что пишешь объ нихъ Тацитъ или Плиній; замѣчаю и сказаніе Птолемея о Венадахъ, ибо они уже были извѣстны двумъ вышеупомянутымъ Историкамъ-Географамъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ выходяще на оеанръ Истории. Птолемей зналъ ли внутренность Россіи, объявляя намъ, что Донъ вытекаетъ изъ горъ Рифейскихъ, и что Азовское море простирается къ Сѣверу отъ 48 градуса широты до 54? Къ тому же въ Географіи его видны многія прибавленія новѣйшихъ временъ (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 176). Могъ ли отъ зпашъ Гушовъ (Хушовъ) между Азовскимъ моремъ и Днѣпромъ, Аваровъ (Аваринновъ) и Прусскихъ Галиновъ? Однимъ словомъ, Птолемея сочиненіе любопытно и важно описаніемъ тогдашнихъ извѣстныхъ земель, а не сѣверной Россіи. Онъ первый изъ древнихъ Географовъ означалъ теченіе Волги или Ра отъ баснословныхъ горъ Гиперборейскихъ къ морю Каспійскому; но кто поручится, чтобы и сія рѣка не была всплавлена въ Птолемея твореніе новѣйшими Географами?

(46) (См. Мемор. popul. Т. II, 24—78). Если дѣйствительно Моисей Хоренскій, жившій въ пятомъ вѣкѣ, былъ сочинителемъ Арменской Истории (въ чемъ Тунманъ сомнѣвается), то онъ раише всѣхъ говоритъ о Славянахъ. Въ Географіи Птолемеевой (см. выше, примѣч. 45) есть имя сѣвернаго народа *Ставани*: нѣкоторые думаютъ, что надобно читать *Славяне*.

(47) Славяне разорили славный въ Далмаціи городъ Эпидавръ, и почти всѣхъ его жителей умертвили; только немногіе укрылись на крупной неприступной скалѣ, начали обрабатывать ее и мало по малу основали городъ Рагузу. Проконій говоритъ, что Славяне въ своихъ панствѣяхъ всякой разъ убивали или плѣнили до 200,000 человекъ.

(48) Построенная Анаспасіемъ между Селивріею и Чернымъ моремъ для удержанія Болгаровъ въ ихъ на-

бѣгахъ. — Славяне и Болгары приближались къ Царюграду въ 559 году.

(49) Славяне платили имъ за перевозъ по червонцу съ челоуѣка (см. Прокопія въ Memor. popul. T. II, 40).

(50) Въ Таугашѣ Туркестанскій и къ сосѣдственнымъ Мукришамъ: см. Memor. popul. I, 719, и Дегина Histoire des Huns, кн. V, 368, и слѣд.

(51) См. Memor. popul. III, 44, и слѣд. Посолье отъ Дизавула прибыло въ Констанцінополь въ 568 году. Менадеръ называетъ Турковъ Саками, а Теофанъ Массагетами. Воспощные Испорики говорятъ, что старшій Іафеѳовъ сынъ именовался Туркомъ, отъ коего произошелъ сей народъ (см. Эрбелот. Bibl. Orient.), единоплеменный съ Тапарамп.

Императоръ послалъ къ Хану Турецкому Земарха (см. Дегин. кн. V, 386, и Memor. popul. III, 50—52). Ханъ, за немѣншемъ вина (ибо въ сей странѣ, по словамъ Византійскихъ Лѣтописцевъ, нѣтъ винограда) пошчивалъ Грековъ какимъ-то особеннымъ питьемъ, втрояшно кумысомъ. Земархъ перѣхалъ черезъ рѣки Волгу, Яикъ или Ураль, и проч.

(52) Сія золотыя и серебряныя вещи, хранимыя въ пашей Кунсткамерѣ, большюю частію найдены близъ Иртыша и Тобола, а въ могилахъ степей Евсейскихъ одиѣ стрѣлы, кинжалы, ножи изъ красной мѣди: слѣдственно народъ, тамъ обитавшій, еще не употреблялъ желѣза (см. въ *Евсейскія Сочиненія* 1764 г. Изъясненіе Сибирскихъ Древностей, стр. 483 и слѣд.) Сія могила должны бытъ по шому гораздо древнѣе времени Чингисхановыхъ. — Альмайскіе Турки славились богатствомъ, дѣлая изъ чистаго золота сполы, сѣдалища, конскіе приборы (см. Memor. popul. III, 65, и Дегин. Histoire des Huns, кн. V, 388).

(53) Ханъ подарилъ Земарху одну молодую женщину народа *Киргизскаго*, *Херхис* (см. Memor. popul. III, 52), а не *Черкесскаго*, какъ думалъ Дегинъ. И пакъ Киргизы въ 569 году сдѣлались извѣстны въ

лѣтописяхъ. — Мы называемъ Огоровъ или Аваровъ Гуннами, слѣдуя Византійскимъ Историкамъ, сказывающимъ, что Огоры жили прежде на Востоку отъ Волги: см. Memor. popul. I, 625 и 643. Сія Авары-самозванцы именуются Pseudabares.

(54) См. Менадра въ Memor. popul. I, 647.

(55) Когда посолье Тиберіевъ въ 580 году прибыло къ Хану Турецкому съ дружескими увѣреніями, сей Ханъ сказалъ ему: »Не вы ли, Римляне, говорите десьятыю языками, и на всѣхъ равно обманываете людей? . . . Мы Турки не знаемъ обмана, ни лжи: да будетъ же вамъ извѣстно, что я найду способъ опустити вашему Государю. Онъ увѣряетъ меня въ своемъ благорасположеніи, и въ то же время дружится съ Аварами, нашими бѣглыми рабами. Вы говорите, что чрезъ одиѣ Кавказъ можно достигнуть вашей страны: но я вѣдаю теченіе Днѣпра и Дуная; знаю, гдѣ и какъ вступили Авары въ Римскую Имперію; знаю и силы ваши. Вся земля отъ Востока до Запада мнѣ повинуется, и проч. Въ 581 году область Турецкая раздѣлялась на воспощную и западную; но скоро она и другая ослабѣла. Китайцы, Персы, Ара비아не упѣсняли ихъ, до самаго того времени, какъ Турки прославились во времена Калифовъ (см. древнюю ихъ Исторію въ Дегинъ и въ Шпринг. Memor. popul. T. III).

(56) Менад. въ Memor. popul. T. II, 47 и слѣд. — Гебгарди хочеть подѣлать Славянами разумѣть Аитовъ; но если бы Лавришасъ былъ Княземъ Антскимъ, то онъ не могъ бы опивчашъ Аварамъ, что никто еще не опнималъ вольности у Славянъ: ибо Анты за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ были уже порабощены Ханомъ; и Византійскіе Лѣтописцы не могли бы сказать, что до сего времени никто еще не тревожилъ Славянъ въ собственности земель ихъ (Memor. popul. T. II, стр. 49). Съ 602 году лѣтописи уже не говорятъ объ Антахъ.

Іоаннъ, начальникъ городовъ Илирическихъ, былъ отправленъ Тиберіемъ къ Аварамъ со множествомъ

судовъ, на которыхъ оны перевезъ войско ихъ въ Греческое владѣніе. Баянъ шелъ черезъ Илирію, и снова переправился за Дунай къ Славянамъ. Мы не знаемъ, для чего оны, владѣя спрочною Гепидовъ, не хотѣли прямо опшуда напасть на Славянъ, которые также обипали въ Дакіи къ Воспоку и Сѣверу.

(57) Фредегарій Схолостикъ, Лѣтописецъ VIII вѣка (см. его Chron. гл. 48. стр. 135) рассказываетъ, что Авары, пріѣзжая на зиму къ Славянамъ, оскорбляли цѣломудріе ихъ женъ и дочерей; брали съ народа плгощину данъ и вслчаше его угнетали (см. ниже, спраи. 45). Гебгарди пишутъ, что Авары презирали Славянъ за ихъ хлѣбопашество и называли буйволами (у Фредегарія bifulcus, но въ другомъ смыслѣ): имя, которое донынѣ считается оскорбительнѣйшею бранью въ земляхъ Славянскихъ (см. Gesch. der Wenden, Т. I. стр. 95).

Греческій Полководецъ, узнавъ оны перемешника, когда и гдѣ Славяне хотѣли сдѣлать нападеніе, взялъ мѣры для лучшей обороны (Memor. popul. II, 72).

(58) Теофилактомъ, Анастасіемъ и Теофаномъ (см. Memoriae populorum, Т. II, 53 — 54, въ описаніи 590 году).

(59) См. Геркена Versuch in der Gesch. der Slaven, § 11, 12, и Фредегарія въ Диошен. собраніи Франкскихъ лѣтописей, гл. 48. Фредегарій говоритъ объ немъ: negotians, natione Francus; но сочинитель Хроникъ de conversione Bajoariorum, жившій въ половинѣ IX вѣка, называетъ его Славяниномъ: quidam Slavus, Samo nomine. Г. Пельцель (въ Abhandl. einer Privat-gesell. in Böhme. Т. I, стр. 226) доказываетъ, что Фредегарій употребляетъ имя negotians въ смыслѣ воина, а не купца.

(60) Константинъ въ книгѣ своей о *Правленіи* говоритъ, что Славяне пришли въ Далмацію изъ Великой или Бѣлой Хрватіи и Великой или Бѣлой Сербіи — то есть, по мнѣнію лучшихъ Историковъ (Гелазія, Бандури, Гатперера, Геркена), съ береговъ Эльбы, Моравы и Вислы, гдѣ жили прежде Сербы или Сорабы, и Хорваты или пльншіе Кроаты. Sie слу-

чилось во время Ираклія, который царствовалъ отъ 610 до 641 года. — Тогда же, или скоро послѣ, Славяне заняли Краинъ, Каринтію, Спирію, Фріуль (см. Герк. Versuch и проч. стр. 49.)

(61) Шпрингеръ замѣчаетъ, что Византійскіе Историки не объявляютъ времени, въ которое Славяне поселились на южной сторонѣ Дуная. Они завладѣли Пелопоннесомъ при Константинѣ Копронимѣ въ 746 году (Memor. popul. II, 78). Слѣды ихъ сохранились въ Морѣ: *начальники* донынѣ именуются тамъ *Воеводами*. Шапобріанъ считаетъ Майноповъ потомками Славянского народа (см. его Путешествіе, Т. I). — 5000 Славянъ удалились въ 665 году съ Абдерахманомъ, Княземъ Сарацннскимъ, въ Сирію. Юстиніанъ II въ 688 году отправилъ многихъ Славянъ изъ Фракіи за Гелеспонтъ въ Опенціумъ; 30,000 изъ нихъ составили Легионъ его пѣлохраниителей, которыхъ оны считали непобѣдимыми. Черезъ 70 лѣтъ послѣ того 208,000 Славянъ перешли за Черное море, въ Вноишію, и на берегахъ Артанаса основали свои жилища. Memor. populorum, Т. II.

(62) Одинъ изъ нихъ занималъ въ длину 50 верстѣ. Въ горахъ Кавказскихъ, между Грузіею и Черкесами, донынѣ живетъ народъ Аварскій, говоритъ особеннымъ языкомъ и повнуется разнымъ маленькимъ Князькамъ. Главный изъ нихъ Килзей, Усмей-Аваръ, въ 1727 году пріѣзжалъ въ спанъ къ Русскимъ, и сказалъ, что «славныя дѣла ихъ возбудили въ немъ любопытство видѣть такихъ Героевъ; что одинъ изъ его предковъ, изгнанный изъ отечества, помощію Россіянъ былъ снова возведенъ на Княжескую степень свою, и что оны хранилъ еще грамоту, дающую Русскимъ Государемъ сему предку.» Начальникъ войска желалъ видѣть сію грамоту: вышло, что она Татарская и подписана славнымъ Батыемъ, завоевателемъ Россіи въ XIII вѣкѣ (см. въ Миллер. Sammlung Russ. Geschichte известія нашего Аршиллерійскаго Полковника Гербера). — Авары Кавказскіе могутъ быть ошашкомъ пѣхъ древнихъ, испинныхъ Аваровъ, которыхъ побѣ-

длин Турки Альшайскіе, и копорыхъ именемъ названы Огоры, ш. е. Лжеавары.

(63). См. Мемог. popul. II. 501 — 510.

(64) Несторъ (стр. 6 и 10) говоритъ, что Славяне изгнаны изъ *Болгаріи Болгаралии*, а изъ *Венгеріи Волохамли*: «придоша Угры Бѣли и наслѣдиша землю «Словенску, прогнавшѣ *Волохи*, иже бѣша приѣли землю «Словенску» — то есть, Венгерію, гдѣ Угры или Венгры въ концѣ IX вѣка дѣйствительно нашли *Волоховъ*, ко извѣстію Лѣтописца Венгерскаго (Anonymi Hist. Discip. Hung. т. XXIV, XXVI, XLIV). Болгары и Волохи весьма различны: первые суть Турки (см. выше, примѣч. 41), а вторые остатокъ древнихъ Гершовъ или Ораковъ (см. Тунмана Über die Gesch. der Wlachen, стр. 323), смѣшенныхъ въ Дакии съ Римскими поселенцами (см. выше примѣч. 17). Анна Комнина пишетъ, что въ просторѣчій назывались Волохами Болгары, копорые вели жизнь пастырскую или кочевую (Мемог. popul. II, 670). Лѣтописецъ Никипа Хоніатскій и повѣйшіе иногда разумѣли Болгаровъ подъ именемъ Волоховъ (Мемог. popul. II, 673, 678, 686). Такъ Рубруквисъ, путешественникъ XIII вѣка, говоритъ: Bulgares . . . qui sont au-dela du Danube près de Constantinople, qu'on appelle Flac (см. въ Бергерон. Voyages en Asie, стр. 47). И въ Татарской Исторіи Абульгази Хана (стр. 45) Болгары именованы Влахами.

Именемъ Волошской земли (у Нѣмцевъ Wälschland) наши предки означали всегда Италію: Włoch на Польскомъ языкѣ Италіянецъ. Несторъ говоритъ (стр. 5): «по сему же морю сѣдящѣ (Варяги) къ Западу до земли «Аеліискія и до Волошскія»: здѣсь разумѣется Италія. Славяне назвали нынѣшнихъ жителей Дакии Волохами по сходству ихъ языка съ Италіянскимъ, и для того, что Волохи сами себя, отчасти справедливо, именуютъ *Рулутье* или Римлянами. Уже во время Киннама они считались переселенцами Италійскими (Мемог. popul. II, 901). Половина ихъ языка состоитъ изъ Латинскихъ словъ (см. Тунман. Über die Gesch.

der Wlachen. стр. 339). — Въ какое время, буде сказаніе Нестора справедливо, они пришли въ Венгерію и выпѣснили отсюда Славяны? вѣроятно въ VII или въ VIII вѣкѣ, когда сила Аваровъ ослабѣла.

Несторъ утверждаетъ, что въ исчисленіи семидесяти-двухъ народовъ подъ именемъ Нориковъ разумѣются Славяне. Сіи Норики сдѣлались извѣстны во время Римлянъ, и жили въ Австріи, Спиритѣ, Каринтіи, Крайнѣ (см. Мавперт. Geograph. der Griechen und Römer, III, 616), гдѣ въ Несторово время уже обитали Славяне: потому онъ не различаетъ ихъ. Но древніе Норики считаются Кельтами или Галлами.

(65) *Ист.* стр. 7, 8. Впрочемъ люди знающіе сомнѣваются въ истинѣ сего Андреева путешествія, и самъ Несторъ пишетъ о томъ единственно по слуху и народнымъ рассказамъ. См. Баеров. Origines Russicae, (въ Коммент. нашей Академіи Т. VIII, стр. 390 и слѣд.) и Митрополита Платона (*Церк. Ист.* I, 12).

Несторъ при семъ случаѣ описываетъ Славянскія бани такимъ образомъ: «Приде (Св. Апостоль) въ «Словени, и видѣ шу люди суцал, како есть обычай «имъ, и како ся мыють, хвощуся, и дивися . . . И «рече (въ Римѣ): видѣхъ (у Славянъ) бани древесны, и «пережгутъ каменіе румяно, и розволокутся нази и «облѣются «васомъ усіяннымъ (щелокомъ) и возмутъ «па ся прущѣ младое, бьются сами, польма, едва «слѣзуть ли живы, и облѣются водою студеною, и «пако оживуть. И шо творять по вся дни, не мучима «никимъ же, но сами ся мучатъ; а шо творять «мъстѣ, а не мучень.» Лѣтописецъ хотѣлъ предсказать сіе древнее обыкновеніе спраннымъ.

(66) Симъ опровергается мнѣніе Тунмана и Гашперера, полагавшихъ, что Славяне Дунайскіе, утѣсненные Куврапомъ и сыномъ его, населили Россію въ VII вѣкѣ. — Болгары завладѣли Мизіею около 678 года (Мемог. popul. II, 506 — 509). Аспарухъ нашель тамъ Славянъ, именуемыхъ *Сьвералии*: въ Россіи также увидимъ *Сьвералии*. Но бытъ можетъ, что они перешли не изъ Болгаріи къ намъ, а отъ насъ въ Болгарію.

(67) См. выше стр. 6. Вроянно, что древнія жилища Славянъ простирались отъ береговъ Пруссіи на Воспокъ до Губерніи Смоленской и Черниговской. Гашпереръ считаесть Андросаговъ и Меланхленовъ Германцами.

(68) См. выше, примѣч. 17; см. также Маншерп. *Res Traiani ad Danubium gestae*.

Въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, произведеніи XII вѣка (см. сей *Исторіи* Т. III, въ статьѣ о нашей древней Словесности), говорится о *сплахъ* (а не *сплахъ*, какъ напечатано) Траяновыхъ, о *тропѣ* его *п седмолѣ въкѣ Траяноволѣ*, въ которомъ жилъ Полоцкій Князь Все-славъ (см. въ сей напечатанной повѣсти стр. 6, 14, 55). Известна *via Traiani*, изображенная на Сульцеровой картѣ Валахіи: сія *via*, дорога или *тропа*, простирается отъ береговъ Дуная до Пруша, и далѣе на Воспокъ по южной Россіи (см. Кампемир. *Описаніе Молдавіи* и Бишинг. *Erdbeschr.* II, 770). Отъ времени Траяна до Всеслава прошло гораздо болѣе *семи* вѣковъ; но 1) лѣтосчисленіе народа безграмотнаго не бываетъ вѣрно; 2) сочинитель *Слова о полку Игоревѣ* могъ также ошибиться, или 3) число *семи* есть описка.

Объ Александрѣ Великомъ см. ниже примѣч. 69, также Станислав. Сарницк. *Annales Polonorum*, кн. II, стр. 877. — Мавра Урбина *Исторіографію народа Славянскаго*, стр. 3, и Ранча *Исторію разныхъ Славянскихъ народовъ*, изд. Вѣнскаго I, 3. Теофилакты, Визант. Историкъ, именно называетъ Славянъ древними Гетами (*Метог. popul.* II, 3); но не для того ли, что первые заняли въ VI вѣкѣ отечество послѣднихъ? Самые древніе жители Иллирика и Панноніи могли быть единоплеменники Славянъ. Думающъ, что древнѣйшіе обитатели Венгріи гордо называли себя *Паннами*, т. е. господами, и что отъ сего родилось имя Панноніи. Нѣмецкій Писатель Антонъ замѣчаетъ, что имена древнихъ Иллирическихъ городовъ кажутся Славянскими. Впрочемъ останемся при одномъ чаяніи.

(69) «И отъ ихъ Ляховъ прозвашася Поляне,» и

проч. Добнеръ (см. его *Annales Bohemorum* или примѣчанія на Гагека) думалъ, что имя Поляковъ составлено изъ предлога *по* и народнаго имени *Влахи!*

«Бяспа бо два брата въ Лясъхъ, Радимъ, а другій Вялко,» и проч. Татищевъ думаетъ, что Неспоръ ошибся, и что Вяпичи были не Славяне, а Сарматы! Миллеръ въ своей рѣчи о происхожденіи народа Россійскаго повпорлетъ слова Татищева, вопреки Неспору, который собственными глазами видѣлъ Вяпичей!

Лѣтописецъ не означаетъ области Древлянъ: но мы увидимъ далѣе въ Россійской Исторіи, что Овручъ и Коростень имъ принадлежали: первый есть и нынѣ городъ, а вторій мѣстечко Искорость въ Вольпской Губерніи на рѣкѣ Ушѣ, между Овручемъ и Жи-томиромъ.

«Бужане, зане съдоша по Бугу, послѣ же Вельплице» (т. е. они послѣ назывались Вольпичами, отъ старшаго города Вольпи, бывшаго между Владиміромъ и Львовымъ: см. *Воскресск. Лѣт.* I, 21). — «Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельплице.» Слѣдственно подъ общимъ именемъ Вольпичевъ разумѣлись въ новѣйшія времена и Бужане и Дулѣбы. Дулѣбы жили въ западной Вольпичи.

«Дупичи (въ вѣкопорохъ спискахъ *Луцици*) и Тивирци съяху по Днѣспру, присѣяху къ Дунави;» «бъ мпожеспво ихъ; съяху бо по Днѣспру оли до моря. Сунъ грады ихъ и до сего дне; да по ся зваху» «отъ Грекъ Великая Скнеб.» Слѣдственно часть Молдавіи и Бессарабія принадлежали Россійскимъ Славянамъ. Нынѣшній Акерманъ назывался Вльымгородомъ (*Воскресск. Лѣт.* I, 20) и едва ли не ими основанъ. Отъ Ушницы до устья Днѣспра могли издревле существовать и другіе города Княженія Галицкаго. Отъ имени Дупичей и Тивирцевъ, кажется названы имя города Луповиска и Тирава. Древнѣйшіе Польскіе Историки, Кадлубекъ или Кадлубко (*Hist. Polon.* стр. 787) и Богуваль упоминають о Тиванцахъ, обитавшихъ близъ Днѣспра и служившихъ Князю Галицкому въ

XII вѣкѣ. — Гельмольдъ, Испорикъ XII вѣка, пишетъ о Бальвійскихъ Славянахъ Душичахъ (Chron. Slav. gl. II), бывшихъ, какъ ввроятно, одного племени съ Дитспровскими.

Несторъ говоритъ о Бѣлыхъ Хорвапахъ и Хорупанахъ (въ печашн. спр. 6), называя иногда и ихъ и другихъ просто Хорватами. Одни были нынѣшніе Кроаты, побѣдившіе Болгарскаго Царя Симеона въ 942 году (см. печашн. *Нест.* спр. 36, и *Memor. popul.* II, 602); а Бѣлые Хорваты обитали гораздо ближе къ Киеву — думаю, въ окрестности горъ Карпатскихъ, едва ли не опъ ихъ имени такъ названныхъ — служили Олегу, воевали пропивъ Владимира, и съ X вѣка утратили сіе имя въ нашихъ лѣтописяхъ. Конспанпинъ Багрянородный (de Adm. Imp. gl. 30 и 31) пишетъ также о двухъ Хрватіяхъ: Илирической и *Бѣлой* или *Великой*, за *Турцію*, т. е. Венгрію, и *ultra Bagibaream* (см. Аусльма Бандури *Animadversiones in libr. Constant. de Adm. Imp.* спр. 91 — 92, и въ началѣ сихъ примѣчаній Демилевы *Annotaciones in tab. geograph. ex. Const. Porph.*) По мнѣнію Бандури *Bagivaral* есть испорченное Славянское имя Карпатскихъ или *бѣлыхъ горъ*, какъ ихъ пѣкшорые называютъ (а Добнеръ утверждаетъ, что Конспанпинъ разумѣетъ здѣсь Баварію). Демилъ говоритъ: *quod ad Chrobatiam Albam attinet, ad montes Chrobatos porrectam fuisse Constantinus ait; hos autem non diversos esse ab iis, quos Crapack populares vocant, nominum affinitas svadet.* Нарушевичъ именуетъ Червенную Россію или Галицію *Chrobasya Czerwona*, см. его *Hist. Narodu Polsk.* II, 53, 55, 69).

Тапищевъ опять полкуетъ намъ, что Кривичи были не Славяне, а Сарматы: «ибо слово *Криве* на Сарматскомъ языкѣ значитъ *верховыя рѣкы*». А мы опять повѣримъ Нестору, который причисляетъ ихъ къ Славянамъ. Литовцы всю Россію называли *Krewen-Zemla*, или землею Кривичей.

Рѣчки ради, яже печетъ въ Двину, именуемъ Полоша, опъ сея прозвашася Полошасе . . . *Отъ нихъ же*

«Кривичи; сѣдять наверхъ Волги,» и проч. См. ниже, примѣчаніе 71.

Одни Ильменскіе поселенцы; какъ говоритъ Несторъ, назывались въ Россіи Славянами; всѣ другіе приняли имена особенныя, или опъ мѣста или опъ вождей своихъ. Ильмень въ древнѣйшихъ рукописяхъ называется вездѣ Ильмеромъ. — Я говорю, что Новгородъ основанъ *посль* Рождества Христова: ибо его не было еще въ то время, какъ Святой Андрей, по словамъ Несторовымъ, приходилъ въ Россію.

Древній Лѣтописецъ не сообщаетъ никакихъ обстоятельныхъ извѣстій о построеніи Новгорода: за то находимъ ихъ множеству въ сказкахъ, сочиненныхъ большею частію въ XVII вѣкѣ, и внесенныхъ невѣждами въ лѣтописи. Предлагаемъ здѣсь выписку изъ опныхъ для любопытныхъ: «Опъ правнука Іафеова, Скноа, прозваннаго пятъ братьевъ и Князей, именуемъ Словенъ, Русь (самые мудрѣйшіе и храбрые), Болгарь, Команъ, Исперь. Всѣ они жили на берегахъ Чернаго моря до 3099 году опъ С. М. Въ сіе время Словенъ и Русь съ народомъ своимъ оставили древиною опшину, *ходили по странамъ вселенныя*, обозрѣвали безмолвныя пустыни какъ орлы *быстрокрылатыя*, 14 лѣтъ искали селенія по сердцу своему, и наконецъ пришли къ озеру *Мойску*. Тогда *волхование* открыло имъ, что сіе мѣсто должно быть для нихъ опечествомъ. Словенъ поселился на рѣкѣ *Мутной*, основалъ городъ *Словенскъ*, и назвалъ рѣку *Мутную* *Волховоль*, прошокъ ея *Волховецель* (по имени двухъ сыновей), другую рѣку *Шелоною*, а озеро Ильмеромъ (въ честь жены своей Шелопы и сестры Ильмеры). Старшій сынъ былъ *лотый городый*, принималъ на себя образъ крокодила, скрывался въ рѣкѣ, попилъ и пожиралъ людей, не хотѣвшихъ обожать его какъ Перуна. Опъ жилъ въ особенномъ городкѣ на берегу рѣчки, въ помѣ мѣстѣ, которое именуется Перышью, и гдѣ язычники поклонялись ему. Они увѣряли, что *Волховъ стѣль въ боги*; но мы знаемъ, что бѣсы ушо-

«пили его въ рѣкѣ. Надъ шѣломъ злаго чародѣя, вол-
 «нами изверженномъ въ Перыни, злочеспивые опспра-
 «вили прирзу и насыпали высокую могилу, которая
 «черезъ при дп провалилась въ адъ. — Именемъ Вол-
 «ховцева сына, Жилотуга, названъ особенный пропокъ
 «рѣки Волхова, гдѣ онъ ушопулъ младшцемъ» (подобно
 «какъ Тиберинъ въ Тибрѣ; см. Т. Ливіа, кн. I, опдѣл.
 3.) — «Брапъ Словеновъ, Русъ, основалъ городъ Русу
 «и назвалъ памъ одну рѣку Порусью, а другую Поли-
 «стою: такъ именовались жена и дочь его. Помомки
 «сихъ Князей обогатились и прославились мечемъ сво-
 «имъ, завладѣвъ всѣми спранами сѣверными до Ледо-
 «випнаго моря и желтовидныхъ водъ, и за высокими
 «каменными горами въ землѣ Сибири до Оби, и до успья
 «блзовидныхъ млегныхъ рѣки, гдѣ ловящъ звѣря дьнку
 «или соболя. Они воевали въ Египтъ, въ спранахъ
 «Иерусалимскихъ, Еллинскихъ и варварскихъ; мѣрь
 «ужасали ихъ храбрости. Во время Александра Маке-
 «донскаго управляли Словенами и Руссами Князья Ве-
 «лидосанъ, Асанъ, Авехасанъ. Сей Монархъ, слыша
 «всеобщія жалобы на ихъ жестокоств, сказалъ: что
 «элишь дѣлать съ такими сыродцами, обитающими за
 «морями и горами непроходимыми?» и написалъ къ нимъ,
 «слово въ слово, грамоту слѣдующую: Александръ, Царь
 «Царемъ, бигъ Божій и предвѣтешный Рѣцарь, всего
 «свѣта обладатель, и свѣхъ иже подъ солнцемъ гроз-
 «ный повелитель, покорныхъ мнѣ милосердый поща-
 «дитель, а не покорныхъ же кроткий мегъ, въ дале-
 «комъ, разстоятельномъ и незнаемомъ краѣ вашемъ
 «отъ нашего величества честь и миръ и милость ваиъ,
 «храбросердому народу, славнѣйшему колыну Русскому,
 «Килземъ и Владыкомъ отъ моря Варяжскаго до Ха-
 «мидскаго, великоплынымъ и мильнымъ мюимъ, храбро-
 «му Великосану, мудрому Асану, счастному Авеха-
 «сану, съгно радоватися, яко салтъхъ васъ любезно цѣ-
 «льную, яко други по сердцу мюему. Да будете даннцыъ
 «вашему величеству, и сію милость даю вашему вла-
 «дѣчеству: аще каковъ народъ вселится во предѣлахъ
 «вашихъ, да будетъ ваиъ и по васъ сродству вашему

«подлежили въиный работъ; во шиге же предѣль
 «отнюдь да не вступитъ нога ваша. Сіе же досто-
 «хвальное дѣло затвержено силъ нашихъ листомъ и
 «подписано мюю Царскою высокодержавною десницею,
 «и запечатано нашихъ перстнемъ, и дано вашей че-
 «стности на вѣки безконечные. Аминь. Писана же сія
 «наша грамота въ листь нашего предѣла, въ величій
 «Александрій, листьци Прилуса, началнѣйшаго дѣя.—
 «Приписъ Царскія руки золотопернатыми буквами: мзъ
 «Александръ, сынъ великихъ боговъ Юпитери и Венусы
 «въ небъ, земскихъ же Филиппа и Олимпіады, высо-
 «подержавною правцею утвердихъ вѣчно. — Словено-
 «Русскіе Князья, обрадованные шакою грамотою, по-
 «вѣсили оную въ своемъ капищѣ съ правой спороны
 «идола Велеса, уставивъ великій праздникъ въ день ея
 «написанія. — Черезъ нѣсколько времени возспали отъ
 «нихъ рода два Князя, Ляхъ (Мамохъ, Лалохъ) и Ла-
 «херинъ, воевали землю Греческую и ходили подъ самый
 «царствующій градъ: памъ, близъ моря, положили
 «свою голову Князь Лахеринъ (гдѣ созданъ былъ постъ
 «монастырь Влахерскій), а товарищъ его съ глубо-
 «кою язвою и съ великимъ богатствомъ возвратился
 «въ отечество. Въ Сидертахъ же (сидиръ?), или въ
 «Мордвѣ и въ Черемисѣ, княжили тогда два брапа,
 «Диломъ и Дидиладъ, копорыхъ языкчики назвали бо-
 «гатами, за то, что они научили ихъ пчеловодству. —
 «Скоро ужасный моръ опустошилъ землю Словенскую;
 «остальные жители ушли на Бѣлыя водъ, ш. е. Бѣ-
 «лоозеро, или Тинное озеро, и назвались Весью; дру-
 «гіе на Дунай, къ древнимъ племенамъ своимъ; а въ
 «Словенскѣ и въ Русѣ обитали тогда одни дикіе звѣ-
 «ри. Черезъ нѣкопоре время Словени возвратились
 «на берега Волхова и привели съ собою многихъ Ски-
 «вовъ и Болгаровъ; но скоро Бѣлые Угры явились въ
 «спранъ ихъ и разорили оную до конца. Тогда Словени
 «Черноморскіе, услышавъ о запустѣи отечественной
 «земли своей, ояпъ пришли шуда съ безчисленнымъ
 «множествомъ Скновъ, Болгаровъ и всякихъ шопле-
 «менниковъ, поставили новый городъ, отъ спараго

«Словеска внизъ по Волхову съ версту, дали ему имя
 «*Великаго Новаграда*, и выбрали старѣйшину, Князя
 «Госпомысла. Нѣкопорые *изъ нихъ* назвались Поля-
 «нами, другіе Кривичами, *Сербалии, Болгаралии, Чудью,*
 «*Мерею, Лопью, Мордовою*; земля Русская, свергнувъ съ
 «себя *ризы стованиа, облеклась въ порфиру и виссонъ,*
 «уже не вдовствуя, но опогивая много льпъ съ мудрымъ
 «Госпомысломъ. Сыпъ его, Словенъ, построилъ въ
 «земль Чудской городъ Словенекъ, и черезъ 3 года
 «умеръ; а внукъ Госпомысловъ, Изборъ, переимено-
 «валъ сей городъ *Изборскимъ*, и также въ кносни
 «умеръ опъ жала змиа. Конецъ басни увидимъ въ дру-
 «гомъ мѣстѣ (ниже, примѣч. 88).

(70) Лѣтописецъ сказываешъ единственно, что
 Кіевъ, подобно Новгороду, еще не существовалъ во
 время Апостола Андрея (въ печатн. спр. 8). Спри-
 ковскій пишешъ (кн. XI, гл. 3), что Кіевъ основанъ,
 по мнѣнію нѣкошорыхъ, въ 430 году.—Псковская Си-
 нодалная Лѣтопись XV или XVI вѣка (которая хра-
 нишя въ Паптріаршей Библіотекѣ подъ No. 349, л. 154)
 пачинаешя такъ: «Въ лѣто 6362 бѣху при братьи;
 «единому имя Кый... И поставиша градъ на горѣ и
 «нарекоша имя граду тому Кіевъ:» и такъ опъ буд-
 «то бы основанъ уже въ 854 году? Но сіе новое извѣ-
 «стіе не достойно уваженія (см. еще новѣйшую сказку
 о спрощеляхъ Кіева, ниже, примѣч. 276).—Шлецеръ
 думаетъ (его Nest. I, 103), что древнее сказаніе о
 Кин-перевозчикѣ, опровергаемое нашимъ Лѣтописцемъ,
 могло бытъ справедливо. «Франкфуртъ (говоритъ онъ),
 Охсенфуртъ и другіе города произошли такимъ же
 образомъ.» Князь Щербашовъ, оставивъ достовернаго
 Неспора и послѣдовавъ Авшору Синопсиса, выписалъ
 «наго болышею частію изъ Польскихъ Историковъ,
 Длутоса и Сприковскаго, сказываешъ, что Щекъ со-
 «здалъ городъ Щековицу, Хоривъ Хоривицу или Вы-
 «шегородъ, а сестра ихъ городъ Лыбедь: совершенаа
 «басня! такихъ городовъ не бывало въ Россіи; и Не-
 «споръ пишешъ, что всѣ при брата построили одинъ
 «Кіевъ. — На рѣчкѣ Лыбеди стоилъ загородный домъ

вышшняго Кіевскаго Митрополита. Сіе мѣсто на-
 зывается Шулявиною, окружено рошею и служишъ
 гуляемъ для Кіевскихъ жителей. См. *Извѣстіе о*
погребенныхъ въ Кіевъ Князяхъ спр. 1.

(71) Миллеръ въ рѣчи своей о происхожденіи народа
 Россійскаго несправедливо говоритъ, что Лѣтописецъ
 нашъ ниждѣ не именуешъ основателей Полоцка Кри-
 вичами. См. Неспор. (спр. 17). Въ *Архангел. Лѣт.*,
 спр. 4, названъ Изборекъ городомъ Кривичей. Кон-
 стантинъ Багрянородный пишешъ о Новгородѣ, Кіе-
 вѣ, Вышегородѣ, Смоленскѣ, Любечѣ, называя ихъ *Не-*
моградъ, Кіоза, Вусеградъ, Чернигова, Милитиса, Те-
лѣуца, (Мемор. popul. II, 981). Кіевъ, по его извѣстію,
 назывался еще *Саливатасъ*. — Арабскій Географъ XV
 вѣка, Бакуи (донынѣ еще не изданный), упоминаешъ о
 знаменитомъ Славянскомъ городѣ Maschphat близъ
 Козарин: см. Ширенгеля *Gesch. der Entdeck.* 160.

(72) О Переславскомъ озерѣ см. *Никон. Лѣт. II,*
 229. Оно же называется и Плещеево. Горнаудъ упо-
 минаешъ о Мери (Merens) въ числѣ народовъ, поко-
 ренныхъ въ IV вѣкѣ Готтескимъ Царемъ Эрмари-
 хомъ (см. выше, примѣч. 26).

Народъ Мурома, обитавшій въ Губерніи Нижего-
 родской, оставилъ памятникъ бытія своего въ назва-
 ній города Мурома.

Неспоръ не означаешъ земли Черемисской, Мещер-
 ской, Мордовской, а только полагаешъ оную въ со-
 стѣпнѣ съ Мерею. Мордва (Горнаудовы Mordens: см.
 выше, примѣч. 26) и Черемисы издревле жили тамъ, гдѣ
 живутъ и нынѣ: первые болыше въ Нижегородской,
 Пензенской, Тамбовской, Симбирской Губерніяхъ; а
 вторые опъ Нижняго на лѣвомъ берегу Волги. Въ
 лѣтописяхъ среднихъ временъ именованы Мещерою
 нынѣшніе Мокшане, родъ Мордвы, обитающіе въ Пен-
 зенской и Тамбовской Губерніяхъ, въ окрестностяхъ
 рѣки Мокши. Мещеряками называются нынѣ Тата-
 ры, живущіе въ землѣ Башкирской. Они шамъ при-
 шельцы, равно какъ и Теншери, смѣсь Черемисовъ
 съ Вошяками, Чувашиами и Ташарамн, которые въ

XVI вѣкъ, по разрушеніи Казанскаго Царства, ушли къ Башкирцамъ.

Ливонія получила имя свое отъ Ливи, народа Финскаго, котораго остатки существующъ нынѣ въ Курляндіи, отъ Ангерскаго озера и береговъ залива Рижскаго до Видавской границы, а въ Ливоніи (или Губерніи Лифляндской) въ окрестностяхъ рѣки Салиса и на оспировъ Рунѣ. Другіе Ливонцы принадлежатъ къ народу Латышей (о которомъ см. ниже, примѣч. 79). Имя Ливоніи сдѣлалось извѣстно въ Европѣ не прежде XII вѣка.

Не только Эстонцы или Эсплянцы, Вожапе или Водь (въ нынѣшней Ораніенбаумской округѣ: см. *Новгород. Лѣт.* 134) Ижорцы, Корелы, но и первобытныя жители Двинской земли или Архангельской Губерніи, Вологодской, Вятской, Пермской, назывались Чудью (см. *Двинск. Лѣт.* въ Трудахъ Вольн. Росс. Собранія, *Журналъ Путешествія* Рычкова и *Казанск. Исторію*, стр. 190 и слѣд.). Миллеръ въ *Рлги* своей о происхожденіи народа *Россійскаго* пишетъ: «*Чудь* знаменуетъ на Русскомъ языкѣ вообще *первобытныхъ жителей*» (не лучше ли сказать: *индоевропейскихъ*, или *гулудскихъ*?): Юрландъ называется Чудь Thuidos. Баеръ думалъ, что имя Скифы и Чудь есть одно.

Имя города Нарвы происходитъ отъ имени *Наровской* Чуди.

Что Емью именовались Финляндцы, ясно доказываются слѣдующими извѣстіями *Лѣтописца Новгородскаго*: 1) Сумь (*Суоми*, какъ называютъ себя Финляндцы) и Емь въ 1240 году шли на корабляхъ пропхивъ Новгорода и хотѣли *взять Ладогу*: Князь Александръ *встрѣтилъ* ихъ (стр. 132, 133) *на рѣкѣ Невѣ*: слѣдственно они жили не между Ладожскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ. 2) Въ 1256 году Князь Александръ шелъ изъ Новгорода на Емь *чрезъ Копорье* (стр. 142, 143). 3) Въ 1228 году Ладожане побили Емь: непріятель, спасаясь отъ нихъ бѣгствомъ въ землю свою, былъ испребленъ Ижорцами и Корелами (стр. 107): пусть Чипашель взглянетъ на карту.

4) Въ 1311 году Новгородцы воевали за моремъ, т. е. за Финскимъ заливомъ, съ Емью, и взявъ ихъ городъ *Ванай*, на Черной рѣкѣ, опустошили берега Перны: мы знаемъ въ Новой Финляндіи *Ванакиле* и *Перно* (см. Бишннг. *Erdbeschr.*). *Черною* именуется въ нашихъ лѣтописяхъ одна изъ рѣкъ западно-южной Финляндіи. — Мѣстечко *Еисе* въ Тавасиладскомъ Графствѣ также напоминаетъ *Емь*. Одинъ изъ моихъ пріятелей, знакомый съ сими мѣстами, писалъ ко мнѣ, что шамоніи жили донынѣ называютъ себя *Nämi*, и что имя Суми или Суоми въ особенности принадлежитъ Финляндцамъ съвернымъ. — Адамъ Бременскій, по мнѣнію Шлецера, называетъ Ямъ *Lami*, а Гервасій, Авпоръ XIII вѣка, *Jarmenses*, вмѣсто *Jatenses* — Юрландъ именуется *Весъ Vas*.

Въ *Болши. Чертежѣ*, стр. 317: «Тѣ города по Сисвѣ и по Сосвѣ *Югря*» Гербериниетъ на картѣ Россіи полагаетъ Югру за Обью. Доселѣ Историки и Географы наши искали Югры на берегахъ Юга, Двины и Мезени. Описание похода Россіянъ въ землю Югорскую около 1500 года ясно доказываетъ, что она была за Каменнымъ Поясомъ: см. сей *Исторіи* Т. VI. Имя Оспяковъ есть новое Татарское: покоривъ часть Сибири въ XIII вѣкѣ, Татары называли ея жителей *Уитякали*, т. е. *жидьли дикими*. Вогуличи именуютъ Березовыхъ Оспяковъ *Мансали*: такъ называются и сами Вогуличи.

Теперь нѣтъ особеннаго народа Печорскаго. Думаю, что такъ назывались нынѣшніе Зыряне (см. ниже), а не Самовѣды, которые въ Неспоровой лѣтописи именуются особенно Самоядью.

(73) Меря, Муромъ, Весь, уже давно обратились въ Россіянъ. Зыряне или Сыряне живутъ на берегахъ Выми, Сычолы, Вычегды, и проч. Они принадлежали ко многочисленному народу Пермскому и говорящъ съ нимъ почти однимъ языкомъ, котораго словарь напечатанъ Миллеромъ въ его *Sammlung Russ. Gesch.* Болшій, не зная того, пишетъ, что Зыряне утратили языкъ свой и сдѣлались совершенно Русскими:

см: *Путешествія Академика Лепехина*, Т. IV, стр. 404, Фишер. *Сибир. Исторію* стр. 81, 99, 100, и въ Миллер. *Sammlung Russ. Gesch.* словари Чудскихъ народовъ. Живъ долго между Татарами, Чуваши занимствовали отъ нихъ множество словъ; но языкъ ихъ въ основаніи есть также Финскій.

(74) См. Тацит. *Descript. Germaniae* гл. 46. Венеды, по его словамъ, граничили къ Сѣверу съ Финнами. Гашпереръ думаетъ, что Финны жили тогда въ Курляндіи, Самогитіи, сѣверной Литвѣ (см. *Commentationes Societ. Gottingensis*, Т. XII, стр. 208, и Шлецер. *Nord. Gesch.* стр. 438). Можетъ быть, въ глубокой древности Финны пришли изъ сѣверной Азіи въ Европу; но крайней мѣрѣ языкъ ихъ весьма отличенъ отъ коренныхъ языковъ Европейскихъ, а сходенъ съ Венгерскимъ (см. *D. Gyarmathi Affinit. ling. Hungaricae cum linguis Fennicae originis*). Баеръ (а за нимъ и Гашпереръ) производитъ Финновъ отъ Скивовъ; но образъ жизни первыхъ, описанный Тацитомъ, не представляетъ ничего Скивскаго.

(75) Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что Везь, Меря и Муромы были единоплеменники Мордвы и другихъ Финскихъ народовъ.

(76) Такъ означаетъ Торфей границы ея (*Historia Norveg.* Т. I. стр. 102, и Шлец. *Nord. Gesch.* 500.) Въ древнихъ Скандинавскихъ извѣстіяхъ Бѣлое море называется Гандвикъ (*Hist. Norveg.* I, 163). — Квенландія значить *женская земля*. Сіе имя заставило Адама Бременскаго баснословить о сѣверныхъ Амазонкахъ (въ Линдеборг. изданіи стр. 59). — Финскія чародѣйства подробно описываются въ сѣверныхъ сказкахъ (см. Шлецер. *Nord. Gesch.* стр. 437 и его *Nestor*, Ч. II, стр. 45; также Торф. *Nist. Norveg.* Т. II, стр. 165).

(77) Исландія, островъ необитаемый до 874 года, и въ сіе время населенный Норвежцами, не хотѣвшими повиноваться Гаральду, первому Деспоту сѣверному, прославилась своими льтописцами, копорыя служашъ главнымъ источникомъ для Скандинавскихъ Исто-

риковъ. Лучшій Исландскій Льтописецъ есть Снорро или Снорри Спурлезонъ или Спурлузонъ, бывший въ XIII вѣкѣ Лагманомъ острова, по есть, блюстителемъ законовъ. Отъ льтописей, достойныхъ уваженія, надобно отличать Исландскія *Саги*, или сказки, весьма недостоверныя. Лейбницъ, Ире, Маллеть, Шлецеръ, признають ихъ болѣе романами, нежели Исторією, хотя Шперлингъ и самый ученый Брингъ другаго мнѣнія, считая Поэзію Скальдовъ историческою драгоценностію. Въ *Сагахъ*, какъ и во всѣхъ народныхъ сказкахъ, есть конечно истинныя древнія преданія: только отъ сочинены уже гораздо послѣдшаго вѣка — и кто отличитъ въ нихъ ложь отъ истинны?

(78) См. Оперово путешествие въ Форстеровой *Geschichte der Entdeckungen in Norden*.

(79) Нѣтъ нужды спорить съ тѣми, которые производятъ Лапышей отъ Римлянъ, Македонянъ, Евреевъ, Сарациновъ и проч. Большая половина языка ихъ есть Славянская (см. Тумана *Uber Nordl. Völker*); но упомянемъ о мнѣніи ученаго Гашперера. Онъ признаетъ сей народъ Сарматами, говоря: «Ежели Финны Скифы, а Славяне Дако-Гепы, то не можно ли Лапышей произвели отъ Азіатскихъ Сарматовъ?» (см. его *Weltgeschichte*, стр. 737, особенно же *Commentationes Societ. Gottingensis*, Т. XI и XII). Но кто доказалъ, что Финны Скифы, а Дако-Гепы Славяне? см. выше, примѣч. 68, 74. Нравы Лапышей, извѣстные намъ съ IX вѣка по описанію Вульфстанову, не имѣли и не имѣють никакого сходства съ нравами Сарматовъ. Вся Гашперерова *система народовъ* основана на словѣ *если!*

(80) *De reb. Geticis*, стр. 85. Сіе мнѣніе ученаго Тумана кажется мнѣ втрошнымъ. Многіе Готы и Славяне, бывшіе въ Дакии, могли возвратиться къ Лапышамъ и сообщивъ имъ нѣкоторыя слова Лапидскія, находящіяся въ языкѣ послѣднихъ. Сприковскій и Преторій рассказываютъ, что Видуль, оскорбленный междуособіемъ народнымъ, говорилъ шакъ своимъ

«единоземцамъ: »Если бы вы имѣли хотя разумъ пчелъ, что ссоры ваши давно бы прекратились. Знаете, чторой повинуется одной маткѣ, и что она для каждой пчелы опредѣляетъ особенную работу, выгоняя лѣнивыхъ изъ улья. Воспользуйтесь симъ примѣромъ; изберише Государя, и вручише ему судьбу вашу, да судиши распри гражданъ, отвращаетъ убійства, злоупотребленіе силы, и печется о всеобщей безопасности! — Народъ единодушно избралъ его въ Царя: ибо Видвухъ былъ знаменитъ какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и въ чужихъ земляхъ, умомъ и богашествомъ. Болѣе кропкими наставленіями, нежели строгостію, онъ приучилъ своихъ подданныхъ къ трудолюбію, земледѣлію, скоповодству.» — Вотъ пародная сказка, которая можешь имѣть нѣкоторое историческое основаніе.

Лептландіею называлась южная часть Ливоніи, гдѣ жили Латыши (а не Ливь).

(81) Въ нынѣшнемъ Напангенѣ, гдѣ село Гросвальдентъ.

(82) Неспоръ: »И есть припча въ Руси и до сего дне: *погибоша аки Обри*, ихъ же нѣсть племени, ни «настѣдка.» Авары были извѣстны Грекамъ гораздо ранѣе (Memor. popul. I, 642)...

(83) См. Memor. popul. III, 549 и слѣд. Нѣкоторые Арабскіе Писатели считаютъ Козаровъ за одинъ народъ съ Грузинами (см. Эрбелоп. Biblioth. Orient. подъ словомъ Khazar.). Туиманъ и Шлецеръ думали, что Неспоръ Бѣлыми Уграми называеиъ также Козаровъ; однакожъ извѣстіе Неспорова (стр. 10), что Бѣлые Угры завладѣли послѣ землею Славянской (см. выше, примѣч. 64), можеть относитиься только къ дѣйствительнымъ Уграмъ: ибо Лыпонисецъ нашъ, какъ онъ сказалъ выше (стр. 6), означаеиъ симъ именемъ Венгрію, ими завоеванную. Греческіе Историки называюиъ и Венгровъ и Козаровъ Турками (Memor. popul. III, 543, 607). Венгрія въ среднихъ вѣкахъ называлась *Бѣлою*: Alba Ungaria (см. Гебгарди Gesch. des R. Ungarn, I, 362, Пестскаго изданія 1802). —

Татищевъ и Болтинъ несправедливо думали, что Козары и Хвалысы одинъ народъ (см. ниже примѣч. 441). — Моисей Хоренскій (Hist. Arm. кн. II, стр. 183) называетъ Козаровъ Хазирами, а пѣкшорые Византійцы Аказирами.

(84) Петръ Великій и храброе войско его, взявшее Дербентъ, съ удивленіемъ видѣли остатки сей степны, проведенной чрезъ горы и пустыни отъ Каспійскаго моря къ Черному. Князь Димитрій Кантемиръ, мужъ просвѣщенный и любопытный, описалъ ея развалины. »Въ долинахъ, говоришъ онъ, стоятъ еще многія башни съ ворапами, похожія на башни Московскія. Степны въ ширину болѣе сажени; огромные камни, изъ коихъ она сдѣлана, безъ желѣза и безъ извести, сплочены весьма крѣпко (см. Баера de muro Caucaseo въ Комменш. Академіи Наукъ, Т. I, или въ его Opusc. стр. 94; см. также Эрбелоп. Bibl. Orient. подъ словомъ Khazar).

(85) Д'Анвилъ пишетъ, что въ началѣ V вѣка Татарскій Князь, именемъ Тулуиъ или Турупъ, первый назвался Каганомъ или Ханомъ (см. его Mémoire sur les peuples de la Dace, въ Mém. de l'Acad. des Inscript. Т. LII).

(86) См. Voyage de Rubruquis, въ Бержерон. изд. стр. 1. Кромъ принадлежавшаго Греческимъ Императорамъ Херсона и юго-западной приморской области Дори, гдѣ жили 3000 зависимыхъ Готевъ Христіанской Вѣры, остатки пѣхъ, которые въ IV вѣкѣ, при Эрманарихѣ, господствовали надъ всею восточною Европою. Сии малочисленные Готы, вѣрные союзники Константинополя, славились храбростію и гостеприимствомъ, любили земледѣліе, жизнь сельскую и не перѣли городовъ въ странѣ своей. Юстиніанъ I, для ихъ защиты, оградилъ Дори, въ пѣкшорыхъ опасныхъ мѣстахъ, каменною стѣною, (см. Прокоп. de Aedif. кн. III, гл. 7). Они уже въ концѣ IX вѣка были покорены Ханомъ Козарскимъ (см. Memor. popul. I, 245 и слѣд.).

Юстиніанъ II, свергнушый съ престола Тиверіемъ,

ушелъ къ Хану Козаровъ и женился на его дочери, которую онъ послѣ вѣнчалъ царскимъ вѣнцемъ въ Константинополь. Филиппикъ также искалъ ихъ защиты. Императоръ Левъ женилъ сына своего, Константина, на Княжизъ Козарской; отъ сего брака родился сынъ, который царствовалъ подъ именемъ Льва Козарскаго.

(87) См. *Абульфеду*, въ Бишпи. *Historisch. Magaz. T. V. стр. 365*, Эрбелоп. *Bibliothèque Orientale* при имени *Khosar, Balangiar*, и *Oriental Geography of Ebn Haukal, an Arabian Traveller of the tenth century. translated by W. Ousely стр. 185 — 190*. Переведемъ здѣсь любопытныя извѣстія о Козарахъ изъ послѣдней книги и *Chrétomathie Arabe, par Silvestre de Sacy*:

«Каганъ (или Хакашъ) долженъ быть всегда Императорскаго покровенія. Только въ важнѣйшихъ дѣлахъ можно имѣть къ нему доступъ; входящіе падаютъ ницъ и ждуть, чтобы онъ велѣлъ имъ встать, приближиться и говорить. Никто не смѣетъ ѣхать верхомъ мимо Кагановой могилы: надобно сойти съ коня, поклониться гробу, иппи пышномъ и сѣсть на лошадь единственно тогда, какъ могила уже сокроеся отъ глазъ. Если Каганъ скажетъ знающему чиновнику: *поди, умри*, то чиновникъ немедленно идетъ домой и убиваетъ себя. Иногда самые бѣдные люди Каганскаго покровенія восходятъ на протъ въ свою очередь. Я слышалъ, что одинъ молодой человекъ сидѣлъ въ лавкѣ, шоргуя бездѣльцами, и что народъ говорилъ объ немъ: *по смерти нынѣшняго Кагана онъ сядетъ на престолъ!* Но сей человекъ былъ Мусульманинъ, а Каганъ долженъ быть всегда Иудейской Вѣры (которую, по сказанію Восточнаго Историка, Массуди, жившаго въ X вѣкѣ, принялъ въ 740 году Козарскій Владѣтель Була: см. ниже). Съ Царемъ судить девять Чиновниковъ, которые могутъ быть Мусульмане, Евреи, Христіане, идолопоклонники. Меньшая часть жителей Иудейскаго закона, а большая Магометанскаго и Христіанскаго.... Городъ Амель окруженъ верстъ на семдесятъ плодосными поля-

ми... Главная пища жителей есть рыба и пшено; медъ и воскъ привозятъ къ нимъ изъ Россіи. Знапшійшіе граждане Амельскіе суть Мусульмане и купцы; языкъ ихъ Турецкій.... Въ землѣ Козарской есть городъ Асмидъ, весьма богатый садами. Дорога отъ Дербенпа къ Сериру все окружена ими; шуть родится и виноградъ» (*Oriental Geography*).

Массуди около 947 года пишетъ слѣдующее: «По рѣкѣ, раздѣляющей столицу Козарскую на двѣ части, ходятъ вверхъ большія суда, нагруженныя поварами Ховарезмскими. На другихъ судахъ изъ земли Берпаса привозятъ шкуры черныхъ лисицъ, самыя славныя и дорогія. Есть и красныя, пестрыя, бѣлыя. Такъ называемыя Арабскія малоцѣнныя всѣхъ шухъ. Черныя идутъ единственно изъ сей земли или соседственныхъ съ нею. Цари народовъ варварскихъ покупаютъ опылъ весьма дорогою цѣною для шапокъ и шубъ. Изъ Козарин отправляютъ ихъ не только въ Дербенпъ, въ Берду и другія мѣста въ Хорасанъ, но и въ страны Франковъ въ Испанію.» (*Chrétomathie Arabe par S. de Sacy*).

Хотя въ Козарин было много городовъ, изъ коихъ Нубійскій Географъ (Шерифъ аль-Эдризи, писавшій около 1153 года) именуетъ Курапъ, Гадранъ, Сегесанъ, Самандаръ, Альбаиду, Садилъ и Ферузъ-Кападъ: но многіе люди жили тамъ еще въ шапрахъ или въ кибицкахъ. Дворецъ Кагановъ, на западномъ берегу Волги, былъ кирпичный; а другія жилища все мазанки. Обыкновенная воинская дружина сихъ Государей состояла изъ 12,000 человекъ (*Oriental Geogr.*). — По другимъ Восточнымъ извѣстіямъ Каганская столица находилась ближе къ Дербенпу.

Константиинъ Багрянородный, описывая въ X вѣкѣ только южныя области Козарскія на берегахъ Азовскаго и Чернаго моря, не упоминаетъ объ ихъ Волжскихъ или Каспійскихъ владѣніяхъ; но въ его время Каганы еще господствовали въ нынѣшней Аспраханской Губерніи по Восточнымъ извѣстіямъ (см. нашей *Исторіи* годъ 1021), хотя Узъ, народъ Турецкаго

племени, уже кочевали тогда между Волгою и Дономъ, или съ согласія или пропивъ воли Козаровъ (см. Констп. Багрянород. въ Бандури Т. I, стр. 105, 106, и Делилеву географич. карту шамъ же, стр. 32, 33). Узы (*Ouzo*, *Ouz*) называются въ Византійскихъ лѣтописяхъ Гуннами и Скивами. Одинъ повѣйшій Глика причисляетъ ихъ именно къ Печенѣгамъ (Memor. pop.). Баеръ безъ всякаго основанія считалъ Узовъ и Половцевъ или Комановъ за одинъ народъ: Скилицій и Анна Комнина говорящъ особенно о помъ и другомъ. Дегинъ сказываетъ, что Арабскіе Историки называютъ Узовъ *Gozz*. Если не ошибаюсь, то они въ лѣтописи Несторовой именуются Торками (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 106).

Имя города Саркела, по полкованію Константина Багрянороднаго и Продолжателя его, значило на языкъ Козаровъ *блвгую гостиницу* или *блвгий домъ* (Memor. popul. Т. III, стр. 567). На Турецкомъ языкъ оно значить *блвгий городъ* (Баер. Geographia Russ. ex Const. Porph. въ Комменсп. Академіи, Т. IX, стр. 399). Потому ученый Делиль (см. въ началъ Бандури *Animadvers.* in Const. Porph. libros de Themat.) вообразилъ, что Саркель есть нынѣшній Бѣлгородъ въ Курской Губерніи, и что Константинъ назвалъ Тавансомъ не Донъ, а Донецъ. Баеръ, д'Анвилъ (въ *Mémoire sur les peuples qui habitent aujourd'hui la Dace*: см. *Mém. de l'Acad. des Inscr.* год. 1758 — 1760) и другіе повѣрили ему; но сіе мнѣніе кажется несправедливимъ. Бѣлгородъ Курскій извѣстенъ только съ XVI вѣка (см. сей *Исторіи* годъ 1502, въ примѣч.) и названъ *Бѣлыми* отъ своего положенія на мѣловой горѣ, съ которой перенесли его въ долину (см. *Большой Чертежъ*). Люди, отправленные Императоромъ Теофиломъ, приплыли на судахъ къ тому мѣсту, гдѣ надлежало имъ строить Саркель (Memor. popul. Т. III, стр. 567 — 568): а Донецъ въ окрестностяхъ Бѣлгорода не удобенъ для судоходства (см. *Записки В. Зуева*, стр. 170). Козары, овладѣвъ Тавридою, желали имѣть Саркель для защиты отъ Печенѣговъ (см.

Кедрина въ Memor. popul. Т. III, стр. 568), которые еще жили тогда, по извѣстію Константину, на берегахъ Янка и Волги: не Донецъ, но Донъ могъ быть границею между ими и Козарами. Константинъ, Продолжатель его и Кедринъ пишутъ, что сей городъ стоялъ на берегу Таванса (Memor. popul. Т. III, стр. 567 — 568). Въ *Хожденіи Митрополита Пилемна къ Царюграду*, писанному въ исходѣ XIV вѣка, сказано, что на Дону, въ двухъ дняхъ плаванія внизъ отъ устья Медвѣдницы, находились развалины древняго города *Серклии* (см. нашей *Исторіи* Т. V, примѣч. 116): вошь мѣсто *Саркела*, если не ошибаюсь.

О Кагановомъ и другихъ *городищахъ* см. въ *Описаній Харькова*, стр. 101; также въ *Географ. Словарь Рос. Госуд.* подъ именемъ *Воронѣжъ*. Въ *Большомъ Чертежѣ* упоминается о многихъ городищахъ на берегахъ Донца (стр. 47 — 50). Имена: *Колодезь Каганской*, *Перевозъ Каганской*, свидѣтельствуютъ, что сіи мѣста принадлежали Козарамъ.

Греческій Царь Михаилъ отправилъ въ Козарію Философа Константина, обратившаго ея жителей въ Христіанство. Они изъ благодарности хотѣли осыпать его дарами; но Константинъ требовалъ только освобожденія Греческихъ невольниковъ: что ими съ радостію было исполнено (см. *Vitae ambae SS. Cyrill. et Method. in Act. Sanct.* 9 Марта, *Ассемані Календ. Eccl. univers.* III, 4; см. также нашу *Минею*, въ житіи Святыхъ Константина и Меодія). Между тѣмъ Каганы, не препятствуя народу креститься, сами еще оспавались въ Иудейскомъ Законѣ (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 23, въ описаніи 1021 года). Св. Константинъ или Кирилъ чрезъ нѣсколько лѣтъ прославился изобрѣщеніемъ буквъ Славянскихъ и переводомъ церковныхъ книгъ съ Греческаго (см. ниже спашью о *языкѣ и грамотѣ Славянъ*.) О Козарахъ см. также прим. 347.

(88) Слѣдственно имя нынѣшней Россіи происходитъ не отъ *разсыяніа*, какъ думали нѣкоторые, согласно съ извѣстіемъ Прокопія о Спорахъ. Герберштейнъ пи-

шесть, что въ его время сіе мнѣніе было уже общае въ Россіи (см. *Reum Moscoviticarum Comment.* стр. 1). — Нѣкоторые повѣйшіе Лѣтописцы, вопреки Несторову сказанію, производили имя Руси отъ рѣки Порусья. Въ древнія времена писали у насъ *Русь*, послѣ *Русія*, а наконецъ обратили букву У въ О. — Сообщаемъ здѣсь конецъ сказки, внесенной нами въ примѣчаніе 69: »Когда Господымысль дожилъ до глубокой старости и не могъ уже править такими многочисленными, безпокойными народами: тогда всей великій мужъ, *свѣдѣый умомъ и власами*, призвавъ начальниковъ Русской земли, увѣщавалъ ихъ выплыти, по смерти его, за море въ Прусскую и Варяжскую землю, къ тамошнимъ *Самодержцамъ*, отъ рода *Августа Кесаря*, и предложишь имъ власъ надъ землею Славянской. Господымысль скоро умеръ, и Новгородцы погребли его съ великою честію на мѣстѣ именуемомъ *Волотово*, по долгу не хотѣли Самодержавія и выбирали только *Посадниковъ*; наконецъ безпорядки и междоусобіе заставили ихъ отправиться въ *Варяжскую землю* и въ *Пруссію* къ тамошнему *Курфирсту* Рюрику, потомку Августову въ XIV столѣтѣ, который согласился управлять ими. Сіи сказочки объявляютъ намъ, что Цесарь Августъ имѣлъ братьевъ: *Прусса*, Августула, Кириія, *Иллирика*, Ипіона, сродника Эвельгерда и проч. Такими и подобными историческими баснями отличался у насъ какой-то Діаконъ Холмогьяго монастыря (донынѣ существующаго при устьѣ рѣки Мологи), именемъ Тимоѣея Камешевича Рвовскій. Онъ жилъ и писалъ около 1699 году. Я нашелъ его сочиненія въ Синодальной библіотекѣ, въ рукописной книгѣ, названной *о древности Россійскаго Государства* No. 529, Т. II.

(89) См. Нестора. Достоинно примѣчанія, что одинъ Арабскій Географъ упоминаетъ о *Варанкско-мъ* морѣ какъ о заливѣ Сѣвернаго, и сказываетъ, что *Варанкъ* есть имя народа, обитающаго на его берегахъ (см. Абульфеда въ Бишинг. *Hist. Magaz.* Т. IV, стр. 151).

(90) См. Гельмольда.

(91) Въ 516 году, по извѣстію Григорія Турскаго. Долго читали въ церквахъ молитву: *à furore Normannorum libera nos, Domine* — то есть: *сохрани насъ, Господи, отъ свирѣпства Нормановъ.*

(92) См. Форстерово сочиненіе *Von den Entdeckungen in Norden*. Они въ 1001 году были занесены бурей къ Американскимъ берегамъ; послѣ нѣсколько разъ бѣжалитуда изъ Гренландіи, и назвали сію новую землю Винландіею. Адамъ Бременскій упоминаетъ объ ней.

(93) Саксонъ, Авторъ XIII вѣка, прозванный Грамматикомъ по его чистому Латинскому слогу, дозволилъ себѣ выдумать всю начальную Исторію Скандинавіи, основываясь будто бы на древнихъ стихотвореніяхъ и надписяхъ, неизвѣстныхъ ни одному целовѣку, кромѣ его. Не только благоразумные Критики — Маллешъ, Шлецеръ — но и самъ Шведскій повѣствователь Даллингъ, весьма склонный къ баснословію, отвергаетъ древнюю Исторію Саксону. Не смотря на то, Миллеръ въ своей Академической рѣчи съ важностію повторилъ сказки сего Даллингана о Россіи, замѣтивъ, что Саксонъ пишетъ о Русской Царевнѣ Риндѣ, съ которою Одинъ прижалъ сына *Боуса*, и что у насъ есть также сказка о Бовѣ Королевичѣ, сынѣ *Додопа*: имена Боусъ и Бова, Одинъ и Додопъ, сходны: следовательно не должно отвергать сказаній Грамматика! (см. Миллерово сочиненіе *о народахъ въ Россіи обитавшихъ*, въ статьѣ *о Готвахъ*).

Для читателей любопытныхъ предложимъ здѣсь сію весьма недостоверную извѣстію о древней Россіи.

Фропонъ I, Король Данскій, по мнѣнію Торфееву современникъ Христа, въ морскомъ сраженіи побѣдилъ Россійскаго Царя или Тирана (Сакс. Граммат. *Hist. Dan.* кн. II, стр. 21), именемъ Траннона: взялъ городъ его Роталу въ Ливоніи (см. Грубер. *Liefländ. Chronik*) и *Пелтискъ* или Полоцкъ, столицу Веспазія, другаго Царя Россійскаго; завоевалъ еще дальнѣйшую страну какого-то Царя Гандувана и женился на его дочери. — Въ I вѣкѣ Норвежскій Владыка Галфданъ воевалъ въ земляхъ Востока, Россіи и Ливоніи, убилъ на по-

динкѣ славнаго Царя Сигпригга и женился на дочери Россійскаго Государя Эймунда, именемъ Альмвейгъ или Альфини (Торф. Hist. Norveg. I, 173). — Шведскій Король Готтбродъ также счастливо воевалъ въ Россіи (Сакс. Грам. стр. 28). Наслѣдникъ его, Гошеръ, погибъ въ сраженіи съ Боемъ, сыномъ Опина (или славнаго Одина) и Россійской Царевны Ринды. Колдунъ Финскій предсказалъ Опину сей случай; но мужественный Бой, самъ рапленный въ битвѣ, умеръ на прешій день, и погребенъ съ великою честью Россійскими воинами, копорые насыпали высокій курганъ надъ его могилою, да служилъ долговременнымъ памятникомъ славы Боевой (Сакс. Грам. Hist. Dan. стр. 44, 46). — Сынъ Гошеровъ и преемники его имѣли многія войны съ Россіянами въ теченіе II вѣка.

Фротонъ III, Король Датскій, въ III вѣкѣ по исчисленію Торфееву, женился на дочери какого-то Царя Гуниовъ, приворопилъ ее къ себѣ волшебнымъ пиіемъ, и развелся съ нею: за что шесть его объявилъ ему войну и соединился съ Россіянами, но былъ побѣжденъ (Сакс. Грам. Hist. Dan. 69, 86, 89). Фротонъ отдалъ Гольмгардскую (или Новгородскую) область Царю Олимару, Эспію (Эстонію) другому Царю, а прешнему Коногардію, также Россійскую землю. — Въ Исландскихъ повѣстьяхъ упоминается о знаменитомъ Россійскомъ Государѣ Зигурламъ, копорый, по мнѣнію Торфея (Hist. Norv. I, 420), жилъ въ III вѣкѣ. Гейррида, дочь Русскаго богатыря и Владышеля Гейрравада, вышла за Норвежца Аугмунда, и не малая часть Россіи была ея приданымъ или наслѣдіемъ (Торф. Hist. Norv. I, 273). Одъ, другой випись Норвежскій, женатый на Силкизифѣ, Царевнѣ Россійской, также господствовалъ въ опечесивъ ея. Больше всѣхъ Россійскихъ Государей славился тогда могуществомъ и богатствомъ Гроллавгъ; а супруга его Герборгъ, сынъ Герлавъ, дочь Гергерда, не менѣе славилась красою. Норвежецъ Гейдрикъ (Торф. Hist. Norv. I, 432) совокупилъ бракомъ съ Гергердію, и взялъ за нею въ приданое Винландію (или Финляндію, какъ толкуютъ).

Одна пристань или городъ въ Россіи назывался Альдейгабургомъ или Альдейгабургомъ (см. ниже примѣч. 434). Тамошній Владышель Ингваръ былъ умерщвленъ Стурлавогмъ Трудолюбивымъ, копорый, на его дочери Ингигердѣ женивъ Фрамора, отдалъ ему сію область (Торф. Hist. Norv. I, 204). Траидійскій Король Эиспейпъ, осадивъ Альдейгабургъ, убилъ его Владышеля, имеемъ Гергейра (Торф. Hist. Norv. I, 296). Біарпмаръ, Графъ (Comes) Альдейгабургскій, не уступалъ въ силѣ Королямъ (Торф. Hist. Norv. I, 422). Сіи происшествія Торфей относитъ ко II или III вѣку.

Сынъ Фротона III, Фридлевъ, былъ воспитанъ въ Россіи (Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. VI, стр. 96) и съ помощію тамошняго Царя восшелъ на прешоль опеческій. — Спаркаперъ, випись Датскій, обративъ въ бѣгство Россійскаго Князя (Principem) Флокка, овладѣлъ его несмыслимыми сокровищами, множествомъ серебра и золота (Сакс. Грам. кн. VI, стр. 104, 105), и на поединкѣ одолѣвъ Визинна, богатыря нашего, въ царствованіе Фротона IV, ш. е. въ IV вѣкѣ по хронологіи Торфеевой. — Лѣтъ черезъ сто или болѣе Гальданъ, Король Датскій, помогалъ Россіянамъ противъ Шведскаго (Сакс. Грам. кн. VII, стр. 135); и Король Ярмерикъ воевалъ съ ними.

Знаменитый Король Съверный, Иваръ Видфадме, покоривъ Швецію, Данію, завосвалъ и часть Государства нашего. Дочь его, Авдура Диупауда (Торф. Hist. Norv. I, 442) или *пребогатая* (praedives), овдовѣвъ, ушла въ Россію съ малолѣпнымъ сыномъ Гаральдомъ, и сочелася бракомъ съ тамошнимъ Владышелемъ Радбардомъ. Иваръ, досадуя на зяпю, хотѣлъ мспнить ему, но упонулъ въ морь, и Гаральдъ съ помощію своего вошчима сдѣлался Королемъ Датскимъ, въ началѣ VII вѣка по Торфееву лѣтосчисленію. Сынъ Радбардовъ, мужественный Рапдверъ, не довольный своимъ наслѣдственнымъ Россійскимъ Царствомъ, опправился въ Норвегію и Англію, гдѣ погибъ въ сраженіи. Родъ его долго царствовалъ въ Швеціи, Даніи и Норвегіи. Внукъ Радбардовъ, Регнальдъ,

господствуя въ нашемъ опечествѣ, ходилъ въ Скандинавію помогать сыну Рандверову, Сигуршу, который въ 735 году лишилъ жизни дядю своего, Гаральда.

Во время Карла Великаго жилъ славный Датскій Король, Регнеръ Ломброкъ, и завоевалъ Ливонію. Сыновья убишаго Короля ея, Діана, женатыя на Россійскихъ Царевнахъ, съ помощію своего шесня сражались мужественно; но Регнеръ, побѣдивъ ихъ и завладѣвъ Россією, Финляндією, Біармією, опдалъ сіи земли сыну своему, Витсерку. Царствование его было не долговременно: сынъ Ливонскаго Короля, именемъ Даксонъ, взялъ Витсерка и сжегъ на кострѣ (Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. IX, стр. 174).

Симъ заключаемъ выписку изъ Саксона и повѣстей Исландскихъ о древней Россіи.

(94) *Гардъ* знаменуетъ не только городъ, но и страну. Датчане именовали Россію Оспрогардомъ, т. е. *восточною страню*: ибо она лежитъ отъ нихъ къ Востоку. Гардерикъ означаетъ или просно *государство* или *землю*, въ которой *есть города*; Гольмгардъ *землю острововъ*, insularum regio, или *городъ на островѣ*. Бангеръ думалъ, что Скандинавы называли Россію Грецією отъ Вѣры, принятой Славянами отъ Грековъ, вмѣстѣ съ ихъ азбукою; но такъ именовалась она въ Скандинавіи еще и во время язычества (см. Баеров. Geograph. Russiae ex Script. Septentr. въ Коммент. Академіи Т. X, стр. 371, и *разсужденіе* Ученаго Ире *о путешествіи Скандинавовъ въ Грецію*, въ Шлец. Nord. Gesch. 549 — 556) вѣроятно для того, что Норманы ѣздили въ Грецію обыкновенно черезъ Россію, и въ мысляхъ своихъ какъ бы соединяли сіи двѣ страны. Сѣверные Писатели именовали Россію и Хунгардомъ, то есть, по изъясненію Гельмольдову, *страню Гунновъ*. Гунны конечно могли въ IV и V вѣкѣ владѣть частію Россіи; но вѣроятноѣе, что имя Chunigard произошло отъ испорченнаго имени Кіева, называемаго Сѣверными Авшорами Chive, Cuieua, Kosnugardia.

Руналии именуются старыя письма Скандинав-

скія. Ученые долго спорили о ихъ древности. По крайней мѣрѣ извѣстно, что сіи буквы употреблялись въ Скандинавіи уже около VII или VIII вѣка; ихъ находили еще на памятникахъ и гробахъ языческихъ, хотя, кромѣ сихъ надписей, не имеемъ иныхъ *древнихъ* и важныхъ для Исторіи монументовъ Руническихъ (см. въ Шлецер. *Свер. Ист.* Von der Schreibkunst in Norden). Жители Далекарліи донынѣ употребляютъ Руническіе знаки (см. Далинову Gesch. des Schwed. R. Т. I, стр. 180).

(95) Дюшен. Historiae Francorum Scriptores Т. II, 389, 524, 850. Другія имена см. въ Баеровомъ сочиненіи de Varagis въ Коммент. Академіи, Т. IV, или въ его Opusc. стр. 359. Въ договорахъ первыхъ Князей Русскихъ съ Греческою Имперією называются многіе Боляре ихъ также Скандинавскими именами; на примѣръ: «Мы отъ роду *Русскаго* Карлъ Инегельдъ, Веремундъ, Рулавъ, Руальдъ, и проч. посланы отъ «Ольга, Великаго Князя Русскаго,» и проч. (см. печати. *Нестора*, стр. 26).

(96) Анна Комнина пишетъ, что Варяги (или, по Греческому произношенію, *Варанги*) были изъ Туле, т. е. изъ Скандинавіи. Кедринъ также признаетъ ихъ Скандинавами. Когда Эрикъ, *Датскій* Король, прѣхалъ въ Царьградъ, то Варяги получили дозволеніе идти къ нему: ибо онъ былъ Государемъ *ихъ* народа. Норвежскаго Принца Гаральда избрали Констанцинопольскіе Варяги, какъ *своего единоземца*, въ начальники ихъ дружины (см. *разсужденіе* Баера de Varagis, въ Коммент. Академіи, Т. IV). Впрочемъ между Констанцинопольскими Варягами были другіе чужеземные воины: Англы, Франки (см. Memog. popul. Т. IV, стр. 431 и слѣд.).

(97) См. ученаго Ире Reise der Normänner im Mittel-Alter. въ Шлецер. Nord. Gesch. стр. 546. Еще отъ времени Константина Великаго Римляне называли Готескую дружину Foederati, или *союзники*. Шведы уже въ половинѣ IX вѣка имѣли сообщеніе съ Царемградомъ (см. ниже примѣч. 106). Констанцинъ Ба-

гряпородный называется Варяговъ Фарганами. (см. Memor. popul. IV, 453). — Упомянемъ еще о трехъ толкованіяхъ Варяжскаго имени: 1) Нѣкоторые хопшлы производить его отъ Финскаго слова *Varesch*, п. е. *воръ*: ибо не только Скандинавскіе виплзи, но и самыя Короли ихъ не стыдились быть разбойниками, и часто опустошали Эспонию (Hervarar Saga, гл. XIII). 2) «Въ Нормандіи донынѣ называется *Varech* то, что выбрасывается морскими волнами на берегъ. Норманы, приспавая къ берегамъ чужеземнымъ, назывались, можешъ быть, Варягами въ смыслѣ *мореплавателей*; а Финны и Славяне обрапили сіе имя «въ собственное.» (Миллеръ въ Sammlung R. G.); но *Varech* значить собственно *кораблекрушеніе*: всякія разбитыя, пощонушія суда называются по-Французски *varech*. — 3) «Имя *Варягъ* могло произойти отъ древняго Нѣмецкаго *War*, *война*, и знаменовашъ *война*; оно сохранилось въ языкѣ Англійскомъ.» Въ Германскихъ законахъ IX вѣка упоминается о *Варенгахъ*, (см. изданный Петромъ Георгишемъ *Corpus iuris Germanici antiqui*, стр. 782); кажешъ, въ смыслѣ *военнаго чловѣка*, а можешъ быть и *союзника*.

(98) Первый, какъ говоритъ Константинъ въ книгѣ о *правленіи* (Memor. populogum T. II, стр. 982), назывался по-Славянски *Нессути* (такъ подобно читашъ вмѣсто *Эсути*), то есть, *не спи*; второй *Островути прагъ* (островный прагъ); третій *Геландри*; четвертый *Наситъ* (ишица нелсытъ, или пеликанъ); пятый *Вульнипрагъ* (вольный прагъ); шестый *Веруги* (*Веругъ*; quasi dicas aquae scaturigo: *ручей* или *вертелицей*?), седьмый *Нагреси*; а по-Русски: первый также *Нессути*, второй *Ульборси*, четвертый *Аифаръ*, пятый *Баруфоросъ*, шестой *Лелити*, седьмый *Струвучъ*. Константинъ толкуешъ Славянскія имена справедливо, кроме третьяго и седьмаго: *Геландри* не есть *шумный*, а *Нагреси* не *малый прагъ*, какъ онъ говоритъ; первое слово не имѣешъ никакого значенія въ языкѣ Славянскомъ, а второе можешъ происходить отъ стариннаго глагола *прягу* или *связываю*. Вѣроятно, что сей

малый водопадъ не мѣнялъ дѣйствию парусовъ, и что его назвали такъ отъ крика лодошниковъ: «*прягай или навязывай парусы!*» — Баеру казались Русскія имена совсѣмъ непонятными; но Спрубе и Тунманъ признаютъ ихъ Скандинавскими, (см. Тунмана *Über einige Gegenstände der Russ. Geschichte*, и Спрубе *Dissertation sur les anciens Russes*, также Лерберг. *Untersuchungen*, стр. 350 и слѣд. Последний не соглашается съ двумя первыми въ нѣкоторыхъ изъясненіяхъ, но согласенъ въ главномъ). — И такъ сіе важное мѣсто въ Константиновомъ сочиненіи доказываешъ: 1) что около половины X вѣка говорили въ Россіи двумя языками, и что 2) Русскимъ назывался Скандинавскій, бывшій кочечно нѣсколько времени въ употребленіи между нашими Князьями и Вельможами Норманскаго происхожденія, но мало по малу оставленный ими, подобно какъ Болгары забыли свой языкъ между Славянами, а Франки между Галлами. Сіе ни мало не удивительно: Скандинавы приходили въ Россію большею частію безъ семействъ, и женились на Славянкахъ; дѣти, воспитываемыя матерями, должны были знать лучше языкъ ихъ, нежели ошцевскій, которому надлежало совсѣмъ исчезнуть въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ. Однакожъ нѣкоторыя Скандинавскія и Шведскія слова донынѣ остались въ языкѣ Русскомъ; напримѣръ: *Besman* *безмень*, *Grus* *грузъ*, и проч.

(99) Въ печати. стр. 5. Часть Лапландіи, которою владѣли Норвежцы, называлась по-Русски Мурманскимъ Лопорьемъ. Спрубе, въ *Dissertation sur les anciens Russes*, пишешъ, что Финны называютъ Дапчагъ Йотами.

(100) См. Шпрингеровы *Memor. popul. T. IV*, стр. 431, *объ имени, отечествѣ и родѣ Варяговъ*. — Англане, *Angli*, уже извѣстные Тациту въ числѣ Свевскихъ народовъ, обитали прежде на сѣверныхъ берегахъ Эльбы, и вмѣстѣ съ Саксонами въ V вѣкѣ овладѣли Англією; они, подобно Скандинавамъ, издревле славились морскими разбойми.

(101) Въ чемъ согласны всѣ ученые Историки, кромѣ Ташищева и Ломоносова. Первый хотѣлъ непремѣнно сдѣлать Русскихъ Варяговъ Финляндцами, не думая о томъ, что сіи послѣдніе называются въ нашихъ лѣтописяхъ Емяю (см. выше, примѣч. 72). — Въ *Степенной Книгѣ* сказано, что Рюрикъ вышелъ изъ Пруссіи (см. ниже, примѣч. 107): по сему Ломоносовъ утверждалъ, что Варяги-Русь были Пруссы, то есть, Латыши, единоплеменники Славянъ. — Польскіе Историки — Длугошъ, Кромеръ, Сприковскій — наши знаменитѣйшіе Римляне между Латышами; слѣдственно Варяги наши могли бытъ родственниками Цесарей: пѣмъ въ Герберштейново время уже хвалились Русскіе: *hosce fratres originem à Romanis traxisse gloriantur Rutheni* (Rerum Mosc. Com. стр. 3), и сочинитель *Книги Степенной* доказываетъ, что Рюрикъ именно происходитъ отъ Августа! Но если мы захотимъ соображать Исторію съ пользою народнаго шщеславія, то она упраситъ главное свое достоинство, истину, и будетъ скучнымъ романомъ. Собственныя имена Варяговъ не Латышскія, не Славянскія: слѣдственно они не древніе Пруссы, не Славяне. Неспоръ же весьма ясно опличаетъ ихъ отъ Пруссовъ (стр. 5): »*Прусь и Чудь присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи.*«

(102) Симъ молчаніемъ Ломоносовъ хотѣлъ опровергнуть ясную, неоспоримую истину, что Рюрикъ и братья его были Скандинавы; но Шведы и Датчане имѣютъ ли собственную подробную, вѣрную Исторію сего времени? — Шлецеръ замѣчаетъ въ своемъ *Неспорѣ*, что въ *Исландскихъ повѣстьяхъ*, *Herrauds* и *Bose Sage*, упоминается о прехъ славныхъ Упландскихъ морскихъ разбойникахъ, которыхъ имена похожи на имя Рюрика, Синеуса и Трувора (*Rörerkr, Siggeir, Tuares*), но которые, по симъ сказкамъ, жили не въ то время.

(103) Далниъ (Schw. Gesch. I, 306).

(104) Даже и въ лѣтописяхъ XIII вѣка Гопландцы не именуются у насъ Шведами. Въ Швеціи, въ Нор-

вегii каждый уголокъ земли составлялъ пѣкогда особенное Королевство или Графство (см. Далниа I, 306). Потому Неспоръ могъ говорить въ особенности о Варягахъ-Свяхъ или Шведахъ, и Варягахъ-Руси, едва ли зная, что послѣдніе вышли изъ той страны, которая въ его время составляла часть общей Державы Шведской. — Турианъ, Гаппереръ (Comment. Societ. Gotting. XIII, 126), Шлецеръ признаютъ Рюрика и братьевъ его Шведами.

(105) См. *Finnisches Lexicon* и Гупелеву *Estische Grammatik*; также Дални. *Gesch. des Reichs Schw.* I, 306.

(106) Т. III, стр. 195.

Каганъ (Hakan) есть собственное, весьма обыкновенное имя Скандинавское (см. Историю Далниову). Сходство его съ именемъ Хакана, которымиъ назывались Цари Козарскіе, заставило пѣкоторыхъ думать, что мнимые Послы Русскіе были Козары: такъ мыслитъ не только Болтинъ, но и Шлецеръ въ своихъ *Proben Russ. Annal.* Но Козары въ концѣ седьмаго вѣка, въ осьмомъ и девятомъ имѣли безпрестанное сношеніе съ Константинополемъ: могъ ли Императоръ Теофилъ говорить о друзьяхъ и союзникахъ какъ о народѣ ему неизвѣстномъ? Могъ ли называть ихъ чуждымъ именованіемъ и опсправить въ Германію, чтобы они удобнѣе возвратились опспуда въ землю свою, *согредѣльную* съ его Таврическими владѣніями? — Миллеръ воображалъ сихъ Пословъ Варягами-Русью, которые будшо бы еще прежде Рюрика утвердились въ Кіевѣ, пріѣзжали опспуда въ Константинополь, и назвали своего Князя Каганомъ для того, что сіе имя было въ великомъ почтеніи у Грековъ. Если бы Миллеръ видѣлъ *Житіе Владимира*, харапейную рукопись XIII или XV вѣка, хранимую въ библиотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, то могъ бы доказать, что самые Русскіе или Кіевскіе Государи именовались Каганами: ибо такъ называется Владиміръ въ *Житіи* его. Однакожъ сіи послы народа Россовъ были конечно не изъ Кіева, куда Греческій Императоръ не могъ опсправить ихъ чрезъ Немецкую землю. Кіевъ при-

надлежалъ тогда Козарамъ: сообщеніе между ими и Греціею было свободно моремъ или сухимъ путемъ, чрезъ Болгарію: гдѣ путь *многія варварскія* земли, о которыхъ Теофилъ говоритъ въ письмѣ своемъ къ Людовику? Но если Послы (что всего вѣроятнѣе) прѣзжали изъ Швеціи, то они въ самомъ дѣлѣ могли возвратиться въ свое отечество чрезъ Германію удобнѣе, нежели чрезъ владѣнія многочисленныхъ Славянскихъ и Финскихъ народовъ, еще полудикихъ въ IX вѣкѣ. — Шведы были уже извѣстны при дворѣ Людовика, которыхъ въ 829 году самъ отправлялъ къ нимъ посольство (см. Далина).

(107) Въ *Степен. Книгѣ*, I, 7 и 79.

О *Русь* и *Русль* см. Гаршкноха Alt und Neu. Preuss. стр. 9. Имя Pruzzi сдѣлалось извѣстно въ 997 году: въ первый разъ употребилъ его безымянный сочинитель жизни Св. Адальберга (Acta Borussica T. II, стр. 1). Всего вѣроятнѣе, что оно произошло отъ рѣки Русы или Русы.

О переселеніи Скандинавовъ въ Пруссію см. Lucas David's Preussische Chronik. I, стр. 14, 15, 18. Славный Видвуть былъ изъ числа ихъ, также и Перво-священникъ Криве или Криво. — Лѣтописцы Пруссіе говорятъ о частыхъ войнахъ *Россіанъ* съ Пруссами въ VI вѣкѣ (Lucas Dav. Chr. 41, 45, 53, 55). Князь первыхъ, союзникъ Мазовскаго, именовался Чимбахъ или Чивбегъ.

О *Прусской* улицѣ въ Новѣгородѣ см. сей *Исторіи* T. II, примѣч. 105, и *Новогод. Лѣт.*

Географъ Равенскій, изданный въ 1688 году Монахомъ Першерономъ, говоритъ (стр. 140): Item juxta Oceanum est patria, quae dicitur Roxolanorum, Suaricum, Saurodatum, per quam patriam inter cetera transeunt flumina, quae dicuntur, fluvius maximus, qui dicitur Vistula, quia nimis undosus in Oceano mergitur, et fluvius, qui nominatur Lutta (по мнѣнію Гаппера *Ритта* или *Руса*).

Миллеръ въ рѣчи своей о древностиахъ нашего отечества, вмѣстѣ съ Баеромъ признавъ Варяговъ Скандинавами,

справедливо доказавъ ошибку пѣхъ, которыхъ единственно по сходству имени сипаюшъ Варяговъ-Русь *древними* Роксоланами: ибо первые жили на Сѣверѣ, а другіе въ окрестностяхъ Азовскаго моря.

(108) И такъ Бертинскія лѣтописи первыя упоминаюшъ о Россакъ: по Византійскимъ сдѣлались они извѣстны уже за половиною IX вѣка (см. Шпримпшеровы Memoriae populorum, T. II, стр. 956).

(109) Говоритъ ли о мнимомъ происхожденіи Русскихъ отъ Роса, о которомъ будто бы упоминается въ главѣ 38 и 39 Пророка Іезекіиля? Тапищевъ уже доказавъ сію ошибку: Еврейское слово *Росъ* означаетъ главу или начальника; оно не есть собственное имя.

Мы должны упомянуть здѣсь о Dissertation sur les anciens Russes, сочиненіи Г. Спрубе, въ коемъ онъ силится доказывать, что Несторовы Варяги-Русь были Готы Роксолане, будто бы жившіе между Бальтійскимъ и Ледовитымъ моремъ, въ землѣ, которая въ Исландскихъ сказкахъ именуется Risaland или *страною Великановъ*. Сія земля, или Йонунгеймъ, принадлежишь къ баснословію Исландскому: тамъ обитали не Варяги-Русь, а злые духи, оборотни, чудовища (см. Samsonfagre Saga) или, какъ воображаетъ Далинъ, древніе Готы, которыхъ, будучи велики ростомъ, прозвались Великанами (см. его Gesch. des R. Schw. I, 61).

(110) Такъ во всѣхъ древнихъ спискахъ Нестора.

(111) Гаппереръ думаетъ, что Норманы овладѣли Россіею при Королѣ Иварѣ Видфадмѣ, въ концѣ VI вѣка (по лѣтоисчисленію Торфееву, а по Далинову уже въ VIII, Allgemeine Weltgeschichte). Миллеръ приписываетъ сіе завоеваніе потомку его, славному Рюгару Лодброку, современнику Карла Великаго (Origines gentis et nominis Russorum); а Туммашъ Эрику Рефильсону, умершему въ 852 году (Über einige Gegenstände der Rus. Gesch.).

(112) См. въ печатномъ *Несторѣ* о изобрѣшеніи Славянскихъ писменъ, стр. 21.

(113) См. древній *Луижин*. и многіе другіе полныя списки Нестора.

(114) См. ниже, примѣч. 255.

(115) Того, разумѣю, которое относится собственно къ нашимъ внутреннимъ происшествіямъ.

(116) Memor. popul. II, 29. Нѣкоторые пашутъ, что Славяне омывались три раза во всю жизнь свою: въ день рожденія, женитьбы и смерти (см. въ Ранчевой *Истории Славян. народовъ* кн. I. гл. V).

(117) Memoriae populorum T. II, стр. 28 — 29, и Маврик. Strategicum Упсальскаго изданія, кн. II, гл. 5. Императоръ Маврикій сочинилъ XII книгъ о военномъ искусствѣ, изданныхъ Шефферомъ въ 1664 году: для насъ всего любопытнѣе въ нихъ описаніе Славянскихъ правовъ, которое читатель найдетъ въ Москов. Gesch. der Deutshen, T. II. въ примѣч. стр. 211, 212.—Императоръ Левъ Мудрый въ своей Тактикѣ *постолетъ* сказанія Маврикіевы о Славянахъ.

(118) Выше, стр. 29.

(119) Memor. popul. II, 36.

(120) См. Маврик. Strateg. кн. II, гл. 5. — Тацита о Вандахъ, Проконія въ Mem. popul. II, 29, 33, и Фредегарія Chron. гл. 48. Маврикій пишетъ, что лѣдъ, коимъ Славяне намазывали стрѣлы, былъ весьма дѣйствителенъ и могъ заразить все тѣло уязвленнаго, ежели не давали ему припаять *Феріака*, либо другихъ лекарствъ, или не вырѣзывали мяса вокругъ раны.

(121) См. выше, стр. 27.

(122) См. въ Memor. popul. II, 34, 43.

(123) Vita S. Severini, гл. II, и Гебгарди Gesch. der Wenden, T. I, стр. 12. Греческіе поселяне называли ихъ *Скаларами*.

(124) Memor. populor. II, 37. Славяне сажали плѣнниковъ на колъ, запирали въ хлѣвы и сожигали вмѣстѣ съ скопомъ, котораго не могли увести съ собою.

(125) Memor. popul. T. II, стр. 59.

(126) Маврикій говоритъ, что они скрываютъ свои имѣнія какъ воры. — Поморяне (пишетъ Гельмольдъ)

отправляясь на войну, также зарывали все драгоценное въ землю.

(127) См. Проконія и Маврикія.

(128) См. Адама Бременскаго (кн. II, гл. 12) и Маврикія.

(129) Козма Прагскій въ Menken. Script. rer. Germ. I, 1970, и Vita Ottonis, стр. 690. Далѣе см. Гельмольда Chron. Slavorum. кн. I, гл. 83.

(150) См. выше стр. 15.

(151) См. Маврик. Strateg. Св. Воишапій, жившій въ половинѣ VIII вѣка, въ письмѣ своемъ къ Королю Англіискому такъ говоритъ о Нѣмецкихъ Славянахъ или Вандахъ: Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, tam magno zelo matrimonii amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset, et laudabilis mulier inter illas esse judicatur, quae propria manu sibi mortem intulit. ut in una strue pariter ardeat cum viro suo. См. Abhandl. Böhmischer Gesellsch. Ч. III, стр. 158; также Дитмара Chron. стр. 419, и Д. Антона Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, etc. стр. 125.

(152) См. Abhandlung von den Heyrathsgebrauchen der Oberlausitzischen Wenden, Гебгарди въ Geschichte der Slaven, T. I, стр. 8, и Антона Versuch стр. 127. Въно означало у древнихъ Славянъ плашу, которую женихъ давалъ за невѣсту отцу или сродникамъ ея.

(153) Memoriae popul. II, 72.

(154) Антон. Versuch, стр. 54.

(155) Vita S. Ottonis, стр. 682.

(156) Гебгарди Gesch. der Wenden, I. 9. Другіе народы языческіе, Пруссы, Герулы, поступали такъ же (см. Гарпкинх. Antiqu. Pruss. Dissert. XIII, стр. 188, и Масков. Geschichte der Deutschen, кн. XI, гл. 24). Вообще находимъ великое сходство между правами Славянъ и народовъ Германскихъ.

(157) Chron. Slavorum, въ издан. Липденброг. стр. 202.

(158) См. печат. Нестора, стр. 12.

(139) О жилищах Славянъ см. въ Memor. popul. II, 29. Иорданъ (de reb. Get. стр. 85): *hi paludes sylvasque pro civitatibus habent*. Древнее Славянское обыкновеніе, зарывать хлѣбъ въ землю, донынѣ существующе въ Молдавіи и Валахіи. См. выше, прим. 126.

(140) Маврикій: *Abundant copia brutorum omnium generis et terrae nascentium quae comportant in cumulum; praecipue vero milii (просо) et panici (гречиха?)* см. Плип. Н. N. XVIII, 7).

(141) См. Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 42. Послѣ будемъ говорить о сходствѣ многихъ Лашинскихъ и Славянскихъ словъ.

(142) См. выше, примѣч. 129 — Mem. popul. II, 29, и Гельмольд. Chron. Slavor. кн. I, гл. 83. Древніе Лашыши и сѣверные Нѣмцы также любили медъ. Вульфспанъ, который жилъ въ IX вѣкѣ, говоритъ, что Пруссія изобилуетъ пчеловодствомъ (см. Форстер. Entdeckungen in Norden стр. 99). — Эда называется Мёдъ божественнымъ пишемъ. Жители Дакии въ V вѣкѣ, по словамъ Приска, употребляли вмѣсто вина Мѣду (Memor. populor. I, 504). На древнемъ языкѣ Греческомъ Мѣду значить *пльство*.

(143) Memoriae populorum, II, 29, и въ Машев. Alterthümer der Obotriten изображение 16 и 20.

(144) Гебг. Gesch. der W. u. der Slav. T. I, стр. 44 — 45.

(145) Адамъ Бременскій называетъ сей городъ Юлиномъ, а Гельмольдъ Вишнетою (см. перваго Hist. Eccl. стр. 19 и Chron. Slav. втораго, кн. I, гл. 2). Баеръ думалъ, что имя Юлина есть описка (см. Шлец. Nordische Geschichte стр. 505); но многіе утверждали, что оно происходитъ отъ Юлія Цесаря, такъ же какъ Волгасъ значить Iulia-Augusta, а Демиръ Domina mundi (см. Вандалию Альберта Кранца кн. II, гл. 33). Ни Юлій Цесарь, ни Римскія войска никогда въ сихъ мѣстахъ не бывали.

(146) Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 45.

(147) Vita S. Ottonis, въ описаніи Славянскихъ храмовъ въ Шпешинѣ, и Бекман. Beschreibung der Mark

Brandenburg стр. 392 и 398. Карлъ Великій уставлялъ, чтобы никто не смѣлъ въ Германіи продавать оружія Славянамъ (Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 45).

(148) См. Тунмана Über die gottesdienstl. Alterthüm. der Obotriten стр. 262.

(149) См. Hofpredigers Masch Gottesdienstliche Alterthümer der Obotriten, и Voyage en Basse Saxe Графа Помощкаго. Сія любопытныя древности хранились въ Рацебургской библіотекѣ и въ Нейбрандбургѣ въ Шпонгольцскомъ кабинетѣ. См. также Бекман. Beschreib. der Mark Brandenburg, T. II, стр. 377.

(150) Гельмольдъ въ Chron. Slavorum: *casas de virgultis contexunt, necessitati tantum consulentes adversus tempestates et pluvias*. О городахъ и храмахъ Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, стр. 41, и Vita S. Ottonis, стр. 680.

(151) См. выше, стр. 28, и Доктора Антона Erste Linien стр. 142 — 146. Между Славянскими древностями нашли изображение воина, играющаго на волынкѣ (см. Маш. Gottesdienstl. Alterthümer der Obotriten).

(152) Memor. popul. II, 61. Прокопій называетъ сіи пѣсни Аварскими единственно для того, что Греки считали Аваровъ и Славянъ какъ бы за одинъ народъ. См. еще Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, стр. 6.

(153) Д. Антона Versuch. etc. стр. 33 и 143., Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 7, и Vita S. Ottonis (см. ниже).

(154) Я выписалъ сія древнія Русскія имена изъ харатейнаго Евангелія 1144 года (см. ниже, примѣч. 477): они употреблялись всеми племенами Славянскими, съ нѣкоторою разностию по климатамъ. Вотъ Малороссійскія и Польскія для сравненія:

	Малорос.	Польск.
Генварь	Сѣчень	Styczeń.
Февраль	Люпый	Luty.

Мартъ	Березозоль	Marzec.
Апрѣль	Цвѣтень	Kwiecień.
Май	Травень	May.
Іюнь	Червецъ	Czerwiec.
Іюль	Липецъ	Lipiec.
Августъ	Серпень	Sierpień.
Сентябрь	Вресень	Wrzesień.
Октябрь	Паздерникъ	Pazdziernik.
Ноябрь	Листопадъ	Listopad.
Декабрь	Студень	Grudzień.

Добровскій (Slovanka, стр. 71) изъясняетъ, что *Просинецъ* есть Beth-Monath, отъ глагола *проситъ!* — *Свѣтъ* отъ *свѣку*: или въ смыслъ жестокихъ морозовъ, или Славяне что нибудя *сѣкли, рубили* въ семь мѣсяць. — Г. Калайдовичъ сообщилъ мнѣ слѣдующее о мѣсяцѣ *Изокъ*: »Эбзархъ Болгарскій въ своемъ предисловіи *Ше-стодисеа* спавитъ *изока* въ числѣ пшницъ; но въ переводѣ сихъ бесѣдъ Василія Великаго (стр. 240) говоритъ: *не тогѣю бо изоци въ дождѣ се раждалотъ*; въ подлинникѣ же здѣсь *ε̄ γαρ̄ ροβοῡ τεττιγῡς*... слѣдственно *изокъ* не пшница, а *пузгичикъ* или *кобылка, cicada*... »Сии живописныя являютъ во множествѣ послѣ сильныхъ дождей, въ красныя дни, и болѣе въ Іюнь мѣсяцѣ, »названномъ ихъ именемъ, п. е. *Изокомъ*. — Въ первомъ изданіи сей *Исторіи* я сказалъ, что *Рюень*, какъ дождливый мѣсяць, могъ бытъ такъ названъ отъ глагола *рюмить*. Но изъясненіе Г. Добровскаго, отъ глагола *реву*, не вѣроятнѣе ли? »Тогда, пишетъ онъ (Slovanka 72), бывающъ олени въ пещкѣ, бѣгаются и *ревутъ*.« — Слѣдующее толкованіе имени *Рюена*, или Сентября, кажется еще вѣроятнѣйшимъ. Сербы называютъ *Рюемъ* или *Рюемъ* желтое дерево (*желтиникъ, Rhus cotinus, Perucken Raum, Gelb - Holz*, по - Волошски *дацмъ*), употребляемое въ краску. Они и все *желтое* — напримѣръ, вино — называютъ *руино* и *руевно* (см. Сербскій Словарь Вука Стефановича). Славяне дали Сентябрю имя *желтаго* (Рюена) отъ желтѣющихъ тогда древесныхъ листьевъ. (Октябрь назывался

у нихъ *Листопадомъ*). — Вѣроятно, что *ерудильмъ* назывался первый зимній пупъ, еще малоснѣжный, шероховатый, бойкій: ибо въ лѣтописи XVI вѣка сказано: »а зима была гола, и ходъ конемъ былъ пужно *ерудовато*.« Не Южные, но Сѣверные Славяне могли такъ именовать мѣсяцы. Богемцы называли Груднемъ Генварь, а послѣ Февраль (см. Slovanka 72).

(155) Memor. popul. II, 28. Маврикій говоритъ: *neminem ferant imperantem*.

(156) Вошъ причина великаго къ нимъ уваженія во времена глубокой древности, когда письмо и шипография были неизвѣстны.

(157) Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что Баялъ въ концѣ VI вѣка опустошалъ и жегъ *селенія* Дунайскихъ Славянъ (Memor. popul. II, 48).

(158) Шурцфельшъ de rebus Slavicis 468.

(159) См. выше, стр. 28, и Гебгарди Gesch. der Slav. I, 49.

(160) См. Гельмольда въ Chron. Slavor. (кн. I, гл. 16), Chron. Динмара Мерзбургскаго (писавшаго въ самомъ началѣ XI вѣка) кн. VI, Маша Über die gottesdienstl. Alterthüm. der Obotrit. и Тунмана разсужденіе о семъ предметѣ.

(161) Козма Прагскій, кн. I, стр. 1972, въ изд. Менкен.

(162) Паганъ, Владѣпель Болгарскій, приходилъ къ Императору съ своими *Бойлядами* (*Мета тов Воладу авта*): симъ именемъ означались безъ сомнѣнія Болгаре. Никифоръ Папріархъ толкуетъ, что оно знаменовало Вельможу или начальника (Memor. popul. II, 525. — О Воеводѣ см. Гебгарди Gesch. der Slav. I, 52).

(163) Vita S. Ottonis. См. также Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, стр. 52. Добровскій (Slovanka 219) производитъ Князя отъ слова *конъ*, въ смыслѣ *начала*, какъ у Грековъ *Архонъ* произошелъ отъ *архъ*. — Въ Лаузицѣ изъ ушнѣвности называютъ всякаго *Княземъ*, п. е. господиномъ, хозяйку *Княгиню*, а Священника *Княземъ духовнымъ* (см. Шлецер. Russische Annalen Ч. I, стр. 174).

(164) Memor. popul. Т. II, стр. 395, — Гебгарди Gesch. der Slav. Т. I, стр. 52, и Добнеръ ad Hagesium Т. II, стр. 56. Поляки говорятъ: *Панъ Богъ*, пакъ же, какъ мы говоримъ *Господь-Богъ*.

(165) Memor. popul. Т. II, стр. 89 и 395. Коптаншинъ говоритъ всегда *Жупанъ-старыйшинъ*, *би уероугес*, senes. Иоаннъ Луцій пишетъ, что сіе имя происходитъ отъ древняго слова Zupa, которое означало *народъ или населенную страну*: (см. его de regno Dalm. et Croat. кн. I, гл. 13, стр. 78). Гелазій Добнеръ не вѣритъ его полкованію: (въ примѣч. на Гагек. льпопись, Ч. II). Но въ *Уставъ* Стефана, Царя Сербскаго, сочиненномъ въ 1249 году, дѣйствительно употреблено слово *Жупа* въ смыслѣ *жительства или селенія*, (см. Равчеву *Исторію Славянск. народовъ*, IV, 242 и 255). — На Польскомъ языкѣ Zupa значить *солляную варяшину, солляный албаръ и рудокопню*; Zupan *полукафтанье*.

(166) Гебгарди въ Gesch. der Slav. Т. I, стр. 52 — 57. Въ XI и XII вѣкъ самые Короли Славянскіе въ Сербіи и Далмаціи гордились именемъ *Великихъ Жупановъ*.

(167) Д. Аншонъ Versuch etc. стр. 90. Другіе утверждаютъ, что слово Краль произошло отъ имени Карла Великаго (см. въ Neuern Abhandl. der Böhm. Gesel. der Wissenschaft. Добровск. Исторію Богемск. языка, Т. I, стр. 324). На языкѣ Арменскомъ *Король* есть *сильный, могущественный* (Bibliotheca Slavica Т. I, стр. 302).

(168) Гебг. Gesch. der Slav. I, 53, 54.

(169) Шремпер. III Abhandlung aus dem Österreichischen Staatsrechte стр. 116, и Гебгард. I, 54. Исторія сохранила намъ примѣръ еще старѣйшаго обыкновенія въ Богеміи: Король, отправляясь къ Нѣмецкому Императору, могъ на пупи своемъ жечь деревни (Добнер. Monumenta Historica Boemiae IV, 54, и Гебгарди Gesch. der Slav. I, 54).

(170) Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 54.

(171) Гельмольд. Chron. Slav. кн. I. гл. 84, стр. 68;

пакже Vita S. Ottonis стр. 670. Имя *Прове* значило *правый или правъ*.

(172) См. Саксон. Граммат. Hist. Dan. стр. 291, изд. 1644 года, и Дитм. Мерзебург. Chron. кн. VI.

(173) Гебгарди Gesch. der Slav. Т. I. стр. 57. Сія дань называлась въ земляхъ Нѣмецкихъ Славянъ *Восводскою трагою*.

(174) См. *Нест.* стр. 11, 12, и Прокопія въ Memor. popul. II, 28.

(175) См. выше, примѣч. 162.

(176) Прокопій въ Memor. popul. Т. II, стр. 28.

(177) Memor. popul. Т. II, стр. 28.

(178) Гебг. Gesch. der Wend. u. d. Slav. Т. I, стр. 23.

(179) Гельмольд. Chron. Slav. кн. I, гл. 84. См. также Гебгарди Gesch. der Slav. 21, 24. Славяне и всѣхъ добрыхъ боговъ именовали *Бъльмили*.

(180) Гельм. въ Chron. кн. I, гл. 53. Въ Верхнемъ Лаузицѣ есть гора, именуемая *Черисбогъ*; а въ Сербіи былъ городокъ *Чернобожскій*. См. Anst. Versuch, стр. 52, Маша и Тунмана von den Alterthüm. der Obotriten, 305, I Соборное Посланіе Св. Апостола Петра, гл. 5, ст. 8, и Гебг. въ Gesch. der Slav. I, 23.

(181) Несторъ стр. 33, Д. Аншонъ стр. 146, и Гебг. Т. I. стр. 22.

(182) Гельмольдъ пишетъ Zuantevit, а Саксонъ Грамматикъ Svantovitus. Нѣкошорые, считая сего идола Славянскимъ Фебомъ, думаютъ, что надобно писать *Святovidъ*; но вѣроятнѣе, что кумирь его назывался *Святovidомъ*, по есть, *святыль образомъ*. См. Лудевиг. de Idolis Slavorum въ Opusc. miscell. Т. II, Сакс. Граммат. Hist. Dan. гл. XIV, стр. 320 — 321, Гельмольда кн. II, гл. 12, стр. 89 — 90, и Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 25 въ примѣчаніи.

(183) См. Русскій переводъ его, стр. 66.

(184) Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. XIV, стр. 327. Тунманъ думаетъ, что Рюгенскій Поревитъ былъ Перуиъ нашихъ Славянъ, и что онъ же назывался какъ

Свяшвидомъ, шакъ и Ругевитомъ; по различныя изображенія сихъ идоловъ прошиворѣчаютъ сему мнѣнію. См. Гебг. Т. I, стр. 27. Нѣкоторые считаютъ Поренуша богомъ беременныхъ женщинъ.

(185) См. Маша Über die Alterthüm. der Obotriten, Помоцк. Voyage en Saxe, и Адама (De situ Daniae, стр. 143).

(186) Въ городъ Саксенъ - Лауенбургскаго Герцогства, которое соспавляло нѣкогда землю Славянскихъ Полабовъ. См. Гельмольда гл. 53, Маша Alterthüm. der Obotriten, Тунмана стр. 274, и Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 25.

(187) Въ странахъ Бальшійскихъ, около Вислы и горъ Карпатскихъ: см. Тунмана Über die Alterthüm. der Obotriten, стр. 273 — 274, и Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 26.

(188) См. въ *Хроникъ* Машв. Сприковскаго о богахъ Латышскихъ, и Маша Über die Alterthüm. der Obotriten.

(189) См. Маша Alterthüm. der Obotriten. и Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 26.

(190) Vita S. Ottonis, стр. 479, 495, 502 — и Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 27.

(191) Въ нѣгъшнемъ Герцогствѣ Голшпейнскомъ. См. Гельмольда, гл. 84.

(192) Помоцк. Voyage en Saxe, стр. 85, фигур. 12. Въ прошивность пому Гельмольдъ пишетъ (кн. I, гл. 84), что сей богъ никакъ не изображался у Славянъ.

(193) См. Маша Alterthüm. der Obotriten, Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 28, и Тунмана стр. 316.

(194) См. Chron. Динмара Мерзебургскаго, стр. 417. Я не говорю о *Кродль*, *Флициъ* и другихъ мнимыхъ богахъ Славянскихъ, о которыхъ не находимъ извѣстїя въ достоверныхъ Историкахъ.

(195) Живутъ въ Далмаціи. Земля къ южной части залива Венеціанскаго, между Испріею и Далмаціею, называется собственно Морлахіею. См. Д. Антона Erste Linien etc. стр. 50.

(196) Кадлубека, Длугоша, Кромера, Сприковскаго, Гваньини. Сходство между Греческимъ или Римскимъ и Славянскимъ баснословіемъ весьма замѣпно.

(197) Несноръ стр. 70. Славянскій глаголь *перу* значить не только *пру*, но и *бюю*, *ударяю*; следовательно имя Перуна означало бога *разлищаго*. Въ повѣйшія времена спали называть Перуномъ молнію. Можемъ вѣрить Сприковскому, что древніе Латыши посвящали неугасимый огонь своему идолу *Перкуму*, который знаменовалъ одно съ Перуномъ Славянскимъ. Въ Далмаціи есть мѣсть, именуемый Pirun Dabrave. Можно заключить, что и Славяне Иллирическіе обожали Перуна (см. Д. Антона Versuch стр. 49.)

У Индѣйцевъ въ Генварѣ мѣсяцъ бываетъ праздникъ, называемый *Перунъ-Понголь*, или *Великій Понголь*. Въ сей день они варятъ пшено съ молокомъ, и смотря, какъ оно кипитъ, гадаютъ будущее. *Понголь* значить собственно: *кипитъ*. См. Voyage aux Indes orientales et à la Chine, par Sonnerat, Т. I, р. 240. И такъ имя *Перунъ* не есть ли древнее Индѣйское? Славяне могли назвать имя Бога въ смыслъ *Великаго*.

(198) Такъ они названы въ древнѣйшихъ спискахъ Нестора, въ *Пушкин*. и *Троицк*. — *Стрибогъ*, кажется, былъ Славянскимъ Эоломъ.

(199) См. также Мишею 15 Іюля, въ житіи Владиміра, и въ рукописномъ такъ называемомъ *Новогор. Лѣтописцѣ по 1717 годъ*, (хранящемся въ Архивѣ Иностранной Коллегіи) главу о *идолехъ*.

(200) См. Сприковскаго въ описаніи Липовскихъ идоловъ. Имя сего бога напоминаетъ слова *ладъ* и *ладить*: въ старинныхъ Русскихъ пѣсняхъ *ладо* значить мужа. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* Ярославна называетъ супруга *ладою*, стр. 58 и 39.

(201) Онъ пишетъ: *Греки*; но Бангершъ и Гаршкнохъ доказали, что Адамъ называетъ такъ Русскихъ (см. въ Коммент. нашей Академіи Баерову Geograph. Russ. ex Script. Sept. Т. X, стр. 371, или Шлец. Nord. Geschichte стр. 495).

(202) См. Капшмирово описаніе Молдавіи и Сульцер. Исторію Дакии, Т. II, стр. 322.

(203) См. Синописецъ и Ломоносова *Рос. Исторію*; также *Путешествіе*. Академика *Лепехина* Ч. IV, стр. 410, и Раичеву *Исторію Славянскихъ народовъ*, кн. I, гл. 21, стр. 172.

(204) Чему я самъ нѣсколько разъ бывалъ свидѣтелемъ. Пѣсня, которую поютъ въ такомъ случаѣ, напечатана въ *Абвегенъ Русскихъ суетній* стр. 224. — Наши святошныя игрища не имѣютъ связи ни съ Римскимъ праздникомъ Януса, ни съ Испаліанскимъ Карнаваломъ.

(205) Недѣля отъ седмицы Св. Отець до Троицына дня называлась у насъ въ старину *Русалного* Автора Синописца, ссылаясь только на Кромера и Гваньини, въ числѣ Русскихъ боговъ называетъ еще *Посвиста* или *Похвиста*, бога ведра и ненастья. Въ Русскихъ повѣйшихъ сочиненіяхъ о древнемъ идолопоклонствѣ нашихъ предковъ говорится о *Чурѣ*, Славянскомъ Терминѣ, богинѣ Лады или Венерѣ, Лель и Полель, или Купидонѣ и Гименѣ, Дидѣ или Апшеросѣ, Зимсперлѣ или Флорѣ, и проч.; но догадки и выдумки не принадлежатъ къ Исторіи. — *Царь Морскій*, *туда морскія*, *Баба-Яга*, *Волоты* или Великаны, *Полканъ* или *Кенасръ*, вымышлены Русскими сказочниками, и не относяща къ древней Славянской Вѣрѣ.

(206) Главныя идолы были такой величины, что нѣсколько воловъ не могли сдвинуть ихъ съ мѣста (*Vita S. Ottonis* и Тунм. *Über die Alterthüm. der Obotrit.* стр. 293). Но между огромными кумирами въ храмѣ Ретрскомъ стояли и маленькіе, липые, на шпонахъ или круглыхъ подножіяхъ, и каждый имѣлъ свои особенныя жертвенныя орудія. См. Маша и Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 29.

(207) Козма Прагскій въ Менкен. изданіи Т. I, стр. 2074, и *Vita S. Ottonis* 680.

(208) См. Chron. Дипм. кн. VI.

(209) Въ рукописномъ *житіи Муромскаго благовпр-*

наго Князя Константина Святославича, въ бібліотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина. Впрочемъ сіе *Житіе*, равно какъ и печатное (см. Прологъ, Маія 21) писано не ранѣе XVI вѣка (см. сей *Исторію* Т. III, примѣч. 122). См. еще Синописецъ, Рос. Исторію Ломоносова, и Раича, который описываетъ такія же обыкновенія у Сербовъ.

(210) Гельм. въ *Chron. Slav.* кн. I, гл. 84, и *Vita S. Ottonis*. Сочинитель именуетъ сіе дерево *hastam Julii Caesaris*, *копьецъ Юлія Цесаря*.

(211) Въ рукописномъ *Житіи Муром. Князя Константина*.

(212) *Memoriae populorum* Т. II, стр. 984. Сей островъ Св. Григорія долженъ быть Хорпница.

(213) Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 30.

(214) Сакс. Грам. *Hist. Dan.* стр. 322, Магъ, *Über die Alterthüm. der Obotriten*, и *Chron. Дипм. Мерзебург.* стр. 415.

(215) См. изображеніе сихъ пребищъ въ Бекман. *Hist. Beschreibung der Mark Brandenburg*, Ч. II, стр. 347; см. также Гебгарди *Gesch. der Wend.* I, 31.

(216) Подобныя существующія донынѣ въ Англіи, Ирландіи, Вестфаліи, Брауншвейгѣ (см. Маллер. *Исторію Даніи* Т. I, гл. XII). Историки признаютъ сіи монументы Славянскими въ Мекленбургѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ обитали Венды.

(217) *Vita S. Ottonis*, стр. 680.

(218) Сакс. Грам. *Hist. Dan.* кн. XIV, стр. 319.

(219) Сей храмъ былъ основанъ на сполпахъ, которые имѣли образъ *звѣриныхъ роговъ*: такъ по крайней мѣрѣ изъясняетъ сіе мѣсто Нѣмецкій переводчикъ Дипмаровой Хроникѣ, Г. Урзинусъ, стр. 328. — См. Гельм. *Chron.* кн. I, гл. 53.

(220) Только въ Паперикѣ Кіевскомъ, въ житіи Исаи Чудотворца, сказано, что сей Угодникъ разорлялъ *капища* въ Ростовской области.

(221) Гебг. *Gesch. d. Wend.* Т. I, стр. 34 — 36, Сакс. Грам. *Hist. Dan.* 320 — 321, и Гельм. *Chron. Slav.* кн. I, гл. 53.

- (222) Несторъ, стр. 71, и Гельм. Chr. Slav. гл. 23.
 (223) Сакс. Граммат. кн. XIV, стр. 320 — 321, Vita S. Ottonis, стр. 681, и Дипл. Мерзебург. Chron. кн. VI.
 (224) Сакс. Грамм. кн. XIV, стр. 320.
 (225) Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 36. Известно, что Русскіе земледѣльцы въ день Св. Флора и Лавра приводяшъ лошадей своихъ къ церкви.
 (226) Гельм. въ Chron. Slav. гл. 84.
 (227) Д. Аншон. стр. 71, и Гебг. Т. I, стр. 36. Наши Родительскія Субботы напоминающъ сей древній обычай Славянъ. Въ Богеміи поюшъ тогда:
 »Уже несемъ смерть изъ веси, а новое льшо въ весь.
 «Здравствуй, любезная весна и зсель!»
 (228) Козма Прагск. кн. III, подъ годомъ 1093, и Дипл. Chron. кн. I.
 (229) Д. Аншонъ и Гебг. Т. I, стр. 36. Въ урны были разныя вещи, которыя принадлежали умершему: ножницы, Римскія монеты, дѣтскія игрушки, маленькіе кумиры.
 (230) Mem. popul. II, 61. *Страва* значить на Польскомъ языкѣ *кушанье, пишу*.
 (231) *Тризна* есть *подвижъ, tournoi*. — См. Нестор. стр. 12, и *Житіе Муромскаго Кн. Константина*.
 (232) Vita S. Columbani, въ Ассем. Kalend. Eccl. Univ. II, 21, и Гебг. Gesch. der Slav. I, 13. — Гельмольдъ, кн. I, гл. VI. — Германскіе Венды со временъ Карла Великаго нѣсколько разъ принимали Христіанскую Вѣру, но только неволею, и снова обращались къ идолопоклонству, которое совершенно испребилося между ими только въ XIII вѣкѣ. Болгары, Чехи и Моравы крестились около половины IX вѣка (см. Мозгейм. *Церковную Исторію*); а Славяне Илирическіе при Императорѣ Василіи Македонскомъ, который началъ царствовать въ 867 году (см. Константина Багрянороднаго de adm. Imp. гл. IX, и Мозг. *Церк. Исторію*).
 (233) Проконій называетъ его *сарварскимъ*: (Memor. popul. Т. II, стр. 29).

- (234) См. ниже, о грамотѣ Славянъ.
 (235) Въ чемъ всякой, развернувъ лексиконы языка нашего, Польскаго, Богемскаго, Илирическаго, можетъ легко увѣрился. — Кромъ общаго, мы имѣемъ нѣсколько особенныхъ нарѣчій: Украинское, Суздальское, Новгородское. Въ Суздальскомъ много чуждыхъ, неизвѣстныхъ словъ; напримѣръ, Богъ называется *Стодъ*, отецъ *Хрутинъ*, сестра *Миндра*, жена *Элтона*, дѣва *Шиктора* (см. *Сравнительные Словари всѣхъ языковъ*, напечатан. въ С. Петербургѣ 1787).
 (236) См. Гамперера Einleitung in die Synchr. Universalhistorie, стр. 127.
 (237) De orig. Slav. стр. 108, — Добров. Litterarisch. Magazin von Böhmen, — Поповича, Австрійскаго ученаго Славянина, Untersuchungen vom Meere, — Гамперера Synchr. Universalhist. и *Сравительн. Словари*. — Въ раздѣленіи Славянскихъ нарѣчій слѣдую ученому Богемцу Добровскому (см. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft, годъ 1791, стр. 313 — 314).
 (238) См. Untersch. vom Meere. Болгарскимъ нарѣчьемъ говоряшъ въ Турецкой Болгаріи и въ Рацин, ш. е. Восточной Сервіи или древней Дарданіи, названной такъ отъ рѣки Раски; а Славонскимъ въ Славоніи.
 (239) См. Гампер. Universalhist. Послѣдній чело-вѣкъ, который говорилъ по-Славянски на островѣ Рюгенъ, умеръ въ 1404 году (см. Untersuchungen der v. d. König. Academie zu Berlin auf d. J. 1752 aufgegebenen historisch. Fragen, стр. 30). Нѣмцы, покоривъ Славянъ въ Германіи, старались испребить языкъ ихъ.
 (240) См. Лауницкія Provinzialblätter стр. 101. Замѣтимъ, что есть сходство даже между Индѣйскимъ Санскрипскимъ и нашимъ языкомъ; напримѣръ: *эторонъ*, второй; *нѣте*, пѣсь; *тонку*, шоккій; *лри*, умри; *сото*, сто; *контуръ*, четыре; *тритіе*, трешіе; *томо*, пемно; *моду*, медъ. Въ Индѣйскомъ языкѣ имена существительныя оканчиваются на *твонъ*, въ Славянскомъ на *твоо*; напримѣръ: *богатство*, *безумство*, и проч. (см. Шлегеля über die Sprache und Weisheit

der Indier, стр. 11 и далее). Самое изменение действительных глаголов Латинских, Немецких и Славянских бывает по одному закону.

(241) Въ именахъ существительныхъ: *Мать*, μητήρ, mater, Mutter. — *Патѣр*, Vater, pater, — *Братъ*, Bruder, frater. — *Свекоръ, свекровь*, socer, socrus, Schwiegervater, Schwiegermutter. — *Сынъ*, Sohn. — *Вдова*, vidua, Wittwe. — *Пастырь*, pastor. — *Око*, oculus, Auge. — *Брада*, Bart, barba. — *Сердце*, Herz. — *Кость*, οστέον, costa (ребро). — *Кровь*, flamma, sanguis. — *Солнце*, sol, Sonne. — *Огонь*, ignis — *Пламя*, flamma, Flamme, Φλόξ — *Лугъ*, λόγος, lux (свѣтъ), Licht. — *День*, dies. — *Ночь*, νύξ, Nacht. — *Тепло*, tepor. — *Вода*, vadum (иногда мелкая, иногда просто вода) ἕδωρ, Wasser. — *Глыба*, gleba. — *Роса*, ros, ῥόσος. — *Пыль*, pulvis. — *Море*, mare, Meer. — *Соль*, sal, Salz, ἀλάς. — *Гора*, ὄρος (Немецкое Слово Berg и Славянское *верхъ* есть одно). — *Гость*, Gast, hospes (также Латинское имя hostis означало сперва не врага, а *чужестранца*, съдѣшвенно *гостя*). — *Сонъ*, somnus. — *Обитаніе*, habitatio. — *Домъ*, ὄμος, domus; *дома*, domi. — *Сѣкира*, securis. — *Скамья*, scamnum. — *Труба*, tuba. — *Коробъ*, corbis, Korb. — *Скринка*, scrinium, Schrank. — *Кадь*, cadus, κάδος. — *Якорь*, Anker, anchora, ἀγκυρα. — *Мельница*, μύλη, mola, Mühle. — *Кора*, cortex. — *Клей*, κόλλα. — *Сокъ*, succus. — *Вино*, vinum, Wein, οἶνος. — *Ленъ*, λίνον, linum, Lein. — *Кополн*, cannabis, κάνναβις. — *Сѣмя*, semen, Saame. — *Имя*, ὄνομα, nomen, Name. — *Воръ*, Φύρ, fur. — *Даръ*, δῶρον, donum. — *Гробъ*, Grab. — *Лепость*, lepor, lepos. — *Кругъ*, Kreis. — *Воля*, βούλη, Βούλησις, voluntas, das Wollen. — *Лестъ*, List. — *Пеня*, ποινή, poena. — *Любовь*, Liebe (отъ сего происходить въ Латинскомъ языкѣ libido, lubet, или libet). — *Овца*, ovis, οἶς. — *Быкъ*, bos, βῆς. — *Агнецъ*, agnus, ἄμνος. — *Свинья*, Schwein, σὺς, sus. — *Бобръ*, Bieher, fiber. — *Левъ*, λέων, leo, Löwe. — *Осля*, asellus, Esel. — *Мышь*, μῦς, mus, Maus. — *Котъ*, catus, Kater.

Въ именахъ числительныхъ: *Единый*, unus, eins, εἷς;

два, duo, δύο, zwey; *три*, tres, τρεῖς; *четыре*, τέσσαρες; *пять*, πέντε; *десять*, δέκα, decem, zehn; *сто*, centum: — *Оба*, ambo, ἄμφω,

Въ прилагательныхъ: *Левый*, laevus, λαίος, link; *десный*, δεξιός, dexter, rechter; *льпгий*, lepidus; *новый*, novus, νέος, neu; *ветхий*, vetus; *юный*, jung, junior (юныйшій); *кривой*, curvus; *тонкий*, tenuis, dünn; *короткий*, curtus, kurz; *легкий*, levis, leicht; *сытъ*, satur, satiat, satt; *долгий*, ὀλιχός; *мертвый*, mortuus; *русскій*, russus (красный), ῥωστικός; *строгий*, streng; *полный*, plenus.

Въ мѣстоименіяхъ: *мнѣ*, ἐγώ, mihi, me mich; *ты*, tu, du; *тебѣ*, τίβι, tibi, te, dir, dich; *себѣ*, σεβί, sibi, se, sich; *мой*, meus, mein, ἐμός; *твой*, tuus, dein; *его*, ejus; *свой*, suus, sein; *мы*, ἡμεῖς; *нашъ*, noster; *вы*, vos; *вашъ*, vester.

Въ глаголахъ: *сумъ*, εἶμι, sum; *еси*, εἶς, es; *ести*, ἐσθί, est, ist; *сумы*, ἐσμεν, sumus; *ести*, ἐσθε, estis; *суну*, sunt, sind, εἶσι; *яду* (ѣмъ), ἔδο, edo, esse; *пью*, πίνω (пить,ото); *еряду*, gradior; *сидѣть*, sedere, sitzen; *стою*, sto, stehe; *видѣть*, videre, εἶδω; *даю*, do, δίδωμι; *строить*, struere; *сѣку*, seco; *бью*, battuo; *пасты*, pascere; *сосу*, sugo, sauge; *клою*, κλίνω, clino; *плыву*, πλέω; *везу*, veho; *деру*, ἔρρω; *влеку*, ἔλκω; *кую*, cudo; *верту*, verto; *дремлю*, dormio, dormito; *орю*, ἀρο, ἀρώω; *глотаю*, glutio; *скоблю*, scabo; *валю*, volvo, wälze; *мелю*, molo, mahle; *лгу*, λύγω; *могу*, μόγω, mögen; *тру*, tero; *плету*, plecto, πλέκω, flechte; *рую*, ruo.

(242) *шарить*, *каркать*, *блѣять*, *квакать*, и проч.

(243) Эпо справедливо замѣнилъ Левекъ. »Никто не сомнѣвается (ищетъ Шлецеръ въ Proben Russisch. Annal. стр. 71), чтобы Немецкій, Греческій и Латинскій не были въ основаніи однимъ языкомъ — Славянскій также.« Юніусъ, Ире, доказывали великое сходство Греческаго и Готтескаго.

(244) См. выше, стр. 23.

(245) *Скиоскиль*, говоритъ ученый Ире (см. его Prooemium, или предисловіе въ Лексиконъ Шведо-Готтескомъ); но Скионы пришли изъ Азіи уже въ по

время, когда Европа имѣла своихъ жителей (см. выше стр. 4). *Кельтскииъ*, скажетъ Пеллутъе, написавшій *Histoire des Celtes*: ибо Греческіе и Римскіе Историки признаютъ Кельповъ самыми древнѣйшими Европейцами, предками Галловъ и Германцевъ, жившими на обѣихъ сторонахъ Рейна, на Дунаѣ, Днѣпрѣ, гдѣ они смѣшались съ народами Фракіи и Скиѣми (см. Спраб. Geograph. стр. 58 и 465), на берегахъ Сѣвернаго Океана, близъ горъ Рифейскихъ (см. Плутарха въ жизни Камилла), въ Италіи и въ Испаніи, такъ что Птоломей всю Европу называетъ Кельтскою. Но Шлецеръ замѣчаетъ справедливо, что сіе имя, подобно Скиѣи, есть болѣе географическое, нежели историческое, означалъ у Древнихъ, по системѣ Эвровой, западную часть свѣта со всѣми ея жителями безъ всякаго различія въ народахъ.

(246) См. *Ire Prooemium*, стр. XXI, XXVIII. Геродотъ (кн. II) сказываетъ, что Элада называлась некогда Пеласгією; что древніе Аппинки были Пелазги, которые жили прежде во Фракіи. Гекатей Милетскій по извѣстію Спрабонову (кн. VI) говоритъ также, что Фраки населили Аппинку.

(247) См. Шлец. Nord. Gesch. стр. 599.

(248) См. *Réligion des Gaulois* Т. I, стр. 39, и Тунман. *Erklärung einer alten Preuss. Aufschrift* стр. 229. — Доказано, что Готы еще прежде имѣли буквы; но Ульфила, переводя Евангеліе, изобрѣлъ только некоторыя новыя (*Ire Analecta Ulfil. Diss. I*; см. также Шлец. Nord. Gesch., Маллетову *Histoire de Dannemarck* и Тунмана). Бетикою называлась часть Испаніи отъ рѣки Анаса на полдень до моря. Руны были извѣстны въ Германіи и въ Британніи (см. von der Schreibkunst im Norden въ Шлец. Nord. Gesch.). *Фортунатусъ*, Поэтъ VI вѣка, упоминаетъ объ нихъ въ стихахъ своихъ (Шлец. Nord. Gesch. стр. 611).

(249) См. Тунмана *Erklär. einer Preuss. Aufschrift* стр. 229.

(250) Геренов. *Ideen über den Verkehr der alten Welt*, Т. II, стр. 556.

(251) Турдепане увѣряли во время Спрабонова, что они уже 6000 лѣтъ умѣютъ читать и писать. Сн 6000 лѣтъ могутъ быть опискою (см. Шлец. Nord. Gesch. стр. 596).

(252) См. Тунмана *Erklär. alt. Preuss. Aufschr.* стр. 230 — 232, и Бишпер. *Vergleichungstafeln der Schriftarten verschiedener Völk. Tab. II.*

(253) Тацитъ сказалъ о Германцахъ: *litterarum secreta viri pariter ac feminae ignorant*. Изъ сего нѣкоторые заключили, что они въ его время не знали письма; но Римскій Историкъ говоритъ о тайныхъ любовныхъ письмахъ, хваля супружескую вѣрность и целомудріе Германцевъ. Лаблетшпері, Тунманъ, Миллеръ и другіе такъ разумѣли слова его. Самъ же онъ пишетъ (*Descr. Germaniae*), что многіе памятники между Рецією и Германією были исписаны буквами. Жители Панноніи узнали искусство писать отъ Римлянъ.

(254) Плавій кн. VII, гл. 57.

(255) См. Voigts *Untersuchung über die Einführung der Buchstaben in Böhmen*, въ *Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen*, Ч. I, стр. 164 и слѣд. Одинъ Лыпописецъ Россійскій среднихъ времявъ, повторяя Несторово извѣстіе о буквахъ Кирилловыхъ, прибавляетъ: «преже убо Словени не имѣяху «письмень, но начертаньми и нарѣзаньми чинаху и «гадаху» (см. въ Синодальн. бібліотекѣ рукописн. книгу о древностихъ Россійск. Государства, подъ No. 529, Т. I, кн. 2). То же извѣстіе найдено Г. Калайдовичемъ въ сочиненіи Монаха Храбра о письменахъ, (въ Синод. бібліотекѣ подъ No. 85).

(256) *Acta Sanctorum IX Mart.*, Добнер. *Annales Bohemorum* Ч. III, Коля *Introductio in hist. et rem litt. Slavorum*, гл. II, и въ *Несторъ* стр. 20. Византийскіе Лыпописцы не упоминаютъ о семъ происшествіи. Несторъ описываетъ его между случаями 898 году: являя ошибка! Михаилъ убитъ въ 867 году, а Константинъ или Кириллъ и Меодій, какъ самъ Несторъ пишетъ, были имъ отправлены въ Моравію (а не въ городъ Рауу, какъ думалъ Ташищевъ). Они

перевели на Славянскій языкъ Евангеліе, Апостоль, Псалмирь и Оксвоихъ. — Нѣкошорые суевѣры возспали прошивъ сей повости, доказывая, что одни Евреи, Греки и Римляне могутъ имѣть грамоту: ибо на крестѣ Спасителя не было иныхъ надписей, кромѣ Еврейской, Еллинской и Латинской. Но Папа утвердилъ письма Моравскія, и сказалъ, что Бога должно славить на всѣхъ языкахъ. Попомъ Константинъ отправился въ Болгарію учить Христіанству; а Меодій, Епископъ Панноніи, избралъ двухъ Священниковъ, искусныхъ въ языкъ и въ письмо, которые въ шесть мѣсяцевъ, отъ Марта до 12 Октябрия, перевели съ Греческаго на Славянскій всѣ книги церковныя. — Такъ повѣствуетъ Несторъ. Въ книгѣ *Житій Святыхъ*, въ описаніи дѣлъ Константина и Меодія 15 Мая, сказано, что они прежде — (въ 858 году: см. Гапперер. *Weltgeschichte* стр. 578) — обратили уже многихъ Козаровъ въ Христіанство; что Царь Михаилъ для того послалъ ихъ и въ Моравію, убѣдивъ Константина принять санъ Архіерейскій; что сей мужъ добродѣтельный еще въ Царьградѣ изобрѣлъ азбуку Славянскую и началъ переводить *Евангеліе отъ Іоанна*; что Моравскій Князь, Ростиславъ, принявъ его и Меодія съ великою ласкою, велѣлъ опрокамъ учить новую азбуку и переведенныя книги, Часословъ и Псалмирь; что святые мужи въ чепыре года утвердили всю землю Славянскую въ истинной Вѣрѣ, перевели Евангеліе, Апостоль, Литургіаріонъ, и совершали Божественную службу на языкъ Славянскомъ; что Епископы Западной Церкви вознегодовали по тѣмъ причинамъ, о которыхъ говоритъ Несторъ, и Папа, Николай IX, позвалъ въ Римъ Константина и Меодія, но самъ въ то же время умеръ; что преемникъ его, Адрианъ II, одобрилъ ихъ дѣло и предалъ апостолъ хулителей новой Литургіи; что они, Константинъ и Меодій, служили въ Римѣ обѣдию на языкъ Славянскомъ; что Константинъ занемогъ памъ, принявъ на себя слышную схиму, названъ *Кирилломъ*, вручилъ Епископство

свое Меодію, скончался и погребенъ въ Церкви Св. Климента (свѣдственно не ѣздилъ въ Болгарію, какъ говоритъ Несторъ); а Меодій Епископъ жилъ долгое время въ Панноніи и перевелъ множество книгъ съ Греческаго. Ежели Константинъ и братъ его жили въ Моравіи чепыре года и прѣехали въ Римъ скоро по смерти Николая IX, то Славянская грамота изобрѣшена ими въ 863 году: ибо сей Папа умеръ въ 867. Римскіе *Acta Sanctorum* и всѣ иносѣрашныя Писатели согласны по крайней мѣрѣ въ главномъ съ нашею Минеею (см. Шлец. *Нестора* Ч. III, стр. 198 — 241). Папа Іоаннъ VIII въ Бульѣ своей, писанной въ 880 году въ Моравскому Князю Святополку, именно называетъ Константина изобрѣшателемъ буквъ Славянскихъ.

Я обязанъ Г. Калайдовичу слѣдующимъ любопытнымъ извѣстіемъ: «Въ Москов. Синод. Библиотекѣ, (No. 66), хранится въ подлинникъ книга *Небеса*, переведенная съ Греческаго языка на Славянскій Іоанномъ, Экзархомъ Болгарскимъ, въ исходѣ IX или въ началѣ X вѣка. Онъ пишетъ, что азбука Славянская изобрѣшена и Евангеліе преложено Константиномъ или Кирилломъ; что Меодій перевелъ всѣ *уставныя книги*, числомъ 60; что Монахъ Дуксъ убѣдилъ его (Экзарха) перевести книгу *Небеса* (сочиненную Іоанномъ Дамаскинскимъ) и проч. Ежели сія Славянская рукопись дѣйствительно писана въ исходѣ IX или въ началѣ X вѣка, то она есть древнѣшая изъ всѣхъ извѣстныхъ.

(257) Буква Ш есть Еврейская *ש*. Фришъ считаетъ Б и Ъ также Еврейскими (см. его *Hist. linguæ Slavonicæ etc.* гл. I).

(258) Несторъ говоритъ: «смы бо первая преложены *книги* (т. е. Библия) въ Моравѣ, яже прозвася *трамопа* Словенская, *еже грамота есть въ Руси*.»

(259) Нѣкошорые воображали Св. Іеронима Далматскимъ Славяниномъ (хотя Славяне вошли въ Далмацію только въ VII вѣкѣ: см. выше, стр. 30). — Іеронимъ перевелъ Библию не на Славянскій, а на Латинскій языкъ которыми говорили тогда въ Далмаціи.

(260) То есть, 1222 году (Assem. Kalendaria Ecclesiae Universae T. IV, стр. 443).

(261) Такъ называемый *Сборникъ*, отданный Ки. Щербатовымъ въ библиотеку Эрмитажа, и Евангеліе Сѣвѣйское (см. сей *Исторію* Т. II, примѣч. 107).

(262) См. Шнейдер. Nestor, Ч. II, стр. 327, Добровскаго въ Abhandlungen einer Privat-Gesellschaft in Böhmen T. V, стр. 318, и Voigts Untersuch. über die Einfuhr. der Buchstab. въ томъ же сочиненіи, Т. I, стр. 176. — Однакожь не всѣ Ученые такъ думали. Богемаецъ Добнеръ утверждалъ, что истинная Кириллова азбука есть Глагольская, и что наша, изобрѣтенная послѣ, несправедливо названа симъ именемъ (Abhandlungen der Böhmischn. Gesellschaft der Wissenschaften, годъ 1785, стр. 101 — 159):

1) «Буквы Глагольскія, грубыя и нескладныя, имѣютъ всѣ признаки древности, и не сходны ни съ какими другими: Кирилловскія же суть не что иное, какъ Греческія, и не могли бы въ IX вѣкѣ прослыть новыми изобрѣщеніемъ. Между ими видимъ только селѣне Греческихъ буквъ, которыя взяты изъ Глагольской азбуки.» — Ученому Греку Кириллу всего естественнѣе было дать Славянамъ Греческія письмена; надлежало выдумать новыя единственно для такихъ звуковъ, которыхъ нѣтъ въ языкѣ Греческомъ. Не всѣ, но только двѣ изъ сихъ новыхъ буквъ одинаковы съ Глагольскими; на примѣръ: Ш, Щ. Не правда также, чтобы другія Глагольскія совсѣмъ не походили на Кирилловскія. Изобрѣтатель первыхъ, желая отличиться, писалъ иныя на оборотъ (Е, з—з, ѿ, — Р, б; къ другимъ прибавлялъ черпты (П, Г—Ш, П) и хитрилъ въ краснотѣ (Л, ѿ — М, ѿ); буква Ф совершенно та же. Кирилловскія письмена имѣютъ образъ Греческихъ девятого вѣка (см. Монфоконovu Греческ. Палеографію, также примѣры въ Ephemerid. Graeco-Moscis, Г. I и въ Ламб. Commentar. de Bibliotheca Vindobonensi): доказательство, что Славяне приняли ихъ дѣйствительно во время Константина и Меодія,

а не въ новѣйшія времена, когда образъ Греческихъ буквъ уже перемѣнился. «Но для чего же Кириллъ былъ названъ *изобрѣтателемъ*?» Для того, что Славяне прежде не имѣли грамоты, и что нѣкоторые буквы въ семь алфавитѣ дѣйствительно *изобрѣтены* ятъ. — 2) «Римскіе Духовные въ XI вѣкѣ называли «Славянской алфавитъ Готскимъ» (dicebant enim gothicas literas à quodam Methodio haeretico fuisse percertas, говоритъ Тома Архидіаконъ Спалагрскій, въ Швабшпер. собраніи Script. rer. Hung. Т. III, стр. 552 — 554): «сдѣлственно они разумѣли подъ «симъ именемъ не Кирилловскій, а Глагольскій, дѣйствительно сходный въ кудрявости съ Готскими «буквами.» Римскіе Духовные называли Славянской алфавитъ Готскимъ единственно для того, что они считали Готское и Славянъ за одинъ народъ (см. въ Швабшпер. собраніи Script. rer. Hung. Т. II, стр. 119, слова Далматскаго Аббата Лудовика Тубера: praeter Gothas, quos Slavenos nuncupant, и проч.; см. также въ Assem. Kalend. Eccl. I, 318). — 3) «Имя «Кирилловской азбуки есть *новое*; минимъ изобрѣтатель ея только за 50 дней до кончины своей былъ названъ *Кирилломъ*: спрашиваю, какъ же она прежде называлась?» Азбукою или грамотою, или *Славянской азбукою*, и проч. Кирилловского стали называть ее конечно въ новѣйшія времена, когда Славяне Далматскіе ввели у себя другую, п. е. Буквицу или Глагольскую. — 4) «Далматскіе Славяне употребляютъ Буквицу, Россіяне Кирилловскую: сдѣлственно первая «древнѣе, ибо Россіяне приняли Христіанство 100 лѣтъ послѣ Далматовъ, п. е. въ княженіе Владиміра.» Во-первыхъ Христіанство вошло въ Россію еще въ 867 году, по извѣстію Византійскихъ современныхъ Летописцевъ (о чемъ см. ниже); во-вторыхъ, ежели другіе Славяне, наприм. Сербы, по *мнѣнію Добнера* оставили *древнѣйшую* азбуку свою, принявъ новѣйшую Кирилловскую, то и Далматскіе могли промѣнять Кириллову на Буквицу. — 5) «Пусть покажутъ намъ «Кирилловское письмо девятого столѣтія!» Ошѣвчаемъ:

пусть покажутъ намъ Глагольское письмо ранѣе XIII столѣтія! По крайней мѣрѣ въ X вѣкѣ существовала Кирилловская грамота: сіи буквы видимъ уже въ надписи Кіевской церкви, достроенной въ 996 году (см. ниже, примѣч. 424, и выше, примѣч. 256, въ концѣ). — 6) »Но въ предисловіи харапейшой Глагольской Псалтыри 1222 году какой-то *Николай* говоритъ, что она списана съ подлинника времени Θεодора, *последняго* Епископа Салонскаго; а какъ ученый Ассемани доказалъ, что *последнимъ* Салонскимъ Епископомъ надлежитъ считать Θεодора, жившаго въ концѣ IX вѣка, то слѣдуетъ, что Глагольскими буквами уже писали въ IX вѣкѣ.« Добнеръ не хотѣлъ замѣтить, что самъ Ассемани сомнѣвается въ истинѣ сего извѣстія; въ подлинникѣ (думаетъ онъ) стояло, можетъ быть, только scriptum impensis et mandato Theodori Episcopi; а догадливый писецъ Николай прибавилъ опъ себя: ultimi Salonitani Episcopi (Ассем. Kalend. Eccl. Univ. T. IV, стр. 445 въ примѣч.) Къ тому же сіе Евангеліе могло быть списано Николаемъ съ Кирилловскаго, а не съ Глагольскаго подлинника. — 7) »Французскіе Бенедиктинскіе Монахи въ своей *Новой Системѣ Дипломатики*, Ч. II, стр. 166, говорятъ о »Болгарской рукописи, хранимой въ Парижской библіотекѣ подъ No. 2340 и писанной лѣтъ за 800 или »900 до нашего времени: сія же рукопись есть Глагольская.« Но ежели Французскіе Монахи ошиблись въ своемъ *мнѣніи* прѣмъ спами лѣтъ? На рукописи не означено ея древности, ибо они не сказали бы тогда: »за 800 или 900 лѣтъ.« Мы знаемъ также, что въ Болгаріи употребляютъ не Глагольскія буквы, а Кирилловскія.

Любопытные могутъ видѣть Буквицу во Франц. Энциклопедіи. Я имѣлъ въ рукахъ своихъ букварь Іеронимовскій, напечатанный въ 1753 году въ Римской Типографіи Пропаганды, и молявсвенникъ, изданный въ Венеціи. Первая книга, напечатанная Глагольскими буквами, есть Новый Завѣтъ, изданный въ Тибингенѣ

въ 1553 году (см. Abhandl. einer Priv. Gesell. in Böhm. T. I. стр. 176 — 177).

(263) Богемскіе Историки пишутъ (см. Добнера въ Annal. Bohemorum Ч. III, стр. 188), что Констанцинопольскій Патріархъ Фотій, недовольный Меодіемъ за его сношенія съ Римомъ, пославилъ въ Моравію инаго Епископа Агаѳона, а въ Нейстру Гораздоса; но Князья Моравскіе не хотѣли принять ихъ. Агаѳонъ былъ Греческимъ посломъ въ Германію около 873 года, а Гораздосъ Болгарскимъ Архіепископомъ въ 880 (Гебг. Gesch. des Staats Mähren, стр. 28). Съ того времени, по достовернымъ извѣстіямъ, не находимъ уже ни одного Греческаго Епископа въ Моравіи.

(264) См. Буллу его 968 году (въ Исторіи Козмы Прагскаго, въ Менкен. собран. Script. rer Germ. T. I, стр. 1994), и въ тѣхъ земляхъ, гдѣ изобрѣтена Кириллова азбука, не осталось даже никакихъ слѣдовъ ея. Время и Паписы истребили память всѣхъ древнихъ Славянскія рукописи (см. Abhandl. der Böhm. Gesellsch. на 1785 годъ, стр. 136).

(265) Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 20.

(266) Сильнѣйшею изъ нихъ была область Кривичей, владѣвшихъ Полоцкою, Вишнѣскою (въ верховьѣ Двины), Псковскою, Смоленскою и, можетъ быть, частію Тверской Губерніи. Лапыши донныя именуютъ Россіянъ Кревами или Кривичами. — Напрасно многіе воображаютъ Новгородъ уже великимъ и знаменитымъ прежде Рюрика: народная пословица, свиданная нами опъ Кранца, писавшаго въ XV и XVI вѣкѣ: quis potest contra Deum et magnam Novgardiam? *кто противъ Бога и великаго Новаграда?* (Wandalia, стр. 5) можетъ оппоситъ ея единственно ко временамъ позднѣйшимъ. Въ IX вѣкѣ область его, окруженная на Югъ Кривичами, а на Западъ, Сѣверъ и Воспокъ разными Финскими племенами, едва ли составляла и половину нынѣшней Губерніи Новгородской.

(267) Гроза, которая сокрушила величіе Рима, и

нѣсколько вѣковъ свирѣпствовала въ Европѣ, начала утихашъ уже въ концѣ VI вѣка. Все бывшее исчезло: явились новыя правленія, новыя обычаи и законы; прославились новыя имена народовъ. Германцы, оставивъ большую половину своего древняго опустошеннаго Славянства, властвовали въ Англіи, Галліи, Италіи; но въ VIII вѣкѣ уступили Испанію Аравіянцамъ, пришедшимъ въ Европу съ мечемъ, Алкорашомъ и съ любовью къ Наукамъ. Карлъ Великій, въ послѣдній годъ сего вѣка, основалъ Имперію Западную, несравненно сильнѣйшую Восточной, которая ужасалась всякаго непріятеля, но дерзала еще именоваться Римскою. Скандинавія — officina gentium, vagina nationum, какъ говоритъ Юриандъ — раздѣленная на малыя Королевства, повѣдвала морями: ея безчисленные выпязи, скучая шѣсными предметами опустошеннаго, суровымъ его климатомъ и праздностію, трубили въ рога, стремились опъ пиршествовать на легкіе корабли свои, искали добычи, новыхъ земель и завоеваній. Азіатскіе народы — Болгары, Козары — господствовали на западныхъ и сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Калиты, наследники Магометовы, еще славялись на Востокѣ. — Въ сіе время начинается Исторія Государства Россійскаго.

(268) См. Нестора.

(269) Преданіе о Гостомыслѣ сомнительно: въ Несторовой лѣтописи, въ самой *Никонов.* и въ *Степен. Книгѣ* нѣтъ о томъ ни слова. Однакожъ Герберштейнъ, который въ 1517 и 1526 году пріѣзжалъ въ Москву, говоритъ уже о семъ знаменитомъ Новгородскомъ мужѣ (*Regum Moscovit. Commentarii*, стр. 3).

(270) Я не вижу причины думать, чтобы Весь и Чудь тогда уже зависли опъ Славянъ. Въ Псковской лѣтописи (въ *Синодальн. Библиот.* No. 349) именно сказано, что каждый изъ упомянутыхъ народовъ имѣлъ особенное правленіе (л. 154 на обор.).

(271) Миллеръ — см. въ его *Описаніи народовъ, издревле обитавшихъ въ Россіи*, сташью о *Варягахъ* —

думалъ, что Славяне и Финны звали Варяговъ не для правленія, а единственно для защиты границъ своихъ, и что Рюрикъ былъ *похитителемъ* власти. Но ясныя слова Лѣтописца: *да пойдете княжить и володѣть нами*, опровергають сіе мнѣніе.

(272) Въ *Пушкин.* харатейномъ спискѣ Нестора: *пріидоша старыйиий Рюрикъ . . . а другой Синеусъ на Бѣльозерьѣ, а третій (въ) Изборствѣ Труворѣ.* Названіе мѣста, гдѣ княжилъ Рюрикъ, пропущено; въ *Троицко-коливѣ* (что достойно замѣчанія) также; поверху приписано, надъ именемъ Рюрика: *Новг . . .* По всемъ шымъ известнымъ спискамъ Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ; только въ *Кенигсбергсколивѣ*, *Хальбшиковсколивѣ* и въ *Ипатьевсколивѣ*, гораздо новѣйшихъ, сказано такъ: «Избрашася 3 братья и пріидоша къ Словеноливѣ первое, и срубиша городъ Ладогу, и сѣде въ Ладогѣ старый Рюрикъ.» Далѣе: «по двою же лѣту умре Синеусъ и Труворъ, и прія всю власть Рюрикъ одинъ, и *пріиде къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховоливѣ и прозва Новгородъ и сѣде ту.*» Сіе мѣсто о Ладогѣ и Новгородѣ, основанномъ будто бы Рюрикомъ, прибавлено безъ сомнѣнія въ новѣйшія времена. — Въ харатейномъ сокращеніи Нестора, которое писано въ XIII вѣкѣ и найдено мною въ *Древнихъ правилахъ Софійскихъ* (Новгородскаго Собора) или въ *Кормчей Книгѣ* (Синодальн. библиотеки No. 82) сказано: «старый Рюрикъ сѣде *Новгородъ*, Синеусъ на *Бѣльозерьѣ*, и проч. — Городъ Бѣльозерскъ, по древнему преданію его жителей, стоялъ въ IX вѣкѣ на сѣверномъ берегу озера: Владиміръ, какъ опи сказывають, перенесъ его на то мѣсто, гдѣ вытекаетъ рѣка Шексна (см. Миллеровъ *Географич. Лексиконъ*); нынѣ сей городъ находится, какъ известно, на южной сторонѣ Бѣлоозера. — Нынѣшняя слобода Изборскъ въ 26 верстахъ опъ Пскова.

Замѣтимъ, что Изборскъ два раза былъ переносимъ съ мѣста на мѣсто: въ 1503 и въ 1530 (см. *Псков. Лѣт.*).

(273) См. *Книгу Степен., Никоновск.,* также *Софій-*

скую, письменную Новгородскую и *Подробную летопись*, издавшую Львовымъ.

(274) Въ *Воскресен.* и другихъ летописяхъ именно прибавлено, что Рюрикъ и братья его, утвердившись въ Россіи, *поганами* воевать всюду.

(275) См. Шведск. Далинову *Gesch. des R. Schwed. T. I.* и Маллет. *Histoire de Dannemarc.*

(276) *Архангельск. Лѣт.* Въ древнихъ спискахъ сполнь *Аскольдъ* и *Скандъ*, а не *Оскольдъ*.

Они уже по кончинѣ Синеуса и Трувора оправились изъ Новгорода — слѣдственно въ 864 году. — У насъ есть повѣстная сказка о началѣ Кіева (см. въ Синодальн. библиот. книгу о *древностяхъ Рос. Государства* подъ No. 529), въ коей Авторъ пишетъ, что Аскольдъ и Диръ, отправленные изъ Новгорода Олегомъ посланами въ Царьградъ, увидѣли на пути Кіевъ, понравились красотою онаго и завладѣли имъ, убивъ Кія, братьевъ и сестру его. Тутъ же сказано, что Кій, Щекъ и Хоривъ были разбойники въ Новгородской области; что Новгородцы посадили ихъ съ сестрою Лыбедью и съ 27 товарищами въ пещищу и хотѣли повѣсить; что Князь изъ жалости далъ имъ свободу; что сіи разбойники два мѣсяца шли дикими мѣстами до рѣки Дѣвиры, впадающаго въ *Теплое море*, по коему живутъ Варяги; что Кіѣ основалъ паче Кіевъ, и принявъ къ себѣ многихъ бродягъ, началъ обрабатывать землю; что товарищи его назывались Древланями, и проч.

Баеръ думалъ, что Аскольдъ и Диръ есть имя одного человека; что слово *Диръ* означало на языкѣ Скандинавскомъ *сельможу* или *полководца*. Сія мысль полюбилась Ташицеву и Миллеру. Но Шлецеръ доказалъ ошибку Баерову. (Шлецеров. *Oskold und Dir, eine Russ. Geschichte*).

(277) Россы, по извѣстіямъ Византійскимъ, ограбили всѣ монастыри и селенія прекрасныхъ оспрововъ Плаши, Іаптра, Теревинеа, убивъ мнѣжество людей. Въ Теревинѣ жилъ тогда изгнанникомъ блаженный Папріархъ Игнатій, и едва могъ спасти

жизнь свою (см. Баера de *Russorum prima expeditione Constantinopolitana*, въ *Комменш. Академіи*, Т. VI, стр. 376 — 378).

Несторъ говоритъ, что Россіане вошли въ *Судъ*, то есть, гавань Цареградскую (см. ниже, примѣч. 300). — О семъ нападеніи *Россовъ* пишутъ Византійскіе Историки, Левъ Грамматикъ, неизвестный Продолжатель Константинъ, Георгій Монахъ Симеонъ Логовета, и проч.

См. *Memor. popul. T. II*, стр. 957 — 958. Греки воображали, что на Сѣверѣ, около источниковъ рѣки Дѣвиры, есть великая гора Тавръ (см. Баер. *Origines Russicae*, въ *Комменш. Академіи* Т. VIII, стр. 402).

Шлецеръ не признаетъ сихъ *Россовъ* Кіевскими. (Nestor, Ч. II, стр. 258).

(278) Во время Императора Льва Македонскаго два брата, именемъ Гальвій и Кандидъ, похитили ризу Богоматери въ домъ одной спарой Галилейской Жидовки, принесли въ Константинополь и наконецъ опдали въ храмъ Богоматери Влахерской (см. въ *Мин. Чеш. Іюля 2*, сказаніе о семъ случаетъ, и Баера de *Russ. prima exped. Constaut.* стр. 380). Сія церковь есть славнѣйшая въ летописяхъ Восточнаго Христіанства. Имя *Влахеръ* произошло отъ какого-то Влахерна, буди бы княжившаго не далеко отъ Византіи еще прежде временъ Константина Великаго. Дюканъжъ подробно описываетъ ея великолѣпіе и чудеса, которыя въ ней случились (*Constantinopolis Christiana* стр. 83). — О ризѣ Богоматери пишутъ Левъ Грамматикъ и Симеонъ Логовета. Самъ Фотій въ окружной грамотѣ своей къ Архіепископамъ Восточнымъ, упоминая о наденіи *Россовъ* (Барон. *Annal. Eccles. X*, 253) молчитъ о дѣйствіи святой ризы. Ташицевъ въ утверженіе сего чуда, приводитъ (см. *Исторіи* его Т. II, стр. 364) молитву изъ Акаѣстна Богоматери, гдѣ сказано: *яко же иногда древле все-сильныиъ воеводствомъ спасла еси царствующій градъ свой отъ Скиоскаго воеводы, зѣтробразниго, лукаваго вепра, онаго прегордаго Кагана, и разсирьплъицимъ*

моремъ тѣмъогнеленнѣя воиства потопила еси. Но въ сей молитвѣ говорится о другомъ чудѣ, которое описано въ Синаксаріи, читаемомъ въ Субботу пятыхъ недѣль Поста (см. Тріодіонъ), и случилось въ VII вѣкѣ. Подъ именемъ гордаго Кагима разумѣется Ханъ Аварскій, прислушавшій моремъ и сухимъ путемъ къ Царюграду въ 626 году (Мемор. popul. Т. I, стр. 747). — Кіевскіе жители употребляли имя *Кагана*, вмѣсто Государя, для того, что они долгое время были подвластны Хазарскимъ Великимъ Каганамъ.

(279) См. Мемор. popul. Т. II, стр. 958, Baera de Russ. prima exped. Const. и Бароніевы Annales Eccl. X, 253. Напрасно жестокій несправедливый Фотія, ученый Ассемани, доказываетъ намъ, что сей великій Папріархъ хотѣлъ обмануть современниковъ и попомство, и сочинилъ *лишнее* свое посланіе уже тогда, какъ Игнашій снова управлялъ Церковію: ибо (говоритъ Ассемани) Депутаты Восполныхъ Престоловъ на *освятомъ* Соборѣ, бывшемъ въ 869 году, объявили, что они не имѣли никакого сношенія съ Фотіемъ (Kalend. Eccl. Univ. II, 254, 256). — Древнее истинное преданіе, что *Христіанство вошло въ Россію при Фотіи*, ввело повѣйшихъ Лѣтописцевъ въ грубую ошибку: не сообразивъ разности времени, они говорятъ, что Фотій крестилъ Ольгу (см. ея житіе въ Прологѣ), и что Фотій же прислалъ Епископовъ ко Владиміру!

(280) Мемор. popul. Т. II, стр. 962 — 964. — Михаилъ умерщвленъ въ 867 году, 23 Септ. (см. Круга Вуз. Chron. 3). Императоръ Василій Македонскій возвратилъ Игнашію санъ Папріаршій (см. Баера de Russ. prima exped. Const.). — Константины такъ повѣспиваетъ: «Князь и Вельможи Русскіе, въ торжественномъ собраніи слушая Евангельское ученіе, не хошли вѣрять ему, но сказали Греческому Епископу: брось въ огонь сію книгу, и ежели она не сгоритъ, то мы повѣрили ея святости. Епископъ исполнилъ ихъ волю, и Евангеліе осталось невредимо. Тогда,

убѣжденные чудомъ, Князь и Вельможи приняли Христіанство.» Въ *Никон. Лѣт.* упоминается о семъ случаѣ, Т. I, стр. 21 — 22, и въ *Степен. Книгѣ* Т. I. стр. 85.

(281) См. Нестора стр. 44.

(282) См. выше, примѣч. 256. Варяги исповѣдывали Вѣру Одинову (см. Исладскую Эдду).

(283) *Никон. Лѣт.* выдумалъ на каждый годъ особенную войну для Князей Кіевскихъ. — Въ *Воскресенск.* и другихъ лѣтописяхъ сказано, что Аскольдъ и Диръ, за нѣсколько времени до своего Константинопольскаго похода, воевали съ Древліанами и *Улгилли*; но въ харатейныхъ, вѣрныхъ спискахъ Нестора нѣтъ сего обстоятельство.

(284) См. Маллетову Histoire de Dannemarc Т. I, 146.

(285) По рукописному житію Св. Князя Константина (см. выше, примѣч. 209). Онъ пошелъ въ Муромъ въ древнія обыкновенія Славянской Вѣры. Св. Авраамій (см. *Прологъ*) разрушилъ въ Ростовѣ Кумиръ *Велсовг*. — Въ нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ повѣстьяхъ Олегъ названъ *племляшкою* Рюрика (*Др. Рос. Виліод.* XVI, 53).

(286) Сказка, что Олегъ на пупи своемъ въ Кіевѣ поспровѣлъ Москву, есть новое изобрѣтеніе, копорымъ Г. Елагинъ напрасно укоряетъ Митрополита Макарія. Она находится въ крапкихъ историческихъ повѣстьяхъ (не смѣю назвать ихъ лѣтописями) сочиненныхъ около времени Царя Алексія Михайловича: напримѣръ, въ Кикниской рукописи бібліотеки Миллеровой (въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, No. 4).

(287) Нынешній шакъ называемый *Старый городъ*, между Кіево-Печерскою крѣпостію и Подоломъ: мѣсто рѣдко своимъ красивымъ видомъ.

(288) И шакъ Олегъ признавалъ Игоря законнымъ Государемъ и думалъ властвовать его именемъ.

(289) Кто былъ сей Олма? безъ сомнѣнія знаменитый человекъ въ древнемъ Кіевѣ? неизвѣстно. Шле-

церь (Nestor) Т. II, стр. 63) называетъ его спронпелемъ церкви Св. Николая: по чему?

(290) *Гривна* означала 1) украшеніе золотое, посное Князьями и Вельможами на шеѣ; 2) вѣсъ и монету числительную см. *Уставъ ратныхъ дѣлъ*. *Гривенка* въ общемъ смыслѣ вѣса означала *фунтъ* (такъ показано и въ нашихъ древнихъ рукописныхъ Ариеметикахъ, съ прибавленіемъ, что *малая* гривенка естъ $\frac{1}{2}$ фунта). Но въ мѣсалахъ драгоцѣнныхъ подъ именемъ *гривны* разумѣли шолько 48 золотниковъ или Нѣмецкую марку. См. Арием. Леонтія Магницкаго и въ Посольскихъ дѣлахъ Прусскихъ No. 1, л. 146, годъ 1518. — И въ лѣтописи Несторовой и въ Русской Правдѣ за числомъ гривень означається мѣсала, когда говориться о золотѣ; но гдѣ рѣчь идетъ прости о гривнахъ, тамъ всегда разумѣется серебро. Но какъ *ходячая монета* древнихъ Россіянъ была дѣйствительно не серебряная, а *кожаная* (см. ниже, примѣч. 472 и 475), то подъ именемъ гривны надобно разумѣть единственно монету *числительную*, которая *сначала* хопя и представляла цѣну серебра, но скоро, не имѣя доспонства внупреняго, унизила въ отношеніи къ мѣсалу и къ вещамъ.

(291) По почному смыслу лѣтописи не одинъ Новгородъ, но и другіе народы Русскіе платили Варягамъ, хопя Несторъ сказываетъ шолько, чѣмъ обложены были Новгородцы, для соблюденія мира и дружбы съ корысполубивыми воинами Скандинавскими. Въспно шого, чшобы давать имъ жалованье изъ казны, Олегъ разложилъ его на свои области. Узнаемъ въ послѣдствіи, что Новгородъ, кромѣ сего жаловапья, платилъ еще особенную дань Государямъ Кіевскимъ.

(292) То естъ, между сими народами, по Несторовой Географіи, не было иныхъ. Кривичи восточные, или Смоленскіе, могли граничить съ Клещинскою Мерею въ нынѣшней Московской губерніи.

(293) Суличи принадлежали къ племени Сѣверяпъ (см. *Нестор*. стр. 7). — Лутичи и Тивирцы жили по Днѣспру до самаго моря: были можетъ, что Пече-

пѣги, завладевъ въ X вѣкѣ берегомъ Черноморскимъ, принудили ихъ опчаспи удалиться въ Подольскую Губернію или Галицію.

(294) Сихъ Угровъ, то естъ, нынѣшнихъ Венгровъ, Несторъ въ одномъ мѣспѣ называетъ *Черныли*, а древнихъ Угровъ, извѣстныхъ еще въ Иракліево время, *Бльльли* (см. выше, примѣч. 41). По Восточному обыкновению *бълое* означало у Славянъ или *великое* или *древнее*: такъ Великая или древняя Хрватія называлась *Бълокъ* (Memor. popul. II, 390); такъ Дунайскіе Болгары въ Игоревомъ договорѣ (*Нѣст*. стр. 42) именованы *Черныли* въ отношеніи къ Великой Болгаріи; такъ Венгія около X вѣка раздѣлялась на *Бльлю* и *Черлю* (см. Гебгард. Gesch. des R. Hungarn, T. I, стр. 362 и 376 Пестск. изд. 1802). Константинъ Багрянородный пишетъ, что Венгры, изгнанные Печенѣгами изъ Лебедіи, спраны Козарской, обитали тамъ три года, и помогали Кагану на войнѣ (въ Бандури Т. I, стр. 107), что они не имѣли Государя, ш *собственнаго*, ни *чужеземнаго*: слѣдственно не были дѣйствительными подданными Кагана, хопя и помогали ему на войнѣ, кажется, за то, что онъ дозволил имъ обитать въ его владѣніяхъ. — Исторія древнѣйшихъ Угровъ, или Уроговъ, Гунигуровъ, Саратуровъ и проч. исчезаетъ въ Византійскихъ лѣтописяхъ около VI вѣка. Кажется, что сей народъ, побѣжденный Козарами, смѣшался съ ними.

Спрашивается, откуда пришли Венгры? Несторъ пишетъ: *отъ Востока*; а древнѣйшій Венгерскій Лѣтописецъ говоритъ: *изъ-за Суздаля* (см. ниже). Путешественники XIII вѣка, Іуліанъ, Плянъ Карпинъ, Рубруквись, нашли въ сосѣдствѣ съ Казанскою Болгаріею, между Ураломъ и Волгою, людей говорящихъ языкомъ Венгерскимъ (см. Бержероповы Voyages en Asie T. I, и Прая Dissert. II in ann. veter. Hung. стр. 36 — 39). Рубруквись именуеъ сію страну Pascatir, п. е. Башкиріею: изъ тѣхъ же, или окрестныхъ мѣспѣ, вышли, какъ вѣроятно, въ V вѣкѣ и древнѣйшія Угорскія племена, Ушогурь, Гунагары

и проч. (см. выше примѣч. 41). — Другіе искали древною опеченства Венгровъ или Угровъ за Каменнымъ поясомъ на берегахъ Оби и Сосвы, въ землѣ Югорской (см. выше, примѣч. 72), Прая Dissert. II in an. vet. Hung. стр. 18 — 34, и Гіармаши Affinitas linguae Hung. cum linguis Fenicae originis; то есть, полагали Венгровъ единоплеменниками Финновъ. Такъ думали и Россіиане XVI вѣка, по увѣренію Герберштейна (Reg. Moscovit. Comment. 63). Но Константинъ Багрянородный называетъ Венгровъ Турками, и въ языкъ первыхъ находится весьма много Турецкихъ словъ (см. Прая Dissert. V. in an. vet. Hung. стр. 106 — 108). Имена древнихъ вождей Маджарскихъ суть также неоспоримо Турецкія: (Memor. popul. III, 590). Впрочемъ некоторые и Финновъ производятъ отъ Гунновъ и считаютъ единоплеменниками Аваровъ, Печенѣговъ и другихъ Турецкихъ народовъ (см. Прая. Dissert. I, стр. 8 — 14): вѣрю, но Финны утратили свой первобытный Азіатскій характеръ, отдѣляясь отъ нихъ въ глубокой древности; а Маджары сохранили его.

Венгры сами себя называютъ Маджарами или Мадіарами, и въ Восточныхъ лѣтописяхъ извѣстны подъ симъ же именемъ. Но вѣроятно, что общее, древнѣйшее имя сего народа есть Угры, и что Маджарами называлось прежде какое нибудь особенное, сильное племя. Константинъ Багрянородный говоритъ, что Венгры въ IX вѣкѣ раздѣлялись на семь поколѣній, изъ которыхъ одно именовалось *Meueren* (въ Вандури Т. I, стр. 109): кажется, *Маджарами*. (Memor. popul. III, 608). Область Угровъ не простиралась ли отъ Харьковской Губерніи до пороговъ Днѣпровскихъ и до устья рѣки Ингульца?

Въ Кавказской Губерніи, на рѣкѣ Кумѣ, видны оспапки и развалины каменныхъ зданій, называемыя *Маджарами* (см. Samml. Russ. Gesch. IV, 22, и Бишинг. Hist. Magazin, V, 533). О *городѣ Маджарахъ* именно упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ XIV вѣка. — Палласъ говоритъ еще о *Маджарскомъ* соля-

номъ озерѣ; близъ Кумы, и другихъ развалинахъ, извѣстныхъ Черкесамъ подъ именемъ *Маджаръ-Юна* или *долмовъ Маджарскихъ*.

Несторъ пишетъ далѣе, что Угры шли чрезъ горы названныя послѣ *Угорскими*: то есть Карпатскія.

(295) По *Троиц.* списку, отъ 885 до 906 года.

Городъ Псковъ обыкновенно именуется Плескомъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ: онъ уже существовалъ тогда по словамъ Нестора.

(296) Memor. popul. II, 972 и 1035.

(297) Несторъ именуется здѣсь и Вяпичей, но, кажется, ошибкою: ибо самъ говоритъ послѣ, что до времени Святославовыхъ они не признавали надъ собою господства Князей Россійскихъ.

(298) Днѣпровскіе пороги, говоритъ Г. Зуевъ, суть не что иное, какъ быстрое стремленіе воды по камнямъ большимъ и малымъ, которые лежатъ въ рѣкѣ и мѣшаютъ судоходству. Они простираются на 65 верстъ. Главныхъ считается 13 (см. *Записки В. Зуева* стр. 253).

(299) Константинъ, говоря о своемъ времени, именуется Печенѣговъ; но Лѣтописецъ нашъ еще не упоминаетъ объ нихъ при Олегѣ. Впрочемъ они, по Византійскимъ и другимъ извѣстіямъ, могли уже быть тогда въ Екатеринославской Губерніи (см. ниже). Достоинно замѣчанія, что имя главнаго порога, *Пенаситскаго* (см. *Записки Г. Зуева*), отъ времени Константинovýchъ сохранилось донынѣ: Императоръ называетъ его *Наситъ*, ибо тамъ на высокихъ камняхъ гнѣздились *пеласги*. Россіиане находили способъ проводить суда чрезъ другіе пороги, но въ семь мѣстъ обыкновенно влекли ихъ берегомъ (Memor. popul. II, 982).

(300) Гиббоуъ (Decline and fall of the Roman Empire Т. VIII, гл. XLVIII).

Несторъ пишетъ: «замкнули (Греки) Судъ.» Въ разныхъ новѣйшихъ спискахъ его прибавлено: «цѣпно, «веригами.» Русскіе Историки толковали, что онъ

подъ именемъ Суда разумѣеть Воспоръ, или каналъ, соединяющій Черное море съ Бѣлымъ или съ Пропонтидою; но Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что въ случаѣ опасности Греки преграждали цѣпью не каналъ, а шельку гавань или заливъ его, называемый Рогомъ, *Keras*, *Sinus Ceraticus* (Дю-Канж. *Constantinopolis Christiana*, гл. VI *Catena*, стр. 9—10). См. планъ древняго Константинополя въ Бандури, Т. II, и въ Шевалье *Voyage de la Propontide* Т. I.

(301) См. *Калителар. Исторію Оттомл. Портъ*, кн. III, и Рипперово описаніе Константинопол. осады, (въ Нѣмец. *Allgem. Gesch.*) Турецкіе сказочники также говорятъ, что парусы сихъ галеръ развѣвались на сухомъ пущи.

(302) Въ подлинникъ: «12 гривень на *клягъ*».

Чтобы судить о вѣроятности означенной дани, надобно имѣть понятіе 1) вообще о суммахъ, какія Норманы или наши Варяги брали въ IX и X вѣкѣ съ народовъ, ими побѣждаемыхъ, и 2) о тогдашнемъ богатствѣ Грековъ. Въ 810 году Норманы пришли на 200 корабляхъ въ Фрисландію и взяли съ жителей 100 фунтовъ серебра (*Annales Fuldenses*, въ Дюшенѣ Т. II, стр. 541). Городъ Парижъ заплатилъ имъ въ 845 году 7000 фунтовъ серебра (Т. III, стр. 201). Карлъ *Плѣшивый*, заключивъ миръ съ Норманами, далъ имъ въ 866 году 4000 фунтовъ серебра (Дюшен. Т. III, стр. 225). Въ 884 году они требовали съ Карломана 12,000 фунтовъ чистаго, пробнаго серебра, обязываясь 12 лѣтъ не тревожить набѣгами областей его (*Annales Metenses*, Т. III, стр. 320). Сія мѣста лѣтописей приведены Г. Кругомъ въ его сочиненія *Münzkunde Russlands*, стр. 166—173. Что принадлежало до Грековъ, то они въ X вѣкѣ были конечно самымъ богатѣйшимъ народомъ Европы. Напримѣръ: въ 902 году жалованье войска ихъ, отправленнаго въ Кривъ, сослავляло 271,010 *солидовъ* или червоицевъ. Императоры ежегодно дарили въ церковь Св. Софіи 120 липръ золота. Кпо хотѣлъ войны въ число Императорскихъ пѣдохранищелей, пошъ вносилъ въ ка-

зну 504 *солида* (см. Константи. de Cerim. стр. 378, 20, 21, 107, 400; въ сочин. Г. Круга *Münzk. Russl.* стр. 177, 185).

Укладали называлась дань или налоги. — Здѣсь упоминается о Переяславѣ: слѣдственно сей городъ (на рѣкѣ Трубежѣ, въ 60 верстахъ отъ Кіева: ибо мы не знаемъ иного въ древней Россіи) былъ уже въ Олегово время? Полпескъ есть Полоцкъ.

(303) Въ Константинополѣ жалованье войску, церковнымъ служителямъ и хлѣбъ изъ казенныхъ магазиновъ выдавались обыкновенно *по-лѣсячию* (см. Дю-Канж. *Glossar.* въ словахъ *Μηραγα*, *Μηραρολογιον*). Греки облызались только 6 мѣсяцевъ содержашъ всякаго купца Русскаго: иначе сіи госпи долговременнымъ пребываніемъ своимъ въ Царьградѣ могли бы обременить ихъ.

(304) Константинополь славился народными банями (*Constantinopolis Christiana*, гл. XXVII, стр. 88). Дю-Канжъ описываетъ ихъ двадцать четыре; такъ называемыя *Зевксиповы* были украшены мраморомъ и статуями великихъ Поэтовъ, Ораповъ, воиновъ; въ нѣкоторыхъ баняхъ мылись и женщины и мужчины (*Balneum duplex*, въ *Constant. Christ.* стр. 94).

(305) Между городскими стѣнами и Воспоромъ. Тамъ была церковь и монастырь Св. Мамы, дворець, портикъ и гавань (Бандури *Imperium Orientale*, Т. II, стр. 719, и Дю-Канж. *Constant. Christiana*, кн. IV, стр. 185).

(306) Неспоръ говоритъ о двухъ Царяхъ Греческихъ: Левъ и братъ его Александръ, который дѣйствительно имѣлъ титулъ Царя (см. ниже, примѣч. 308) хотя Левъ по смерти своей одинъ управлялъ Имперією (см. *Гиббона* Т. VIII, гл. 48, стр. 365 Базельск. изданія). Полпшика могла заставить Олега чтить боговъ и Вѣру главнаго народа въ государствѣ своемъ.

Спиковскій (см. въ его Хроникѣ гл. III) видѣлъ на Галапскихъ воротахъ, прошивъ Константинополя, изображеніе всадника, бывшаго Московскимъ

гербомъ, и думалъ, что сей всадникъ списалъ тамъ съ древняго щита Олега! Князь *могъ* повѣсить щитъ свой на Цареградскихъ воротахъ, но Греки не захотѣли бы долго имъ любоваться; и Св. Георгій не былъ конечно гербомъ Олеговымъ.

(307) Левъ Грамматикъ, Симеонъ Логовета, Продолжатель Константинъ, Георгій Монахъ, Кедринъ, Зонара — самые тѣ, которые повѣствуютъ о нападеніи Россіянъ въ 866 и 941 году. Но слѣдуетъ ли заключить, что пророчество, ими не описанное, должно быть выдумкою? Нѣтъ: 1) вообще опытъ 813 до 959 года Византійская Исторія, по замѣчанію Баера, весьма неполна (см. Шлецер. Nestor Ч. I, стр. 13); 2) не всѣ летописцы Византійскіе дошли до насъ; 3) чего нѣтъ въ извѣстныхъ намъ, могло быть въ утраченныхъ, ибо мы видимъ, что многіе изъ нихъ говорятъ о случаяхъ, о которыхъ молчатъ другіе, описывая то же время; 4) Скизицій, Кедринъ, Зонара, называющъ Св. Владимира зятемъ Василія и Константина, но не пишутъ ни слова, когда и какъ Россійскій Князь женился на Аннѣ: слѣдственно *не всѣ* важные случаи описаны Византійскими Историками.

Всѣ народы въ юности своей, не зная писемъ, любили историческія пѣсни и сказки, подобныя Исландскимъ Сагамъ: Слово о полку Игоревѣ даетъ намъ понятіе о нашихъ древнихъ сказкахъ. Неспоръ могъ заимствовать изъ нихъ пѣкотоія обстоятельство: напримеръ, число кораблей Олеговыхъ, *спроваждаемыхъ конницею*; его *сухотупное плаваніе*; непомѣрную дань, будто бы взятую имъ съ Грековъ; щитъ, повѣшенный на воротахъ Константинопольскихъ, и *паволоки вѣсто парусовъ*. Истина служила основаніемъ для исторической Поэзіи; но Поэзія не Исторія: первая болѣе всего хочетъ возбуждать любопытство, и для того мѣшаетъ быть съ неблизкою; вторая опровергаетъ самые оспроумные вымыслы и хочетъ только истины.

(308) Самыя первыя условія Олеговы съ Греками описаны имъ, кажется, по словесному преданію о вы-

годъ ихъ для Россіянъ и по соображенію съ повѣшными договорами: они предложены кратко и не имѣютъ точности, соблюденной въ договорахъ 911 и 945 года. Лѣтосчисленіе въ *Троицкѣ*, списокъ описываетъ здѣсь годомъ противъ иныхъ, такъ же, какъ и въ извѣстн о походѣ Олегомъ къ Царюграду. Въ концѣ самаго договора, по *Троицкому* списку, стоитъ: «мѣсяца Септ. въ 2 Недѣлю, *пятнадцатъ* лѣто соуданье міра.» *Пятнадцатъ* лѣто означаетъ 15 Индиктъ: слѣдственно договоръ заключенъ, по пышному лѣтосчисленію, въ Сентябрь 911 года, за 8 мѣсяцевъ до кончины Императора Льва, умершаго въ 912 году, Мая 11, по точнымъ словамъ Константина Продолжателя: *Maii 11, die 3, indictione 15 diem obiit Leo.* Здѣсь ошибка единственно во дни недѣли: 11 Мая было въ семь году не Вторникомъ, а Понедѣльникомъ. Императоръ Александръ умеръ въ 913 году, Іюня 6, въ Воскресенье, чрезъ годъ и нѣсколько дней послѣ брата. Напрасно Паджи, вопреки современному Лѣтописцу, относитъ кончину Льва къ XIV Индикту (см. Круга Chronologie der Byzantier стр. 81 — 93).

Шлецеръ (см. его Nest. IV, 10, 11) въ опроверженіе Олегава трактата говоритъ, что «въ немъ имѣлованы Царями Греческими Левъ, Александръ и Константинъ:» Левъ же не имѣлъ соправителя, и Константинъ восшелъ на престолъ уже въ 912 году. Но Кедринъ пишетъ, что Императоръ Левъ еще за долго до смерти своей короновалъ сего младенца. (Т. II, л. 91). Что касается до Александра, то онъ и при жизни Льва назывался Царемъ. См. Льва Грамматика гл. V, годъ 905.

(309) Въ разсужденіи именъ слѣдую *Троицкому* списку, какъ древнѣйшему; но многія и въ немъ безъ сомнѣнія испорчены. Всѣ они раздѣлены почками въ подлинникѣ.

(310) Ни слова объ Игорѣ: доказательство, что онъ при Олгѣ не имѣлъ власти.

(311) См. *Хльбшиковъ*, *Ипатьевск.* и другіе. По

законамъ Ладислава, Короля Венгерскаго, жена и дѣти убійцы получали прешю часть изъ его имѣнія (De-cret. S. Ladisl. кн. II, гл. VIII).

(312) Въ Греческой липрѣ было 72 золотника, а липра серебра цѣною равнялась съ пяпью *солидами* или червонцами (см. Dissertation sur l'état de la monnaie Romaine въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions, годъ 1718 — 1725, стр. 364, и сочиненіе Г. Круга: Zur Münzkunde Russlands, стр. 153).

(313) То есть Византійскихъ *полисмъ* или *солидовъ*, которые имѣли всѣъ Голландскихъ червонцевъ, или не много болѣе (см. Рейске Comment. ad Cerim. Const. Porph. стр. 44, и сочиненіе Г. Круга Münzkunde Russlands, I, 137).

(314) Такъ въ *Трошколь*.

(315) Сіе описаніе къ тремъ предъидущимъ стапьямъ.

(316) См. выше, примѣч. 308. Договоры Грсковъ съ другими народами, имѣвшими буквы, писывались обыкновенно на двухъ языкахъ (см. въ Менадеровыхъ *Посольствахъ* извѣстіе о мирѣ, заключенномъ между Густиніаномъ и Персидскимъ Царемъ Хозроемъ).

(317) Мемор. popul. I, 8 и 103. Папріархъ Славянскій назывался Никитшою.

(318) Мемор. popul. II, 983.

(319) «Еще же (вель имъ показати) чудеса Бога своего, страшни Господи, вѣсць, и гвоздья, и кладь багряную, и мощи Святыхъ.» По Византійскимъ лѣтописямъ, около сего времени Царь Левъ угощалъ пословъ *Сарацнскихъ*, и показывалъ имъ всѣ драгоцѣнности церквиныя (см. Кедрина и Льва Грамматика).

(320) Въ одной *Исландской Сагѣ*, сообщенной намъ Торфеемъ, есть такая же басня о рыцарѣ Орварѣ Оддѣ. Вѣщунья предсказала ему смерть опъ любимого коня его, именемъ *Факса*. Конь умеръ, и рыцарь, споя на его могилѣ, думалъ, что вся опасность миновалась; но *лицерица* (iacerta) выползла изъ гнѣющаго

черепа Факсова, и въ пяпу укусила Овара (Торф. Hist. Norveg. T. I. кн. VI, гл. 6, стр. 273). Кіевскіе ли Варяги передали сію сказку съвернымъ землякамъ своимъ, или съверные Кіевскимъ?

(321) То есть, мы полагаемъ, что Хорваты, имъ покоренные, жили въ окрестности сихъ горъ (см. выше, примѣч. 69).

(322) Здѣсь повѣйшіе Лѣтописцы говорятъ о войнѣ Игоря съ Угличами. — Опъ похода Олега до 945 года лѣтоисчисленіе *Троицкаго* списка все еще описываетъ годомъ опъ другихъ.

(323) Мемор. popul. III, 796 — 932. Нѣмецкіе Лѣтописцы называютъ ихъ *Пеценацали* и *Пецинегали*, Византійскіе *Пацнакатали* и *Пацнакали*, Венгерскіе *Бисснали* и *Бессали*, Польскіе и Русскіе Печеньгами (см. Шлецер. Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen, стр. 452). — Мы не знаемъ языка ни Гунновъ, ни Аваровъ, ни Печеньговъ. Знаемъ только, что послѣдніе говорили однимъ языкомъ съ Команами или Половцами: въ чемъ увѣреть насъ свидѣтельство Анны Комнины (Мемор. popul. III, 908). — Дунайскіе Болгары до самаго завоеванія Мизіи были, кажется, народомъ кочующимъ. Волжскіе и Камскіе имѣли селенія и города, но уже въ позднѣйшія времена. — Болгары, завоеватели Мизіи, давно обратились въ Славянъ по языку и правамъ своимъ. — Константинъ говоритъ (въ Бандури стр. 105), что Печеньги жили въ сосѣдствѣ съ Узами и *Мазарали*, и что Узы съ помощію *Хазаровъ* выгнали ихъ опшуду.

(324) По словамъ Константина (въ Бандури T. I, 108). Франкскіе Лѣтописцы согласно говорятъ, что Печеньги выгнали Угровъ изъ Молдавіи въ 896 году: см. Шлец. Nestor III, 140; также Констант. Багр. въ Бандури I, 106, Баеров. Geograph. Russ. ex Const. Porph. въ Комментар. Акад. IX, 399, и Гаппер. Allgem. Weltgesch. 582. Константинъ полагаетъ только *дѣтъ пзды* опъ Россіи до владѣній Печеньжскихъ, опъ Узія и Хазаріи пяпъ дней, опъ Аланіи (въ Кав-

казской Губерніи) шесть, опъ Мордіи (Мордвы) де-
слась.

(325) См. Шлец. *Gesch. der Deutsch. in Sieb.*
224 — 225.

(326) См. выше, прим. 324.

(327) Коисп. Багряи. въ Бандури Т. I, стр. 56.

(328) Мемор. popul. II, 967, 973. — Кедринъ и Зо-
нара говорятъ о 15,000 судовъ! Современный Исто-
рикъ Лиуппрандъ (о копоромъ см. ниже), кажется,
справедливѣе пишетъ, что Игорь имѣлъ *тысячу* и бо-
лье судовъ (кн. V, гл. 6). — Тогда правилъ Имперіею
одинъ Романъ Лакапинъ, шесть Константина Багря-
нороднаго, и не давалъ послѣдному никакой власти.

(329) Онъ пишетъ, что Россіяне забавлялись му-
ками несчастныхъ плѣнниковъ: распинали ихъ, раз-
спрѣливали и вбивали имъ въ голову желѣзные гвозди.
Кедринъ позже слово въ слово (см. Русскій переводъ
его, листъ 109, и Мемор. popul. II, 970). Греки лю-
били увеличивать зѣрство своихъ непріятелей. —
Протовестіарій былъ хранителемъ царскихъ одеждъ
и первымъ по Доместикъ или начальникъ сухопут-
ныхъ войскъ (см. Ковина о *чинахъ Константинополь-
скаго Двора*).

(330) Онъ стоялъ на Европейскомъ берегу Востора.
Въ *Воскресен. Лѣт.*: «Романъ же посла дромонъ» (су-
да, у Дю-Канжа *navis oblonga*) «велико бяху въ Кон-
стантинѣградѣ съ Теофаномъ на Русь. Теофанъ же
«модейный воля прежде урядивъ и уготовивъ, и слюзами
«себе упвердивъ, Руси ожидаа, въ ладіяхъ на ня хопля
«ипи съ окреснаго глаголемаго Фара, спражница,
«въ пей же огонь влагаемъ на просвъщеніе въ пощи: се
«на устѣи Понпа спражу дѣя, зане ту часно разбой-
«ничество и на спрапы нагнаія,» и проч.

О повелѣніи брата Грековъ живыхъ пишетъ Ли-
уппрандъ въ *Hist.* кн. V, гл. 6. — *Υγρον πυρ*, Грече-
скій огонь, изобрѣтенъ, какъ извѣстно, въ VII вѣкѣ
Грекомъ Каллиникомъ. Въ наше время не умѣютъ
составлять его. — Игорь, по Несторову извѣстію,
опустошилъ Вионію и Падлагію прежде Европей-

скихъ береговъ Востора; по Греческіе Историки всѣ
согласно повѣствуютъ, что флотъ его, уже разби-
тый Теофаномъ, приспалъ къ берегамъ Вионіи. Не-
сторъ пишетъ еще, что Россіяне выжгли Судъ или
гавань Цареградскую; а Визанційцы говорятъ только
о *Стетъ* (Мемор. popul. II, 969). Подъ симъ име-
немъ разумѣлись вообще берега Востора Фракійскаго.

(331) Опъ Іюня до Септября (Мемор. popul. II,
967 — 970).

(332) Эльмакинъ или Альмакинъ, крещеный Арабъ,
бывшій въ 1302 году Секретаремъ Египетскаго Ка-
лифа, говоритъ (*Historia Saracenicæ* стр. 213): hoc
anno, scilicet 329 (т. е. 940 — 941) oppugnant
Russæ Constantinopolin; sed restiterunt iis Romani,
qui persecuti eos sunt, et in regionem suam se re-
cipere cœgerunt. Лиуппрандъ (*Historia* кн. V, гл. 6)
пишетъ, что флотъ Греческій, во время Игорева на-
паденія, былъ въ опусуствіи. «Императоръ, думая,
«какъ опразитъ враговъ, провелъ безъ сна нѣсколько
«ночей; узнавъ же, что въ гавани есть 15 вепшихъ
«судовъ, велѣлъ исправитъ ихъ и выслалъ оныя съ
«огнемъ пропизъ Игоря. Въперъ, мѣшавшій дѣйствию
«сего огня, утихъ, и Греки зажгли суда непріятель-
«скія. Россіяне, чтобы спастись опъ пламени, броса-
«лись въ воду: многіе утонули опъ шягоспи своихъ
«шлемовъ и лашъ; другіе боролись съ волнами и шак-
«же погибли; живы оспались единственно шѣ, копо-
«рые ушли на берегъ. Греческія большія суда не мо-
«гли гнашься за Русскими лодками, плавающими въ
«самыхъ мелкихъ мѣспахъ» — и проч.

(333) Праспѣна, Володислава. Такое множество
пословъ удивляетъ насъ; но въ древнія времена оно
было знакомъ особеннаго уваженія къ Монарху или
народу, который принималъ ихъ (см. *sur les fonctions
des Ambassadeurs chez les Anciens*, въ *Mem. de
l'Acad. des Inscr.* годъ 1734 — 1737).

(334) 16 Дек. 944 г. Романъ былъ сверженъ съ пре-
стола Шефаномъ и Константиномъ, неблагодарными
дѣльми своими (Круга *Вуз. Chron.* 230).

- (335) См. выше стр. 155.
- (336) Legatio Liutprandi etc. въ Муратори Т. II, стр. 487, Круга Münzkunde Russlands стр. 95 — 97.
- (337) Надобно думать, что некоторые особенныя шкани, определенной доброты и мѣры, ходили въ Греціи какъ деньги. (Константи. de Cerim. стр. 382. въ Кругов. сочиненіи Münzkunde Russl. стр. 86, Мемор. popul. II, 82).
- (338) Въ Олеговомъ договорѣ положено выкупъ 20 золотниковъ за каждаго Греческаго невольника.
- (339) Въ Олеговомъ договорѣ сказано поже, съ прибавленіемъ другихъ обстоятельство.
- (340) При успѣхъ Дибра, пѣнь Березань (Мемор. popul. II, 984). У Нестора, вмѣсто *Босрія*, стоить имя *Елеверія*.
- (341) См. Константи. Багрянород. de Adm. Imp. въ Бандури Т. I, стр. 113.
- (342) См. выше, стр. 159.
- (343) Въ Царьградѣ была славная церковь С. Или; но здѣсь, какъ увидимъ ниже, говорится о Кіевской. — Слово *обругъ* значить поже, что кольцо. — Далѣе слѣдуютъ заклинанія, какъ и въ началѣ. Тапищевъ означилъ годъ и число договора (Апрѣля 20); но ихъ нѣтъ въ лѣтописи.
- (344) Несправедливо считаютъ церковь Св. Николая древнѣйшею въ Кіевѣ. Несторъ пишетъ только что она въ его время стояла на могилѣ Аскольдовой; а когда построена, неизвѣстно. Соборная церковь Св. Или была, по словамъ Лѣтописца, *надъ руицель, конецъ Пасынъкъ беспды и Козарь*: думаю, что *беспдою Пасынъковъ и Козарями* назывались двѣ улицы или частіи древняго Кіева, и что сія церковь находилась между ими. Имя *беспды* означало въ старину *спдалище*.
- (345) Не только Князь, но и всякой знаменитый Воевода имѣлъ свою особенную дружину.
- (346) См. ниже, примѣч. 371. Мы уже сказали выше, что Коросенъ есть нынѣшнее мѣстечко Искоросъ въ Волынской Губерніи на рѣкѣ Ушѣ.

- (347) См. переводъ Массуди въ Клапрот. Russland's Vergrößerungen, стр. 182 — 257.
- Абульфеда въ Annal. Moslem., стр. 265: Anno 332 (г. 943 — 944). — Абульфаратъ или Абульфараджа, или Баръ-Еврей Chronicon Syriacum, стр. 193. Барда есть пѣнь мѣстечко, называемое Берде. — Абульфеда жилъ въ XIV, Абульфараджъ въ XIII вѣкѣ.
- Якупъ, Арабскій Писатель XIII вѣка, въ своемъ Географическомъ Словарѣ (кого донынѣ известны 3 экземпляра въ Европѣйскихъ библиотекахъ: въ Копенгагенской, Оксфордской и Санктпетербургской Академической) говоритъ слѣдующее:
- «Русь есть народъ соседствующій съ Славянами и Турками. Онъ имѣетъ свой языкъ, своего Вѣру. Макаддзи (Географъ XI вѣка) пишетъ, что Русскіе живутъ на островѣ *Вабия* (можетъ значить: *гдѣ зло-средній воздухъ*) «окрыженномъ водами озера и служащемъ для нихъ вмѣсто крѣпости. Число ихъ полагаютъ до 100 милліоновъ. Полей и стадъ они не имѣютъ. Славяне (Болгары? см. ниже) грабятъ ихъ въ своихъ набѣгахъ. Великому поворожденному сыну онецъ подаетъ мечъ и говоритъ: *твое единственно то, чего добудешь мечель*. Если пляжущіеся не довольны судомъ Короля (Князя), то сей говоритъ имъ: *судитесь мечель*. У кого мечъ острѣе, шощъ и побѣдитель. Онъ-то (въ 912 или 944?) году опустошили Барду, но были истреблены Всевышнимъ.»
- «Ахметъ, сынъ Фоцлана, посланный» (въ 922 году, въ княженіе Игоря) «Калифомъ Муктедиромъ изъ Багдада къ Королю Славиль» (не Славиль, а Болгаровъ, какъ видно изъ другихъ мѣстъ Якупова Словаря) «описалъ все видѣнное имъ на пуши: я читалъ его записки, и сообщаютъ оныя здѣсь, не безъ удивленія.
- «Я видѣлъ Русскихъ купцевъ — говоритъ онъ — въ пристани рѣки Ипиля (Волги). Тѣло у нихъ красное. Они не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина пакидываетъ на себя съ боку грубую одежду (grobes Gewand), такъ, что одна рука оспашается свободно. У всякаго попоръ, большой ножъ и мечъ. Никогда не

ходящъ они безъ сего оружія. Мечи ихъ широки и рабыши Европейской. У всякой женщины привязана къ грудямъ маленькая коробочка, желъзная, мѣдная, серебряная или золопая, соразмѣрно съ досташкомъ ея мужа. На коробочкѣ кольцо; къ кольцу привязанъ большой ножъ. На шеѣ цѣпи, золотыя и серебряныя. Мужъ, имѣя 10,000 драхмъ, заказываетъ для жены цѣпь золотыхъ дѣлъ мастеру; приобретае еще 10,000, даетъ ей другую — и шакъ далѣе. Богатыя жены носятъ по нѣскольку цѣпей. Главнымъ ихъ украшеніемъ считается зеленый бисеръ (*falsche grüne Perlen*). Мужья плащашъ драхму за бисерину для женскаго ожерелья.

»Они самыя нечистоплошныя люди... Приплывая изъ своей земли, бросающъ якорь на широкой рѣкѣ Иппилѣ; выходятъ изъ судовъ и строятъ себѣ большіе деревянные дома на обѣихъ ея споровахъ. Въ каждомъ живешъ человекъ 10 и 20. У всякаго длинная, широкая лавка, на коей онъ сидитъ съ своею дѣвкою (женою?) и съ продажными невольницами.»

»Вошедши въ пристань, каждый идетъ съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и медомъ» (*cider*, яблонькою?) «къ высокому деревянному болвану, окруженному маленькими; падаетъ шщъ и говоритъ: *о Владыко! я прѣхалъ издалека съ такимъ-то числомъ невольницъ, себолей, шгуръ... вотъ тебѣ даръ мой!* Кладетъ все передъ болваномъ, говоря: *пошли мнѣ добраго купца съ серебряными и золотыми деньгами!* Уходитъ; но въ случаѣ худаго торга опять идетъ къ болвану съ дарами; приноситъ оныя и маленькимъ болванамъ, моля ихъ о засупленіи, и кланяся имъ смиренно. Когда же выгодно сбываетъ все съ рукъ, тогда говоритъ: *Владыка поможь мнѣ; теперь я долженъ заплатить сму.* Убиваетъ нѣсколько быковъ, овецъ; раздаетъ мясо бѣднымъ, кладетъ остатокъ передъ большимъ и маленькими испуканами; вѣшаетъ на первомъ головы убитой скопины — и когда собаки ночью съѣдятъ все мясо, всѣ головы, купецъ говоритъ: *Владыка благоволитъ ко мнѣ: онъ скупалъ даръ мой.*

»Кто изъ нихъ занеможетъ, для того разбиваютъ вдали шатерьъ, переносятъ его въ оный, оставляютъ тамъ хлѣбъ съ водою, не подходящъ къ большому близко и не говорящъ съ нимъ, но ежедневно посѣщаютъ его, особенно бѣднаго или раба. Выздоровѣвъ, онъ возвращается къ своимъ; если же умретъ, по свободнаго передаютъ огню, а раба оставляютъ въ сибѣ псамъ и хищнымъ птицамъ.»

»На вора или разбойника падѣваютъ пеплю, вѣшаютъ его на высокомъ деревѣ, и шакъ оставляютъ, пока онъ вѣпра и дожда исплѣнетъ.»

»Слыша, что они сжигаютъ своихъ умершихъ начальниковъ съ обрядами весьма спиранными, я ждалъ случая видѣть оныя — и видѣлъ собственными глазами. Умершаго опустили въ могилу и 10 дней надъ нимъ съпоявали, пока скроили и сшили ему одежду. Бѣднаго обыкновенно кладутъ въ новую маленькую ладью и сжигаютъ въ ней; имѣіе же богатаго, собравъ, дѣлятъ на три части: одну даютъ родственникамъ; на другую шютъ ему платье; на третью покупаютъ меду (*cider*), чтобы пить его въ шопѣ днѣ, въ которой *двѣка* (жена?) покойника убиваетъ себя и вмѣстѣ съ господиномъ своимъ сжигается. Вино пьютъ они день и ночь, шакъ, что нѣкоторые, держа стаканъ въ рукъ, умираютъ.»

»Короли Русскіе обыкновенно держатъ при себѣ, въ своемъ замкѣ или городкѣ, 400 храбрѣйшихъ воиновъ (дружину). Нѣкоторые изъ нихъ умираютъ съ шми, или жеривуютъ имъ свою жизнью...»

»У него (Короля или Князя) естъ Намѣстникъ, котораго предводителъствуетъ войскомъ, воюетъ съ непріятелями и заспунаетъ его мѣсто для подданныхъ.»

»Вопъ извѣстїя, слово въ слово выписанныя мною изъ сочиненія Фодланова. Пусть самъ Авшоръ опъшпшетъ за ихъ достовѣрность. Но Богъ знаетъ истину лучше всѣхъ другихъ! Что касается до нашего времени, то Русскіе уже Христїане, какъ извѣстно.»

Доселѣ Якутъ. Скажу вмѣстѣ съ нимъ: пусть самъ

Авпоръ отвѣтствуетъ за достовѣрность сего любопытнаго извѣстія! По крайней мѣрѣ оно согласно съ извѣстіями Нестора и другихъ древнихъ повѣствователей о нравахъ *Славль* вообще и *Слалянъ Россійскихъ* въ особенности: мы знаемъ, что жены первыхъ умирали съ мужьями, и что послѣдніе жгли мертвыхъ (см. Т. I, стр. 70, 72, 118). Послѣ Калифовъ видѣлъ Россіянъ или въ столицѣ Болгарской, какъ надобно думать, или въ Козарскомъ Ашепѣ. Восточные Писатели говорятъ, что миролюбивые Козары должны были уступить безпокойнымъ, мятежнымъ Россіянамъ весь островъ Волжскіе, на конхъ сн послѣдніе съѣли пшевичку (кики, *Zsa maus*): для шого будно бы Турки назвали ее *Русскою* (*кукурузи*: см. Эрбелот. Bibl. Orient. подъ словомъ *Rous*).

Слѣдующее извѣстіе переведено изъ Арабскаго Космографическаго творенія, названнаго *Чудесами земли и морей*. Сочинитель, *Шемсъ-удъ-динъ Абу-Абдъ-улла Мусалмедъ*, родомъ изъ Дамаска, жилъ, какъ вѣроятншо, между годами 1283 — 1392.

»Русскіе — говорятъ онъ — названы такъ отъ города *Руси*, споящаго на сѣверномъ берегу Русскаго (Чернаго?) моря. По другимъ сказаніямъ, сіе имя происходитъ отъ Руса, Туркова сына, внука Таудшева. Они живутъ на островахъ Меописскаго моря (Азовскаго), и ходящъ на судахъ воевать Козарскую землю. Ходящъ туда для разбоевъ и другимъ каналомъ (рукавомъ рѣки или моря), владающимъ въ Козарское море. Прежде были они языческой Вѣры, но приняли Христіанскую. Мертвыхъ сжигаютъ. Нѣкоторые бръютъ себѣ бороду; другіе красящъ ее желшою краскою. Имѣютъ свой особенный языкъ. — Ибнъ-уль-Азиръ« (Историкъ Арабскій, умершій въ 1232 г.) «говоритъ въ своей лѣтописи, что сыновья Романовы (Василій и Константинъ), царствуя въ Константинополѣ, претовали помощи Государя Русскаго на врага ихъ, и выдали за него при семъ случаѣ сестру свою; но какъ она не хотѣла быть супругою иновѣрца, шо онъ сдѣлался Христіаниномъ: что было нача-

ломъ Христіанской Вѣры между Русскими, въ 375 (985) году« (ш. с. по лѣтоисчисленію Нестора въ 988).

Въ томъ же сочиненіи сказано о *Козарахъ*: «Козары (или Хазары) живутъ на Козарскомъ морѣ, которое теперь называется Курсомъ (Кульсомъ). Ибнъ-уль-Азиръ пишетъ, что они Грузины; но это не правда: ибо Грузины суть Армяне, Закона Христіанскаго. У нихъ 4 города: Хамидишъ, Белендишоръ и Семендеръ« (имя четвертаго пропущено). «Говорятъ, что они все поспироены Алуширваномъ. Козары разделяются на два класса: на востовъ, которые суть Магометане, и на поданныхъ, которые суть Иудеи. Прежде, равно какъ и Турки, они не имѣли Вѣры, — кромѣ знающихъ... Ибнъ-уль-Азиръ повѣствуетъ, что Государь Константинопольскій во время Гарунаръ-Рашида выгналъ Иудеевъ изъ земли своей; что Иудеи ушли къ Козарамъ, и видя въ нихъ людей добросердечныхъ, предложили имъ свою Вѣру; что Козары, находя ее лучше собщивной, приняли оную и нѣсколько времени хранили; что войско Хоросанское пришло и завоевало ихъ страну... Ибнъ-уль-Азиръ сказываетъ также, что Козары въ 254 (868) году приняли Магометовъ Законъ; что они въ войнѣ съ Турками просили вспоможенія у Хорезмскихъ жителей, которые отвѣтствовали имъ: *въ невѣрннге: если сдѣлаетесь Мусульманами, то положимъ вамъ*. Козары, за исклоченіемъ ихъ Царя, приняли тогда Вѣру Магометову. Хорезмцы сдержали слово, заставивъ Турковъ удалиться. Послѣ чего и Царь Козарскій обратился въ Правовѣріе. Достоянство Хакана (или Кагана) принадлежало у нихъ одному роду. Хаканъ возводилъ Царя на престолъ; не имѣлъ права ни повелѣвать, ни запрещать, но былъ весьма уважаемъ... Одинъ Царь могъ входить къ нему,« и проч. Остальное есть повтореніе Восточныхъ извѣстій, сообщенныхъ нами выше, въ примѣч. 87. — Въ дополненіе къ опыту, приведемъ еще здѣсь сказаніе Ибнъ-Фозлана о Козарахъ изъ сочиненія Г. Академика Френа: de Chazaris, который нашелъ сію лю-

большиную часть (здесь сокращенную) в Географическом Словаре Якушовомъ: «Хазаръ (или Козаръ) есть названіе земли, коей столица *Итилъ*: такъ именуется и рѣка (Волга) текущая изъ Россіи и Булгаріи... Большая часть города на западной сторонѣ сей рѣки, гдѣ живеть и Царь, по-Хазарски *Илкъ* и *Бакъ*... Вокругъ стѣны съ чепырма воротами: одинъ вѣдушь къ рѣкѣ, другія въ поле... Въ городѣ есть площади и бани... Жителей Магомешанскаго Закона считаеся болѣе десяти тысячъ; у нихъ 30 храмовъ...

»Въ ближней дружинѣ Царской 4000 человекъ. Царь Иудейской Вѣры, а подданные Магомешанской и Христіанской (см. ниже); идолопоклонниковъ не много, Иудеевъ еще меньше. Идолопоклонники, привѣществуя другъ друга, падаютъ ницъ и слѣдуютъ священнымъ обрядамъ по древнимъ обычаямъ, которые не сходятся ни съ Магомешанскими, ни съ Иудейскими, ни съ Христіанскими. — У Царя всегда 12000 воиновъ; на мѣсто умирающихъ избираютъ другихъ. Имъ даютъ не большое жалованье, и по рѣдко, въ случаѣ войны или какой важной опасности...

»Казна беретъ пошлину съ ввозимыхъ поваровъ и десятину; а съ жителей разныя подати, налагаемыя на все съѣстное...

»Просителей не допускаютъ до Царя; къ нему ходятъ только судьи (числомъ девять: см. выше, прим. 87); между ими и Царемъ есть особенный посредникъ, который доноситъ ему о дѣлѣ, а судьямъ объявляетъ его указъ для исполненія.

»Вокругъ города нѣтъ сель: граждане лѣтомъ выходятъ на свои поля, заѣваютъ землю, собираютъ хлѣбъ и свозятъ его къ рѣкѣ или въ степь, на телегахъ или въ судахъ. Срациское шшено и рыба составляютъ главную пищу жителей; все другое привозятъ къ нимъ изъ Россіи, Булгаріи и Куявы (Кіева). — Въ восточной части города живутъ болѣею частию купцы; тамъ и складка поваровъ.

»Языкъ Хазарскій различенъ отъ Турецкаго и Пер-

сидскаго... Хазары не сходятся съ Турками: черноволосы, и раздѣляются на два рода: одни именуется *Кара-Хазаръ* (то есть черные Хазары), лицемъ смуглы, и кажутся Индѣйскимъ народомъ; другіе блѣды, прекрасны и стройны. У нихъ всѣ рабы идолопоклонники, которые считаютъ дозволеннымъ продавать дѣтей своихъ въ неволю...

»Царь Хазарскій, называемый Хакапомъ (или Каганомъ), показывается только однажды въ 4 мѣсяца, выѣзжая гулять въ мѣсяцъ пріятныя. Его именуютъ Великимъ Хакапомъ, а Намѣстника его Хакапомъ *Бѣ* (Вѣ): послѣдній предводителемъ войскомъ, управляетъ Государствомъ, наказываетъ преступниковъ, является всенародно, даетъ повелѣнія Царямъ соседственнымъ, ежедневно видитъ верховнаго Хакана, входитъ къ нему съ важностию, скромностию, благоговѣніемъ, и всегда съ босыми ногами; привѣществуетъ его, держа въ рукѣ кусекъ дерева: зажигаетъ оное и садится съ Царемъ на тронъ, по правую руку. За нимъ входятъ такъ называемый *Кендеръ-Хаганъ* и *Чушиаръ*. Никто изъ другихъ людей не можетъ бесѣдовать съ Великимъ Царемъ...

»По древнему обычаю, для умершаго верховнаго Царя строятъ большой дворецъ съ двадцатью комнатами, въ каждой изъ нихъ роютъ могилу, и засыпаютъ ея дно испертыми въ порошокъ камнями и немореною известью. Подъ дворцемъ печетъ большая рѣка: въ нее ставятъ гробницу, для того, какъ сказываютъ, чтобы не могли приблизиться къ ней ни Сатана, ни люди, ни черви, ни другіе гады. Схоронивъ Царя, отсѣкаютъ головы погребателямъ, дабы никто не зналъ, гдѣ гробница его: ее называютъ раемъ; о Хаганѣ же говорятъ, что онъ вошелъ въ рай.

»У Царя 25 женъ, присылаемыхъ ему обыкновенно соседственными Государями изъ числа ихъ родственницъ, и 60 наложницъ, опличныхъ красотою: каждая живеть въ особенной палатѣ, въ *куббѣ* покрытой деревомъ Индѣйскихъ плащановъ; у всякой *куббѣ* ша-

перъ, и ко всякой паложницѣ приспавленъ евуухъ для храненія. . . .

»Когда Царь въѣзжаетъ верхомъ, все войско за нимъ слѣдуетъ, но такъ, что между Царскимъ конемъ и сими всадниками бываетъ цѣлая миля разстоянія. Народъ вдали падаетъ ницъ, и поднимаетъ голову единственно тогда, когда Царь уже пройдетъ.

»Для владѣнія Хаканова назначается 40 лѣтъ: по истеченіи сего срока граждане и вельможи немедленно убиваютъ Хакана, дабы предупредить расслабленіе его ума и души.

»Войско Хазарское не должно никогда обращать тыла: каждый ратникъ лишается жизни за бѣгство. Если бѣгутъ военачальники, или даже самъ Намѣстникъ Царскій, то Хакалъ наказываетъ виновныхъ вѣсѣвъ съ ихъ дѣтьми и женами: опдаетъ ихъ другимъ, вмѣстѣ съ домомъ, скопомъ, оружіемъ престоупника, коего иногда разсѣкаютъ на-двое, и вѣшаютъ разсѣченнаго на крестѣ, иногда на деревѣ за шею; иногда же изъ милости опредѣляютъ къ конюшнѣ Царской.

»Магометанѣ въдасѣ въ Иппилъ чиновникъ Хакапскій ихъ Вѣры, именуемый *Хисме* (Chisme). Они имѣютъ въ городѣ главный храмъ съ высокою башнею, и собираются тамъ для торжественнаго Богослуженія всякую Пятницу. Въ 310 (922) году Царь узнавъ, что Магометане разорили Христіанскую церковь въ землѣ *Бабундизъ*, велѣлъ разрушить башню Магометанскаго храма и казнить проповѣдниковъ Алкорапа. . . .

»*Всѣ* Хазары и Царь ихъ суть Иудейской Вѣры: Славяне и другіе сосѣдственные народы ему повинуются. Нѣкоторые думали, что подъ Хазарами должно разумѣть Ядшудша и Мадшудша (ш. е. Гога и Магога).^а

(348) Тапищевъ, ссылаясь на *Ростовскую летопись*, полагаетъ рожденіе Святослава въ 920 году; по въ первой, въ *Ипатьев.*, *Хльбникоск.* и *Воскресенской*

означено, что сей Киязь родился въ 942: слѣдственно въ 39 Ольгина замужества? вѣрояно ли?

(349) См. *Волыскія Записки* Г. Руссова, стр. 100. Отъ пишеть, что древній Коростенъ принадлежить пниѣ помѣщикамъ Любовицкимъ, и называется селомъ Дѣдичнымъ; что въ лѣсу видно мѣсто города и ворощъ; что тамъ, гдѣ былъ Ольгинъ станъ, находилсѣ теперь деревенька Шаплицы.

(350) С. Спурлесонъ разсказываетъ (II, 61), что Гаральдъ, зпль Ярослава Великаго (см. нашей *Исторіи* Т. II), около половины XI вѣка, для взятія одного города въ Сициліи также употребилъ пищцъ, привязавъ къ нимъ смоу съ сѣроу.

(351) Сваповство кажется сомнительнымъ: Ольга было тогда уже за 50 лѣтъ.

(352) Олегъ, по извѣстію Лѣтописца, основалъ многие города. — О Вышегородѣ см. въ *Memor. popul. II*, 982.

(353) Такъ называлась и въ XV вѣкѣ одна гора близъ Пскова (см. *Псков. Лѣт.* годъ 1393). Лѣтописецъ называетъ ихъ *знаменіемъ ея*, ш. е. памятникомъ.

(354) Патриархъ, крестившій Ольгу, названъ во многихъ спискахъ Неспоровой лѣтописи Фотіемъ: его уже около 60 лѣтъ не было на свѣтѣ; могъ крестить ее Теофилактъ или Полиевктъ.

Мы слѣдуемъ Неспоровой хронологіи; однакожь замѣтимъ ея несогласіе съ Византійскими извѣстіями (см. *Kруга Chronologia der Byzantier* стр. 267 и слѣд.; также Архіеписк. Евгенія Булгара *Разысканіе о времени преставленія Ольги*).

(355) *Memor. popul. II*, 976 — 979. Выписываемъ здѣсь подробности. Ольга, вошедши во дворецъ, оспаривалась тамъ, гдѣ Логоветъ или Канцлеръ обыкновенно предлагалъ иноземнымъ посламъ вопросы. За нею стали, у балясъ, Россійскіе послы или чиновники (*Апокрипхрѣи*) и кунцы. Логоветъ ввелъ Великую Книгшю въ посольскую залу, гдѣ Императоры въ такихъ случаяхъ обыкновенно сидѣли на золотыхъ кре-

слахъ, между всѣми чиповниками Двора, изъ коихъ всякой отличался особеннымъ знакомъ. Поговоривъ съ Императоромъ, она должнаствовала ипши чрезъ разныя комнаты въ Августеонъ или кругомъ зданіе со многими крышыми переходами, и тамъ съла. Когда Императоръ возвратился изъ залы въ палату, тогда слѣдовало вшорое представленіе въ комнатахъ у Императрицы. Въ залъ Юстиніановой было возвышенное мѣсто, покрытое багрянаго цвѣта коврами: на ономъ споялъ пронъ Императора Θεοφιλα, а съ другой спорны золотыя царскія кресла; на пронъ сидѣла Императрица, на креслахъ невѣстка ея. Ольгу проводили изъ Августеона въ ближайшую горницу, и ввели въ залу, когда собрались тамъ придворныя господа. Церемоніймейстеръ именовъ Царицы предложилъ Великой Княгинѣ нѣкоторыя вопросы: послѣ чего Ольга вышла въ другую комнату, называемую *Σουλκ*. Императрица также удалилась въ свои внутреннія комнаты. Туда же отвели и Княгиню Россійскую, гдѣ Императоръ находился со всѣмъ Царскимъ семействомъ; посадивъ ее, онъ вспунилъ съ нею въ разговоръ. — Предъ обѣдомъ Княжескія особы кланялися Императрицѣ до земли: Ольга же только кивнула головою. Послы Россійскіе обѣдали въ *златой палатѣ* (*Χρυσοτριβλίω*). — Закуски были пригопвлены для Императорскаго семейства и гостыи въ обыкновенной споловой комнатѣ.

(356) Въ *полислѣ*, въ *солидѣ* или въ червонцѣ было 12 миліарезій (см. Дюканжа въ словѣ *Μιλιαρησιον*); но Византійскіе червонцы содержали въ себѣ 70 грановъ золота, а въ Голландскихъ только 57.

(357) Мы опредѣляемъ здѣсь цѣну обыкновенныхъ Миліарезій (или Миліаризій); но у Грековъ были еще двойныя, *διπλαχι μιλιαρησι* (см. сочин. Г. Круга *Münzkunde Russlands*, стр. 158). Въ такомъ случаѣ Ольга взяла 32 червонца.

Константинъ въ книгѣ *de Cer. Aul. Byz.* не говоритъ ни слова о крещеніи Ольги: молчаніе его заспавило ученаго Геснера сомнѣваться въ истинѣ сего слу-

чая. Но въ книгѣ, сочиненной *единственно* для описанія придворныхъ обрядовъ, нужно ли было говорить о крещеніи Ольгиномъ? Вопиъ слова Кедрина (писавшаго въ половинѣ XI вѣка) и Зоары: «*Ольга*, супруга Князя Россійскаго, копорый ходилъ со флотомъ прошивъ Грековъ, по смерти мужа была въ Констанцинополѣ; крестилась тамъ, оказала великое усердіе къ Вѣрѣ истинной, и съ честію возвратилась въ отечество. (Memor. popul. II, 976). — Продолжатель лѣтописи Региноновой также упоминаетъ о крещеніи Ольги въ *царствованіи Романа* — вѣролпно, сына Констанцинова. Онъ называлъ ее Королевою Ругійскою, *Еленною* (см. Ассемани *Kalend. Eccl. univ. IV. 20*).

(358) Въ древнихъ спискахъ, въ *Пушкин*. и въ *Троицк*., сказано, что Греческимъ Царемъ былъ тогда Цимискій: въ новѣйшихъ, въ *Кенигсберг*. и другихъ, сія Неспорова ошибка поправлена, и вмѣсто Цимискія поставленъ Константинъ. Ежели Ольга въ 903 году вышла замужъ и двѣнадцати лѣтъ, то въ 955 было ей уже 64 года.

(359) Нынѣ маленькая рѣчка, текущая вѣтъ города Кіева, къ Сѣверу, и впадающая въ Днѣпръ.

(360) *Βελλα χρυσῆ διολδία*. Золотая печашъ сей грамоты спонла два *солида* или червонца. Когда въ 946 году предспавляли пословъ Эмира Тарсійскаго Императорамъ, тогда многіе *крестившіеся* Россіане, вооруженные мечами, были во дворцѣ и держали въ рукахъ знамена. Въ 949 году находилось около 600 Россіанъ въ Греческомъ флотѣ, опсправленномъ къ острову Криту. Полководецъ Никифоръ Фока въ 962 и 963 году имѣлъ также Россіанъ въ войскѣ своемъ (Memor. popul. II, 973, 974, 980). Арабскій Историкъ, Ахметъ Эби-Абдаль-Вегабъ, прозванный Новайри, пишеть въ *Histoire de Sicile*, переведенной Французскимъ Профессоромъ Коссенемъ, что въ срединѣ *Шуалл* 353 (ш. е. 25 Окш. 964 году) Греки, имѣя съ собою многихъ Персовъ, Армянъ и Россіанъ, окружили въ Сициліи Али-Гассана. Сія Исторія напечатана при *Voyage en Sicile, par le Baron de Riedesel*.

(361) Названія Саркель и Бѣлая Вежа имѣютъ одинъ смыслъ: *вежа* означаетъ и шатеръ и башню городскую; а Саркель *бѣлый городъ* (Баер. Geograph. ex Const. Porph. въ Коментш. Академіи Т. IX, стр. 399). Сей городъ былъ на Дону (см. выше, примѣч. 87). Другая Новая Бѣлая Вежа находилась между Нѣжынѣмъ и Роменомъ, въ верховьѣ рѣки Оспера (см. *Большій Чертсжъ*, стр. 149 — 150, и нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 193.)

(362) О Кавказскихъ Оссахъ или Оссеппицахъ см. Гильденштепа *Reisen durch Russland*, Т. I, стр. 470. Арабскіе и Татарскіе Историки называютъ Ясовъ Аланами (см. выше, примѣч. 40). Частію горъ Кавказскихъ именовалась у насъ въ XIII и въ XIV вѣкѣ *Яскли* (см. *Воскресен. Лѣт.* II, 291). Яскій городъ Дедяковъ или Тепяковъ былъ въ Дагестанѣ (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣчаніе 147). Тамъ Яссы или Алапы сражались съ Татарами (см. Абульгази *Histoire des Tatars* 308, 309). Близъ устья Волги находился городъ Аланъ или Ясовъ (см. Рубрукъ въ Беркери. *Voyages*, 137). Думаю, что имя сего народа произошло отъ древнихъ Язиговъ, которые смѣшались съ Аланами (см. выше, примѣч. 21). Въ надписи времени Адриановыхъ, найденной въ Трансильваніи, Сарматскіе Язиги, перешедшіе около половины I вѣка въ Дацію, именно названы Ясами (см. Прая *Dissert.* VI, стр. 123).

О Казахѣ см. Баер. *Geograph. Russ. ex Const. Porph.* Коментш. Академіи Т. IX, 382 — 383, и Академика Гильденштепа *Reisen durch Russland*. I. 466.

(363) См. о Таматархѣ извѣстіе Коментш. Багринородъ въ Бандури, I, 113. Греки называли сей городъ также *Матархою* и *Метрахою*; а Нубійскій Географъ именуетъ его Метрехою (см. Гунман. *Über die Gesch. Ost. Völk.* 156). Баеръ *первый* сказалъ, что имя *Тлутороканъ* есть одно съ именемъ *Та.матархи* (см. его *Азовскую Исторію* въ *Samml. Russ. Gesch.* II, 77). Осперовъ Таманъ называется въ житіи Св. Никола *Тлутороканскимъ* (см. *Патер.* лист. 72.)

(364) Могущество Козаровъ ослабѣло отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ завоеваній Олеговыхъ и внутреннихъ междоусобій; ибо нѣкопорья племени Козарскія, по доволнныя Каганомъ, оставили свое отечество и перешли къ Уграмъ въ Паннонію (см. извѣстія Коментш. Багр. въ Бандури Т. I. стр. 108).

(365) Такъ Византійскіе Историки описываютъ причину сей войны (*Memor. popul.* II, 987). О 15 центнерахъ золота, присланныхъ къ Святославу съ Калокиромъ, о числѣ Россіянъ и проч. говоритъ Левъ Діаконъ, Византійскій Лѣтописецъ десятиаго вѣка. Онъ сказываетъ, что Болгары совсѣмъ не ожидали Святослава, и что ихъ собралось на берегу 30,000 (*ad Baron.* г. 968).

(366) Въ нынѣшнемъ Преславѣ. Византійскіе Лѣтописцы именуютъ его *Великимъ Перяславомъ* или *Перолаволизъ*, ꙗ ꙗе҃лаꙗ Перѣдлѣхъ. Въ древнѣйшія времена онъ назывался Марціанополемъ, отъ имени Марціана, сестры Траяновой.

(367) *Continuator Reginonis* годъ 959, *Annalista Hildensheimensis* въ томъ же году, Ламбертъ Ашафенбургскій въ 960. Нѣмецкіе Лѣтописцы говорятъ, будто бы Россіяне требовали отъ Императора Христіанскихъ учителей. Ламбертъ (который жилъ въ XI вѣкѣ) пишетъ, что Оптопъ дѣйствительно послалъ въ Россію Епископа Адальберта, но что сей Епископъ едва могъ спастись отъ суда бѣгствомъ, (стр. 314 въ Спрувиевомъ изданіи Нѣм. Лѣтописцевъ, *Rerum Germanicarum Scriptores*). Сей лѣтописецъ не именуетъ Ольги; но современный Продолжатель Рeginона точно говоритъ: *Legati Helenae Reginae Rigorum* (вмѣсто *Russorum*). Вѣроятно ли, чтобы Ольга, принявъ Вѣру Греческую, хотѣла имѣть духовныхъ Пастырей Римской Церкви, уже несогласной съ первою? Раздѣленіе Церквей, Западной и Восточной, произошло еще около 880 году. Адальбертъ былъ посланъ Оптопомъ не къ Русскимъ, а Ругейскимъ Славянамъ (см. Гебгарди *Gesch. des Reichs Rügen*, *Assemani Kalend.* IV, 21, и *l'Art de vérif. les Dates*,

I, 61). Ученый Ассемани думаетъ, что сіе извѣстіе въ Региновономъ Продолжателѣ надобно читать такъ: *Legati Helenae Reginae Russorum, quae sub Romano Imp. Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est; nec non legati Rugorum, ad Regem Ottone venientes, и проч.* Мнѣніе его вѣрояно, равно какъ и то, что Ламбертъ хотѣлъ написать *Legati Rugiae gentis, а не Russiae*. Ссылаются еще на Дитмара Мерзебургскаго, который именно пишетъ, что Адалбертъ былъ изгнанъ язычниками изъ Россіи (*Ditm. Chron. кн. II*); но и путь истребъ могъ поспавить *Russia* вмѣсто *Rugia*. Жители Рюгена въ 956 году давали Нѣмецкому Императору вспомогапельное войско (*Гегл. Gesch. des R. Rügen, стр. 7*). Они до самаго XII вѣка еще поклонялись идоламъ, вопреки Шлецеры (см. его *Nest. IV, 111*).

(368) То есть, родомъ изъ Любеча.

(369) *Memor. popul. II, 989*. Левъ Діаконъ (см. выше, примѣч. 365) пишетъ, что Калокиръ, имѣвъ случай подружиться съ Россіянами въ *Сиріи*, единственно съ тѣмъ намѣреніемъ и привелъ ихъ въ Болгарію, чтобы итти съ ними послѣ на Царьградъ.

(370) *Memor. popul. II, 996*. Сіи знаки были золотой вѣнецъ, повязка виссонная (*taenia byssina*) и красныя башмаки или сапоги (*Memor. popul. II, 1008*).

(371) Греки писали *Τζιμισκη*: имя прилагательное, взятое изъ языка Армянскаго; значить: *adolescensulus, юноша* (см. Дюканж. *Glossar. стр. 1570*). — Левъ сказываетъ, что и Никифоръ уже готовился къ войнѣ съ Россіянами, и что онъ, желая быть увѣреннымъ въ доброжелательствѣ Болгаровъ, обѣщалъ женишь сыновей Романовыхъ на ихъ Царевнахъ, которыхъ и были отправлены въ Царьградъ съ Греческими посланцами, Епископомъ Филоеемъ и саповникомъ Никифоромъ: см. *Memoriae populorum, II, 989*, и Льва Діакона кн. VI, который пишетъ еще слѣдующее: «Святославъ шребовалъ, чтобы Императоръ заплашилъ ему великую сумму денегъ за счастливую Болгарію; иначе грозился выгнать Грековъ изъ Евро-

пы, имъ не принадлежащей. Цимискій опвѣшпствовалъ, что Христиане любящъ миръ, но принуждены будутъ силою выгнать Россіянъ изъ Болгаріи; что вѣроломный Игорь, съ безчисленными ладіями подспунивъ къ Царюграду, ушелъ въ Босфоръ Киммерійскій только едва ли съ десятью, и послѣ, взлпый въ плѣнь *Германцами* (Древлянами), кончилъ жизнь бѣдственно: привязанный къ двумъ деревьямъ, былъ разорванъ надвое; что Святославъ также погибнетъ, и проч. «Гивный Князь Россійскій сказалъ: вѣсть нужды Императору итти сюда; сами явимся предъ Константинополемъ, и докажемъ, что мы не подлые ремесленники, а воины благородныя; не жены, не дѣти, конихъ пугающъ масками.» и проч. Далѣе: «Императоръ составилъ легионъ изъ храбрыхъ, юныхъ воиновъ и назвалъ *Безсмертными*... Онъ велѣлъ Бардѣ Склиру и Паприкію Петру оберегать границы, учить войско и посылать людей, знающихъ Русскій языкъ для развѣдыванія о непріятелѣ.» и проч.

(372) *Memor. popul. II, 989* и слѣд. Несторъ пишетъ, что города, разоренные тогда Россіянами, до его времени были пусты. Кедришъ и Зоара говорили, что у Святослава было 308,000 воиновъ; а у Барды 12,000!! Левъ Діаконъ уменьшаетъ число первыхъ до 30,000, а послѣднихъ до 10,000, сказывая, что Россіяне потеряли въ битвѣ слишкомъ 20,000, а Греки только 55! По его извѣстію, Барда раздѣлилъ свое войско на три части: съ одною шелъ прямо въ лице непріятелю, а другіе двѣ скрывъ въ лѣсу, велѣлъ имъ нечаянно ударить на его фланги.

(373) См. Льва Діакона. Съ оспальнымъ войскомъ и съ осадными орудіями шелъ назадъ полководецъ Василій. Сей Историкъ сказываетъ, что Россіяне не успѣли занять ущелій, чрезъ кои надлежало проходить Грекамъ.

(374) А послѣ онъ снялъ знаки Царскаго достоинства съ Бориса, и всю Болгарію объявилъ провинціею Имперіи.

(375) Греки называли его также Дриспрою, Диспрою и Дриспрономъ.

(376) См. Льва Діакона, кн. IX: «Сказываютъ, что они (Скионы — ш. е. Россіане), сльдуя языческимъ обрядамъ древнихъ Грековъ, совершаютъ жертвы и возліанія въ честь усопшихъ, будучи научены пому или Анахаренсомъ и Кеамольксидомъ, ихъ Философами, или товарищами Ахилла: ибо Арріанъ говоритъ въ своемъ Периплѣ, что Ахиллъ былъ Скионъ изъ рода Мирмикіона, находящагося при озерѣ Меопіевѣ; что изгнанный Скионами за необузданность, жестокость и гордость, поселился въ Тессаліи: чему яснымъ доказательствомъ служатъ покрой одежды въ заспешкою, сраженіе пышее, волосы русые, глаза голубые, дерзость, ярость, лютость, въ конхъ Агамемнонъ упрекаетъ его сими словами: *ты любишь всегда распрю, ссоры и драки*... Народъ Скионскій славится дерзостію, мужествомъ, силою,» и проч.

Воевода Святославовъ, Фенкалъ или Фгагелъ, начальствовалъ (какъ мы сказали) въ Переяславцѣ: онъ спасся отъ плуда бѣгствомъ. Вѣроятно, что симъ именемъ Греческіе Испорники называютъ Воеводу Свѣпелда, который однакожъ возвратился живъ и здоровъ въ Россію.

(377) См. Мемор. popul. II, 1004, и Льва Діакона, кн. IX.

(378) «Нѣкошорая благочестивая жена» (пишетъ Кедринъ) «подтвердила въ Константинополь исплину сего явленія. Она видѣла во снѣ Богоматерь, которая говорила: *Теодоре! мой и твой другъ Юсиль въ опасности: сплши къ нему на полонцѣ*» (Мемор. popul. II, 1006). Левъ Діаконъ описываетъ сію бипву иначе, сказывая, что Россіане 24 Іюля, въ шестой день недели, передъ закатомъ солнца вышли густою фалангою изъ крѣпости, держа въ рукахъ мешапельный копьѣ; что Анемасъ ударилъ Святослава мечемъ въ шею, и что сей Князь обязанъ былъ спасеніемъ жизни кольчугъ своей и щипцу; что Россіане, ободренные смертію Анемаса, погнали Грековъ; что Императоръ, велѣвъ ударить въ шимпаны и взявъ копьѣ, оспаноуилъ бѣгущихъ; что вихрь осльпилъ тогда Россіанъ

пылью, и Св. Теодоръ на конѣ явился, и пр. Леонъ говоритъ только объ одной бипвѣ. *Шестой* день недели, имъ означенный, неидеть къ 24 Іюля въ 971 году, ни къ 8 Іюля, когда празднуется память Теодора Стратилата.

(379) Дѣти Романовы, еще младенцы, которыхъ Цимискій называлъ соповарицами въ правленіи.

(380) Левъ Діаконъ: *Qui frumentum acceperunt, numeratos dicunt ad 22,000, qui ex 60,000 exercitus Russi interitum evasere?* Но по извѣстію Нестора онъ и въ походѣ къ Царюграду не имѣлъ болѣе 10,000.

(381) Надобно полагать, что гривна ходячей Русской монеты въ отношеніи къ серебру была тогда еще гораздо дороже, нежели въ XIII вѣкѣ (см. выше, примѣч. 475).

(382) Спирковскій пишетъ, что Князь Печеньжскій вырзалъ на сей чашѣ слова: *Пойдемъ за мужицъ, свое утратили*. Изрѣченіе хорошо; но Спирковскій не подумалъ о томъ, что варвары Печеньги не умѣли писать. И Нѣмцы и Славяне пивали изъ черепа своихъ непріятелей. Такъ Болгарскій Царь Крумъ, убивъ въ 811 году Императора Никифора, оправилъ черепъ его въ серебро, и Князья Славянскіе употребляли сію мершвую голову вмѣсто покала (Мемор. popul. II, 540).

(383) Г. Руссовъ въ *Волыскихъ Запискахъ*, стр. 100, говоритъ: «пупъ же близъ (Овруча и) рѣки Уши виднѣтъ (путешественникъ) насыпъ, кости Древлянскаго Князя Олега покрывающую.» Онъ сказываетъ также, что въ Овручѣ есть древняя церковь, построенная будшо бы Св. Владиміромъ и называемая Васильевскою.

(384) Ташицевъ написалъ отъ себя, что Рогволодъ былъ изъ *Варяжскихъ Князей пришедшихъ съ Рюрикомъ*. Но Лѣтописецъ именно говоритъ, что *самъ* Рогволодъ прибылъ изъ-за моря.

(385) См. *Троицк. Лѣт.*

(386) Отъ сего Блуда происходитъ фамилія Блудовыхъ (см. *Родословную Книгу*).

(387) *Росъ* шечеть въ Кіевской Губерніи и съ за-

падной стороны впадаетъ въ Двѣрѣ. Бѣлая Церковь и Богуславъ стоятъ на берегу сей рѣки.

(388) Ламберта Ашаффенбургскаго (анн. 975).

(389) Еще при Игорьъ стоялъ Перуцъ на семь холмъ (см. выше, и въ *Несторъ* стр. 45).

(390) Начало Польскихъ льтописей зашемениено баснями. Преданіе о Ляхъ, Кракъ, Вендъ и проч. есть не что иное, какъ сказка. Дословѣрнымъ можно считать единственно то, что Польскіе Славяне, около половины IX вѣка, бывъ до того времени ирландцемъ несогласныхъ Воеводъ своихъ, избрали себя въ Государя Пяспа или Пяспа, котораго потомки царствовали до конца XIV вѣка. — Маршицъ Галусъ и Кадлубекъ, древнѣйшіе Историки Польскіе, моложе Неспора: вторымъ цѣлымъ вѣкомъ.

(391) Длугошъ упоминаетъ о сей войнѣ единственно по извѣстію Неспорову (*Historia Polonica* кн. II, стр. 108). Маршицъ Галусъ и Кадлубекъ не знали Неспора. Длугошъ пользовался Кадлубекомъ и Неспоромъ; Кромець также; Сприковскій бралъ извѣстія свои о древней Россіи изъ Длугоша, Кромера и Герберштейна.

Отъ Червена произошло имя *Червенной Россіи*, которую иностранцы обратили въ *Красную*. Сей въ нашей Исторіи достопамятный городъ есть нынѣ простое селеніе *Черневь*, близъ Хелма, на Югъ, или деревня *Чермо*, на Югъ отъ мѣстечка Уханей, на р. Гучвѣ, ниже Тышовцовъ, близъ Комарова (въ старыхъ крѣпостяхъ сіе мѣсто называется *Чермо* или *Червоногородъ*).

(392) См. о Лашышскомъ народѣ выше, стр. 43. Польскіе Историки называютъ Япвльговъ *Jazvingi* (см. Кромера *de origine Polonorum* и проч. книг. IV, стр. 51; также Сприковскаго, кн. V, гл. 9). Сей отменно мужественный народъ былъ наконецъ испребленъ Полками, Россіянами и Литвою.

См. Стурлез. *Historiae Regum Septentrionalium* Т. I, стр. 197, и ниже, примѣч. 433. Стурлезонъ говоритъ объ *Эстландіи*; но подъ симъ именемъ разу-

мѣлась и Ливонія. См. Басра въ *Компенш. Академіи*, Т. X, стр. 379.

(393) См. *Книгу житій Святыхъ*, мѣсяца Іюля 12.

(394) Рѣка Пишана, въ Могилевской Губерніи, именуется нынѣ Пешаномъ, и впадаетъ въ рѣку Сожъ или Сожу.

(395) См. выше, стр. 46, и ниже, примѣч. 464. Воспочные Географы пишутъ, что Россіяне въ 968 году взяли и разрушили славяный городъ сего народа именемъ Болгарь (см. Эрбелопову *Bibl. Orient.* подъ словомъ *Vulgar*). Въ 967 году Святославъ восвалъ съ Дунайскими, а не Камскими Болгарами: что могло, по мнѣнію Миллера, ввести въ ошибку или Арабскихъ Географовъ, или Эрбелота, который сообщилъ намъ сіе извѣстіе.

(396) *Несторъ* (въ печати. стр. 145). Туркоманы были уже славны въ Неспорово время, овладѣвъ въ 1074 году Сирією, а въ 1082 году Іерусалимомъ, хопя и не надолго. Нынѣшніе Османскіе или Ошшоманскіе Турки были тогда еще неизвѣстны. — Наши Льтописцы называли Торковъ и Берендѣвъ Черкасами (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 192). Въ 1080 г. Торки обитали недалеко отъ Переласявля. Другіе перешли къ Россіянамъ и поселились въ Киевской Губерніи, между рѣками Спугною и Росью (въ печати. *Нест.* стр. 137). Въ 1114 году Печенѣги и Торки были изгнаны Половцами изъ окрестностей Дона (см. сей *Исторіи* Т. II, стр. 175).

(397) См. въ печати. *Несторъ* стр. 185. — Село Предславино могло быть названо именемъ Владиміровою и Рогвѣдшою дочери, о которой ниже упоминается.

(398) Нынѣ *Заславъ*, бывший Литовскій городокъ Минскаго Повѣта, или мѣстечко недалеко отъ Минска.

(399) «Придонна Болгаре Вѣры Бохмиче» (Магомепанской).

(400) Льтописецъ хочетъ сказать, что первые Киевскіе Христіане (со временъ Аскольда и Дира) были Греческаго исповѣданія, а не Каполики.

(401) Древній Льтописецъ не именуешь его ни Кон-

спанпиномъ, пи Киромъ, вопреки *Степен. Книгъ, Никои.* и другимъ новымъ льпописямъ.

(402) Въ харатейныхъ спискахъ Нестора слѣдуетъ здѣсь извлеченіе изъ Библіи, которое занимаетъ 11 листовъ. Греческій Философъ говоритъ много лишняго о Болгарахъ (см. *Воскресен. Лѣт. I, 125*). И Болгарскій Государь, именовъ Богорисъ, въ 860 году обращенъ былъ въ Христіанство, по свидѣльству Византійскихъ Льпописцевъ, карпиною Спрашнаго Суда, написанною Монахомъ Меодіемъ (Memor. popul. II, 571 — 572).

(403) Сей Патріархъ назывался Николай Хрисовертій, а не Сергій, не Фопій, какъ говорятъ повѣйшіе Льпописцы Русскіе.

(404) См. въ Бандури *Animadversiones in Const. Porph. T. II, стр. 112* и слѣд. Въ семь отрывкѣ не достаешь начала: «Князь Россійскій» (говоритъ сочинитель), «желая лучше узнать Христіанскую Вѣру, отправилъ пословъ въ Римъ. Тамъ съ великимъ любопытствомъ осматривали они украшеніе храмовъ и старались развѣдать все, что касается до священнослуженія; видѣли и Патріарха Римскаго, именуемаго Папою; приняли отъ него дальнѣйшія наставленія, возвратились въ отечество и допели обо всемъ Государю, склоняя его въ пользу Римской Вѣры. Но Бояре Княжескіе, особенно тѣ, которые подали ему совѣтъ изслѣдовать Вѣру, говорили: *Нѣтъ, Государь! надобно прежде узнать Вѣру Грековъ. Сказываютъ, что Константинополь еще знаменитѣе Рима: пошли и въ Грецію тѣхъ же людей, да изберемъ лучшую изъ двухъ Вѣръ Христіанскихъ.* Благоразумный Князь отправилъ въ Царьградъ упомянутыхъ четверехъ мужей, которые объявили тамошнему Императору, Василию Македонскому, причину своего многотруднаго путешествія. Онъ съ радостію далъ имъ въкопныхъ людей ученыхъ, чшобы показывать все любопытное въ городъ и отвѣщивать на ихъ вопросы. Россіане пришли наконецъ въ славнѣйшую и великолѣпную церковь Св. Софій, когда совершалась

въ ней торжественная служба: въ день ли Св. Іоанна Златоустаго, или Успенія Богородицы? не могу сказать на вѣрное. Послы съ любопытствомъ осматривали храмъ, и наблюдали чинъ служенія. Видя множество свѣщильниковъ, и внимая пѣнію святыхъ гимновъ, они изумились. Слушая послѣ вечерней и утренней молитвы святую литургію, Россіане хотѣли вѣдать, что такое знаменуетъ *большій и малый входъ* («*ἡ μικρὰ καὶ ἡ μεγάλη εἴσοδος*»); для чего Діаконы и Поддіаконы выходятъ изъ олтаря съ свѣщами и *рипидальми*, а Священники, Епископы и самъ Патріархъ съ Божественными Святыми Тайнами; также для чего народъ, падая ницъ, взываетъ: *Господи помилуй!* Язычники смотрѣли на сіи обряды равнодушно, хотя и со вниманіемъ. Но милосердый Богъ опровергъ имъ очю, да созерцаютъ чудо великое, и да познаютъ истину... Видѣвъ сіе удивительное явленіе, они взяли за руки своихъ вожатыхъ и сказали имъ: *все было здѣсь ужасно и величественно; но что мы теперь видѣли, пресоходитъ естество человеческое. Намъ явились топиши крылатые въ светлой, необыкновенной одеждѣ, которые, не касаясь земли, плыли въ воздухѣ* «Святъ, Святъ, Святъ! что насъ больше всего привело въ изумленіе. Вожатые отвѣщивали имъ: *Не вѣдая, можетъ быть, вѣсть таинствъ Христіанства, вы не знаете, что сами Ангелы нисходятъ съ неба и влѣсть съ нашими Священниками совершаютъ Божественную службу.* Россіане говорили: *ваши слова все видѣли собственными глазами. Отпустите насъ въ отечество, да повѣдаемъ о томъ Князю нашему...* Возвратясь въ Россію, они сказали Государю: *намъ показывали много вѣликолѣпнаго въ Римѣ; но то, что мы въ Константинополь видѣли, приводитъ умъ человеческій въ изступленіе* и проч.

Въ прибавленіи книги, изданной въ Кельнѣ (въ 1676 году) подъ заглавіемъ: *Christophori Sandii nucleus Historiae Ecclesiasticae (Христофора Сандія Ядро Церковной Исторіи)*, напечатано, (стр. 61 — 64)

письмо къ Великому Князю Владиміру отъ Іоанна Смеры, его Медика, будто бы посланнаго имъ для наблюденія Вѣрь и правовъ въ чужихъ земляхъ. Смера сказываешь, что онъ едва не погибъ въ своемъ трудномъ путешествіи; бѣдѣ въ Панноніи, Сервіи, Болгаріи, Мизіи, въ славной Имперіи Греческой, Антиохіи, Іерусалимѣ; наконецъ пріѣхалъ въ Александрію; видѣлъ шамъ многія великолѣпныя Синагоги, въ коихъ молящіяся люди подобныя аспидамъ и василискамъ; видѣлъ и церкви Христіанъ, *Богослововъ*, добрыхъ, миролюбивыхъ, подобныхъ Ангеламъ. У нихъ уже нѣтъ идоловъ — говоришь Медикъ Владиміровъ — нѣтъ въ церквахъ ничего, кромѣ столовъ и скамей. Они ежедневно собираются для молитвы передъ разсвѣтомъ, по захожденіи солнца, иногда въ трѣпемѣ или девятипомъ часу дня, и называются Новымъ Израилемъ. Ихъ ученио слѣдуютъ и нѣкоторые Цари съ своими Докторами. Я самъ принимаю оное, уже крещенный водою и Духомъ во имя Отца, Бога всемогущаго, и Сына Его, Христа, и Св. Духа, исходящаго отъ перваго. И людей, споль благоиравныхъ, утѣшаютъ въ областяхъ Имперіи. Далѣе сказано, что Греки, Императоръ, Патріархи и Вельможи его, оставляя учене Бога испиннаго, также называютъ себя Новымъ Израилемъ, порабощаютъ своихъ бѣдныхъ братьевъ, берутъ съ нихъ дань, не велиятъ имъ жениться, занимаются свободными художествами, употребляютъ оружія; хопятъ бытъ обожаемы по смерти, даютъ свои имена храмамъ, спавятъ въ оныхъ свои изображенія, чпятъ идоловъ, бьютъ въ ладоши, попаютъ ногами, поютъ въ церквахъ, и проч.; а Христіанъ, собирающихся въ мѣстахъ уединенныхъ на кладбищахъ, въ лѣсахъ, въ пещерахъ, именууютъ чародѣями... И такъ, о Царь! не должно тебѣ принимать ни Вѣры, ни правовъ Греческихъ; а если примешь ихъ, то уже никогда не увидишь меня: остануся здѣсь ждашь суда Христова. Писано желѣзными буквами на двѣнадцати доскахъ мѣдныхъ, въ л. Александріи Египетской: 5587, Фараоновъ 1179, Александра слав-

наго царствованія 5, Индикт. 1, Луны 7, Ид. 14. Такъ вѣрно доношу тебѣ Медикъ и Рипоръ пвой Иванецъ Смера Половлянншъ (а въ другомъ спискѣ сшопишь: Іоаннъ Смера Половецъ). — Сія грамота, какъ извѣщаютъ насъ, писана на языкѣ Болгарскомъ, secundum antiquam doctrinam Russicam (!!) такими буквами: *въ обидѣхъ ѿ хѣр* (слѣдственно Греческими?) и найдена въ 1567 году въ Спасскомъ монастырѣ Перемышльской области, не далеко отъ древяго Самбора. Витебскій Діаконъ, Андрей Колодицкій, перевелъ ее на Польскій языкъ, а Виссавій на Латинскій. Предположивъ ея достоверность, согласимся съ ученымъ Шпренгелемъ (см. его рукописное сочиненіе über eine dunkle Stelle in der Russischen Geschichte), что Египетскіе *Богословы* или Христіане Смерины могли бытъ раскольники *Павлисты*, названные такъ отъ имени Апостола Павла, гонимые въ Имперіи и нашедшіе убѣжище въ Египтѣ; но можемъ ли вѣрить сему письму? Не говоря о содержаніи, о слогѣ, о буквахъ, доскахъ, о языкѣ Болгарскомъ secundum antiquam doctrinam Russicam, замѣтимъ лѣтосчисленіе и подпись. Означенъ годъ 5587 отъ сотворенія міра: но какой же системо хронологической? если по Александрійской (между коюю и Греческою 6 лѣтъ разницы), то Владиміръ жилъ около половины седьмой тысячи. Что такое 1179 годъ Фараоновъ и плное лѣто Александра царствованія? Какъ Луна замѣшалась въ Индиктѣ и въ Идѣ? Иванецъ, Іоаннъ, естъ имя Христіанское, котораго бывший язычникъ Смера не могъ имѣть въ Россіи языческой. Онъ называется Половляннномъ или Половцемъ: но Половцы сдѣлались извѣстны въ Россіи уже при вѣвахъ Владиміровыхъ. — Не будемъ глупѣе глупыхъ невѣждъ, хопящихъ обманывать насъ подобными вымыслами. Авпоръ письма, знавъ о Владимірѣ изъ Дипмара, Мъховскаго, Кромера, хопятъ поборанишь Грековъ: вошь испочникъ вымысла!

(405) Песпоръ говоришь (въ печатн. стран. 79): «и спа Володимеръ въ Лимени,» то естъ гавани Херсонской или заливъ (Лимаъ); слѣдственно Россіице

пришли на судахъ. — Древнѣйшій Херсонъ запустѣлъ еще прежде Страбоновыхъ временъ: *vestusta Chersonesus* (говоритъ онъ въ VII книгѣ) *nunc diruta*. Слѣды его описаны ученымъ Палласомъ въ *Voyage entrepris dans les gouvernemens méridionaux de l'Empire de Russie*, Т. II, стр. 60 и слѣд. Сей городъ стоялъ на мысу Фапарійскомъ, гдѣ видны еще остатки башенъ и стѣнъ. — Развалины *новѣйшаго* Херсона или Корсуня, какъ называли его въ старину Русскіе, находятся верстахъ въ двухъ отъ Севастополя. Въ то время, какъ наши войска заняли Крымъ, многія стѣны были совершенно цѣлы, вмѣстѣ съ прекрасными городскими ворошами и двумя башнями; теперь онъ уже не существуютъ: изъ нихъ брали камни для построекъ домовъ въ Севастополь. Множество рѣзнаго мрамора, найденнаго въ развалинахъ, доказываетъ, что въ семь новомъ Херсонѣ господствовала роскошь. Довольно охотники вырываютъ тамъ Римскія и Византійскія монеты золотыя, серебряныя и мѣдныя. Не только городъ, но и селенія вокругъ его были окружены каменными стѣнами и башнями для защиты отъ варваровъ. — Херсонъ, вольный до Мишридаша, зависѣлъ съ того времени отъ Царей Восточныхъ и наконецъ отъ Римскихъ Императоровъ. Константинъ Великій въ 322 году освободилъ его отъ всякой дани, и Херсонъ властвовалъ въ южной Тавридѣ до самой Кафы. Судакъ и Кафа, цвѣтущіе при Генуэзцахъ, запылились блескъ сего города. Въ 1333 году онъ былъ еще столицей Архіепископа Западной Перкви; но въ 1578 году стояли уже одинъ пустой Херсонскія стѣны (см. Бишингов. *Erdbeschreibung*, Т. I, стр. 1214; также Маннерт. *Geographie der Gr. und der Röm.* Т. IV, стр. 299).

(406) См. Палласа *Voyage etc.* II, 67.

(407) Историки Византійскіе, Арабскіе и Нѣмецкіе говорятъ о бракосочетаніи Владиміра съ Анною, сестрою Императора Василія (Memor. popul. II, 25, Эрбелов. *Bibl. Orient.* III, 137, и Дитмар. *Chron.* кн. 7). Дитмаръ, современникъ Владиміровъ, ошибся

въ имени Греческой Царевны, назвавъ ее, вмѣсто Анны, Еленюю; онъ несправедливо думалъ также, что Оттонъ III хотѣлъ на ней жениться (см. Треер. *Disp. de perpetua amicitia Germanicum inter et Russicum imperium*, стр. 14).

(408) Memor. popul. II, 1009, и Эль-Мак. *Historia Saracénica* стр. 251. Бунтъ Склира и Фоки подробно описанъ Кедринюмъ (см. Русскій переводъ его л. 147).

Константиинъ Багрянородный, въ поставленіи данномъ Роману, торжественно запрещаетъ Дому своему вступать въ родственныя союзы съ Князьями Россовъ, Хазаровъ и Венгровъ (см. Константи. *de Adm. Imp.* гл. 13). Эль-Макинъ рассказываетъ, что Императоръ Василій, боясь успѣховъ мятежника Фоки, послалъ къ Россійскому Князю, бывшему врагу своему, просить у него войска; что сей Князь требовалъ за по руки Царевниной, и согласился быть Христианиномъ (*Historia Saracénica* стр. 251). Дитмаръ пишетъ, что сама Греческая Царевна уговорила его принять Вѣру Христианскую.

(409) См. харапейный *Пушкин.* списокъ.

(410) Наши Богословы думаютъ, что сіе Владимірово прозрѣніе было *духовное* (см. Платонову *Церковную Росс. Исторію* I, 27).

Въ рукописномъ харапейномъ житіи Владиміра сказано (также въ Мишелъхъ и въ другихъ мѣстахъ), что сей Князь названъ былъ въ крещеніи *Василемъ*. — Несторъ говоритъ здѣсь только о Епископѣ Херсонскомъ; но въ Херсонѣ были Митрополиты (см. Кодица *de Officiis Magnae Ecclesiae Constantinopolitanae*, стр. 339).

(411) Memor. popul. II, 1009.

(412) См. Нестора. — Сочинители *Книги житій Святыхъ*, описывая подвиги Св. Философа Константина (XI Маіа), сказываютъ, что онъ, будучи въ Херсонѣ, нашелъ мощи Климентя и *нѣкоторую часть ихъ* отвезъ въ Римъ: слѣдственно Владиміръ могъ взять *остатокъ*.

(413) Несторъ говоритъ: «двѣ *капицы* и четыре «кони мѣдныя.» Здѣсь слово *капице* не можетъ озна-

часть кумирницы или храма языческаго. Въ нашей Библии (*Исходъ*, XXIII, 24) оно употреблено въ смыслъ кумира. Въ *Никонов.* и другихъ лѣтописяхъ названы сіи *капища болванами*. — Герберштейнъ пишетъ, что Новгородцы, по взятіи Херсона, вывели ошпуда *мѣднѣя врата* и *большой колоколъ*. Западныя, рѣзныя врата Софійскаго Новгородскаго Собора дѣйствительно называются *Херсонскими*, но сдѣланы Нѣмецкими художниками, которые внизу изобразили самихъ себя въ Германской старинной одеждѣ.

Герберштейнъ выдавалъ иногда сказки за Рускія лѣтописи: такъ онъ говоритъ, что Новгородцы (*ut annales eorum referunt*) семь лѣтъ осаждали Херсонъ; что жены ихъ вышли между шѣмъ замужъ за рабовъ; что сіи рабы воспрѣли господь съ оружіемъ; по господа, оставивъ мечи и копыя, пошли на нихъ съ бичами, и шѣмъ обрали въ бѣгство своихъ бывшихъ слугъ, которые укрѣились въ одномъ мѣстѣ, названномъ послѣ *Холопиймъ городомъ* (Герберштин. *Regum Moscoviticarum Commentarii* стр. 55). Сія басня, повторенная Сприковскимъ, Виписеномъ въ его *Noord en Oost-Tartarye*, и сочинивелемъ *Ядра Росс. Петоріи*, взята изъ древней Греческой сказки о рабахъ Скиѣскихъ. Новгородцы и Пековилыне, какъ упоминаю въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (см. въ Синодальн. библ. No 349, л. 57), дѣйствительно ходили подъ Херсонъ съ Владиміромъ; правда и то, что на берегу Мологи, въ 60 верстахъ отъ устья сей рѣкы, былъ въ XIV, XV и XVI вѣкѣ *Холопій городъ*, извѣстный по его славнымъ ярмакамъ; но въ лѣтописяхъ Новгородскихъ нѣтъ ни слова о семъ мѣстѣ возмущеніи рабовъ.

(414) Въ *Синописи* Киевскомъ прибавлены слѣдующія обстоятельствова: «Старые люди разсказывають, что идолъ, влекомый Христіанами съ горы Днѣпровской, вопилъ и рыдалъ: для шого прозвали сію гору (ниже монастыря Злашверхаго Михаила) *Чортовымъ беремщисемъ*, или *тлгостію* и бѣдствіемъ сего злаго духа. Когда онъ плывъ рѣкою, суевѣрные язычники кричали: *видибий!* ш. е. *вытлывай*. Онъ дѣйствительно

но выплылъ на берегъ: и сіе мѣсто названо *Видибичи*, а послѣ *Видубичи* (гдѣ стоить нынѣ монастырь *Видубецкій*). Однакожъ Христіане утопили идола, привязавъ къ нему тяжелый камень.

(415) Въ *Синописи*, *Степени*. *Книгъ*, въ *Никонов. Лѣт.* и другихъ повѣйшихъ сказано, что сыновья Владиміровы крестились прежде народа. Въ *Синописи* прибавлено, что они были крещены не въ Днѣпрѣ и не въ Почаишѣ, а въ *истокликъ надъ Днѣпромъ*, который съ того времени прозванъ *Крещатикою*. Сей колодезь находится во рву, между двумя крупными горами. Недавно обдѣлали его камнемъ и поставили надъ нимъ столпъ, изъ коего льется вода и пещетъ мелкимъ ручьемъ въ Днѣпръ.

(416) И нынѣ существуетъ древняя Васильевская церковь въ Киевѣ близъ Десятиной; но синоптъ на ровномъ мѣстѣ, а не на холмѣ. — О Варяжск. мученикѣ см. выше. стр. 238. — Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано (см. *Воскресен. I*, 153), что *первая*, Владиміромъ построенная церковь въ Киевѣ, освященная 26 Ноября, была во имя Св. Георгія. Баронъ Герберштейнъ пишетъ, что Перунъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился монастырь *Перуискій*; что идолъ, когда Новгородцы бросили его въ воду, плывъ вверхъ по рѣкѣ, и бросивъ имъ на мостъ палицу, закричалъ: *храните се, граждани, въ память мою*; что сей голось въ нѣкоторый день ежегодно бывалъ слышимъ въ Новѣгородѣ; что жипели, поспѣшно собираясь тогда на мосту, дерутся палицами, и Градоначальникъ едва можетъ разнимать ихъ (*Reg. Moscov. Com. стр. 55*). Сію басню, которая находится и въ *Степени*. *Книгъ*, повторилъ Сприковскій, а за нимъ сочинилъ Киевскаго *Синописи*. — Изъ всѣхъ сказаній мнимаго Іоакима самое любопытнѣйшее есть о введеніи Христіанской Вѣры въ Новѣгородъ; жаль, что оно выдумка, основанная единственно на старинной пословицѣ: *Путлята крести мелемъ*, а *Добрыйя онеемъ!* «Новгородцы» (говоритъ сей Іоакимъ) «возмущаемые Тысячскимъ Уголемъ и жрецомъ Богомимомъ или

«Соловель», какъ онъ названъ по его краспорѣчию, не хощѣли креститься. Воевода Владимировъ Пушяпа, имѣя съ собою Ростовцевъ, вступилъ въ бой съ непокорными гражданами, а Добрыня велѣлъ зажечь ихъ дома.» О Пушяпѣ упоминается въ народныхъ пѣсняхъ:

*Противъ двора Пушяпина,
Противъ терема Зыбалина,
Стараго Пушяпи телмоу льсъ.*

Впрочемъ одинъ знаменитый Воевода Пушяпа жилъ гораздо послѣ Владиміра (см. ниже).

Въ житіи благовѣрнаго Князя Константина Святославича сказано, что Муромъ и въ XIII вѣкѣ былъ еще наполненъ язычниками (см. нашей *Исторіи* Т. III, примѣч. 122). Св. Аврамій крестилъ многихъ язычниковъ въ Ростовѣ уже тогда, какъ сей городъ былъ *Владимірскаго* областію (см. *Прологъ* и *Минею* Окп. 29).

(417) Система Удѣловъ была общемо въ Европѣ. Рюрикъ, не имѣвъ сыновей, раздавалъ области Боярамъ, которые назывались Князьями (см. выше, стр. 135 и 158).

(418) Въ *Патерикѣ* (см. житіе Стефана, Игум. Печер.) именно сказано, что сей городъ построень Св. Владиміромъ; но когда? Тапищевъ пишетъ: «въ 992 году.» Сего извѣстія нѣтъ въ лѣтописи.

(419) О Тмуторакани см. выше, стр. 200.

(420) Бѣлгородъ, нынѣ Бѣлогородка, есть мѣстечко Кіевской Губерніи на рѣкѣ Рупинѣ. Тамъ не осталось уже ничего древняго, кромѣ вала.

Несторъ говоритъ, что у Владиміра, еще *идолопоклонника*, было 300 наложницъ въ Бѣлгородѣ: слѣдственно Великій Князь живалъ тамъ и прежде.

Описанія здѣсь происшествія слѣдуютъ у Нестора въ такомъ порядкѣ: Владиміръ началъ строить города близъ Кіева въ 988 году; церковь Богоматери заложена въ 989, а Бѣлгородъ въ 990.

(421) См. выше, стр. 147 и прим. 321.

(422) Несторъ говоритъ: «Володимеръ же приде въ *товары* (вѣщаши), посла *бирюги* по *товаромъ*,» и проч.

Бирюгъ или *бирюгъ* есть Герольдъ или провозвѣстникъ. (423) См. выше, стр. 154. Развѣ положимъ, что новѣйшій переписчикъ сихъ договоровъ отъ себя вставилъ имя Перемыслава?

(424) См. въ печати. *Несторъ* стр. 85 и 87. Не только Иудеи, но и самыя древніе язычники давали Священникамъ десятину (см. Геродот. кн. I, стр. 65 въ Русскомъ переводѣ). Христиане, по совѣту Святыхъ Отцовъ, также слѣдовали сему обыкновенію; но Церковь *Греческая* никогда не признавала онаго *закона*. Карлъ Великій и наконецъ Соборы Западной Церкви въ IX вѣкѣ первые уставиши, что міряне *обязаны* давать монастырямъ и Духовенству десятиную часть отъ своего прибытка.

Десятинная церковь Рождества Богородицы находится въ старомъ городѣ Кіевѣ близъ церкви Андреевской. Она была разрушена во время нашествія Батыева. Остался одинъ приделъ ея. На вѣшней полуденной его стѣнѣ вѣлана каменная доска, длиною 6 аршинъ, шириною $\frac{1}{4}$ аршина, съ слѣдующею надписью, изображенною выпуклыми буквами, цѣлѣмъ сѣроваго или свинцоваго: С А О Ф М Е) Э С О; а выше: Н: О. Значенія сихъ буквъ нельзя узнать для того, что доска не цѣлая, а составлена изъ *трехъ* опломковъ, опысканныхъ въ развалинахъ старой церкви и вставленныхъ въ стѣну придела.

(425) Въ *Никон. Лѣт.* и *Степен.* *Книгѣ* сказано, что отъ Патріарха Цареградскаго прѣхалъ въ Херсонъ ко Владиміру Митрополитъ, именемъ Михаилъ, родомъ Сиринъ, который посадилъ Вѣру Христианскую въ Россіи, завелъ училища, былъ мудръ, тихъ, иногда же *сиротъ* или сиротъ; что мѣсто его въ 992 году заступилъ Грекъ Леонпій или Леонъ, посвященный также въ Константинополь, а мѣсто Леонпія Іоаннъ, претій Митрополитъ Владимірова времени. Во многихъ другихъ лѣтописяхъ названъ Михаилъ впрочемъ Митрополитомъ, а первымъ Леонъ: такъ сказано и въ мнимомъ *Владиміровомъ Уставѣ* (см. ниже, примѣч. 454), сочиненномъ около XIII вѣка. Въ

Новгород. Лѣт., напечатанной въ продолженіи *Древ. Рос. Вѣдомости*, росписъ Митрополиновъ (согласно съ Несторомъ) начинается съ Θεопемпиа: въ *Архангел. Лѣт.* также. Мы знаемъ, что въ Печерской Лаврѣ хранятся мощи Св. Михаила, *перваго Кіевского Митрополита*; по въ *Прологѣ* въспъ его житія, и въ описаніи Владимірова крещенія не упоминается (ш. е. въ *Прологѣ*) о семъ Митрополинѣ. Сочинители *Миси* взяли извѣстіе объ немъ изъ *Степенной Книги*. Мы согласимъ преданіе Церкви о Лаврскихъ мощахъ Св. Михаила съ достоверною Исторіею, ежели положимъ, что онъ былъ попомъ самый Епископъ, котораго прислалъ Фотій къ Россійскимъ Христіанамъ Аскольдова времени, и который дѣйствительно называшъ Митрополиномъ Михаиломъ въ *Корлей Книжѣ*, въ предисловіи *Патерика* и въ *Мисѣ* (Юля 15): ему-то приписываютъ чудо Евангелія, не сторгъшаго въ огнѣ (см. выше, примѣч. 280). Кіевскіе Христіане могли сохранить неслѣпныя мощи его, какъ святыню, до крещенія Владимірова. Или онъ насъ церковь въ Кляженіе Ярослава, прежде Θεопемпиа: ибо въ нѣкоторыхъ спискахъ древней лѣтописи сказано (см. *Воскресенск. I*, 185, и *Ростов. Лѣт. г. 1037*): «Великій Князь Ярославъ Митрополию успави.»

(426) Сей городъ естъ пывшій Васильковъ въ Кіевской Губерніи.

(427) *Гридияли* назывались шѣлохранители Княжескіе, а *Гридияцею* ша компанія во дворцѣ, гдѣ они собирались. Сии отборныя воины дружины Княжеской дѣйствительно назывались послѣ *Мелникали*.

Въ рукописномъ житіи Св. Владиміра прибавлено: «Въ праздники Господскіе при пранезы поставляше (Владиміръ): первую Митрополину со Епископы и со Черноризцы и съ Попы; вторую пищамъ и убогимъ; третью себѣ и Бояромъ своимъ и всѣмъ мужамъ своимъ.» — Мы написали выше, что Владиміръ велѣлъ сварить 300 *варъ* меду: въ древней лѣтописи сказано: *проваръ*, а въ новѣйшихъ «300 *берковецъ*,» или *берковцевъ*.

(428) «Взимати всяку потребу, пише и яденя, и опъ скотницъ кулаки.» *Кулаки* назывались въ спарня деньги, а *скотницю* казна.

(429) *Вира* естъ Германское Wehrgeld, употребляемое въ *Саксонскихъ законахъ* (Lex Saxon. Tit. II, Слово Академика Спирубе о началъ и перемѣнахъ законовъ Россійскихъ, стр. 10, и Юма *Англ. Исторію Т. II*, главу о законахъ Англо-Саксон.). Такъ называли Германцы денежную пеню за убійство.

(430) «Съ Болеславомъ Ляпскимъ, и съ Стефаномъ Угорскимъ и съ Андрихомъ (Удальрикомъ) Чешскимъ.» Несторъ говоритъ о помѣ въ описаніи случаевъ 996 года; но Стефанъ началъ властвовать уже въ 997 году, Болеславъ въ 999, а Ульрикъ или Удальрикъ въ 1012. Впрочемъ всѣ они были Владиміровыми современниками.

(431) См. ниже о словѣ *Влге*, примѣч. 443.

(432) По извѣстію Кедрина, Анна умерла послѣ Владиміра. Mortua Anna, говоритъ онъ, Imperatoris sorore, in Rossia, defuncto iam ante Vladimiro marito (Memor. popul. II, 1010). Но мы вѣримъ Нестору, пѣтъ болѣе, что сказаніе его согласно съ извѣстіемъ современнаго Нѣмецкаго Лѣтописца: шѣло Владиміра (какъ иментъ Дитмаръ въ концѣ VII книги) было погребено тамъ же, гдѣ стоялъ гробъ супруги его, Княжны Греческой — слѣдственно она умерла прежде.

Здѣсь открылось *Никонов. Лѣтописцу* свободное поле для вымысловъ. Желая наполнить пустоту въ древней лѣтописи, онъ сказываетъ, что въ 1000 году Володаръ, забывъ благодаренія Великаго Князя, шѣлъ осадить Кіевъ съ *Половцали* (которыхъ имя въ сіе время было еще неизвѣстно въ Россіи); что Владиміръ находился тогда въ Дунайскомъ Перелславцѣ; что богатырь его Александръ Поповичъ умертвилъ Володаря и разбилъ Половцевъ; что Владиміръ за такую храбрость надѣлъ на Поповича золотую гривну и сдѣлалъ его *Вельможею въ палатѣ своей*; что въ томъ же годѣ умеръ Рахдай *Удалой*, развалился воды и были у Владиміра послы онъ Папы, опъ Королей Богемскаго и Венгерскаго; что въ 1001 году

Александръ Поповичъ и Яль *Услошсеизъ*, убившій некогда великана Печенгжскаго, разогнали множество Печенгговъ и привели въ Кіевъ Князя ихъ Родмаша; что обрадованный Владиміръ далъ *святмий* праздникъ народу и послалъ гонимой своей (кунцевъ) въ Римъ, Герусалимъ, Египетъ, Вавилонъ, для наблюденія чужеземныхъ обычаевъ; что въ 1002 году родился Свято-славу сынъ *Яль*, шли дожди и было *теченіе* звѣздамъ и пр.

(433) *Histor. Reg. Septentr. T. I, Truggwasons Saga*, гл. 96, стр. 317. Музы Скандинавскія воспѣли сію войну и жестокія битвы ея.

Спурлезонъ (I, 197) повѣствуетъ слѣдующее: «Когда Асприда съ Олофомъ плыла на корабль въ Россію, морскіе разбойники взяли ихъ въ плѣнъ и разлучили. Сигурдъ, посланный Владиміромъ для собранія дани въ Эстляндію, нашелъ шатъ своего племянника, выкупилъ его изъ неволи и привезъ въ столицу. Черезъ нѣсколько времени юный Олофъ встрѣтился съ однимъ изъ разбойниковъ, взявшихъ на Бальтийскомъ морѣ корабль Аспридинъ, и разскажалъ ему голову шпоромъ. Желая спасти племянника, Сигурдъ отвелъ его къ супругѣ Владиміровой, *Арлогіи*, и просилъ ея защиты. Княгиня вступилась за Принца и велѣла спражъ разогнать народъ, который искалъ убійцы; а мать Олофова заплатила пеню родственникамъ убійцаго. Никто изъ чужестранныхъ Принцевъ, безъ особеннаго дозволенія отъ Правительсва, не могъ тогда жить въ Россіи: Княгиня исходатайствовала сіе позволеніе для Олофа, и спаралась довершить его воспитаніе наилучшимъ образомъ. Онъ съ великимъ прилжаніемъ учился воинскому искусству и заслужилъ милость Владиміра, давашаго ему начальство надъ своимъ пограничнымъ войскомъ; но завистливые Боляре увѣрили Князя, что сей чужеземецъ, любимый народомъ, можешъ быть опасенъ, и юный Олофъ выѣхалъ изъ Россіи.» — Далѣе Спурлезонъ (стр. 233), ссылаясь на какую-то Хронику подъ заглавіемъ *Imago Mundi*, разсказыва-

етъ, что Олофъ, «принять Вѣру Христіанскую, былъ въпорочно у Владиміра, ѣздилъ отъ него въ Грецію и привезъ къ нему отътуда ученаго мужа, именемъ Павла, который съ помощію Великой Княгини *Арлогіи* уговорилъ Владиміра и подданныхъ его креститься: что случилось въ царствованіе Императора Оттонова.» Владиміръ жилъ дѣйствительно въ одно время съ Оттономъ III. Сію повѣсть Спурлезонову можно *отчасти* согласить и съ Несторовою, ежели подъ именемъ *Павла* будемъ разумѣть того Греческаго Философа, который, по извѣстію нашего Лѣтописца, изъяснялъ Владиміру Вѣру Христіанскую.

Кардиналъ Бароній повѣствуетъ въ своихъ *Церковныхъ Лѣтописяхъ* (*Annal. Eccles. T. XI, стр. 30—31*) сказку о Римскомъ Св. Мученикѣ Бонифаціи, который буди бы въ началѣ XI вѣка крестилъ Россіянъ; но должно знать, что сей Мученикъ былъ не въ Россіи, а въ Пруссіи (см. Гаршкпox. *Alt-und Neues Preussens*, стр. 456).

(434) Ежели опікннуть слогъ *ea*, *Альдейгабургъ* можешъ значить на Готтскомъ языкѣ *старый городъ*; по вѣроятію, что сіе имя дано ему отъ Ладожскаго озера, которое называлось *Альдескъ*, *Альда* (Рудбек. *Atlantica T. I, стр. 659—660*), *Альдагенъ* (см. сей *Исторіи T. III, примѣч. 203*) и даже *Альдога* (см. *Географ. Лексик. Миллеровъ* подъ словомъ *Ладога*, и Шлец. *Nord. Gesch. стр. 501*). Рюрикъ, можешъ быть, основалъ городъ Ладогу, желая имѣть удобное сообщеніе съ едипоземцами своими чрезъ Финскій заливъ, и назвалъ ее Альдейгабургомъ, *т. е. городомъ Альдогскимъ*; бытъ можешъ, что она построена еще и ранѣе Варлами, завоевателями сѣверныхъ областей Славянскихъ, хотя лѣтописи наши и не упоминають объ ней до XII вѣка. Имя *Альдога*, отъ переставки двухъ буквъ, обратилось въ Ладогу: такъ спали въ Россіи называть сей городъ, отбросивъ окончаніе *бургъ*. Извѣстно, что проспой народъ говорилъ у насъ *Питеръ*, вмѣсто Петербурга.

(435) При Олгѣ Новгородъ плашилъ 300 гривенъ Варягамъ (см. выше, стр. 145).

(436) Обстоятельство, что монументъ Владиміровъ стоялъ среди храма, подлѣ гробницы супруги его, взявъ я изъ Дипмара, современнаго Владиміру Лѣтописца, котораго единоземцы, приходившіе съ Болеславомъ *Храбрыми* въ Кіевъ, собственными глазами видѣли сей памятникъ, разрушенный, какъ надобно думать, Татарами (см. Дипмар. Chron. въ концѣ VII книги). Митрополитъ Кіевскій (какъ называютъ), Пётръ Могилъ, въ 1636 году осматривая окрестности Десятинной церкви, разоренной Башыемъ, увидѣлъ яму; велѣлъ глубже раскопать ее, нашелъ два гроба мраморные и по надписи узналъ, что въ нихъ лежали кости Владиміра и Царевны Анны. Онъ вынулъ голову Святаго Князя и положилъ ее въ Кіевопечерской церкви, гдѣ она и теперь хранится (см. *Истор. Описаніе Кіев. Лавры*, стр. 80). Но что же Пётръ Могилъ сдѣлалъ съ гробницами? Опять зарылъ въ землю? гдѣ? Викарій пытался Митрополита Кіевского, будучи еще пинстафомъ, внести сіе извѣстіе въ описаніе Лавры *изъ тетрадки покойнаго Архидиакона Зосима*, который записывалъ въ ней разные достопамятности. Я не могъ знать ничего болѣе, кромѣ слѣдующаго: »Въ правленіе Епархіею Кіевскою Митрополита Арсенія Могилинскаго, старица Кіево-Фроловскаго монастыря, »Княгиня Нектарія Борисовна Долгорукова (супруга знаменитаго несчастливца, казненнаго въ царствованіе Анны Иоанновны), получивъ благословеніе сего Архидиаконъ, возобновила древніе остатки Десятинной церкви. Задѣлая прещину въ стѣнѣ олшаря, и копая землю, каменщики открыли двѣ мраморныя доски, подобныя той, которою покрыта Ярославова гробница въ Софійскомъ храмѣ. Тогдашній Священникъ сей церкви не сказалъ ничего Митрополиту, и любопытный памятникъ былъ опять засыпанъ землею, а слова Греческія, изображенныя на вѣшной стѣнѣ между большими, круглыми, муравленными

украшеніями, представляющими опоясаніе ветхой церкви, сбиты рабочими для бѣленія. Все сказанное слышалъ я отъ жившей тогда въ семь приходъ госпожи Хипровой, родственницы помянутой Долгоруковой — говоришь достойный Протоіерей Іоаннъ Леванда, ученый любитель нашихъ древностей, въ письмѣ къ Н. Н. Башышу-Каменскому, отвѣтствуя на мои вопросы.

Дипмаръ называетъ Десятинную церковь храмомъ Св. Климента: тамъ лежали мощи сего Папы (см. въ *Мил. Чен.* житіе Владиміра) и могъ быть придѣлъ ему посвященный.

(437) *Historia Saracenicæ*, стр. 251.

(438) Дипмаръ, согласно съ Несторомъ описывая его чрезвычайное любострастіе, говоришь, что Владиміръ богатою милосыннею хотѣлъ замазать грѣхи свои.

(439) См. *Никол. Лѣт.* Мощи Ильи Муромца извѣстнаго тамъ только по сказкамъ, хранятся въ пещерахъ Кіевскихъ.

(440) Дипмаръ (въ концѣ VII книги).

(441) Вся Ливонія, какъ мы уже говорили, плашила дань Владиміру; онъ завоевалъ землю Яшвяговъ (гдѣ нынѣ Бѣлый Спокъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ) и города Червенскіе или Галицію. Ливонцы, жившіе за Двиною, оставались еще независимы до времени Ярослава Великаго. По Игореву заключенному съ Греками трактату успіе Дибра находилось въ Россіи. Вѣроятно, что владѣнія наши простирались единственно до пороговъ: ибо Владиміръ, боясь, чтобы идолопоклонники Россіянъ не вынащали брошеннаго въ Дибръ Перуна, велѣлъ своей дружинѣ итти за нимъ только до сего мѣста. Мстиславъ, сынъ Владиміровъ, господствовалъ въ Воспорскомъ Тмутороканѣ. Съ княженія Ярослава Великаго лѣтописи наши говорятъ о частныхъ войнахъ Новгородцевъ съ соседственными Финляндцами или Емью. Если вѣрнѣе одному Руническому памятнику, то Россія уже при Владиміръ граничила въ Лапландіи съ Норвегіею (см.

сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 61). Не лзя съ точностію опредѣлить, какъ далеко въ сіе время простиралась область Мери, или Росповская, на Сѣверъ и Востокъ, но безъ сомнѣній не далѣе нынѣшней Ярославской и Коспромской Губерніи. Сполъ же не ясны древнія границы Россійскія по теченію Дона: увидимъ въ *Исторіи* XII вѣка, что Княженіе Рязанское, бывшее Удѣломъ Черниговскаго, заключало въ себѣ и часть нынѣшней Воронежской Губерніи; далѣе къ Югу скишались Азіатскія Орды: Печенѣги, Половцы.

О Хвалисахъ говоритъ Несторъ (въ печати. стр. 145): *Хвалисы и Болгаре суть отъ дочерей Лотовыхъ* (слѣдственно единоплеменники). Онъ сказываетъ (стр. 7), что въ его время можно было итти Волгою въ Болгары, *Хвалисы* и въ часть Симову, т. е. по Несторовой Космографіи въ Персію, Бактрію, Индію. — Древніе Россіане называли Хвалисами, а Греки Хоалисами (Memor. popul. III, 52, и Дегина Hist. des Huns. кн. V, стр. 589) Канглей, обитавшихъ и въ XIII вѣкѣ, по извѣстію Карпина и Рубруквиса, на сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря въ сосѣдствѣ съ Казанскими Болгарами (см. въ Бержероновомъ изданіи Voyage de Rubruquis стр. 46, 47). Сии Кангля хвалились, что они происходятъ отъ древнихъ Римлянъ; по Абульгази Ханъ причисляетъ ихъ къ Татарамъ, увѣряя, что первоначальникъ *Канглей* названъ такъ отъ *изобретенія* шелегъ (Hist. des Tatars, стр. 41 и 85) и сказывалъ, что они жили нѣкогда около Туркестана. Киннамъ упоминаетъ о *Халискахъ*, людяхъ Магомеданской (или, какъ въ другомъ мѣстѣ сказано, Иудейской) Вѣры, обитавшихъ въ Венгріи около половины XII вѣка (Memor. popul. III, 676) и, вѣроятно, пришедшихъ сюда или съ Печенѣгами, или съ Комашами. Туиманъ и Ганшпереръ считали Уральскихъ и Волжскихъ Канглей остаткомъ Печенѣговъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія въ ихъ народномъ родствѣ. — Послѣ Россіане называли Хвалисами Татаръ Каспійскихъ. Такъ сказано въ

лъпописи Келаря Аврамія (стр. 16), что Годуновъ искалъ невѣсты для сына своего въ *Татарскихъ царствахъ*, въ *Хвалисахъ*. Памятникомъ сего древняго имени остался нынѣшній городъ Сараповской Губерніи, Хвалыинскъ.

(442) См. выше, стр. 158 и 180.

(443) См. выше, стр. 255. Древній *Новгород. Лѣт.* обыкновенно пишетъ *Влге*, а не *Веге*, ибо оно въ корнѣ своемъ имѣетъ связь съ глаголами *вѣдать*, *вѣщать*. Въ старину вмѣсто *вѣщать* говорили *впгать*: см. *Новгород. Лѣт.* (стр. 66) Народныя собранія Англо-Саксоновъ именовались Witenagemot, то есть: «собраніе *знающихъ* людей,» отъ слова witan, *вѣдать* (см. въ Юмовой *Англ. Исторіи* Т. II, спашью Witenagemot). Въ Польшѣ Дворянскій судъ въ дѣлахъ вощинныхъ назывался Wiesa.

(444) См. печати. *Нестора* стр. 63.

(445) См. тамъ же, стр. 67.

(446) См. выше, стр. 158, или въ *Несторѣ* стр. 25.

(447) См. *Нестора*, стр. 186.

(448) См. тамъ же, стр. 67.

(449) Тамъ же, стр. 88, 89 и 90.

(450) См. выше, стр. 91.

(451) См. Спирнг. de jure Sveonum et Gothorum antiquo; также Jut. Lavbook въ Dissertation sur les anciens Russes, стр. 51. — Для сравненія см. выше, въ договорѣ Олег. спашью IV, V, и въ Игорев. спашью XII.

(452) См. выше, стр. 159.

(453) См. выше примѣч. 94. Саксонъ Грамматикъ увѣряетъ, что Датскій Король Фропонъ обнарудовалъ, за нѣсколько вѣковъ до введенія Христіанства въ Скандинавіи, законы воинскіе и гражданскіе (см. Маллеп. Histoire de Dannemarc, Т. I, гл. 8). Сии краткіе уставы или правила, по словамъ Далина, были вырѣзываемы на деревѣ (Gesch. des Schw. R. Т. I, стр. 151). Хотя Саксонъ не можетъ быть надежнымъ порукою испинши, и Далинъ говоритъ единственно по догадкѣ; но вѣроятно ли, чтобы древніе

Скандинавы, исписывая Рунами гробы и камни, не употребляли ихъ для начертанія законовъ, которые служатъ основаніемъ гражданскихъ обществъ?

(454) Впрочемъ подложный Уставъ Владиміровъ достоинъ замѣчанія своею древностію; онъ сочиненъ не позже XIII вѣка: ибо характерный, найденный мною въ Синодальной библіотекѣ (въ Кормчей Книгѣ, № 82), писанъ въ книженіе Димитрія Александровича Новгородскаго, слѣдственно около 1280 году. Напечатанный въ *Древней Визлвоикъ* есть испорченный и новыми умшиками дополненный списокъ. Въплъ древній:

Уставъ Св. Князя Володиміра, крестившаго Русскую землю, о церковныхъ судѣхъ.

»Въ имя Отца и Сына и Св. Духа. Се язъ Князь
»Василій, нарицаемый Володимиръ, сынъ Свянославль,
»внукъ Игоревъ и блаженный Княгини Ольги, вспрі-
»лль есмь святое крещеніе отъ Грецьскаго Царя и
»отъ *Фотіа* Патріарха Царегородьскаго; взялъ перь-
»ваго Митрополипа Леона Киеву, иже крестилъ всю
»землю Русьскую святымъ крещенемъ. Помомъ же
»лпомъ многымъ минушемъ, создахъ церковь Св.
»Богородица Десятичную, и дахъ ей десятину по
»всей земли Русьстѣй изъ Княженія въ Сборную цер-
»ковь, отъ всего Княжа суда десятиую векшу, а изъ
»поргу десятиую недѣлю; а изъ домовъ на всяко лпо
»отъ всякого спада и отъ всякого жила чудному
»Спасу и чудній его маперн. — Помомъ разверзше
»Грецьскій Номакашонъ, и обрѣпохомъ въ немъ, оже
»не подобаетъ сихъ судовъ и пязъ Князю судити,
»ни Бояромъ его, ни судьямъ, и язъ, стадавъ съ своєю
»Княгинєю съ Аппою и съ своими дѣпми, даль есмь
»пы суды церквамъ, Митрополипу и всѣмъ Писку-
»нѣямъ по Русьской земли. А по семъ не надобъ вспу-
»машися ни дѣшемъ моимъ, ни внучапомъ, ни всему
»роду моему до вѣка, ни въ люди церковные, ни во
»всѣ суды ихъ и ш. д.

Къ счастлию истины и нашему, Авторъ не знаетъ хронологіи Византійской: иначе древность слога мо-

гла бы обмашуть самыхъ знапоковъ, и мы приписали бы тогда Владиміру сочиненіе какого нибудь Монаха. — Еще одно замѣчаніе: въ семъ уставѣ сказано, что тяжбы дѣтей и братьевъ о наслѣдствѣ подсудны единствено Духовенству; но Ярославъ доказываетъ проповное: шамъ именно (въ новомъ изданіи стр. 95) написано, что ихъ судитъ Князь чрезъ своихъ Ошроковъ.

(455) Выраженіе, употребляемое въ нашей древней лѣтописи: *ставитъ стлгъ* (въ печати. *Нест.* стр. 175) значило *строиться*. — О *трубахъ воинскихъ* см. выше стр. 203. — Претичъ говоритъ Князю Печенѣжскому, что онъ пришелъ въ *сторожехъ* (см. въ печати. *Нест.* стр. 58). — Неспоръ сказываетъ, что Славяне Русскіе издревле употребляли мечи *обогоду остриге* (въ печати. стр. 15). О коньяхъ и стрѣлахъ см. въ печати. *Нест.* стр. 49 и 58. — Печенѣги напрасно осадили Кіевъ и Бѣгородъ (въ печати. *Нест.* стр. 57 и 90). — Свянославъ взялъ Козарскую Бѣлюю Вежу, Переяславецъ и другіе укрѣпленные города въ Болгаріи. Владиміръ присылалъ землю къ спѣнамъ Херсонскимъ, и подъ Кіевомъ окопался въ спанъ (см. выше, стр. 231 и 249).

(456) *Memor. popul. II, 986.* — Греки сего времени называютъ Русскіе корабли *Рускии корабли* (см. *Конст. Багрян. de Cerim. кн. II, гл. 44*). Корабль и *каравоз*; есть одно имя: Греки заимствовали его, кажется, отъ Славянъ. Оно имѣетъ связь съ глаголомъ *коробити* и *коробити*. — О легкости Русскихъ военныхъ судовъ говоритъ Лиупрандъ (*Historia etc. кн. V, гл. 6*). — Констанинъ Багрянородный пишетъ, что на семи Русскихъ корабляхъ, присланныхъ въ помощь Грекамъ, находилось 415 человекъ (*de Cerim. кн. II, гл. 44*, въ *Memor. popul. II, 972*); въ Олеговомъ флотѣ на всякомъ кораблѣ было 40 воиновъ; для каждаго паруса выходило 30 локтей (*ulnarum*) полошна (*Memor. popul. II, 974*). — О строеніи Русскихъ судовъ см. ниже.

(457) Выше, стр. 262.

(458) См. выше. Славянское имя *отрокъ*, подобно Латинскому *adolescentulus*, означало и юношу или вообще молодого человека. Обычай Князей Россійскихъ имѣть дружину многочисленную вокругъ себя есть древній Германскій, описанный Тацитомъ, (*de situ, morib. et. pop. Germaniae*, гл. XIII и XIV). Сихъ отборныхъ воиновъ Тацитъ называетъ *Comites*.

Мы различаемъ Отроковъ Княжескихъ и Болръ дружины, основываясь на лѣтописи Несторовой и законахъ Ярославовыхъ. — *Отрокъ* или *Дѣтскій* былъ знатнѣе Гридия или Мечника: ибо первому за прудъ въ пѣкошорыхъ дѣлахъ слѣдственныхъ давали полгривны награжденія, а второму только 5 *кулъ* (см. въ печати. *Рус. Правдѣ* стр. 81).

(459) По крайней мѣрѣ лѣтопись упоминаетъ только о жалованьѣ Варягамъ и Гридиямъ (см. выше).

(460) См. Констант. Багрян. въ Бандури Т. I, гл. VI, стр. 57, и Баерово изъясненіе описанныхъ Константинномъ поваровъ въ *Geograph. Russiae ex Script. Sept.* въ *Коммент. Академ.*, Т. X, стр. 410. — Олегъ привезъ плоды изъ Царяграда (см. выше).

(461) *Memor. popul. II, 982.* — См. о Лучанахъ выше. — Константинъ называетъ Вишичевъ *Витетсеѣвъ*. Ученый Баеръ, обратилъ (*Коммент. Ак. X, 408*) сіе имя въ Вишесбскъ; но городъ Вишичевъ сполнѣ на берегу Днѣпра ниже Кіева и Триполя (см. *Большой Чертежъ* стр. 145). — О Неясышскомъ порогѣ см. *Записки Г. Зуева*, стр. 254, также *Большой Чертежъ*, стр. 157, гдѣ описаны 14 пороговъ Днѣпровскихъ: Константинъ же говоритъ только о семи.

(462) *Memor. popul. II, 987.* Сіе извѣстіе кажется сомнительнымъ. Гиббонъ думаетъ, что вмѣсто *Συρία* надобно читать *Σελμία* страна Кавказская, описанная Плиніемъ, и въ XI вѣкѣ еще извѣстная подъ симъ именемъ (*Memor. popul. IV, 231*).

(463) См. печати. *Несторъ* стр. 7.

(464) *Memor. popul. II, 980* и *The oriental Geography of Ebn-Naukal*, стр. 191. Вотъ что онъ го-

воритъ о Россіи: «Влизъ Козарин, на берегахъ Апелл (Волги), естъ народъ Бертасъ; но земля сихъ людей называся вообще и Козарскою, Русскою (Rus) или Серирь... Руси три поколѣнія: одно близъ Болгарин; Царь его живеть въ городѣ *Гулабъ*, который обширнѣе столицы Болгарской. Другое поколѣніе называется *Арталлами* или *Арталми*: Царь его живеть въ *Артъ*; а третіе поколѣніе, именемъ *Дислабе*, обитаетъ выше. Но для торговли никто не ѣздитъ далѣ Болгарской столицы; никто не ѣздитъ до Арты, ибо жители убиваютъ всякаго иноземца. Арта производитъ свинецъ и омово (?) и звѣря, называемаго черною кунцею или Скносскимъ соболемъ. Русскіе жгутъ шерсть ихъ и не брѣютъ бородъ.» Сіе извѣстіе любопытно; но имена поколѣній и городовъ непонятны. См. выше, прим. 347.

(465) См. Спурлез. *Hist. Regum Sept. T. I, стр. 449*, и Торѣев. *Hist. Norvegiae, T. II, стр. 68*, о торговлѣ Новгородской. — Олегъ назвался купцемъ, ѣдущимъ изъ Новгорода въ Грецію (см. выше, или въ печати. *Несторъ* стр. 18). — О Вишечѣ см. Адам. *Hist. Eccles. стр. 19*, и Гельм. *Chron. Slav. стр. 4*. Адамъ называетъ Россію Греціею. Гельмольдъ повторяетъ его слова. — О зависимости Ливоніи или Эстляндіи отъ Владиміра см. выше, стр. 237; о тамошней ярманкѣ въ Спурл. Т. I, стр. 274; о богатствѣ Россіи въ Баер. *Geogr. Russ. ex Script. Sept. Коммент. Акад. X, 411*, и въ Гельмольд. *Chron. стр. 3*.

(466) О торговлѣ Государей Скандинавскихъ см. Спурл. *Hist. Reg. Sept. I, 618*. — Олегъ бралъ дань съ Древлянъ *черными кунцами* (въ печати. *Несторъ* стр. 19). Сіи же Древляне предложили въ дань Ольгѣ *медь* и *скоры* или шкуры (въ печати. *Несторъ* стр. 50). О Радимичахъ сказывается Несторъ (*стр. 72*), что они платяютъ дань Руси и *повозъ везуть*.

(467) Баер. *Geogr. Russ. въ Коммент. Академ.*, Т. X, стр. 406.

(468) См. выше, стр. 174.

(469) *Memor. popul. III, 986*. См. также выше,

стр. 281, о поваряхъ, которые шли изъ Греціи въ Хазарію, Печеньжскую землю и Россію. Конспаншинъ въ числѣ сихъ поваровъ именуется *πρωδια*, родъ повязокъ и поясовъ (см. Баера, въ Комменш. Акад. X, 410). Сафьяны обыкновенно употреблялись тогда на обувь (см. выше, примѣч. 370).

(470) См. Дипм. Chronis. въ Лейбниц. изданіи, стр. 426. Такъ называемый Саксонскій Лыпописецъ, Annalista Saxo, повѣствовалъ Дипмарово сказаніе о Кіевѣ, но говоритъ только о 300 церквахъ (см. Essard. Corp. Histor. medii aevi, T. I, годъ 1018). Адамъ Брем. въ Hist. Eccles. кн. II, гл. 13.

(471) Несторъ говоритъ по харашейшимъ спискамъ: «бѣ бо тогда вода текуще въ долгъ» (а не возлгъ) «горы Кіевскыя, а на Подоль не съяду луде, но на горь.» И такъ начало Подола должно относити къ XI вѣку, въ кошоромъ жилъ Несторъ: тогда Двибрь удался своимъ печеніемъ отъ горы Кіевской.

Въ Memor. popul. II, 982: Nemogarda (Новгородъ), ubi Sphendosthlabus, Ingor Russiae principis filius, habitabat.

(472) Имя *мордки* происходитъ отъ *морды* живописнаго. Въ Древнемъ Лыпописцѣ (Т. II, стр. 406), въ Никои. (V, 42), и въ другихъ именно сказано, что сіи деньги, или кушны мордки, ходили въ Новгородѣ до самаго XV вѣка. Въ Уставѣ Новгородскаго Князя Святослава Ольговича, изданномъ въ 1157 году, написано: «земель Пискуиъ за десятину» (вмѣсто десятины) «опшъ виръ и продажъ 100 гривень *повыгъ* кушъ, «иже выдаваешъ Домажиричъ» (см. харашейную *Коралгую Книгу* времени Князя Димитрія, сына Александра Невскаго, въ Синодальной библиотекѣ подъ No 82): слѣдственно Казна отъ времени до времени выпускала новую кожаную монету, п. е. съ новымъ клеймомъ. — Герберштейнъ, кошорый былъ въ Москвѣ при Василіи Ивановичѣ, въ началѣ XVI вѣка, также пишетъ, что древніе Россіяне употребляли, вмѣсто денегъ, мордки и уши бѣлокъ и другихъ живописныхъ: (Reg. Moscov. Comment. стр. 42). Гваньини, со-

временникъ Царя Іоанна Васильевича, говоритъ о цѣлыхъ шкурахъ (Reg. Moscov. Auctores varii, стр. 158). Въ Польшѣ до исхода XIII вѣка ходили деньги кожаныя. См. Мѣховск. Hist. Polon. кн. IV, гл. 4, годъ 1298). По сказанію Нейшмета, Автора Хроникъ Ливонской XVI столѣтія, монета Ливонцевъ во XII вѣкѣ состояла въ бѣлыхъ ушкахъ съ серебряными гвоздиками. — Наконецъ самое важнѣйшее свидѣтельство о нашихъ древнихъ кожаныхъ деньгахъ есть извѣстіе Монаха Рубруквиса, бывшаго въ Россіи около 1253 года: (см. въ Бержерон. Voyages, T. I, Voyage de Rubruquis, стр. 91).

Въ Двинчьемъ Александровскомъ монастырѣ, въ Владимірской Губерніи, еще недавно хранились въ бочекѣ, вмѣстѣ съ другими старинными вещами, много кожаные лоскушки, внесенныя въ опись монастырскую подъ именемъ *кожаныхъ денегъ*: я съ любопытствомъ разсмотрѣвалъ оныя. Нѣкоторыя пакой величины , другіе менше; на первыхъ изображенъ крючекъ, на вторыхъ звѣздочка. На одномъ выпечатано слово *Кудли*: такъ именована въ *Большомъ Чертежѣ* рѣка, впадающая въ Сѣверную Двину, не далеко отъ нынѣшняго Архангельска (слѣдственно въ древней Новгородской области). Указъ Петра I, 1700 года, Марта 8 (данный изъ Приказа Большой Казны) свидѣтельствуетъ, что и въ это время еще ходили кожаныя деньги въ Калугѣ и въ окрестныхъ областяхъ. Въ Воронежскомъ Цейгаузѣ хранились — думаю, хранился и нынѣ — мелкія кожаныя монеты: на одной сторонѣ оныхъ изображенъ Св. Георгій, а на другой слова *Царь* и *Великій Князь Иванъ* (см. Шерер. Nestors Jahrbücher стр. 58).

(473) Византійскія золотыя монеты, *Нолцислы* или *Солиды*, имѣли вѣсъ нашихъ золотниковъ (см. сочиненіе Г. Круга, Munzkunde Russlands, книжка I, стр. 134), кошорыхъ имя произошло отъ *золота*, п. е. отъ сихъ Греческихъ золотыхъ монетъ.

(474) См. выше, стр. 147. Шлецеръ не вѣритъ, чтобы Радимици имѣли монету; но Козары имѣли

опую, и вѣка два господствуя надъ сими краснѣ, могли ввести памѣ мешаллы въ употребленіе. Подъ древнимъ Славянскимъ именемъ *щлгга* надобно разумѣть мелкія *серебряныя* деньги: мѣдныя едва ли ходили тогда въ Россіи. Новгородцы не ранѣе XV вѣка начали употреблять Шведскіе *ортуги* (см. *Лѣтоп. Новог.* Попа Іоанна, спр. 682).—Въ XIV вѣкѣ, когда Новгородъ довольствовался еще лоскушками кожаными, въ Москвѣ уже обращались Русскія серебряныя деньги: ибо мы имѣемъ монеты Димитрія Донскаго.

(475) Въ договорѣ Смоленскаго Князя, Мстислава Давидовича, съ Нѣмецкими городами въ 1228 году сказано: «уже убьюшь волнаго челоуѣка, платиши за годову 10 гривенъ серебра, по четьре гривны купали.» т. е. полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра—«а за холопа гривна серебра. Аже кто холопа ударитъ, гривна кунъ» (см. сей трактатъ въ нашей *Исторіи* Т. III, примѣч. 207). Знаемъ еще, что въ спрашнѣный годъ 1230 году Новгородцы за четверть ржи платили *гривну серебра* или *семь гривенъ* кунами (см. въ *Продолж. Рос. Вивліов. Новгород. Лѣт.* спр. 499 и напечатан. въ Москвѣ *Лѣт. Новгород.* спр. 119). Слѣдственно гривна кунъ имѣла тогда разную цѣну въ Смоленскѣ и Новгородѣ. Вопреки Издастеламъ *Русской Правды*, гривна серебра при Ярославѣ не могла равняться только съ двумя гривнами кунъ: Ярославъ опредѣляетъ 40 гривенъ пени за убійство, а Князь Смоленскій въ 1228 году 10 гривенъ серебра: вѣроятно ли, чтобы въ XI вѣкѣ платили за жизнь вдвое болѣе серебромъ, нежели въ XIII столѣтіи, когда опъ успѣховъ шорговли надлежало размножиться драгоцѣннымъ мешаламъ въ Россіи?

(476) См. выше, прим. 82, справ. 231, 239.

(477) Въ Синодальной библиотекѣ, подъ No 14, находится драгоцѣнное харатейное Евангеліе. Въ концѣ его шую же рукою подписано: *въ лѣто 6652 написаша ся книги си 50 днѣй, и погаты псати Октября въ 1, а кончаша ся Ноябрь въ 19.* На той же спрашнѣ древности сей книги засвидѣтельствована двумя

слѣдующими подписями: *въ лѣто 7187, а отъ Рождества Христова 1679, Ноемря 28, назнаменахъ азъ смиранный Досоей, Архіепископъ и Митрополитъ Сугавскій и всея Молдавіи и Ексархъ Плагинонъ и Мѣстодержитель Севастійскаго, да отслется сіе Съ Евангеліе ни свое мѣсто на Крылось, се бо, яко ниже свидитель (свидѣтель), 6652 бѣше тогда отъ созданя, егда написаша. Уже ся минули 555 лѣтъ. Греческаго же Царства 2 лѣта Іоанна Коллима Константиноградскаго. Здѣсь, въ пицулъ Молдавскаго Архіепископа, замѣнимъ слово Плагинонъ, Ексархъ Плагинонъ: симъ именемъ означались единственно Молдавскіе и Волошскіе Епископы. Д'Анвилъ производитъ его опъ имени *Петенгоговъ*, которые некогда жили памѣ (см. *Mém. de l'Acad. des inscr.* III, 224, сшапію sur les peuples de la Dace). Не вѣрояны ли, что это взяно изъ Лашинскаго языка (*plaga, plagia*)? Вторалъ подписъ: *Въ лѣто 7083, а отъ Рождества Христова 1576 (1575) мѣсяца Іюня 12, я Гедіонъ Болобанъ Епископъ Галицкій, Львовскій и Каменица Подольскаго въ сее время нахсалъ на столъ Епископсколъ, на Крылось, и читалъ при церкви столыной сіе книги Евангеліе на престольное тетръ (опъ Греческ. тетръ, четьре), оно же свидѣтельствуется положено быти отъ лѣтъ давныхъ.*—Сіе Евангеліе Славянское, писанное въ 1144 году опъ Р. X., еопъ одно изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Для сравненія съ нынѣшнимъ печатнымъ выписываемъ слѣдующее мѣсто изъ Іоанна:*

Въ печатномъ:

»Въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ слово. Сей бѣ искони къ Богу.
»Вся шѣмъ быша, и безъ него ничшоже бысть, еже бысть.
»Въ помѣ живонъ бѣ, и живощъ бѣ свѣтъ челоуѣкомъ. И свѣтъ во пмѣ свѣщшися и пма его не обьяпъ.»

Въ харатейномъ:

»Искони бѣше слово, и слово бѣше опъ Бога и Богъ бѣше слово. Се бѣ искони опъ Бога. Все шѣмъ бы и безъ него ни что же не бы, еже бы.
»Въ помѣ живощъ бѣ, и живощъ бѣ свѣтъ челоуѣкомъ. И свѣтъ въ пмѣ свѣщшищъ, и пма его не пощиже.»

Въ харатейномъ Евангеліи 1307 году, которое хранилось въ той же Синодальной библиотекѣ подъ No 18, видимъ уже нѣкоторыя ошмѣны въ сравненіи съ Евангеліемъ XII вѣка; вмѣсто: *искони блше слово*, памъ поставлено: *искони бѣ слово — се бѣ искони у Бога (προς του Θεου)* вмѣсто: *отъ Бога — свѣтъ свѣтитя* вмѣсто *свѣтитъ* — *тма его не обгятъ*, вмѣсто *не постиже* — *да свѣдѣтельствуеть* вмѣсто *послужествуетъ* — *благодать* вмѣсто *благодѣтъ* и проч. — по еспь, сей новѣйшій списокъ гораздо ближе къ Острожскому печатному Евангелію, и доказываетъ, что еще въ XIII столѣтіи переводовъ Св. Писанія былъ исправленъ или исправляемъ. Ученые люди, собравные Констаншиномъ, Острожскимъ Княземъ, для изданія Библии, перемѣнили опять нѣкоторыя слова; вмѣсто: *искони бѣ слово*, поставили: въ *началъ (ἐν αρχῃ)* бѣ слово, и проч. Въ изданіи Славянской Библии при Царѣ Алексѣи Михайловичѣ нѣтъ почти никакихъ ошмѣнъ прошивъ Острожскаго, кромѣ прехъ или чешырехъ мѣспъ означенныхъ въ предисловіи; но Библия, напечатанная при Имп. Елисаветѣ Пепровнѣ, уже гораздо болѣе исправлена.

Не только Библия, но и другія церковныя книги въ Россіи XII вѣка были одного перевода съ нынѣшними: въ доказательство предлагаемъ слѣдующее мѣспо изъ нашей печатной Минен и харатейнаго *Стихиаря*, писаннаго въ 1153 году и хранящагося въ Синодальной библиотекѣ подъ No 15.

Служба Св. Симеону 1 Сентяб.

Въ Стихир. харатейн.

»Преподобне опче, добру обрѣше льспвицу, его же взиде на высоту, юже обрѣше
»Илвѣ колесницу огню; пѣ
»пѣ убо восхода инѣмъ не остави. Ты же и по смѣрши имашши спѣхъ свой. Небесный

Въ Милетъ печат.

»Преподобне опче, добру избрѣлъ ели льспвицу, ею же
»восшелъ еси на высоту, юже
»обрѣше Илѣ колесницу огнену: по оны убо восхода инѣмъ
»іе остави, ты же и по смерши имашши сполъ швой. Не-

»человѣце, земный Ангеле,
»свѣпнию не угасяи вселенныя,
»Симеоне преподобне, моли спашися душамъ нашимъ.»

»бесный человѣче, земный Ангеле,
»свѣпильниче неугасимый
»вселенныя, Симеоне преподобне,
»не, моли, еже спашися душамъ нашимъ.»

Довольно для знающихъ. — Сіи двѣ рукописи 1144 и 1153 году уступаютъ въ древности только двумъ *Сборникамъ* и Евангелію, находящемуся въ С. Петербург. Император. Библиотекѣ (см. Т. II, примѣч. 107). Недавно Г. Ганкешпеннъ издалъ *Разсмотрѣніе церковной Славянской рукописи*, которую онъ досталъ за рѣдкость и считаемъ памяникомъ VII вѣка (см. Recension der ältest. Urkunde der Slavisch. Kirchengeschichte etc.) Его рукопись имѣетъ всѣ признаки XIII вѣка. Она старѣе вышеупомянутаго Синодальнаго Евангелія No 18 и новѣе No 14.

Есть другой, печатный *Русскій* переводъ Библии, по крайней мѣрѣ пяти книгъ Моисеевыхъ, Царствъ, нѣкоторыхъ Пророковъ, Апостола. Книги Моисея изданы въ 1519 году, и въ заключеніи ихъ сказано: *Божіею полющію, повелѣніемъ и милостию* (старашіемъ) *ученаго мужа въ лекарскихъ наукахъ, Доктора Франциска Скоринъ съ Полоцка, у великомъ мѣста Празкомъ* (то еспь, великомъ городѣ Прагѣ). Книга Царствъ, Іудинъ, Эсфирь, Іова, Пророка Данила, печатаны такими же буквами; по въ моемъ экземплярѣ нѣтъ ни заглавнаго, ни послѣдняго листа. Апостолъ изданъ въ 1527 году въ Вильнѣ, *пращею* (шрудомъ, Польск. Prasa) и *великою милостию Доктора Франциска Скоринъ съ Полоцка*. Тутъ красными буквами напечатано извѣстіе, что Докторъ Скорина перевелъ и всю Библию, *въ дому погнѣваго мужа Якова Бабица, наистаршаго Бурмистра славнаго и великаго мѣста Вилнскаго*. Сіи книги рѣдки. Въ доказательство, что переводъ ихъ весьма несходенъ съ нашимъ древнимъ Славянскимъ, приводимъ слѣдующее мѣспо изъ Іова, гл. 10.

Переводъ Скорины:

»Тоскнися души моеѣ въ живощѣ моемъ; выпущу проливъ собѣ глаголы моя. Прореку въ горькостни души моеѣ и реку къ Богу: не погубляй мене. Сповѣждь ми, чему мя шпакъ судишь? Или ли добро сея шобъ видишь гонити мя и погубити мя, дѣло рукъ своихъ, и совѣтъ нечеснивыхъ укрупити? Или пѣлесные очи у тебе супъ, или яко видитъ человекъ, по иному жъ и шпы смопрѣши будешь? Таковы ли же супъ днѣ швой яко и людскіе, и лѣша швоѣ яко временна человекская, яко шпашешися о грѣсѣхъ моихъ, и беззаконіе мое слѣдилъ еси? Да въси, яко нечеснѣя не учинихъ; вѣствъ убо кшо изъ руки швоѣл могый испоргнуши. Руцѣ швоѣ, Господи, швориситъ мя съдаситъ мя всего окрестъ... Остави мя, молно шн ся, да шбыхъ оплакалъ мало болѣствъ моего, покн еще не пойду, опиноудже не вернуся: въ землю шемлуну и покрышю мракомъ шмертн, въ землю бѣды и шемлности, гдѣ же шо шпнѣ шмертн и неспъ ни единого ряду, шо вѣчный страхъ пребываесть.»

Въ нашей Библии:

»Труждаюся душею моею: шстена испущу на мя глаголы «моя, возлагаю горестію души моеѣ одержимъ, и реку къ Господеви: не учи мя нечеснѣя, и пошто ми шце шсудилъ еси? Или добро шн естъ, аще вознеправдую; яко шпрезрѣлъ еси дѣла руку швоѣю, совѣту же нечеснивыхъ «внялъ еси; или якоже человекъ видитъ, видиши; или якоже зрѣтъ человекъ, зриши; или житіе швоѣ человекско естъ, или лѣша швоѣ яко днѣ мужа; яко испязалъ еси беззаконіе мое и грѣхъ мой изслѣдилъ еси. Въси бо, яко не нечеснѣвахъ: но кшо естъ изнѣмая изъ руку швоѣю; руцѣ швоѣ швориситъ мя, и създаситъ мя... Ослави мене починши мало, прежде даже отъиду, опиноудже не возвращуся, въ землю шемну и мрачпу, въ землю шмы вѣчны, видѣже пѣснь швѣта, ниже видѣши живота человекского.»

Скорина, переведивъ Библию съ Латинскаго (а не съ Греческаго), писалъ языкомъ своего отечества и времени, который гораздо сходнѣе съ нынѣшнимъ Русскимъ нарѣчѣемъ, нежели языкъ древней Славянской Библии, переведенной въ Моравіи. Какимъ образомъ сей Полоцкій Докшоръ могъ печатать свою Библию въ Прагѣ, гдѣ, сколько извѣстно, никогда не было

Славянской типографіи? Ученый Богемецъ Добровскій предполагаетъ, что Скорина въ 1515 году ѣздилъ съ Королемъ Сигизмундомъ въ Вѣну, изъ Вѣны съ послами его въ Венецію, доставилъ тамъ матрицы для Славянскихъ буквъ и жилъ нѣсколько лѣтъ въ Прагѣ, когда Сигизмундъ, опекутъ молодата Людовика, участвовалъ чрезъ своихъ Министровъ въ дѣлахъ Богемскаго Королевства (см. N. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wiss. T. II въ испорич. отдѣленіи стр. 186). — Скоринина Библия не естъ древнѣйшая изъ печатныхъ Славянскихъ книгъ. Въ библиотекѣ Московской Духовной Типографіи хранится Евангеліе 1512 года, напечатанное въ Угровлахіи (Молдавіи); а въ библиотекѣ Графа Ф. А. Толскаго Часословецъ 1491 года, съ шакимъ *послѣсловіемъ*: »Доконана быствъ сіѣ книга у великомъ градѣ у Краковѣ при державѣ Великаго Короля Польскаго Казимира, и доконана быствъ шмѣщанипомъ Краковскимъ Шванполпомъ Фьоль изъ шНѣмецъ, шНѣмецкаго роду Франкъ« (ш. е. Франковъ) и скончашася по Божіемъ пароженіемъ (по Рождествѣ Христ.) ш14 сътъ, девѣшѣдѣсѣтъ и 1 лѣто« (ш. е. 1491). Въ *Працицѣ*, л. 226, упоминается о Псалмшри, напечатанной шакже въ 1491 году и шакже въ Краковѣ. Шѣдствено древнѣйшая шпипографіѣ Славянская была въ Краковѣ: кшо завелъ ее, и въ какомъ году? не знаемъ.

(478) Jordana de Origin. Slavicis, Sectio LI, стр. 118, и Коля Introd. in historiam et rem literariam Slavorum, кн. I, гл. 3. О переводахъ другихъ Славян. Библий см. Добровскаго Über den ersten Text der Böhmisch. Bibelübersetzung въ Neu. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften, T. III, стр. 240.

(479) Тамъ сказано, что сіѣ Библия переведена еще за Великаго Владиліра, ш. е. при Владимірѣ.

(480) См. въ печати. *Несторъ* стр. 20. Тутъ же говоритъ Несторъ: »Словенскъ языкъ и Русьскій шоднѣ естъ.« Въ рукописной *Степш. Книгѣ*, полученной мною отъ Болохинскаго купца Лапухина, церковныя книги наши именно названы переводомъ Кон-

спашиина и Меодія. См. и печати. *Степен. Кн. I*, стр. 85 — 86.

Доказательствомъ, что въ окрестностяхъ Эссалоники или Солуи жили Славяне-Сербы, служить известіе Константина Багрянороднаго (Мемор. рору. II, 151). И нынѣ существуетъ, близъ Эссалоники, городокъ Сервица. — Хотя, по сказанію же Константина, Сербы перешли опшуда въ нынѣшнюю землю свою; по вѣроятію, что многіе изъ нихъ оселись въ Солунской области (Мемор. рору. II, 153).

(481) См. выше стр. 75 и 259 о богатырѣ *Усларь*.
(482) См. въ печати. *Нест.* стр. 47. Въ Короспелѣ горьки, по словамъ Нестора, кѣши, *вежи* и проч. Вежами назывались и шапры и *башни*.

(483) Несторъ говоритъ, что Кіевскій народъ *подрубилъ сѣки* подъ свѣтымъ Варяжскимъ Мученикомъ и сыномъ его (въ печати. стр. 72), и что пѣло умершаго Владимира *спустили изъ дому по веревкамъ* (въ печати. *Нест.* стр. 93): заключаю, что сѣи дома были высокіе, и что сѣи находились въ верхнемъ жилищѣ. — Погреба или выходы, гдѣ спояля медъ, назывались *медушальи* (см. въ печати. *Нест.* стр. 91). — Для того, чтобы спустить внизъ пѣло Владимира, разобрали *помость между двумя кѣшьями* (въ печати. *Несторъ* стр. 93). ш. е. полъ въ сѣняхъ. — О голубницахъ и одринахъ см. въ печати. *Несторъ* стр. 51.

(484) См. Нестора (въ печати. стр. 67).

(485) См. выше, стр. 217.

(486) См. печати. *Нест.* стр. 73.

(487) См. выше, стр. 238 и 264.

Конецъ Приписаний I Тома.

I Т О М А.

Посвященіе	Стран.
Предисловіе	V.
Объ источникахъ Рос. Исторіи	IX.
	XXV.

Г Л А В А I.

О НАРОДАХЪ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХЪ
ВЪ РОССІИ. О СЛАВЯНАХЪ ВООБЩЕ.

Древнія свѣдѣнія Грековъ о Россіи. Путешествіе Аргонавтовъ. Тавры и Киммеріане. Гипербореи. Поселенцы Греческіе. Ольвія, Пащикапей, Фанагорія, Танаисъ, Херсонъ. Скифы и другіе народы. Темный слухъ о земляхъ полуночныхъ. Описание Скиѣи. Рѣки извѣстныя Грекамъ. Нравы Скиеовъ: ихъ паденіе. Мишридашъ, Геты, Сарматы, Алане, Готы, Венеды, Гунны, Анпы, Угры и Болгары. Славяне: ихъ подвиги. Авары, Турки, Огоры. Разселеніе Славянъ. Паденіе Аваровъ. Болгарія. Дальнѣйшая судьба народовъ Славянскихъ 1

Г Л А В А II.

О СЛАВЯНАХЪ и ДРУГИХЪ НАРОДАХЪ,
СОСТАВИВШИХЪ ГОСУДАРСТВО РОССІЙ-
СКОЕ.

Происхожденіе Славянъ Россійскихъ. Поляне. Радимичи и Влшичи. Древляне. Дульбы и Бужане. Лушичи и Тивирцы. Хорваты, Сѣверяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новгородскіе. Кіевъ. Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ,

Стран.

Любечъ, Черниговъ. Финскіе или Чудскіе народы въ Россіи. Лапышскіе народы. Междоусобіе Славянъ Россійскихъ. Господство и гибель Обровъ. Козары. Варяги. Русь 33

ГЛАВА III.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ и ПРАВСТВЕННОМЪ ХАРАКТЕРЪ СЛАВЯНЪ ДРЕВНИХЪ.

Природное сложеніе и свойства Славянъ: храбрость, хищность, жестокость, добродушіе, гостепріимство. Брачное целомудріе. Жены и дѣти. Нравы Славянъ Россійскихъ въ особенности. Жилища. Скоповодство и земледѣліе. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисленіе. Имена мѣсяцевъ. Правленіе. Вѣра. Языкъ и грамота . . . 61

ГЛАВА IV.

РЮРИКЪ, СИНЕУСЪ и ТРУВОРЪ.

Призваніе Князей Варяжскихъ въ Россію. Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ. Основаніе Монархіи. Аскольдъ и Диръ. Первое нападеніе Россіянъ на Имперію. Начало Христіанства въ Кіевъ. Смерть Рюрика 130
Г. 862 — 879.

ГЛАВА V.

ОЛЕГЪ ПРАВИТЕЛЬ.

Завоеванія Олеговы. Нашествіе Угровъ. Супружество Игоря. Россіяне служатъ въ Греціи. Олегъ идетъ на Царьградъ. Миръ съ Греками. Договоръ съ Имперією. Кончина Олега . . . 142
Г. 879 — 912.

ГЛАВА VI.
КНЯЗЬ ИГОРЬ.

Стран.

Бунтъ Древлянъ. Явленіе Печенѣговъ. Нападеніе Игоря на Грецію. Договоръ съ Греками. Убіеніе Игоря 167
Г. 912 — 945.

ГЛАВА VII.

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ.

Правленіе Ольги. Хищная мечь. Мудрость Ольги. Крещеніе. Россіяне въ Сициліи. Характеръ и подвиги Святослава. Взятіе Бѣлой Вежи. Завоеваніе Болгаріи. Нашествіе Печенѣговъ. Кончина Ольги. Посольство въ Германію. Первые Удѣлы въ Россіи. Вторичное завоеваніе Болгаріи. Война съ Цимискіемъ. Договоръ съ Греками. Наружность Свято슬авова. Кончина его . 185
Г. 945 — 972.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

Междоусобіе Князей, Ярополка и Олега. Первые дѣляны Владиміровы. Бракъ Владиміровъ. Брашноубійство. Послы Россійскіе въ Германіи . 227
Г. 972 — 980.

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ВАСИЛЕМЪ.

Хищность Владиміра. Усердіе къ идолопоклонству. Желюбіе. Завоеваніе Галиціи. Первые Хри-

спіанскіе мученики въ Кіевъ. Бунтъ Радимичей. Камская Болгарія. Торки. Опчяліе Гориславы. Суиружество Владиміра и крещеніе Россіи. Раздѣленіе Государства. Спроеніе городовъ. Война съ Хорватсами и Печенѣгами. Церковь Десятинная. Набѣгъ Печенѣговъ. Пирь Владиміровы. Милосердіе. Осада Бѣлагограда. Бунтъ Ярослава. Кончина Владимірова. Свойства его. Сказки народныя. Богатыри . . . 234

Г. 980 — 1014.

ГЛАВА X.

О СОСТОЯНІИ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Предѣлы. Правленіе. Законы гражданскіе. Военское искусство. Флоты. Чинопачаліе и внутреннее образованіе войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояніе городовъ. Деньги. Успѣхи разума. Механическія и Свободныя художества. Нравы 272

СОРАН

